

ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛИЗМА

2010
№4

ЖУРНАЛ НАУЧНОЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Главный редактор
Константин Крылов

Научный редактор
Сергей Сергеев

Шеф-редактор
Надежда Шалимова

Ответственный секретарь
Наталья Холмогорова

Исполнительный директор
Владимир Тор

Художник
Дмитрий Бикашов

Редакционный совет
А.Ю. Ашкеров, К.С. Бенедиктов, О.Б. Неменский, М.В. Ремизов,
П.В. Святенков, А.Н. Севастьянов, С.Н. Семанов, В.Д. Соловей,
И.Р. Шафаревич

СОДЕРЖАНИЕ

Новое «дело историков»: предварительные итоги.....	3
ТЕМА НОМЕРА. ФЕДЕРАЛИЗМ И РЕГИОНАЛИЗМ	
Павел Святенков	
«Все против русских»	13
Александр Храмов	
Российская Федерация как наследие Ленина–Сталина	18
Александр Вдовин	
Унитаризм против федерализма	39
Виктор Ковалев	
Федерализм «до востребования»	55
МИРОВОЙ ОПЫТ	
Олег Неменский	
Европейские нации и кризис системы международных отношений	77
Пьер Илляр	
Меньшинства и «регионализмы» в «Европе регионов»	86
Александр Барсуков	
Фламандский национализм: сущность и эволюция	92
Константин Пузырев	
Корсиканский сепаратизм: национал-регионализм против «государственной унификации»	99
Александр Гегальчий	
«Карпатская Русь»: мифы и реальность.....	113
ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ	
Сергей Беляков	
«Новые варяги»?.....	120
НАЦИОНАЛИЗМ И ДЕМОКРАТИЯ	
Александр Горянин	
Своими путями. Статья третья.....	132
ШТУДИИ	
Игорь Васильев	
«Шагай, нацмен»	151
ПОЛЕМИКА	
Алексей Паршин	
О книге В.Д. Соловья «Кровь и почва русской истории».....	157
Даниил Коцюбинский	
Русский народ глазами русских националистов.....	161
PRO PATRIA	
Олег Кильдюшов	
Неправильная страна неправильных людей, или Русофобия как бегство от реальности	176
РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД КНИГОЙ	
Александр Севастьянов	187
ЗАМЕТКИ АНГАЖИРОВАННОГО ИСТОРИКА	
Сергей Сергеев	223
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ	
Е.Галкина, Е. Колиненко	
Блуждающие звезды: нация и идентичность	230
Авторы номера.....	238
Summary	240

НОВОЕ «ДЕЛО ИСТОРИКОВ»: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ

Валерий Соловей

доктор исторических наук, профессор
МГИМО (У) МИД РФ

Существо тех претензий, которые предъявлены Александру Вдовину и Александру Барсенкову, заключается вовсе не в отдельных исторических неточностях. Тем более что они написали огромное и вполне позитивистское по духу учебное пособие. В нем под тысячу страниц, на каждой из которых приведено несколько десятков цифр и фактов. Ничего удивительного, если в Монблан фактов вкралось несколько сомнительных или ошибочных. Характерно, что даже наиболее яростные критики этой книги, изучавшие ее буквально под микроскопом, смогли обнаружить не более десятка таких исторических «блох». Почему же блохи оказались раздуты до размеров слона?

Ответ кристально прозрачен. При всей осторожности авторов они все же не смогли скрыть своего патриотического настроения и написали патриотический учебник. А с точки зрения их критиков, любовь к русскому народу и России является непростительной крамолой, заслуживающей самого тяжелого наказания. Оно и не замедлило себя ждать. Причем наказание носит намеренно демонстративный характер, дабы впредь другим неповадно было писать о русском народе и русской истории с любовью. Это — публичная порка, намеренное и сознательное унижение русской исторической науки, плевок в лицо всем патриотам России. *Русским отказывают в праве иметь позитивный взгляд на собственную историю и в праве вообще писать ее.*

Однако, к удивлению авторов гнусной травли, русские интеллектуалы, да и просто порядочные люди посмели встать на защиту оболганных и оскорбленных, на защиту русской истории. И эта скромная защита чести и достоинства была, поверьте мне, воспринята с каким-то паническим ужасом в лагере клеветников и доносчиков. Они вдруг увидели, что *существует какая-никакая русская солидарность, что мы готовы и можем помочь другу другу.*

Нам, русским историкам и русским интеллектуалам, не стоит занимать оборонительную позицию. Мы должны заявить три очевидные вещи.

Первое: поскольку публичное оскорбление было нанесено всему историческому сообществу под прикрытием репутации и авторитета Общественной палаты, то мы должны потребовать от Общественной же палаты публичных извинений.

Второе: мы должны потребовать, чтобы на российское телевидение был категорически закрыт доступ людям, нарушающим фундаментальный демократический принцип — принцип свободы слова. Я имею в виду господина Сванидзе.

И третье: мы можем призвать всех ученых и интеллектуалов не участвовать в передачах, которые он проводит. Вопрос не в том, будут выполнены наши требования или же нет. Мы понимаем, что это маловероятно. Однако любая публичная манифестация русских интересов и русской солидарности — это громадный шаг вперед для всей России.

Дмитрий Володихин

кандидат исторических наук,
доцент МГУ

Профессора исторического факультета Московского государственного университета Вдовин и Барсенков оказались под ударом из-за двух характерных особенностей их учебника. Во-первых, это учебник, что называется, «розоватый», т.е. написанный с симпатией к социализму в целом и его советскому варианту в частности. В чем-то авторы явно перебрали, в чем-то они правы, но в любом случае содержание учебного пособия (а не учебника) позволяет определенную общественную направленность мысли. И спорить об этой направленности стоит в условиях научной дискуссии, а не политической травли. Во-вторых, уважаемые специалисты затронули национальный вопрос, и именно из-за этого, по большей части, на них посыпались обвинения в сделанных ошибках, неточностях, искажении фактов и т.п. Создается впечатление, что если бы Вдовин и Барсенков не заходили на поле национального вопроса, то ни одна живая душа не попыталась бы нападать на них. Им требовалось промолчать о неудобных вещах. Они не пожелали этого сделать, и слава Богу.

Национальный вопрос влиял и на развитие государственности в России в советский период, и на решение важнейших социальных и экономических проблем. Не имеет смысла закрывать на это глаза, как не имеет смысла оставлять за скобками исторических дискуссий вопрос о судьбах русского народа, который не сливался с общесоветским единством, а представлял собой определенный исторический субъект на протяжении всего существования СССР. Вдовин и Барсенков в своем учебнике показали это, показали, что проблемы на национальной почве существовали на протяжении всего советского периода, так или иначе влияли на уровень жизни, на возмож-

ности карьеры, на расстановку высших управленческих кадров. *На мой взгляд, стоит поддержать опыт Вдовина и Барсенкова, потому что они высказались честно и профессионально. Этот опыт достоин не того, чтобы судить за него, а того, чтобы его применять в других вузовских учебниках.* Полагаю, что в вузовские программы по истории XX века отдельным параграфом должны войти национальные проблемы — как в СССР, так и в современной России. Отечественная историческая наука, в частности исторический факультет МГУ, должны быть благодарны Вдовину и Барсенкову за то, что те с умеренно государственных позиций, на основе глубокого профессионализма подняли сложный вопрос.

А что касается господина Сванидзе, то он пытается навязать науке свои идеологические позиции и с помощью своей идеологии оскотить научное знание, отрезать то, что ему кажется лишним. На мой взгляд, его нападки индицируют гораздо более серьезную проблему. Радикальные политические круги пытаются получить власть над академическим сообществом и, для начала, диктовать свою волю историкам МГУ. История двух авторов учебного пособия — всего лишь пробный камень. Впоследствии эта практика — вырезать из учебников «неполиткорректные» цифры и факты, требовать от ученых неукоснительного равенения на очередную идеологию, согласовывать их труд с политической модой «текущего момента», то есть, в сущности, «думать строем», — может быть распространена на любой вуз страны, на любой академический институт, на любую редакцию научного издания. А «Тряпичкиных» из газет и телестудий посадят в кресла цензоров и, если понадобится, инквизиторов. Но вот тормознулось это «благое» начинание, и следовательно, русское национальное движение приобрело свой удачный опыт борьбы с идеологическими кам-

паниями подобного рода. Надо полагать, эти знания еще неоднократно понадобятся в будущем.

Егор Холмогоров

главный редактор сайта
«Русский обозреватель»

Новое «дело историков» ставит ребром вопрос о праве на историографию с точки зрения русского народа как определенного этнического образования.

Дело в том, что не случайно из многих изданий, к которым можно было бы придаться, был выбран именно учебник Вдовина. Почему именно работы этого историка, автора, кстати, такой еще, весьма заинтересовавшей меня книги — «Русские в XX веке», оказались на острие? Почему не другие авторы, их десятки, которые тоже занимают позицию, которая Сванидзе и его компании не очень приятна?

Дело в том, что историографическая позиция Вдовина — это именно позиция рассмотрения истории XX века с точки зрения состояния и интересов русских как этнической общности. То, как он раскрывает эти интересы, мне, скажем, не всегда близко; те конкретные факты, которые он приводит, у меня часто вызывают массу вопросов, причем в том числе и те факты, которым я симпатизирую. Например, он приводит в этом учебном пособии тему влияния на церковную политику Сталина деятельности митрополита гор Ливанских Илии Карама. Мне эта тема очень нравится, но при всем при этом я прекрасно отдаю себе отчет в том, что пока что у этой истории все-таки статус исторического мифа, который нуждается в дополнительном фактологическом подтверждении или опровержении.

Тем не менее основной смысл этого весьма интересного и весьма ярко написанного издания не в трансляции каких-то мифов, а в общей историо-

графической позиции. Это позиция *рассмотрения истории государства российского в XX веке как истории русского народа в связи с этим государством и в связи с другими народами, населяющими Россию*. И частные придирки являются попыткой запретить именно сам тот подход, чтобы никто даже близко не пробовал писать в таком ключе.

Настолько показательная, настолько яркая, настолько очевидная интеллектуальная порка — это попытка перекрыть именно это направление.

Да, в национальном сознании должны быть зоны умолчания, определенные зоны вне дискуссии, но, топчась и плюя в зону умолчания русского народа, защищать при этом зоны умолчания других народов — это не только аморально, это не только подло, не только неспортивно, дело не только в этом. А еще и в том, что перед нами попытка спровоцировать русский народ, то самое большинство, которое гораздо более рефлексивно, гораздо более интеллектуально и гораздо более чутко, чем кажется тем, кто считает его «быдлом», *попросту перестать поддерживать факт существования российской государственности*.

Скажем, в упомянутой мною книге профессора Вдовина подробно обсуждается политическая позиция довольно известная, хотя я с ней активно полемизирую, — это теория «русской республики», которая нужна в составе России для того, чтобы представлять интересы этого народа. Мне эта позиция кажется политически не близкой, но тем не менее. «Хорошо, — говорят ее сторонники, — дайте нам русскую республику, и мы там будем распоряжаться, у нас там будет свое туземное правосудие».

Я сторонник того, чтобы все-таки вся единая Россия была государством, образованным русским народом и выражающим интересы русского народа. Но если устроенное Сванидзе беснование продолжится, то события

могут начать развиваться дальше, то есть люди зададут закономерный вопрос: «Если русскому профессору под страхом мучительной смерти в чеченской тюрьме запрещено обсуждать даже в исторической сфере проблематику судьбы русского народа и каких-то его интересов, то зачем нам нужно это государство?». И мне представляется, что Сванидзе и его соратники в качестве своей предельной цели преследуют не торжество пусть даже либеральных идей в русской государственности, а именно демонтаж самой этой государственности и провоцирование национального большинства на то, чтобы оно само своими руками от этой государственности отказалось. Мне это представляется очень тревожным симптомом, очень большой системной опасностью для нашего общества.

Борис Борисов публицист

На протяжении последнего полугодия русское общество дважды подряд столкнулось с новым для себя, неожиданным и пока не осмысленным полностью феноменом — феноменом *туземного правосудия*.

Первым таким событием стало изъятие из продажи по решению Заводского районного суда г. Грозный 58-го тома энциклопедии «Терра», содержание статьи о чеченцах в которой не понравилось некоторым чеченским интеллектуалам. Поскольку энциклопедические статьи простые люди читают редко, а большинство — вообще никогда, то речь шла именно о том, что нормальный интеллектуальный спор и историческая дискуссия были заменены судебным иском, и научная истина была установлена не в ходе дискуссии профессоров, а в ходе дискуссии прокурора с адвокатом.

Туземное правосудие скушало энциклопедистов с хрустом и видимым

удовольствием, еще более приятным оттого, что от властей вышестоящих никаких сигналов, кроме пожелания туземцам «приятного аппетита», не последовало. Энциклопедия вскоре была изъята по всей стране, чего у нас не происходило, пожалуй, уже полвека, с 1956 года, когда из библиотек массово изымали труды Сталина.

Общество на это событие отреагировало вяло, разделившись на тех, кто считал это эпизодом, и тех, кто считал это началом весьма опасной тенденции торжества туземного правосудия над наукой. Правы оказались вторые.

Размявшись на энциклопедистах, туземное правосудие совершенно не успокоилось и село за уютный, покрытый саваном Закона столик, приготовив острый ножичек и вилку — с явным намерением вскоре скушать что-нибудь еще, столь же аппетитное.

Случай вскоре представился. Туземное правосудие оказалось крайне удобным механизмом для сведения счетов с неудобными мыслями (для начала) и с их носителями (в итоге). Трудями пламенного обличителя советского прошлого, матерого антисоветчика Николая Карловича Сванидзе было выявлено и поднесено прямо к столику туземных адвокатов новое лакомое блюдо — книга историков МГУ «История России. 1917—2009».

Последнее событие, похоже, несколько стряхнуло паутину с нашей сонной академической общественности, голос которой в защиту профессоров прозвучал куда более ясно и отчетливо, чем в первом упомянутом эпизоде, — что уже стало для «обличителей темного прошлого» некоторым сюрпризом и вызвало легкую истерику в строю Карловичей. Господину Сванидзе в ответ пришлось сформулировать нечто в исторической науке ранее совершенно немыслимое, равняющее Николая Карловича Сванидзе с папой Римским: догму о непогрешимости его, господина Сванидзе, в исторических вопросах, которой он доверительно

поделился с корреспондентом «Комсомолки».

Заявление это, впрочем, не вызвало у историков ничего, кроме сдавленного хохота. Но боюсь, скоро станет не до смеха: идея решать вопросы инакомыслия кардинально, в духе папской инквизиции у сванидзеобразных уже вполне созрела — и даже понятно, какие механизмы, вроде визитов «чеченских юристов», будут задействованы в приведении данной науки к общему либеральному стандарту. Хотелось бы ошибиться, но большая часть выступлений профессуры отличалась какой-то излишней деликатностью по отношению к самому феномену туземного правосудия и его праву решать вопросы научной истины. Дело же, наверное, состоит не в том, правильно ли туземное правосудие решило тот или иной вопрос истории или ошиблось. Дело состоит в том, что никакое правосудие не способно адекватно решать научные вопросы вообще, в силу непреодолимых особенностей самого устройства правосудия, не предполагающего юридически двойких выводов, что совершенно обычно для выводов научных, особенно выводов по поводу исторических событий, где любое событие может быть обрисовано как минимум с двух противоположных точек зрения, причем ни одна из них не является «ложной» в юридическом смысле этого слова. А уж тем более таким свойством — свойством устанавливать научные истины — не обладает правосудие туземное, всюю использующее такие аргументы, как «воля чеченского народа», и корпоративную солидарность, восходящую к традиционным родоплеменным отношениям, не милующим и представителей судебного корпуса.

История в своей подавляющей части состоит из борьбы народов, и изъятие из научного оборота фактов этой борьбы народов — часто весьма неприятных и даже кровавых — есть не что иное, как уничтожение самого предмета исторического исследова-

ния, а вовсе не «выводов», как может показаться вначале. *Уничтожаются не «выводы». Уничтожается сама история как наука, ее предмет и основание.*

Вопрос этот архиважный, и не решив его, мы будем наталкиваться на него завтра не реже чем раз в полгода. Сегодня мы защищаем от «чеченских адвокатов» историков, завтра мы будем защищать журналистов, которые заступились за этих историков, а послезавтра — любого, кто повесит портрет Сталина в День Советской Армии, так как это «оскорбляет пострадавшие репрессированные народы».

Туземное правосудие следует законодательно ограничить уже сейчас, так как если оно войдет во вкус, расширится и расцветет всеми своими цветами, единственной мерой против него станет «топор народной войны». Это, разумеется, не самая приятная перспектива, и мыслящему классу стоит подумать в направлении, как не допустить развития событий по такому печальному сценарию.

Сегодня туземное правосудие уже решает академические вопросы, вопросы научной и исторической истины, но это только разминка. Получив карт-бланш на решение вопросов идеологии, родоплеменное правосудие быстро поймет, что куда как прибыльнее решать вопросы собственности. Олигархам при этом ничего не грозит — они грозненскому суду не по зубам. Это угроза нам с вами — угроза в прямом, непосредственном смысле. Если можно изъять энциклопедию — то почему бы, используя те же правовые механизмы, не изъять ваше предприятие, вашу землю, ваше жилье.

Почему бы, вместо того чтобы дискутировать с Крыловым или Холмогоровым, просто не отобрать у них их средства массовой информации? Это куда как эффективней дискуссии.

В конечном итоге *речь должна идти о том, чтобы юрисдикцию туземных судов ограничить таким обра-*

зом, чтобы казус Барсенкова/Вдовина стал невозможен в принципе — и это возможно сделать, не вступая в прямое противоречие с корпусом действующего законодательства. Если мы не сделаем этого, не поймем, что это та вещь, которой следует добиваться во что бы то ни стало, то вскоре массово столкнемся с фактами, когда инструментами туземного правосудия вовсю начнут регулировать такие сферы нашей материальной и духовной жизни, само вмешательство в которые мы по странной причине сегодня считаем совершенно невозможными.

Все возможно. Сегодня «чеченские адвокаты» переписывают энциклопедии, завтра — если их не остановить уже сейчас — они возьмутся за содержание ваших личных дневников, школьную программу и содержание выпусков новостей.

Мы должны думать об этом, предлагать решения вопросов. Эти усилия не бесполезны. Люди, которые никогда не общались с высокопоставленными фигурами, облеченными государственной властью, часто думают, что у последних есть некая стройная картина мира, некая теория и некие представления о том, как поступать в каждом конкретном случае. Смею вас заверить, что ничего этого нет, и многие читатели могут лучше меня рассказать — насколько всего этого нет. Зачастую неадекватная реакция власти, Президента, Госдумы — а чаще полное отсутствие какой-либо реакции на неожиданные события — заключается в том, что никто из мыслящего класса так и не озаботился построением какого-либо стройного, продуманного, логичного ответа на вопросы текущей политической повестки дня. Когда такие ответы существуют, когда они устойчиво находятся в научном и общественно-политическом обороте, вероятность обращения власть имеющих от спонтанных реакций к системно прописанным мерам возрастает многократно.

Что касается *системы мер по огра-*

ничению юрисдикции туземных судов, то на самом деле такой прецедент уже создан — и одобрен на высшем государственном уровне. Это идея, которую продвигал Бастрыкин (следственный комитет) и поддержал Медведев — причем последний советовался с Зорькиным, и Зорькин (Конституционный суд) не возражал. Это идея о переносе суда по процессам против террористов с территорий повышенной террористической опасности в более спокойные регионы. Таким образом, *в юридическую теорию и практику уже введена такая группа понятий, как «субъект федерации повышенной террористической опасности», и признано, что там могут существовать существенные изъятия из юрисдикции местного туземного суда.* Эти регионы довольно точно совпадают с районами страны с недоразложившимся родоплеменным строем.

С этим фактически, на деле, согласились и законодательная, и исполнительная власти, и Конституционный суд. Налицо довольно полный консенсус относительно самого правового принципа изъятий из юрисдикции.

Вопрос состоит в том, чтобы усилиями общественных деятелей и юристов выступить с законопроектом, существенно ограничивающим юрисдикцию туземных судов по тем вопросам, которыми им явно, явно не стоит заниматься, вроде содержания энциклопедий, выступлений прессы, личных дневников и научных трудов. Это будет тот дамоклов меч, который будет висеть над инструментом «туземного правосудия», показывая перспективу, которая неизбежна, если оно, отстаивая свою родоплеменную правду, решится зайти за определенные, неприемлемые для свободного русского общества границы.

Сегодня это граница никак не обозначена. Наша задача эту границу обозначить на местности, задача политиков — ввести саму идею в политический и общественный оборот.

Потому что перед тем как защищать рубежи, где-то надо поставить погра-

ничный столб. Стоп, туземное правосудие. Граница. «Дальше — стреляют».

Елена Галкина

доктор исторических наук,
профессор МПГУ

Что, собственно, произошло в результате борьбы с учебным пособием профессоров главного университета страны, которую Сванидзе и чеченские адвокаты вели в духе классических кампаний против «врагов народа», приправленных современным российским колоритом?

Произошло следующее: наш главный вуз показал, что он не способен себя проявить как корпорация, не в силах защитить своих профессоров от кампании травли, а университетскую науку — от тоталитарной цензуры, ибо борьба с неклеветнической диффамацией, во имя какой бы нации, культуры, социальной группы она ни проводилась, тоталитарна по своей сути и катастрофична для науки.

Произошло это потому, что в последние годы в России был проведен ряд реформ, которые фактически устранили автономию университетов, введенную еще Александром I в 1804 г. и во многом обусловившую расцвет российской науки, общественной мысли и культуры XIX в. Покушения на автономию университетов в Российской империи приводили к общественным протестам, с одной стороны, и снижению качества образования — с другой. Даже в Советском Союзе власть осознавала, что наука может развиваться только при условии, когда «университеты ничем не обязаны правительству, наоборот, правительство всем обязано университетам». В тех сферах, где содержание профессионального образования и исследований подвергалось цензуре, страна начинала отставать. Примеры известны: от генетики до экономики и других общественных наук.

Год назад был принят закон об осо-

бом статусе Санкт-Петербургского и Московского университетов. Основная суть этого особого статуса в том, что ректоры этих университетов назначаются лично президентом. И не надо думать, что остальные вузы сохранили возможность демократического избрания ректоров силами сотрудников университетов. Кандидатуры ректоров перед избранием проходят утверждение в Министерстве образования и науки, потом еще раз проходят утверждение в министерстве, то есть выстраивается такая знакомая вертикаль. Кстати, выстраивается вертикаль и внутри вузов, благодаря типовым уставам, которые в апреле 2009 г. были представлены Минобрнауки. Если раньше декан избирался непосредственно на факультете, то теперь определение порядка избрания стало прерогативой ученого совета вуза, как правило, полностью подконтрольного ректору. Декан, как и ректор, сейчас становится просто менеджером, который зависит от вышестоящего начальства и больше ни от кого.

И в свете всех этих реформ становится совершенно понятным, почему декан исторического факультета Московского университета был вынужден вести себя так, как он себя повел.

Я считаю, таким образом была нарушена одна из базовых свобод науки и образования — право на автономию вуза. И для того чтобы не допускать подобных прецедентов, для того чтобы голос общественности и вузовской общественности звучал гораздо громче, нужно ставить вопрос о возвращении этой самой автономии, на данный момент практически утерянной.

Сергей Сергеев

кандидат исторических наук, научный редактор журнала
«Вопросы национализма»

Общественная реакция на «дело Вдовина» не может не радовать. Практиче-

ски впервые мы видим согласованное выступление по конкретному вопросу русских патриотов всех направлений (национал-демократов, монархистов, сталинистов, «кремлистов»...), самых различных русских общественных организаций (от Союза писателей России до Русского общественного движения) и интернет-СМИ («Русский обозреватель», АПН, «Regnum»...). Такой опыт не должен быть утерян в будущем, напротив, он должен стать отправной точкой для продолжения сотрудничества разных крыльев русской патриотики на некоей постоянной основе.

Это не значит, что мы должны забыть принципиальные идейные и политические разногласия (это невозможно, да и не нужно), а значит, что есть определенная повестка дня, которая может нас объединить: *защита русских патриотов (вне зависимости от «оттенка»), преследуемых за то, что они русские патриоты.* Я думаю, все прекрасно понимают, что колокол, который звучит сегодня по Вдовину, звучит по всем нам, и он может прозвучать не только по Крылову, но и по Холмогорову, и даже по Данилину. Сегодня любой русский патриот, желающий честно писать и говорить то, что он думает, может стать объектом гонений со стороны агрессивных нерусских этнических корпораций. Характерно, что в «деле Вдовина», как и раньше в «деле издательства «Терра»», трогательно объединились две, в принципе, не слишком-то друг другу комплиментарные этнокорпорации — еврейская и чеченская.

Разумеется, этнические корпорации не включают в себя поголовно этносы, с которыми они связаны, и далеко не всегда являются полномочными представителями последних. Но несомненно и то, что *они формируются именно по этническому принципу* и чаще всего претендуют на указанное представительство. Пора им наконец противопоставить организованную и сплоченную русскую корпорацию.

Как историк, не могу не заметить, что борьба нерусских этнокорпораций с русской культурной и политической элитой — отнюдь не новость дня. Эту борьбу мы видим в нашей истории с XVIII в. «Дело Вольнского» и «дело Самарина», академические скандалы вокруг Ломоносова и Менделеева, репрессии против крестьянских поэтов и профессоров-историков в 1920–1930-х гг. — везде мы видим в качестве зачинщиков представителей тех или иных инородных кланов.

Но почему так происходит? Почему русские в собственной стране находятся в положении стигматизированного большинства? Где же наше государство?

Ответ на эти вопросы неприятен, но очевиден.

Российское государство, начиная со второй половины XVII в., осуществляло важнейшие, стратегические внутривнутриполитические решения, активно опираясь на те или иные нерусские этнокорпорации, которые становились опорой власти, порой даже важнейшим ее структурным элементом, в значительной степени оттесняя от управления страной собственно русскую элиту. Они использовались российской властью именно из-за их инородности основной массе населения России — великороссам. С их помощью власть проводила в жизнь те свои действия, которые заведомо не могли быть популярны среди русского большинства. Опираясь на них, она сохраняет свой авторитарный, неподконтрольный обществу характер. В свою очередь этнокорпорации получали обширные привилегии. Малороссы на рубеже XVII–XVIII вв., немцы в XVIII — первой половине XIX в., евреи в 1917–1937 и в 1990-х гг. — каждый раз новая конфигурация, но суть — одна и та же. Сегодня особые отношения складываются у Кремля с чеченцами.

Привилегированный статус избранных нерусских этнокорпораций и антидемократизм российской вла-

сти — вещи напрямую взаимосвязанные и порожденные одной и той же причиной: отсутствием в России русского национального/демократического государства. Естественно, что обе эти силы жизненно заинтересованы в том, чтобы оно так и не появилось. Итоговый вывод для русских: «Спасение утопающих — дело рук самих утопающих»...

Константин Крылов

главный редактор журнала
«Вопросы национализма»

Было сказано много слов по поводу того, что Вдовин и сам не защищается, и его никто не защищает. Во-первых, это не так. Я, помимо всего прочего, еще и профессиональный правозащитник, президент Русского Общественного Движения (РОД). И мы занимаемся как раз такого рода делами. В том числе и «делом Вдовина–Барсенкова».

Впрочем, подробнее я об этом скажу чуть позже, а пока мне хотелось бы ответить на второе прозвучавшее обвинение — а именно на то, что эта ситуация оказалась для нас совершеннейшей неожиданностью и к ней никто не был готов.

Это тоже неверно, и здесь я опять вынужден сослаться на себя и своих друзей и соратников по русскому движению. Ухудшающееся положение со свободой слова в России вообще и нападки на академические свободы в частности — это тренд, начало которого мы отследили еще около года назад. В частности, имели место нападки на издательства, публикующие классических немецких авторов, философов и правоведов из числа «правых», вроде Шмидта и Юнгера.

Тогда это, впрочем, была разведка, и даже не боем — так, прощупывание ситуации. Мы, однако, среагировали. 19 мая 2009 года был проведен круглый стол на тему «Россия сегодня: наступление на свободу мысли». Провел его

клуб «Русский Интерес», объединяющий национально настроенных интеллектуалов. По итогам было принято обращение «Остановить наступление на гражданские свободы!», подписанное в основном членами клуба, а также рядом общественных деятелей. Кстати, то обращение оказалось действенным — от издательств отстали.

Я рассказываю об этом не ради пошлой и неуместной в нашей ситуации риторики в стиле «вот я же говорил, что так будет». Потому что сейчас мы столкнулись с угрозой, по-настоящему серьезной. Мы все должны понять: *абсолютно никто из людей, которые что-то пишут или публично говорят, не застрахован от визита чеченского адвоката*. Но наше интеллектуальное сообщество до сих пор не осознало, что оно может стать предметом такой атаки. Профессора Вдовина просто взяли на испуг, потому что ученый, профессор, интеллектуально, безусловно, очень смелый, просто не ожидал, что к нему придет некто с холодными глазами и скажет: *«Мы тебя посадим в чеченскую тюрьму»*. Любой человек с академическим складом ума в такой ситуации теряется.

А нужно ему было сказать всего-то одно: *«Я с вами не буду разговаривать без своего адвоката»*. Но адвоката у Вдовина в тот момент не было.

Так что нужно было сделать? Собственно говоря, знать, что есть люди, которые этим занимаются. Так вот, если что, дорогие коллеги, произнесите именно эту фразу (*«я не буду говорить без своего адвоката»*), а дальше посмотрите, хотя бы в Интернете, реквизиты Русского Общественного Движения, а у кого есть мои данные, соответственно обращайтесь ко мне, и адвокат у вас будет.

Нужно понимать, что наши противники на самом деле не ожидали того, что им дадут укорот. Они думали, что академики, профессора и прочие ученые — люди, так сказать, мягонькие, они утрутся. Так вот, я должен ска-

зять, что *вся эта публика, которая стремится выглядеть сильной, на самом деле не любит и опасается даже малейшего сопротивления*. Чем больше будет шум, чем больше будет сопротивление, тем меньше у них будет шансов нас запугать и взять «на слабо».

Эти люди далеко не всесильны, что бы они про себя ни говорили. Так, Вдовина взяли не только на испуг, но еще и «на понт». На самом деле у них не было никакого юридического права засадить его в чеченский зиндан. Любой адвокат бы объяснил, что визит в Грозный под конвоем на самом деле ему не грозит. Это была ложь, фальсификация. Ему грозили неприятные вещи, но не это.

Наших противников, которых Сергей Сергеев обозначил как *этнические корпорации*, лучше называть *этническими группами давления*. Слово «этнический» к ним не более применимо, например, чем слово «люберецкий» ко всем жителям города Люберцы. На са-

мом деле, когда говорят, что на нас наехали чеченцы или евреи, это не значит — весь чеченский или еврейский народ. Это группа жуликов, очень наглых, любящих выставлять напоказ свое этническое происхождение, но никого они на самом деле не представляют. Их нужно рассматривать именно как группу давления, в основном самозваную.

Скорее всего, ситуация *вот с этим* учебным пособием отобьется. Я почти уверен, что она отобьется. Но она не должна остаться безнаказанной. Вопрос, например, о Сванидзе и его, я бы сказал, недопустимо высоком статусе в нашем обществе действительно должен быть поднят и больше не опускаться. Достаточно, по крайней мере, лишения определенных статусов, потому что *господин Сванидзе действительно непропорционально представлен в нашем обществе*. Его как-то одного слишком много, понимаете?

Фонд Поддержки и Развития Гражданского Общества «РОД» представляет

ВЫШЛА ИЗ ПЕЧАТИ
Елена Семенова
НА ЭТНИЧЕСКОЙ ВОЙНЕ

Елена Семенова — русская писательница, поэтесса, историк, редактор информационного портала «Русский Архипелаг» (<http://www.rys-arhipelag.ucoz.ru>). Ее новая книга посвящена свежим, незалеченным ранам русского народа — трагической судьбе русских на постсоветском пространстве.

«...Вдруг выяснилось, что никакого советского братства не было и нет, а “братские народы” все это время копили в себе зерна шовинизма, удобренные некогда большевиками, и ненависть к “оккупантам”, причем понимая под таковыми не столько Советский Союз, сколько Россию, не столько коммунистов, сколько русских. Платой за иллюзии “братства” стала русская кровь, хлынувшая на окраинах гибнущей державы...»

Судьба русских в Средней Азии, Закавказье, Молдавии, на Украине; равнодушие «родины-мачехи» к русским беженцам и переселенцам; национальная политика современной Российской Федерации — эти и другие «горячие» темы ярко обрисованы в новой книге Елены Семеновой.

143 страницы, тираж 500 экз.

Книгу Елены Семеновой «На этнической войне» вы можете приобрести в интернет-магазине «Традиция» (www.traditciya.ru), заказы по электронной почте: orders@traditciya.ru

ПАВЕЛ СВЯТЕНКОВ

«ВСЕ ПРОТИВ РУССКИХ»

Как правило, гражданин современного демократического государства плохо понимает, для чего нужна федерация и чем она отличается от унитарного государства. Действительно, Россия, согласно Конституции, считается государством федеративным. При этом главы субъектов федерации, губернаторы, наделяются полномочиями по представлению Президента РФ, фактически назначаются. Наша соседка Украина — государство унитарное. Но и там главы регионов (председатели областных администраций) назначаются президентом. В чем тогда разница между двумя типами государственного устройства, спрашивает обыватель?

Между тем ответ существует. Издавна считалось, что республиканское устройство не может быть присуще крупному государству. Республика на большой территории неизбежно должна была вылиться в деспотию под влиянием внутренних беспорядков. Подобного мнения придерживался, например, Шарль Луи Монтескьё. Лучшие умы Запада были заняты поиском лекарства от этого бедствия. Как создать крупную республику, при этом сохранив ее государственное устройство? Для решения проблемы и был придуман концепт федерации.

Создателями первой федерации в современном смысле были американцы. Обоснование федеративного устройства Соединенных Штатов содержится в знаменитом трактате «Федералист», авторы которого — Александр Гамильтон, Джон Джей и Джеймс Мэдисон сконструировали политическую систему США в том виде, в каком мы ее знаем.

В десятом выпуске «Федералиста» «Публий» (коллективный псевдоним авторов) писал: «Чистая демократия, под каковой я разумею общество, состоящее из небольшого числа граждан, собирающихся купно и осуществляющих правление лично, не имеет средств против бедствий, чинимых крамолой». Под крамолой они понимали давление на общество, которое оказывают «группы особых интересов», злоупотребляющие свободой и пытающиеся добиться своего даже вопреки воле большинства граждан. В качестве лекарства «Публий» предлагал республику, отличающуюся от чистой демократии тем, что «правление в республике передается небольшому числу граждан, которых остальные избирают своими полномочными представителями», а также «в большем числе граждан и большем пространстве, на которые республика простирает свое правление».

«Публий» надеялся, что «в деле обуздания крамолы крупная республика обладает перед малой теми же преимуществами, какие республика имеет перед демократией, и то же самое следует сказать о союзе штатов по отношению к отдельным штатам, в него входящим».

Иначе говоря, федерация сравнима с кораблем, а деспотия — с водой. Как известно, корабль строится таким образом, чтобы при затоплении части отсеков он остался на плаву. Для этого обеспечивается возможность перекрыть затопленные отсеки. Предполагается, что моряки укроются в не пострадавшей части корабля и доберутся до ближайшего порта.

Точно так же федерация — это большая республика, состоящая из

множества отсеков-штатов. Все вместе они должны сохранять республиканский строй на своей территории, делая учреждение деспотии маловероятным.

Если перевести эту метафору на более формальный язык, получится, что федерация — это двухуровневая республика, где «большая республика» федерального уровня следит за входящими в ее состав малыми республиками-субъектами, а они за ней, и все это в целях сохранения республиканского строя.

Разумеется, подобная схема — лишь часть общей концепции разделения властей, в соответствии с которой власть должна быть поделена на законодательную, исполнительную и судебную ветви, уравнивающие друг друга.

В современной Америке федерализм означает, что все штаты — республики, но их правовые системы могут различаться между собой. То, что запрещено в одном штате, может быть разрешено в другом. Например — степень свободного владения оружием (право на него даровано Конституцией) разнится от штата к штату. Где-то разрешены гей-браки (но в большинстве штатов — запрещены). В штатах Орегон и Висконсин разрешена эвтаназия. В других же за нее можно получить огромный тюремный срок.

Сегодня исчезло представление о том, что республиканский строй — удел только небольших территорий. Эта точка зрения была верна для Античности и Средневековья, когда республики обычно были небольшими городами-государствами вроде Афин или Венеции. И пример Рима, завоевавшего огромную территорию, тут также не показателен, ибо республика существовала только в самом Вечном городе, на территории же провинций правили проконсулы, обладавшие неограниченными полномочиями. Не говоря уже о том, что в процессе своего территориального расширения Рим был вынужден перейти от республики

к принципату, то есть полумонархической военной диктатуре, а затем и просто к монархии.

Однако развитие рыночной экономики, средств связи и коммуникаций в современном мире привело к тому, что республиканский государственный строй может сохраняться на обширной территории без использования федеративных схем. Федерация стала не нужна и сохраняется скорее как традиция, чем как реальный предохранитель от деспотического правления. В самом деле, федерацией считается, например, Индия. Но при этом правительства индийских штатов могут быть в любой момент отправлены в отставку Центром, а законодательные собрания — распущены. Больше того, у индийских штатов (кроме Кашмира) нет даже собственных Конституций. Что, понятное дело, исключает представление о них как об отдельных от Центра «малых республиках» (что это за республика, если у нее нет Основного закона?).

Поэтому подлинных федераций, понимаемых именно как союз малых республик в рамках одной большой республики, в мире раз-два и обчелся. По сути, к их числу принадлежат только Соединенные Штаты и Швейцария, с их развитыми федеративными традициями. Ни Бразилия, ни Мексика, ни Нигерия, ни Индия, ни даже Германия федерациями в полном смысле не являются. Нельзя назвать федерацией в том смысле, о котором мы говорили, и Россию.

Но все же в мире есть и еще одна форма государственного устройства, которая условно может быть названа федеративной. Федерациями часто именуются государства, состоящие из нескольких этнических субъектов. Например, распад на этнические субъекты — Фландрию и Валлонию (и примкнувший к ним Брюссель) — переживает Бельгия. Пусть никого не смущает, кстати, что Бельгия (и другие упомянутые ниже государства) фор-

мально не республика. В современной парламентской системе король — не более чем наследственный президент, конституционные монархии Европы совсем не похожи на своих собратьев из Средних веков или Нового времени. Ведь современная конституционная монархия точно так же придерживается принципа разделения властей, а ее правительство формируется на основании большинства в парламенте. Иначе говоря, хотя институт монархии и сохраняется, в реальной политической жизни господствуют принципы, которые американские отцы-основатели называли бы республиканскими.

Аналогичный процесс переживает Испания (формально являющаяся не федерацией, а специфическим «государством автономий», сформированных зачастую по этническому признаку). Проблемы существуют и у Канады, где многие годы требует отделения провинция Квебек, населенная в основном франкоканадцами.

По сути дела, в данном случае федерализация основывается не на вышеприведенном принципе сохранения республиканского устройства, а на попытках национального строительства в рамках уже сложившихся государств, власти которых вынуждены идти на уступки требующим прав этническим группам и создавать под них «федеративные» субъекты. Понятное дело, подобные «федерации» являются всего лишь временным компромиссом между входящими в них этносами, вот-вот готовыми разбежаться по национальным квартирам и создать собственные национальные государства. Замедляет этот процесс лишь то обстоятельство, что правящие круги западных стран боятся «большого передела» и связанных с ним этнических конфликтов и потому всячески тормозят процесс распада Бельгии, Канады и Испании.

Но есть и еще один вид федерализма, который долгие годы практиковался в нашей стране. Это *федерализм, направленный против основного этно-*

са государства, преследующий целью максимально его ослабить. Таков федерализм советского образца. Как мы помним, Советский Союз был федерацией этнических республик, которые лишь на словах, в михалковском гимне «сплотила навеки Великая Русь». Если базовая версия федерализма, придуманная на Западе, преследовала целью максимально обезопасить государство от деспотизма, то федерализм советского типа имел целью максимально обезопасить государство от лишенных прав русских, поставив их под двойной контроль — Коммунистической партии и этнических меньшинств.

С этой целью единый до революции русский народ, состоявший из трех ветвей — великороссов, малороссов и белорусов — был поделен на три части, каждой из которых полагалась отдельная республика — РСФСР, УССР, БССР соответственно. При этом на Украине, например, с подачи коммунистов активно проводилась украинизация — русских пытались заставить забыть свои корни.

В получившейся советской федерации господствовала формула «*все против русских*». Все союзные республики, кроме РСФСР, обладали своими компартиями, своими Центральными комитетами и воспринимались как национальные очаги своих этносов. Лишь Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика не имела собственной компартии и была «республикой русских» чисто формально, поскольку гигантская территория России была поделена между огромным количеством разного уровня этнических (но всегда нерусских) автономных республик, автономных областей и автономных округов. В РСФСР насчитывалось 16 автономных республик, 5 автономных областей и 10 автономных округов. Итого — 31 регион, представлявший интересы тех или иных этносов, зачастую крайне малочисленных. Ведь не секрет, что многие регионы, имевшие статус национальных авто-

номий, имели русское большинство. Их существование было обусловлено лишь необходимостью ослабить русских в масштабах РСФСР.

Русским предлагалось довольствоваться представлением, что ЦК КПСС есть одновременно и общероссийский ЦК. Однако в условиях СССР, когда именно Компартия и ее отделения в республиках и обладала реальной властью, это вело к тому, что в Центре, в ЦК КПСС господствовали этнические группировки — украинская, грузинская и т.п. Иначе говоря, Центр представлял не интересы русских, а «многонациональных народов». На местах же (за исключением России) господствовали представители местных этносов. *Так осуществлялся двойной контроль над русскими — со стороны многонационального Центра и со стороны этнических республик.*

Руководство же РСФСР рассматривалось как дублер союзного и не имело реальной власти. Редкий гражданин РСФСР мог назвать фамилию председателя Президиума Верховного Совета или председателя Совета министров РСФСР, которые формально руководили огромной республикой. Зато каждый украинец, конечно, знал фамилию первого секретаря украинского ЦК — фактического руководителя республики.

Не удивительно, что с падением авторитета КПСС в период перестройки СССР мгновенно перешел от советского типа федерализма к описанному нами «бельгийскому». Иначе говоря, этнические субъекты советской федерации, союзные республики, громко потребовали независимости. И она им была дана. СССР прекратил существование.

Но в наследовавшей Советскому Союзу Российской Федерации понимание федерализма по формуле «все против русских» сохранилось. Впервые, Россия является асимметричной федерацией. Иначе говоря, такой федерацией, в которой субъекты име-

ют разные права. Если мы обратимся к началу данной статьи, мы увидим, что подобная федерация является нонсенсом, ибо не могут республики (в рамках союза республик) иметь разные права. Это нарушает республиканский принцип.

Но главное в другом. Руководители этнических субъектов Российской Федерации, таких как Татария, Башкирия, Чечня и многие другие, воспринимаются как лидеры своих народов, имеющие право говорить от их имени на федеральном уровне. При этом у русских этнического субъекта нет, им предлагается считать представителями своих интересов руководителей федерального уровня власти. Однако официальная идеология России говорит о том, что Российская Федерация — государство 170 народов. Центр опять, как и в Советском Союзе, выступает от имени «многонационального народа». Русские — лишь один из них, не обладающий никакими особыми правами, в отличие от народов этнических субъектов РФ, которые имеют право на свою национальную территорию. *Двойной контроль за русскими со стороны «многонационального Центра» и этнических субъектов сохраняется.*

В результате *советский вариант федерации, унаследованный Россией, следует рассматривать как специфический строй, препятствующий созданию русского национального демократического государства.* Именно оно воспринимается в рамках такой федерации как главный враг, занимая место «деспотизма» в построениях американских отцов-основателей.

Правда, надо отдать российским властям должное — они упразднили часть автономных округов, которые получили статус субъектов федерации в 90-е годы, таким образом несколько ослабив роль этнических образований внутри России и усилив позиции русских. Впрочем, сделано это было только в отношении субъектов, пред-

ставлявших интересы малочисленных народов Севера, которые при определенной конъюнктуре могли претендовать на содержащиеся в их недрах огромные природные богатства.

С точки зрения построения русского национального государства для нас приемлем только вариант федерации, разработанный американскими отцами-основателями. *Россия может быть подлинной федерацией лишь при условии, что входящие в нее субъекты (республики, земли) будут иметь равные права.* Не должно быть так, чтобы этнические республики имели больше прав, чем населенные русскими регионы (последние позиционируются не как русские, а как многонациональные, пример — столица Москва).

Равноправие субъектов — первое условие. Второе — повсеместный республиканский строй. Ведь некоторые республики в составе России превратились в этнические сатрапии, где в 90-е годы забыли даже о тени свободных выборов и разделения властей. Всё решали пожизненные «всенародно избранные» «бабаи».

При соблюдении указанных правил можно согласиться даже с этническим характером этих субъектов федерации. Если «земля Татарская» будет иметь те же права, что и Рязанская земля, если в Казани путем демократических выборов можно будет избрать русского мэра (а в перспективе — главу правительства или президента), если русские будут иметь равные права с татарами на занятие должностей в государственном аппарате, то можно и нужно учесть законные требования татарского народа на свой язык, культуру, выказать уважение к его религии. Это же относится и к прочим национальным регионам России. Речь идет не о поражении их народов в правах, но о равноправии граждан Российской Федерации, которого в данный момент нет.

И только тогда, когда равноправие субъектов федерации и равноправие граждан будет достигнуто, можно будет говорить о том, что советский вариант федерализма, единственной целью которого являлось сдерживание и поражение в правах русских, остался в прошлом.

АЛЕКСАНДР ХРАМОВ

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ КАК НАСЛЕДИЕ ЛЕНИНА–СТАЛИНА

Асимметричная страна

В повседневной жизни мы называем свою страну Россией, но официальное ее название — Российская Федерация, что гораздо точнее обозначает суть ее государственности. Мы живем в федеративном государстве, в основу которого положена целая система определенных принципов. Мы смирились с ними, привыкли к ним и потому редко над ними задумываемся, хотя на самом деле эти принципы отнюдь не самоочевидны и на фоне федеративной практики других стран выглядят весьма своеобразно.

Во-первых, Российская Федерация асимметрична. Несмотря на то что в Конституции РФ, принятой в 1993 г., зафиксировано равноправие субъектов федерации, в ней же они наделяются разным правовым статусом: статусом области, национального округа, республики. Республики отнесены к рангу государств в составе РФ (ст. 5, ч. 2 Конституции РФ), они обладают собственной конституцией, могут устанавливать собственные государственные языки и пр. Области всего этого лишены: они не признаются государствами, вместо конституции имеют устав, который, в отличие от конституции, принимается законодательным собранием региона, а не путем всенародного референдума. На первый взгляд эти отличия не представляются существенными, но тем не менее они имеют системное значение для государства в целом. При всей «незначительности» отличий между статусом республики и статусом области никто никогда не пойдет на то, чтобы,

например, преобразовать Республику Татарстан в Казанскую область.

Во-вторых, Российская Федерация построена сразу по двум схемам — по *территориальной* (так, сугубо из географических соображений проведены границы между областями, краями, никак не отражающие этническую специфику населения) и по *национально-территориальной* (часть субъектов, а именно республики и национальные округа, своими границами должны обозначать этнический состав населения).

Национально-территориальные образования считаются формой самоопределения народов России. Однако отнюдь не всем нациям, населяющим Россию, предоставлено право такого самоопределения. Если бы все это было бы сообщено какому-нибудь иностранцу, незнакомому с Россией, он бы логично предположил, что своих национальных республик не имеют только совсем малочисленные народы. Однако каково же было бы его удивление, когда ему бы сказали, что в национальном самоопределении отказано самому многочисленному народу России — русским. «Свои» республики есть у хакасов, карелов, но русских республик в составе РФ нет. *Российская Федерация асимметрична потому, что в ее составе есть русские, она асимметрична по отношению к русским.* Если вычтешь русских из ее состава, то Российская Федерация была бы вполне симметрична и состояла бы из равноправных республик, построенных по единой национально-территориальной

схеме. Пока же она состоит из этнически очерченных республик: Башкирии, Бурятии, Чечни и т.д.; и этнически безликих краев и областей: Рязанской, Кировской, Ивановской, Пермской... Опять же, наивный иностранец, посмотрев на карту России, решил бы, что она населена исключительно чеченцами, башкирами, хакасами, но никогда бы не подумал, что в ней живут русские. Также он никогда бы не поверил, что в Республике Хакасия проживает 80,3% русских и 12% хакасов (по переписи 2002 г.), и тем не менее народом, давшим название республике, все равно являются хакасы. Может быть, русские просто слишком рассеяны среди других народов, и именно поэтому русские республики создать невозможно? Но, например, по переписи 2002 г. только 36% татар живет в Татарстане, все остальные живут за его пределами, и это не мешает татарам иметь «свою» республику в составе РФ.

Несведущий иностранец, услышав все это, воскликнул бы в недоумении: кто же так обошелся с русскими, откуда такое неравноправие, кто же создал такое государство? Наверное, это были какие-то колонизаторы, которые, как в Африке, произвольно и по линейке прочертили границы, в полной уверенности, что негры не вправе задумываться о национальном самоопределении, а должны лишь послушно работать?

И он окажется не так уж далек от истины. Основы российской государственности заложили большевики, создавшие сначала РСФСР, а затем на его базе учредившие СССР, и к русским как к нации они относились не лучше, чем относились колонизаторы к туземному населению. Для того же В. Ленина словосочетание «истинно русский» вообще было ругательным.

Под знаменем борьбы с «великорусским шовинизмом»

Идея, легшая в 1920-е годы в фундамент сконструированной советской властью Российской Федерации (это

словосочетание возникло не в 1991 г., оно фигурирует уже в работах первых советских правоведов), в эмбриональном, зачаточном виде присутствовала уже на самых первых этапах развития большевизма. В 1903 г. 9-й параграф программы РСДРП провозгласил «право на самоопределение за всеми нациями, входящими в состав государства». Уже на II партийном съезде, который принимал эту программу, Ленину и его единомышленникам пришлось столкнуться с критикой польских социалистов и еврейского «Бунда». Количество критики со стороны левых нарастало, и в 1913–1914 гг. Ленин вынужден был выступить в печати с защитой своей позиции по национальному вопросу. Он объяснил подлинный смысл 9-го параграфа непонятливой Розе Люксембург, боявшейся, что провозглашение права наций на самоопределение может подстегнуть польский национализм.

Провозгласить «право на самоопределение вплоть до отделения» потребовалось, говорит Ленин, чтобы не допустить «оппортунистических уступок великорусскому национализму. Почему великорусскому? Потому что великорусы в России нация угнетающая...». Ленин укоряет Розу Люксембург в том, что она забывает о «национализме великорусов, хотя именно этот национализм и страшнее всего сейчас, именно он менее буржуазен, но более феодален, именно он главный тормоз демократии и пролетарской борьбы»¹. Именно «*великорусский шовинизм*» — вот то, вокруг чего для Ленина вращалась вся «*национальная политика*» со всеми ее тактическими и диалектическими хитросплетениями.

Диалектика революции заставила Ленина пересмотреть свои взгляды на многие вопросы — на развитие национальных культур, на ассимиляцию, на

¹ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М.: Издательство политической литературы, 1969. Т. 25. С. 275.

само национальное самоопределение (вплоть до отделения), но одно для Ленина оставалось неизменным — отрицание русской нации, любое упоминание о которой он расценивал как «черносотенство» и «шовинизм». Право на самоопределение предоставлялось всем, кроме русских. При принятии любого решения в национальном вопросе всегда в первую очередь принимался во внимание маячивший (как казалось Ленину) где-то неподалеку «великорусский шовинизм» и лезшая из каждой щели «великорусская сволочь». Учредили новую национальную (=нерусскую) область? Насолили «великорусам». Сформировали в Красной Армии новый национальный (=нерусский) полк? Очередная победа над «великорусским шовинизмом».

Нельзя возлагать ответственность за своеобразный подход к национальному вопросу (и, следовательно, за образование Российской Федерации) на всю эпоху в целом, или на всех левых революционеров, или даже на всю большевистскую партию. Круг ответственных существенно более узок: жесткую линию по национальному вопросу, которая затем и послужила путеводной нитью при строительстве Российской Федерации, вопреки многочисленным оппонентам в собственной партии, проводили конкретно В. Ленин и И. Сталин. Сталин, после того как с подачи Ленина написал статью «Марксизм и национальный вопрос» (1913), стал в глазах последнего главным специалистом в этой области и после установления советской власти возглавил Народный комиссариат по делам национальностей РСФСР (Наркомнац), а потом, сосредоточив всю полноту власти в своих руках, показал себя практиком, верным ленинским заветам². На апрельской

конференции РСДРП(б) в 1917 г. Сталин вместе с Лениным оппонировали Феликсу Дзержинскому и Георгию Пятакову, утверждавшим, что единое социалистическое хозяйство несовместимо с правом наций на отделение. И позже в партии было много несогласных с линией Ленина–Сталина, которые недоумевали, как же единство пролетариата можно совместить с самоопределением наций и поощрением национальных культур. В итоге победила именно позиция Ленина–Сталина, которую вкратце можно сформулировать так: следует поощрять все нерусское, самоопределение нерусских народов — это прогрессивно, самоопределение русской нации — это шовинизм. «Русский мог получить предпочтение как пролетарий, нерусский получал предпочтение как нерусский»³. Именно эта сознательно асимметричная позиция и легла в основу Российской Федерации. Внутрипартийные оппоненты Ленина и Сталина предлагали на всех граждан смотреть как на пролетариев и строить советское государство симметрично, на наднациональной основе. Ленин же и Сталин вненационально подошли только к русским — на остальных они смотрели с национальной точки зрения. Слово «национальный» в СССР вообще было синонимично слову «нерусский», русских за полноценную нацию не признавали (при Наркомнаце были представительства и крупных наций, и совсем небольших народностей, не представлен там был только русский народ).

Российская Федерация сознательно

ских коммунистов, оппонировавших ему на XII съезде РКП(б).

³ Слезкин Ю. СССР как коммунальная квартира, или Каким образом социалистическое государство поощряло этническую обособленность // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Советский период / Сост. М. Дэвид-Фокс. Самара: Издательство Самарского университета, 2001. С. 349.

---

² Знаменитое «грузинское дело» было лишь временным тактическим разногласием в вопросе о структуре СССР, и десятилетие спустя, упразднив Закавказскую Федерацию, Сталин фактически признал правоту грузин-

создавалась и выстраивалась большевиками как антитеза русским⁴, как противоположность возможному русскому национальному государству. Иерархия созданных коммунистами нерусских национально-территориальных образований и рассредоточенность русских должны были помешать политическому складыванию русской нации. Сталин, отстаивая существование Российской Федерации, говорил: «Может показаться, что целесообразнее было бы войти в Союз Республик не РСФСР, как целостному федеральному образованию, а отдельными республиками, входящими в состав РСФСР, очевидно, разложив предварительно РСФСР на составные части <...> идя по этому неправильному пути, мы пришли бы к такому положению, в силу которого нам пришлось бы, кроме восьми автономных республик, выделить еще из РСФСР *специальный русский ВЦИК и русский Совнарком*, что повело бы к большой организационной перетряске, совершенно ненужной теперь и вредной, и что не требуется ни в какой мере ни внутренней, ни внешней обстановкой (курсив мой. — А.Х.)»⁵. Таким образом, смысл существования Российской Федерации заключался в том, чтобы не допустить политического представительства русской нации. Как мы увидим, и позже Сталин со всей решительностью будет противодействовать тому, чтобы русские как нация оказались хоть как-то представленными на политическом уровне.

⁴ Терри Мартин ввел удачный термин «The Affirmative Action Empire» («Империя позитивного ущемления»), который характеризует отличие Советской империи от всех прочих империй: СССР был «империей наоборот» — в нем «компенсирующей» дискриминации в пользу нерусских окраин подвергалось население номинальной метрополии, т.е. русские.

⁵ *Сталин И.В.* Об объединении советских республик. Доклад на X Всероссийском съезде Советов, 26 декабря 1922 г. // Полное собрание сочинений: В 16 т. Т. 5. С. 152.

Согласно сталинскому определению, данному в «Марксизме и национальном вопросе», каждая нация должна обладать, помимо языка, психического склада и единства экономической жизни, своей территорией. Даже если все другие атрибуты у нации есть, но она не имеет своей территории, она не может считаться нацией, подчеркивал Сталин. Поэтому все сколько-нибудь крупные нации, признанные руководством СССР, получили от большевиков «свои» республики, «свои» автономные области и округа. Только русские, которых большевики не считали за полноценную нацию, в отличие от всех прочих народов, своих национально-территориальных образований в составе РСФСР (СССР) не обрели. Большевики пристально следили за тем, чтобы любая народность, даже в случае своего некомпактного проживания, могла воспользоваться правом на свою национальную государственность в составе Российской Федерации — так, буряты, расселившиеся вокруг Байкала, получили целых три национально-территориальных автономии. И только русские оказались рассредоточенными по многочисленным областям и национальным (=нерусским) образованиям, к которым русские районы приписывались исходя из экономических соображений (и в то же время большевики пристально следили, чтобы максимально возможное количество «националов» оказывалось в составе «своих» республик и национальных областей).

Принуждение быть нерусским

Часто можно услышать мнение, что этнофедерализм, система автономных национальных (=нерусских) территорий был некоей совершенно неизбежной мерой, на которую большевики должны были пойти, столкнувшись с «подъемом национальных движений». Напротив, приступая к анализу реальной ситуации, нельзя не прийти к выводу, что этнофедерализм в обстановке начала 1920-х гг. был самым

странным и искусственным решением из всех возможных. К нему подталкивала главным образом не ситуация на местах, а доктринальные соображения самих большевиков (точнее, Ленина и Сталина).

Для Российской империи (за исключением Польши и Финляндии) деление по национально-территориальному признаку было не свойственно, губернское деление империи не принимало во внимание этнический признак: один и тот же этнос мог компактно проживать в уездах двух и более губерний. После Февральской революции выдвигались многочисленные проекты федерирования России, причем наибольшей популярностью пользовалась идея областных территориальных автономий (или федеративных «штатов») в сочетании с национально-культурной автономией для всех наций (национально-культурная автономия — свободное экстерриториальное объединение представителей той или иной национальности).

Однако пришедшие к власти большевики стали проводить в жизнь именно национально-территориальное деление. Сторонники созданного в Поволжье в 1918 г. федеративного штата Идель-Урал были разогнаны местными большевиками, вместо этого крупного регионального федеративного образования, которое должно было учитывать интересы всех народов региона, в том числе и русского, было декретировано создание национальной Татаро-Башкирской Советской Республики (ТБСР). Против ее создания, как и против национальной автономии в целом, на заседании Наркомнаца от 10–16 мая 1918 г. высказалась вся коммунистическая фракция, за исключением Сталина. Однако Сталина поддержал Ленин — и в итоге ТБСР была учреждена. Но начался мятеж Чехословацкого корпуса — и ТБСР, положившая начало будущей Российской Федерации, прекратила свое существование. Как только обстановка

на фронтах Гражданской войны оказалась благоприятнее, большевики с новой силой приступили к претворению в жизнь национально-территориальной схемы. В короткие сроки по всей стране были созданы национальные области и республики, которые до сих пор существуют в границах, проведенных большевиками.

Решение в духе этнофедерализма потребовало сложной перекройки границ, создаваемые с нуля республики и автономные области мучительно сшивались из «национальных лоскутков», выкраиваемых из старых губерний. Всюду (в Поволжье, на Кавказе, в Средней Азии) образовывались многочисленные национальные меньшинства — часть татар попадала в Башкирскую АССР, часть чувашей — в Татарскую АССР, и так без конца, не говоря уже о том, что в составе свежее испеченных национально-территориальных образований оказалась масса русских, автоматически сделавшихся там чужаками. Впрочем, их судьба никого не волновала — власти стремились проследить лишь за тем, чтобы при проведении границ численность русских по возможности не превышала численность «титულიной нации».

В особую заслугу советская власть ставила себе национально-территориальное размежевание, проведенное в Средней Азии в 1924 г. Несмотря на сопротивление на местах, веками сложившиеся границы были перекроены (например, ликвидированы Хивинское и Бухарское государства) и вместо них учреждены новые национальные республики. Как отмечают советские авторы, прежние государственные образования в Средней Азии «были многонациональными республиками, что препятствовало национальной консолидации»⁶. Заметим, что в то же самое время для русских никакой на-

⁶ Саликов Р.А., Копылов И.Я., Юсупов Э.Ю. Национальные процессы в СССР. М.: Наука, 1987. С. 97.

циональной консолидации не предполагалось, даже любой намек на нее воспринимался в качестве проявления «великорусского шовинизма».

Однако проблемой границ трудности этнофедерализма не исчерпывались. За несколькими исключениями (такими, как грузины, армяне, татары) большинство народностей, щедро наделенных советской властью «своими» областями и республиками, не располагало развитым литературным языком, собственным книгоизданием, газетами, системой образования. Все это зачастую приходилось создавать с нуля в спешном порядке (центр, озабоченной ликвидацией «национального неравенства», подгонял).

Отсюда вытекала еще одна проблема: центр в борьбе с шовинизмом «великорусской сволочи» декретировал политику «коренизации», то есть предписал укомплектовать управленческий аппарат в национально-территориальных образованиях национальными (=нерусскими) кадрами и вести документацию на национальных языках. Но чиновников-националов просто физически негде было найти. Даже мизерный процент националов, имевший образование, получил его в русских гимназиях и университетах и совершенно не представлял, как можно наладить делопроизводство на родном языке с неустоявшейся письменностью, лексикой, множеством диалектов.

Большевики неоднократно сравнивали ситуацию в России с ситуацией в Австро-Венгрии и делали из этого сравнения далеко идущие выводы. Но в том-то и дело, что к 1918 г. в Австро-Венгрии сложился целый ряд развитых наций со своей интеллигенцией, буржуазией, прессой, университетами. Потенциальным строителям «Австро-Венгерской Советской Социалистической республики» не пришлось бы декретами «выращивать» чешскую или венгерскую национальность. Даже наиболее отсталые и аграрные нации Австро-Венгрии, вроде румын и русинов, ни в

какое сравнение не шли с подавляющим числом советских «националов», которым тем не менее большевики навязали собственные национально-территориальные образования. «Трудность и оригинальность положения первых двух лет Октябрьской революции в том и заключалась, что не национальные окраины обращали к центральной власти требования свободы и самоопределения, а *центр настойчиво приглашал эти забитые, заброшенные, униженные окраины* созвать свои учредительные съезды советов, сорганизоваться в своих территориальных границах и взять себе, наконец, столько самоуправления, сколько каждой по плечу (курсив мой. — А.Х.)»⁷.

На X съезде РКП(б) Сталина упрекнули в том, что центр искусственно стимулирует развитие белорусской национальности (те же упреки звучали и в адрес политики украинизации). На что Сталин ответил: «Лет 50 тому назад все города Венгрии имели немецкий характер, теперь они мадьяризированы. <...> Нельзя идти против истории. Ясно, что если в городах Украины до сих пор еще преобладают русские элементы, то с течением времени эти города будут неизбежно украинизированы. То же самое будет с Белоруссией, в городах которой все еще преобладают не-белоруссы...»⁸. Ссылками на естественные процессы Сталин пытался оправдать большевистскую политику конструирования и взращивания всего нерусского (неважно, украинского ли, чеченского ли, мордовского ли).

Причем выращивание нерусского не ограничивалось пределами национально-территориальных образований. Так, в конце 20-х гг. власть внезапно решила, что национальная

⁷ Гурвич Г.С. Принципы автономизма и федерализма в советской системе. М.: Издательство социалистической академии, 1924. С. 59.

⁸ Протоколы X съезда РКП(б). М.: Партийное издательство, 1933. С. 216.

работа среди украинцев Сибири и Кавказа ведется недостаточно активно. По всей стране была развернута масштабная кампания по украинизации. При этом украинизаторы жаловались на несознательность «националов». Так, в Сибири «крестьяне в некоторых селах недовольны украинизацией школ, потому что в окружающей жизни... они не видят никакой потребности в применении украинского языка»⁹. А на Дону «в результате того, что население незнакомо с вопросами украинизации и не видит перспектив, был случай в Кушевском районе, когда открытую украинскую школу само население закрыло»¹⁰.

Что уж говорить и о других, еще менее развитых национальностях. Большевики, проводя свою национальную политику, были вынуждены постоянно доказывать недоумевающим «националам» всю прелесть быть нерусским. Советские специалисты негодовали: в Чувашском пединституте «почти стопроцентный национальный состав преподавателей», а преподавание продолжается на русском. В свое оправдание чувашские преподаватели указывают на «отсутствие разработанной научной терминологии на чувашском языке по основным дисциплинам и отсутствие учебников, пособий, литературы на родном языке для вуза»... Специалисты из Москвы делают вывод: «тут мы имеем яркий образец сугубо оппортунистического отношения к важнейшей проблеме национально-культурного строительства... Чувашские оппортунисты не одиноки»¹¹.

Чуваши оказались виноваты перед советской властью в том, что они, думая о собственном удобстве, не захоте-

ли культивировать в себе нерусскость. *Нерусские обязаны быть нерусскими.* О возросшем проценте нерусских студентов, чиновников, милиционеров докладывали как об очередном успехе пятилетки наряду со сводками о добытом угле и урожае зерновых. Нерусские республики, языки, газеты создавались с не меньшим рвением, чем заводы и колхозы.

В современной теории национализма (Э. Геллнер, Э. Хобсбаум, Б. Андерсон) применительно к нациям принято говорить о конструктивизме: нации сознательно взращивались национально-ориентированными элитами. Так вот, по сравнению с СССР этот национальный европейский конструктивизм блекнет. По целеустремленности и радикальности темпы нациестроительства, инициированного Москвой, не имели аналогов в истории.

Зачем это надо было большевикам? Из каких доктринальных соображений они это делали?

Во-первых, этого требовали общие постулаты ленинизма. Ленин сформулировал «теорию слабого звена» и настаивал, вопреки своим конкурентам из социалистического лагеря, на возможности пролетарской революции в аграрной слаборазвитой стране. Когда эта революция произошла, была создана теория форсированного перехода к социализму, минуя капитализм. Для этого советское государство должно было под своим контролем ускоренно осуществить некоторые элементы капитализма как переходного этапа к социализму, перехватив таким образом инициативу у буржуазии. Одним из таких элементов и было нациестроительство, которое, как бы вместо буржуазии (так как при капиталистическом строе нации строит буржуазия), и взяло на себя советское государство. При социализме все нации должны были, как постулировали большевики, слиться в одну, но на переходном этапе, напротив, требуется расцвет национального. Нации, находившиеся в

⁹ Просвещение национальностей. 1931. № 2. С. 83.

¹⁰ Просвещение национальностей. 1929. № 1. С. 97.

¹¹ Национально-культурное строительство в РСФСР к XV-летию Октябрьской революции. М.–Л.: ОГИЗ, 1933. С. 103.

полупатриархальном и полуфеодальном состоянии, согласно теории большевиков, необходимо было ускоренно развить, ужав в одно-два десятилетия процессы, происходящие столетия.

Во-вторых, активное участие со стороны большевиков в строительстве советских наций понималась ими как своеобразная «игра на опережение». Как сказал один из делегатов XII съезда РКП(б), комментируя упреки тех, кто обвинял большевистскую политику в излишнем активизме: «мы не можем и не должны допускать пассивность, потерю темпа, мы не можем допустить того, чтобы эту национальную политику подхватили силы, стоящие вне нас»¹². Большевики боялись, что если они сами активно не возьмутся за «национальные формы», наполняя их при этом «социалистическим содержанием», в соответствии со сталинской формулой, то, так как «свято место пусто не бывает», за эти формы возьмутся враждебные им силы. Прежде всего эти опасения касались не внутренних районов, а крупных и стратегически важных приграничных регионов, вроде Украины или Закавказья.

В-третьих, в первые годы советской власти, когда еще сильна была надежда на скорую мировую революцию, важное значение для национальной политики имели соображения революционного экспансионизма. Большевики пытались скрестить национальную идею с коммунистической и, на волне подъема национального чувства, экспортировать революцию за пределы СССР. Так, Карелию считали важным звеном для экспорта революции в Финляндию, для чего усиленно занимались в ней нациестроительством (причем не столько собственно карельским, сколько финским, вводя финский язык в надежде на скорое воссоединение Карелии и Финляндии в составе совет-

ского государства)¹³. Бурятия виделась как плацдарм для экспорта революции в Монголию. Активная национальная политика в Украине должна была ускорить присоединение части польских земель, населенных украинцами (Западная Украина) и т.д.

Все эти составляющие национальной программы большевиков обыкновенно перечисляются, но при этом зачастую игнорируется один из наиболее ключевых пунктов. А именно, ее сознательная *антирусская направленность*. Допустим, переход к социализму действительно требует развития национального начала. Но почему же тогда его не развивали у русских, самой многочисленной нации Советского Союза? Почему им не дали своей национально-территориальной автономии? Почему от каждой национальности требовали расцвета, но о русских говорили только в контексте «великорусского шовинизма»?

Дело в том, что одной из важнейших стратегических целей национальной политики большевиков было не допустить политической консолидации русской нации. Русские были нужны советским властям как бесправный донор и как дешевая рабочая сила. Потребуй русские своих прав — и советское государство, построенное на невиданной эксплуатации русских, немедленно бы распалось. Единая русская республика (или консолидированная система русских республик), с учетом численности русских, их ресурсов, их центрального положения, моментально бы разбалансировала всю систему, вышла из-под контроля общесоюзного руководства и разрушила бы коммунистический режим. Так это и произошло, когда в конце 80-х РСФСР (на тот момент неофициально считав-

¹² Двенадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. М.: Издательство политической литературы, 1968. С. 505.

¹³ См., напр.: *Каутала П.* Формирование и расцвет автономной Советской Карелии, 1918–1929 гг. Забытый успех раннесоветской национальной политики // *Ab Imperio*. 2002. № 2.

шаяся «русской республикой») стала пытаться вести самостоятельную политику и добиваться в рамках СССР политического равноправия. Политически сплоченную русскую нацию было бы просто нечем уравновесить в рамках советского государства, что сразу и поняли большевики. Русской нации, никак не представленной в системе советской государственности, чтобы не допустить ее политической консолидации, жизненно необходимо было противопоставить институализированную многонациональность. Для этого и потребовались искусственно выращенные бешеными темпами нерусские нации (или хотя бы их подобие), наделенные собственными «коренными» территориями и «коренизированными» органами управления. Для этого и потребовалось построить Российскую Федерацию.

«Выравнивание наций»:

«Дружба народов» в одну сторону

Многие справедливо указывают, что СССР (РСФСР) не был федерацией в подлинном смысле этого слова. Номинально суверенные республики были лишены права на законодательную деятельность, не могли свободно распоряжаться республиканскими бюджетами и проводить собственную кадровую политику. СССР был, по сути, унитарным государством. Разумеется, это так. Но зачем же тогда вообще понадобились эти игры в федерацию, тем более что в ВКП(б) и после Октября было немало сторонников прямой централизации, если сам Ленин до революции являлся противником федерации, считая, что единство пролетариата требует единого государства? Почему нельзя было ограничиться простым административным делением, почему вместо этого потребовалось с немалыми усилиями создавать многочисленные национально-территориальные образования?

На этот вопрос еще в 1924 г. четко ответил советский правовед Г.С. Гур-

вич: «Суть советского федерализма на частном примере РСФСР может быть правильно установлена *только в плоскости все той же национальной проблемы* (курсив мой. — А.Х.)... Здесь в союз вступают нации... Они все получают не только одинаковое право на жизнь, но и действительные средства осуществления этого права — больше тому, кто слабее»¹⁴.

В самом деле, *единственным* смыслом создания и функционирования Российской Федерации было решение национальной проблемы в большевистском духе. «Советская федерация... основывалась не на распределении предметов ведения... а на национально-государственном строительстве»¹⁵. Это строительство базировалось на постулате, который еще в 1913 г. был ключевым пунктом большевистской позиции по национальному вопросу. Этот постулат прост: *русская нация не имеет права на существование*. Зато имеет право на существование все нерусское, более того, нерусское следует всячески поощрять.

Из этого фундаментального неравноправия русских и вытекал национально-территориальный принцип построения Российской/Советской Федерации: раз значение имеет только нерусское, то и подлинные границы можно прочерчивать руководствуясь национальным принципом, принимая в расчет только вкрапления националов (=нерусских) в массив безликой и безразличной массы (= русских). Неважно, что в республике Карелия даже на момент ее создания русские составляли больше половины ее населения. Важно, что там жило некоторое количество карелов и других финно-угров.

¹⁴ Гурвич Г.С. Принципы автономизма и федерализма в советской системе. М.: Издательство социалистической академии, 1924. С. 70.

¹⁵ Порфирьев А.И. Национальный суверенитет в правовой природе российского федерализма. М.: Книгодел, 2009. С. 133.

Поэтому эти территории получили право называться республикой.

Ну а русским, которым не повезло оказаться в прочерченных большевиками границах национально-территориальных образований, необходимо было смириться с привилегированным статусом «титულных наций». А все попытки русских не соглашаться с советской национальной политикой трактовались как «великорусский шовинизм». Скажем, как писали в журнале «Просвещение национальностей», в Татарстане «махровый великорусский шовинизм» происходит от непонимания необходимости коренизации и «изучения языка коренной национальности» и выражается в «жалобах на то, что вся власть теперь в руках татар», что «русских угнетают, сгоняют со службы, не принимают на работу, не принимают учиться в вузы»¹⁶. «Великорусские шовинисты» не понимали, что по определению русские в рамках системы советского этнофедерализма — это люди второго сорта.

Из неравноправия русских вытекает и иерархизм федерации, принципиальное неравенство территорий, входящих в ее состав: бесправные русские области служат той точкой отсчета, тем «абсолютным нулем», по которому можно ранжировать все остальные народности, кого наделяя национальным округом, кого — национальной областью, кого — автономной или союзной республикой. Конечно, имелись и те, кто, подобно русским, были лишены своих национально-территориальных образований. Следует вспомнить, например, о немцах, лишенных своей республики в 1941 г. и все последующие годы советской власти безуспешно пытавшихся ее восстановить.

В 1965 г. на встрече с немецкой делегацией заместитель заведующего приемной Президиума Верховного Совета СССР А.Н. Копенкин в ответ на прось-

бы о воссоздании АССР немцев Поволжья парировал: «Возьмем Казахстан. Республика численностью в 9 миллионов, казахов немного, большинство русских, украинцев и других национальностей, а управляют казахи»¹⁷. Неравенство разных национальностей в составе РСФСР/СССР легитимизировалось ссылками на фундаментальное неравноправие русских, лежащее в основе системы в целом.

Наконец, политическое неравноправие русской нации, вместе с иерархизмом советской государственности, предполагало обязанность русских материально и экономически «помогать» прочим нациям, иными словами, подвергаться эксплуатации в пользу «националов». Русские были тем бесправным и безликим основанием, на котором строилась цветущая пирамида советских национальностей. Так, в 1922 г., на закате своих дней, Ленин провозглашал в заметке «К вопросу о национальностях или об “автономизации”»: «интернационализм со стороны угнетающей или так называемой “великой” нации (хотя великой только своими насилиями, великой только так, как велик держиморда) должен состоять не только в соблюдении формального равенства наций, но и в таком неравенстве, которое возмещало бы со стороны нации угнетающей, нации большой, то неравенство, которое складывается в жизни фактически»¹⁸. Несмотря на тактические разногласия Ленина и Сталина, которые не носили какого-то принципиального характера, именно ленинская формулировка была закреплена XII съездом РКП(б) в резолюции по националь-

¹⁷ Мякшев А.П. Власть и национальный вопрос: межнациональные отношения и Совет Национальностей Верховного Совета СССР (1945–1991). Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2004. С. 39.

¹⁸ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М.: Издательство политической литературы, 1970. Т. 45. С. 359.

¹⁶ Просвещение национальностей. 1931. № 2. С. 49.

ному вопросу. «Фактическое национальное неравенство <...> преодолеть можно лишь путем действительной и длительной помощи русского пролетариата отсталым народам Союза в деле их хозяйственного и культурного прорыва»¹⁹.

На русских была возложена вина за «империалистическое прошлое», которую они обязаны были безропотно компенсировать, разумеется, отказавшись от любых претензий на тот статус, который был гарантирован остальным нациям, наделенным национально-территориальными образованиями. Любопытно, что если в 1913 г., возражая Р. Люксембург (см. выше), Ленин винил русских в отсталости («великорусский шовинизм» опасен, потому что наиболее феодален), то после Октября русские оказались виноваты в том, что они ушли вперед, в то время как многие нерусские погрязли в феодальных пережитках. «Суть этого неравенства национальностей состоит в том, что мы, в силу исторического развития, получили от прошлого наследство, по которому одна национальность, именно великоросская, оказалась более развитой в политическом и промышленном отношении, чем другие национальности. Отсюда фактическое неравенство, которое не может быть изжито в один год, но которое должно быть изжито путем оказания хозяйственной, политической и культурной помощи отсталым национальностям»²⁰, — докладывал Сталин на X съезде РКП(б).

Централизованное государство, поделенное на конгломерат национальных (=нерусских) республик и областей, было идеальным механизмом эксплуатации русских, гигантским насосом, перекачивающим («с целью ис-

правления фактического неравенства») денежные, технические и людские ресурсы из русского центра в нерусские окраины. Как подчеркивал уже цитированный Г.С. Гурвич, «в советском союзе наций реальная слабость того или другого сочлена имеет тенденцию компенсироваться не менее реальной поддержкой сильной федеральной власти»²¹. Единственный смысл российского/советского этнофедерализма заключался не в федерализме, реальность которого была минимальна, а в *поддержании жестко выстроенной этнической иерархии и в «позитивной дискриминации» русской нации*. Более того, реальный федерализм не был в интересах «националов». Ведь если бы каждая республика существовала на началах бюджетной автономии, то «выравнивание наций» стало бы невозможным. Лишь предельно централизованная система межбюджетных отношений позволяла аккумулировать средства со всего Союза и затем по усмотрению центра направлять их «нуждающимся нациям». «Финансовая централизация дала возможность провести территориальное перераспределение финансовых ресурсов между республиками, на основе которого осуществлялась помощь и маневрирование бюджетными ресурсами. Основными формами бюджетного регулирования в 1924–1931 гг. являлись дотации и субвенции, а с 1931 г. — отчисления от государственных доходов и налогов <...> В советских республиках размеры расходов, производимых на их территориях, не всегда совпадали с объемом мобилизованных на ней доходов, поступающих в союзный бюджет. В результате часть ресурсов, полученных на территории РСФСР, использовалась на другой территории и таким образом происходило их “переливание”,

¹⁹ Двенадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. М.: Издательство политической литературы, 1968. С. 694.

²⁰ Протоколы X съезда РКП(б). М.: Партийное издательство, 1933. С. 186.

²¹ Гурвич Г.С. Принципы автономизма и федерализма в советской системе. М.: Издательство социалистической академии, 1924. С. 72.

прямое территориальное перераспределение финансовых ресурсов (курсив мой. — А.Х.), которое позволило превратить в жизнь одну из важнейших программных задач КПСС — создание всем равных условий для развития, возможности трудиться в общественном хозяйстве»²².

«Уже с первых дней существования Советская Россия, сама разоренная войной и голодающая, стала финансировать молодые национальные республики, обеспечивать их продовольственными и промышленными товарами <...> В конце восстановительного периода бюджетные расходы на хозяйственное, культурное строительство и социальные нужды в Туркестанской республике покрывались за счет дотации на 90%, в Узбекской ССР на 85%... Бюджетные расходы в республиках Средней Азии и Казахстана за первую пятилетку на 50–85% покрывались за счет средств, полученных из центра страны, в Киргизской ССР — на 96,3%»²³.

Система советской государственности отводила русским роль донора. До середины 30-х от русских этого требовали как от бывшей нации эксплуататоров, потом русские были повышены до ранга «старшего брата», который по умолчанию был обязан работать на «дружную семью» «младших братьев» — «националов». В 70–80-е гг., например, как следует из союзных законов о бюджете, республикам Средней Азии оставалось от 90 до 100% налога с оборота (один из основных источников пополнения госбюджета в СССР), в то время как в бюджете РСФСР оставалось не больше 30–40%. «Темпы капитальных вложений в экономику союзных республик в 2–4 раза

превышали аналогичные показатели для России»²⁴.

Заметим, это статистика по союзным республикам в целом — не стоит забывать, что в составе РСФСР были свои «националы», которых тоже «выравнивали» за счет русских регионов.

Куда Сталин «повернул» национальную политику

Часто можно услышать, что начиная со второй половины 30-х Сталин пересмотрел раннюю советскую политику в национальном вопросе. Действительно, произошли весьма существенные изменения, но суть этой политики (и в особенности основа советского территориально-государственного устройства) осталась прежней. Не имея здесь возможности в деталях разбирать национальную политику «развитого сталинизма», отметим лишь, что ее нельзя рассматривать вне контекста политической ситуации в целом, политики радикальной централизации, мобилизации, «закручивания гаек» после НЭПа. Сталинизм сказался на национальном вопросе в СССР, как и на всем остальном, но изменения в этой области были скорее количественными, чем качественными. Скажем, многочисленные процессы над «буржуазными националистами» в союзных республиках были лишь частью масштабной партийной «чистки», борьбы с разнообразными «заговорами» и многочисленными «уклонистами» всех видов. Нельзя утверждать, что кампания против «буржуазного национализма» вообще перечеркнула все прежние начинания большевиков и положила конец советскому нерусскому нациестроительству. Это же можно сказать, например, и об отмене ранее поощрявшихся мелких национально-

²² Ожукеева Т.О. Методологические проблемы выравнивания уровней развития советских республик. Фрунзе: Илим, 1988. С. 108–109.

²³ Грошев И.И. Сущность национальной политики КПСС. М.: Мысль, 1982. С. 201.

²⁴ Мякшев А.П. Власть и национальный вопрос: межнациональные отношения и Совет Национальностей Верховного Совета СССР (1945–1991). Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2004. С. 254.

территориальных подразделений, таких как национальные районы и колхозы, вкрапленных в национальные республики и области (вроде туркменских сельсоветов на Украине и т.п.). Уменьшение числа официально признанных наций и народностей и прочие меры в рамках общей централизации не только не ослабили, но, пожалуй, даже усилили значение национально-территориальных образований в СССР и «титовых наций», давших им название. Скажем, казахская советская элита больше не должна была заботиться на своей территории о национальной культуре негласно упраздненных теперь разнообразных мелких кочевых народностей и прочих нацменьшинств и смело могла ввести для всех преподавание на казахском языке, хотя еще пару лет назад это навлекло бы обвинения в «местном шовинизме».

Пожалуй, самым радикальным нововведением середины–конца 30-х гг. было «реанимирование» русского народа. Власть «внезапно» вспомнила, что русские тоже существуют. Немедленно, путем избирательной рецепции и переработки дореволюционного наследия, была на советский лад сконструирована «великая русская культура», главным содержанием которой стали государственнические и патриотические мотивы²⁵. Что же побудило Сталина в предвоенные годы взывать к «великому русскому народу», хотя еще за несколько лет до этого, в 1930 г., он продолжал твердить об «опасности великорусского шовинизма, как главной опасности в партии в области национального вопроса»²⁶ (в 1920-е гг. опять-таки Сталин подчеркивал, что главная опасность

заключается не в «местном», а именно в «великорусском шовинизме»)?

«Реанимировать» русский народ (разумеется, реанимировать на советский манер) Сталина заставили сугубо прагматические и утилитарные соображения, а именно необходимость мобилизовать русских на защиту советской системы в предстоящей войне, к которой Сталин активно готовился. Нация — это продукт городской культуры. Сельский житель становится полноценным членом нации, когда переезжает в город. В Советском Союзе упорно пытались привить идею национальной самобытности всем без исключения нерусским народам и народностям, не обращая внимания на то, что процент городского населения среди большинства из них был весьма низок. И в то же время миллионы русских крестьян, переехавшие в город, на фоне всеобщего «расцвета наций» оставались не у дел. Им предлагалось учиться интернационализму и марксизму-ленинизму по учебникам М.Н. Покровского, не забывая при этом давить в себе «великорусский шовинизм». В итоге не охваченными советской национальной политикой оказались именно те люди, которые составляли большинство рабочих и которые должны были составить большинство в армии во время предстоящей войны.

Советское руководство поняло, что допустило стратегический просчет, полностью отказавшись от применения принципов советского нацистроительства к русским. Вспомним, что еще в середине 1920-х гг. большевики боялись, что если они не возьмут инициативу в национальном вопросе в свои руки, то за них это сделают другие. И вот перед войной стало понятно, что предстоящие противники легко могут перехватить инициативу именно в оставленном «без присмотра» русском вопросе. Широкие масштабы коллаборационизма русского населения, которое не желало воевать за советскую (=нерусскую) власть во время войны 1941–1945 гг.,

²⁵ Подробно этот процесс описан в книге: *Бранденбергер Д.А.* Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956). СПб.: ДНК, 2009.

²⁶ *Сталин И.В.* Политический отчет Центрального Комитета XVI съезду ВКП(б) // Правда. 1930. 29 июня.

только подтвердили справедливость этих опасений. Впрочем, немецкое командование, скованное бессмысленными догмами немецкого национал-социализма, так и не воспользовалось предоставлявшейся возможностью, обратившись к ней только в самом конце войны (создание РОА в 1944 году). Если бы война в итоге началась не с Германией, а с западными демократиями, к чему Сталин и готовился, те бы смогли поступить в этом вопросе умнее, имея за плечами опыт Гражданской войны в России в союзе с русскими антибольшевистскими силами...

Так или иначе, советское руководство в предвоенные годы осознало опасность сложившейся ситуации и спешно принялось наверстывать упущенное, снабжая русских, которых раньше «кормили» только «социалистическим содержанием», «национальными формами». Надо сказать, это получилось небезуспешно. Русских действительно удалось мобилизовать на защиту СССР под национальными лозунгами, под лозунгом защиты родной русской земли от немецких агрессоров. Едва ли русские стали бы воевать под лозунгом защиты «дела Ленина» и «интернациональной диктатуры пролетариата».

Всю манипулятивность предвоенного обращения Сталина к «великому русскому народу» продемонстрировало т.н. «Ленинградское дело» 1949 г. Целый ряд видных советских партийных деятелей был репрессирован по обвинению в попытке создать Компартию РСФСР. На первый взгляд, невинное намерение — если все союзные республики имели свои республиканские компартии во главе с республиканским ЦК, то почему же самая крупная республика из всех, РСФСР, должна быть этого лишена? И почему, например, в РСФСР не было своего республиканского отделения Академии наук, в то время как во всех остальных союзных республиках оно имелось?

Несмотря на то что большая часть союзного бюджета, который затем

расходовался на преодоление «национального неравенства», складывалась из отчислений РСФСР, весь советский период РСФСР находилась в неравном положении по отношению к остальным республикам, будучи лишена своей компартии. Почему? Потому что, несмотря на то что русские не имели в составе РСФСР ни одного национально-территориального образования, она все равно неофициально воспринималась в качестве «республики русских». И если бы существовал ЦК РСФСР, отдельные партийные руководители могли бы сыграть на этом, запустить на республиканском уровне процесс русской консолидации и выйти из-под контроля общесоюзных органов. 15 декабря 1925 г. на Пленуме ЦК РКП(б) в связи с переименованием партии во всесоюзную встал вопрос об образовании отдельной русской (российской) коммунистической партии, по образцу существующих в других союзных республиках. Но эта идея была отвергнута, т.к. «могла бы привести к возрождению национальных предрассудков у рабочих и крестьян преобладающей нации»²⁷.

Так что нечего удивляться, что «русский националист» Сталин так испугался в 1949 г. даже намек на возможную попытку создания Компартии РСФСР. Русские ему нужны были исключительно в качестве пушечного мяса советской империи. Какие-либо политические права он предоставлять им не хотел.

И в дальнейшем советские руководители торпедировали все попытки создания Компартии РСФСР. Как в 1930-е, так и в 1940-е, и во все последующие годы — несмотря на все внешние перемены, по сути своей советская политика оставалась верной принципам, с самого начала заложенным Лениным и Сталиным в основу советской феде-

²⁷ Барсенков А.С., Вдовин А.И., Корецкий В.А. Русский народ: историческая судьба в XX веке // Вестник МГУ. 1993. № 5. С. 38–39.

ративной государственности. Принципам отрицания русских как нации.

Бесправие РСФСР в целом, в сочетании с бесправием русских областей и развитой этнократической элитой автономных республик и областей в составе РСФСР, было необходимым условием выращивания национальных (=нерусских) кадров.

«РСФСР — единственная республика, не имеющая своей академии, а стало быть, возможности готовить кадры через республиканскую целевую аспирантуру в Академии наук СССР. И вот результат: в 1981 году в Институте государства и права АН СССР, например, целевые (внеконкурсные) места были распределены следующим образом: для республик Средней Азии — 6 мест, Закавказья — 4, Казахстана, Белоруссии и Латвии — по одному, Удмуртии и Башкирии (там есть филиалы АН СССР) — по одному. Как и в предшествующие годы, ни одного места для областей России выделено не было»²⁸.

Все советские годы практиковался целевой набор националов в вузы, в аспирантуру — нерусский всегда был в почете, высокий процент нерусских в любом советском учреждении всегда расценивался как похвальное проявление интернационализма...

«Русификация» и советская этнократия

Отдельно стоит сказать про политику «русификации», про постепенное возрастание роли русского языка в среднем образовании (отчасти и в высшем), которое действительно имело место начиная как раз со второй половины 30-х годов.

Декретом от 1938 г. во всех советских школах было введено обязательное обучение русскому языку. Это решение, как будто свидетельствующее о «русификаторских намерениях» власти, было вы-

звано как минимум двумя, опять-таки сугубо прагматическими причинами. Во-первых, незадолго до этого были отменены национальные воинские части, и теперь призывникам из национальных республик предстояло служить в единой общесоюзной армии и, соответственно, общаться с сослуживцами и командным составом других национальностей. Для этого требовалось хотя бы минимальное знание русского.

Во-вторых, не менее важным стимулом для введения повсеместного обучения русскому языку было исправление перегибов большевистской политики «коренизации». В 1920-е гг. обучение во многих общеобразовательных школах было полностью переведено на национальные языки, в результате чего националы, которым не преподавали русский (чтобы не поощрять «великорусский шовинизм»), фактически не могли продолжать обучение за пределами средней школы, получать высшее и профессиональное образование. В противном случае для каждой небольшой национальности потребовалось бы открывать свой университет и, например, налаживать на языках всех 152 официально признанных народов СССР медицинское и инженерное образование. Техническую невозможность этого признали даже самые радикальные «строители всего нерусского». Были попытки решить проблему открытием при каждом вузе многочисленных «национальных отделений» для всех тщательно регистрируемых нерусских меньшинств. Какой-то советский специалист возмущался в 1933 г., обсуждая ситуацию, сложившуюся в Ростовском финансово-экономическом институте, в котором обучалось 35% «националов» (12 армян, 5 осетин и т.д.): «никаких национальных отделений или даже групп не имеется. Положение явно ненормальное»²⁹.

²⁸ Литвинова Г.И. Свет и тени прогресса (социально-демографические проблемы СССР). М.: Советская Россия, 1989. С. 253.

²⁹ Национально-культурное строительство в РСФСР к XV-летию Октябрьской революции. М.—Л.: ОГИЗ, 1933. С. 108.

В итоге власть, вместо того чтобы подыскивать в каждый вуз для каждого пяти осетин или двенадцати армян лектора, который бы читал им лекции на родном языке, все же сочла необходимым ввести обязательное обучение русскому языку в школах. При этом подчеркивалась, что сам преподаватель русского обязан владеть национальным языком, на котором ведется обучение всем остальным предметам³⁰. Обучение русскому языку должно было не столько «русифицировать националов», сколько открыть им новые карьерные перспективы.

Однако наиболее серьезные шаги в деле т.н. «русификации» были предприняты уже после Сталина. В результате школьной реформы, проведенной Н. Хрущевым в 1958 г., обучение национальному языку стало добровольным: родителям был предоставлен выбор, отдавать детей в национальную школу или в школу с русским языком обучения. А.Г. Авторханов впоследствии возмущенно комментировал эту меру: «если союзные республики суверенны и их национальная культура не пустая формула, то обучение детей на родном языке должно быть не добровольным, а обязательным»³¹. На самом же деле добровольность обучения национальному языку, как и введение обязательного обучения русскому языку при Сталине, ознаменовала лишь отказ от наиболее радикальных установок раннего большевистского национального строительства. Раньше советская власть заставляла нерусских любой ценой быть нерусскими (см.

выше пример с чувашскими преподавателями), обязывала родителей, в чьих паспортах была зафиксирована нерусская национальность, отдавать детей в национальные школы, даже если и те и другие давно ассимилировались и предпочитали говорить на русском. Хрущев, посчитав, что основные задачи нациестроительства уже достигнуты, счел возможным «снизить градус» в национальной политике.

Некоторые зарубежные политологи времен холодной войны полагали, что «русификация» в СССР была почти что синонимична политике «русского национализма». На самом деле «русификация» была лишь синонимом продолжавшейся унификации делопроизводства, которое становилось все сложнее вести во всесоюзном масштабе на многих национальных языках. «"Русификация" не отменяла ставки советского руководства на "национальные кадры" и "расцвет наций", она не означала, что русские в перспективе должны были получить какие-то особые политические права. Напротив, русские, по замыслу советских идеологов, должны были превратиться в безликую массу советских граждан, которая бы цементировала "националов" в рамках советского государства. При этом никто не планировал сделать из "националов" русских, их лишь обязали общаться с Москвой и с русскими подчиненными на русском языке. Культура "советского народа" — "социалистическая по содержанию, многонациональная по формам, интернационалистская по духу и характеру"»³². К сталинскому определению времен активного культивирования нерусских наций (1920-е — начало 1930-х) прибавили «интернациональный дух» — и получили «советский народ». Для русской нации тут так и не нашлось места.

³⁰ См. подробнее: *Blitstein P.A. Nation-Building or Russification? Obligatory Russian Instruction in the Soviet Non-Russian School, 1938–1953 // A State of Nations. Empire and Nation-Making in the Age of Lenin and Stalin / Ed. by R.G. Suny and T. Martin. Oxford: University Press, 2001. P. 253–275.*

³¹ *Авторханов А.Г. Империя Кремля. Советский тип колониализма. Вильнюс: ИМОИ, 1990. С. 147.*

³² *Саликов Р.А., Копылов И.Я., Юсупов Э.Ю. Национальные процессы в СССР. М.: Наука, 1987. С. 49.*

В результате реформы Н. Хрущева количество русскоязычных школ в национальных республиках и областях существенно возросло: большинство родителей считало, что родному языку дети научатся и дома, а обучение в русской школе позволит им успешнее устроиться в советском обществе. При сохранении национально-территориальной структуры, построенной исходя из интересов культивирования нерусскости, «русификация» едва ли могла ослабить значение национально-территориальных образований. Знание русского в условиях централизованного государства, когда все приходилось согласовывать с Москвой, позволяло «националам» делать успешную карьеру и обходить русских конкурентов, так как в рамках политики «приоритета коренной нации» представители «титупной нации» имели преимущественное право доступа к престижным правительственным и партийным вакансиям в «своих» республиках, даже если фактически составляли там меньшинство. Как были вынуждены констатировать на закате СССР, «в многонациональных республиках все возрастающее значение приобретает тенденция рассматривать государственность, а вместе с этим и закрепленные Конституцией СССР границы территории как исключительную собственность народа, давшего название республике»³³.

При том же, казалось бы, «злостном русификаторе» Н. Хрущеве были упразднены отраслевые министерства и заменены республиканскими совнархозами. В результате в ведение республиканских властей было передано около 11 тыс. союзных предприятий³⁴. Позиции этнической бюрократии на местах заметно укрепились. Знание

русского не препятствовало, а только помогало чиновникам-«националам» делать карьеру и использовать те преференции, которые советское руководство предоставляло национально-территориальным структурам.

Русские мигранты и нерусский этнофедерализм

В рамках советской политики «выравнивания национальностей» в национально-территориальных образованиях вырастить политическую элиту из «титупной нации» удалось достаточно быстро. «Уже в довоенный период, по данным переписи 1939 г., народы нашей страны менее всего отличались по удельному весу работников, связанных с административной, управленческой деятельностью»³⁵. Через какое-то время путем целевого набора и других поощрений удалось подготовить и «национальную интеллигенцию» для ранее «отсталых народов». В итоге «отсталые народы» вырвались вперед, а к середине 80-х гг. «по уровню квалификации научных кадров на последнем месте оказались русские, а на предпоследнем — белорусы. У них самый низкий процент научных работников со степенью доктора и кандидата наук»³⁶.

Понятно, какой была подготовка большинства выращенных ударными темпами национальных «докторов» и «кандидатов», однако это не мешало им получать повышенную зарплату и занимать руководящие должности в республиканских институтах и министерствах.

Существенно хуже обстояло дело с рабочими из среды «нацменов». «Если интеллигенция, особенно в послевоенный период, росла преимущественно за счет лиц коренных национальностей,

³³ Калинина К.В. Национальные отношения в СССР: история и современность. М.: Академия общественных наук ЦК КПСС, 1991. С. 22.

³⁴ Там же. С. 77.

³⁵ Ожукеева Т.О. Методологические проблемы выравнивания уровней развития советских республик. Фрунзе: Илим, 1988. С. 76.

³⁶ Литвинова Г.И. Свет и тени прогресса (социально-демографические проблемы СССР). М.: Советская Россия, 1989. С. 251.

то рабочий класс пополнялся главным образом мигрантами»³⁷.

В то время как русская деревня стремительно пустела — русские переезжали в города и пополняли рабочий класс, «националы» не спешили следовать их примеру. Процент сельского населения был особенно велик среди «коренного населения» Средней Азии и Казахстана. В 1970-х гг. был придуман даже особый термин: трудоизбыточные и трудонедостаточные регионы. К трудоизбыточным регионам относились национально-территориальные образования с высоким приростом населения, которое, тем не менее, продолжало вести традиционный образ жизни и не склонно было работать на заводах (как политкорректно тогда писали, «из-за недостаточных навыков к индустриальному труду»).

К трудонедостаточным регионам относились русские области в Центральной России из-за постоянно снижающейся рождаемости и постоянного миграционного оттока населения. Сейчас это звучит непривычно, но в СССР главными мигрантами были именно русские. В рамках политики «выравнивания национальностей» капитальные вложения в союзные республики всегда были больше, чем в РСФСР, там усиленно развивали индустрию и создавали промышленные предприятия (хотя в РСФСР все это строить было существенно дешевле, чем на окраинах, но об экономической эффективности Госплан думал в последнюю очередь). Несмотря на «трудоизбыточность» национальных регионов, заводы, построенные на их территориях, приходилось комплектовать русскими рабочими из Центральной России. Именно за счет русских рабочих после войны и рос процент славянского населения в национальных республиках.

При этом русскими рабочими управляли «национальные кадры» — многочисленные партийные работники, мини-

стры, доктора наук, укомплектованные из представителей «титულных наций». Русские были «гостями» в национально-территориальных образованиях, а после распада СССР им присвоили статус «окупантов». Это оказалось достойным завершением семидесяти лет советской национальной политики, которая последовательно выращивала, дотировала все нерусское, снабжала нерусских «их» территориями и коренизированными элитами. Все это делалось за счет ресурсов, материальных и людских, бесправного русского населения.

Остается последний штрих. Почему русские спешили покидать свои деревни и были вынуждены в поисках лучшей доли уезжать в союзные республики, в то время как сельское нерусское население, снабженное «своими» национально-территориальными образованиями, к внутрисоюзной миграции не было склонно?

Ответ прост: в русских областях сознательно создавались неприемлемые условия труда, в то время как «националов» стремились поощрять. «В 1951 году, например, колхозник за 1 трудодень мог получить в Смоленской области 890 г зерна и 17 коп. денег. В Эстонии за тот же трудодень выплачивалось 1 кг 830 г зерна и 1 руб. 50 коп. денег, а в Таджикистане — 2 кг 400 г зерна и 10 руб. 5 коп. денег»³⁸. На закате советской системы специалисты были вынуждены признать: «В нашей стране действует своеобразная дифференциальная рента, в результате которой доходы жителей южных республик гораздо выше доходов ряда областей СССР... В целом жизненный уровень жителей юга значительно выше, чем уровень жизни в Нечерноземье, Сибири и других регионах, что создает почву для неправильных настроений и ненужных трений»³⁹.

³⁸ Там же. С. 213.

³⁹ Саликов Р.А., Копылов И.Я., Юсупов Э.Ю. Национальные процессы в СССР. М.: Наука, 1987. С. 242.

³⁷ Там же. С. 241.

Русские в СССР были экономически и политически ущемлены: экономическое притеснение на своей земле вынуждало их мигрировать в национальные республики, где, в свою очередь, они оказывались в дискриминированном положении. Русские приезжали в нерусские республики, нерусскость которых поощрялась Москвой, в то время как своих республик у русских не было. Интересы русских в СССР просто некому было защищать.

Российская Федерация — дело Ленина живет

«Будучи первым многонациональным Советским государством, РСФСР явилась прообразом Союза ССР»⁴⁰. После распада Советского государства именно Российская Федерация, из названия которой исчезли эпитеты «советская» и «социалистическая», тем не менее унаследовала принципы советской многонациональной политики, в то время как остальные союзные республики с большим или меньшим успехом начали трансформироваться в национальные государства. РСФСР явилась прообразом СССР. Теперь РФ является его подобием, последним осколком советской системы. Российская Федерация была создана до СССР и продолжает свое существование после его распада. Реформы начала 1990-х оставили неизменными тот фундамент, который заложили большевики, возводя в 1920-е гг. многонациональное здание российской государственности.

В конце 1980-х гг. много говорили о необходимости радикального пересмотра тех принципов, на которых основывается российская (тогда еще советская) федеративная государственность, ставящая русских в неравноправное положение. Борис Ельцин предлагал создать русские республики, чтобы хоть как-то компенсировать это неравноправие. Однако эти пред-

ложения не получили дальнейшего развития.

После распада СССР российский федерализм претерпел значительные изменения. Были существенно расширены полномочия законодательной и исполнительной власти на местах, все автономные области (за исключением Еврейской) были преобразованы в республики, что, впрочем, предлагалось еще советскими специалистами в 1970-е гг. Но первоосновы российской государственности остались неизменными. Русские так и не получили своего политического представительства в РФ. Между тем Россия большинством идеологов и политиков рассматривается в качестве многонационального государства, несмотря на 80% русского населения. Видимо, это слишком мало для национального государства. Впрочем, то, что в большинстве национальных республик в составе РФ процент титульной нации весьма невысок, почему-то не мешает им считаться национальными. Когда же речь заходит о том, что русским, как и другим народам в многонациональном государстве под названием Российская Федерация, необходимо предоставить свои национально-территориальные образования, выясняется, напротив, что русских слишком много и что русские республики им не нужны. Как и при большевиках, русские виноваты в любом случае — то их слишком много, то их слишком мало, то они слишком отсталые, то слишком развитые...

Как и при большевиках, русская национальная консолидация по-прежнему рассматривается в качестве серьезнейшей опасности для государственной системы. Возможное создание Русской республики называют «троянским конем» для России, самым главным вызовом российскому федерализму⁴¹. «Создание Русской

⁴¹ Зорин В.Ю. Этнополитический фактор в развитии Российского федерализма // Этнопанорама. 1999. № 2. С. 13–14.

республики привело бы к фактическому демонтажу Российской Федерации, дезинтеграции России»⁴². Воспроизводство этой типичной ленинско-сталинской логики в современной России неудивительно: ведь российский федерализм до сих пор строится на фундаменте, заложенном большевиками в 1920-е годы. Русские — главная тягловая лошадь империи и они же — «троянский конь», главная угроза для российской государственности. Соответственно и российская государственность является угрозой для русских.

Русские имели все шансы построить нормальное цивилизованное европейское национальное государство. Вместо этого они фактически сгорели в топке гигантской многонациональной, подчеркнута нерусской империи и до сих пор продолжают восприниматься в качестве простого придатка к «державе». Из русского центра в нерусские окраины выкачивались людские и финансовые ресурсы. При этом каждую нерусскую национальность заботливо взращивали — а русским оставалось довольствоваться ролью «станового хребта» империи. Любая попытка попросить что-то для себя немедленно расценивалась (и продолжает расцениваться) как «великорусский шовинизм». В итоге русские области (собственных республик русские не удостоились) покрыты депрессивными моногородами и руинами из полуразрушенных деревень, населенных нищими пенсионерками. Русские продолжают депопулировать, а наметившиеся положительные сдвиги в демографической динамике российского населения происходят за счет миграции из стран СНГ и повышенной рождаемости в нерусских республиках. Процент русского населения уменьшается практически во всех регионах России, не говоря уже о стремительной убыли русских в национальных республиках Северного

Кавказа. Неужели и в этих условиях русские должны быть лишены своей национальной государственности, которая бы принимала во внимание русских именно как нацию? Почему такая государственность предоставлена всем остальным народам России, в то время как русским приходится довольствоваться ролью безликого субстрата «российской нации», подобно тому, как в СССР им предлагалось раствориться в «советском народе»?

«Национализм — это прежде всего политический принцип, согласно которому политическое и национальное единство должны совпадать». Так начинается свою знаменитую книгу Э. Геллнер⁴³. Основная цель национализма — добиться совпадения нации и государства. Но почему-то применительно к русскому национализму об этом забывают и подводят под рубрику «русский национализм» все что угодно: ворчливо-бытовое «понаехали тут», мечты о Третьем Риме и о православной империи, неприятие демократии и любовь к общинности и сильной руке... На самом деле русский национализм — это совсем о другом. Главная цель русского национализма как системы убеждений состоит в том, чтобы русские обрели свое политическое существование в виде своих национальных республик (или «штатов») в составе федеративного образования, построенного на принципах равноправия и демократии, не сверху, а снизу, не из Москвы, а из регионов. На смену нынешнему российскому федерализму, чья основа, заложенная большевиками, осталась не затронутой постсоветскими реформами, должен прийти подлинный федерализм, учитывающий интересы русской нации. Современная нация не может не иметь политического измерения. Иначе это в лучшем случае этнографический артефакт, в худшем — бесправное и безликое пушечное мясо, роль которо-

⁴² Тощенко Ж. Потенциально опасные точки // Независимая газета. 1994. 1 марта.

⁴³ Gellner E. Nations und Nationalism. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1983. P. 1.

го и отвели русским большевики. Вся созданная большевиками система государственности была (и остается) нацеленной на то, чтобы лишить русских политического существования.

Политическое существование русских — это не вопрос отвлеченной теории или восстановления некоей исторической справедливости, это — самая насущная и неотложная задача, которая прямо касается каждого русского. То, что после распада СССР эта задача не была решена, уже успело ударить по миллионам людей. Вспомним судьбу русских, оставшихся за пределами СССР. Советская многонациональная империя, экономически дискриминируя бесправные русские области центра России, выдавила миллионы русских на нерусские окраины, где они работали на «выравнивание республик». После 1991 г. они превратились там в никому ненужных «русских колонизаторов». Но и многонациональной (=нерусской) Российской Федерации они тоже оказались не нужны. Русские, бежавшие в Россию из стран СНГ, годами не могли получить даже российского гражданства (и это в то время, как абхазам и югоосетинам раздавались российские паспорта), не говоря уже о какой-то материальной помощи. Вместо того чтобы пустить бюджетные средства на обустройство русских репатриантов, их пустили на «сохранение территориальной целостности государства», на то, чтобы дотировать национальные республики и покупать лояльность излишне «суверенных» этнократических элит.

Впрочем, до сих пор «уровень федеральной поддержки слаборазвитых республик остается более высоким, чем «русских» регионов, если мерить по доле федеральных перечислений в доходах бюджетов регионов»⁴⁴, что

неудивительно, если помнить о тех принципах, которые положены в основу российской государственности.

Если бы у русских было свое национальное государство или хотя бы свои национальные русские республики в составе РФ, проблему русских беженцев удалось бы решить совсем по-другому. Скажем, за пределами Германии после Второй мировой войны тоже оказались миллионы немцев. Но Германия — это национальное государство, а не «многонациональная держава», и потому сложно представить себе немца, который бы приехал в Германию и годами стоял бы в очереди за гражданством. Напротив, Германия сознательно стимулировала приток этнических немцев со всего мира, поощряя их многочисленными льготами и пособиями. Но русским не повезло со своим национальным государством...

* * *

Истоки современной российской государственности не стоит искать в глубине веков, во временах Ивана III или Петра I. Они лежат куда ближе к нам. Фундамент российской государственности заложили большевики в 1920-х гг., руководствуясь идеями Ленина и Сталина. С тех пор здание неоднократно перестраивалось, но фундамент остался прежним. *Мы продолжаем жить в государстве, основу которого составляет отрицание русской нации.* Те, кто возмущается мавзолеем на Красной площади, многочисленными памятниками Ленину по всей стране, не понимают, что самым главным памятником Ленину является Российская Федерация. Дело Ленина–Сталина процветает, принципы их национальной политики продолжают претворяться в жизнь. Едва ли снос памятников Ленину сможет что-то изменить, в то время как главный памятник Ленину продолжает стоять.

⁴⁴ Федерализм и этническое разнообразие в России / Под ред. И. Бусыгиной и А. Хайнеманн-Грюдера. М.: РОССПЭН, 2010. С. 93.

АЛЕКСАНДР ВДОВИН

УНИТАРИЗМ

ПРОТИВ ФЕДЕРАЛИЗМА

Почему дореволюционные государствоведы не любили федерализм

В дореволюционной России к федерализму как к принципу государственного устройства относились с большой настороженностью, не без оснований усматривая в нем опасность ослабления государства.

«Говорят, наше государство должно сделаться федеральным, союзным, но где будет положен предел количеству федеральных областей, что останется за центральной властью, к каким областям и народностям это относится, — нам не говорят точно и обстоятельно. Неудивительно, что тогда многие города вспомнят о своих вольностях — Новгород, Псков, а за ними потянутся Тверь, и дело дойдет, пожалуй, до Москвы», — писал директор народных училищ Акмолинской и Семипалатинской областей в 1906 г.¹ В такого рода высказываниях, по существу, формулировалось неприятие федерализма просвещенными слоями общества.

Ученые-государствоведы с еще большей убедительностью доказывали, что наибольшей прочностью и способностью концентрировать всю мощь государства в ответственные исторические моменты (отражение агрессии, решение других задач, требующих участия всех соотечественников) обладают унитарные государства. Профессор А.А. Жилин в 1912 г. писал: «Превращение России в союзное государство,

по нашему глубокому убеждению, было бы гибелью этого государства»². А.С. Яценко, всю свою жизнь исследовавший проблемы федерации во всем мире, утверждал (1912), что создать в России федерацию, построенную по национальному признаку, невозможно: «Никакая областная децентрализация или федерация... не может разрешить национальный вопрос»³. К аналогичному выводу пришел видный государствовед Ф.Ф. Кокошкин. Построение российской федерации на начале национального разделения он расценивал в 1917 г. как задачу «практически не осуществимую»⁴. Перекроить политическую карту России по национальному признаку означало бы, согласно П.А. Сорокину (1917), «раздробить ее на сотни государств... на мордовское, малорусское, самоедское, латышское, грузинское, литовское и т.д. В итоге мы получили бы такую картину, нелепее и утопичнее которой нельзя было бы ничего выдумать»⁵.

Государственное устройство Российской республики было предметом

² Жилин А.А. Теория союзного государства. Разбор главнейших направлений в учении о союзном государстве и опыте построения его юридической конструкции. Киев, 1912. С. 352.

³ Яценко А.С. Теория федерализма: Опыт синтетической теории права и государства. Юрьев, 1912. С. 392.

⁴ Кокошкин Ф.Ф. Автономия и федерация. Пг., 1917. С. 14.

⁵ Сорокин П.А. Вечный мир и всемирное единение народов. Пг., 1917. С. 14.

¹ Алекторов А.Е. Иногородцы в России. Современные вопросы. СПб., 1906. С. 109–110.

обсуждения Особой комиссии по составлению проекта Основных законов при Временном правительстве. Разработку Конституции России как парламентской республики во главе с Президентом, избираемым Учредительным собранием⁶, возглавлял один из лучших государствоведов России Н.И. Лазаревский, автор известных университетских курсов по русскому государственному праву⁷. Выработанный им «Предварительный проект статей основных законов по вопросу об автономизации (федерации)» исходил из базовой установки: «Государство Российское едино и нераздельно». Проект предполагал, что «в государстве Российском будет областная автономия». Предусматривалось, что «законы, издаваемые областными властями, не имеют обязательной силы, если противоречат... основным законам... изданным центральною государственною властью... и не основаны на законах, определяющих устройство и предметы ведения областных учреждений». Автономной единицей в составе России рассматривалась Финляндия, которой гарантировалась самостоятельность «на основаниях и в пределах, установленных законом о взаимных отношениях России и Финляндии, принятым Учредительным собранием (тогда-то), и формой правления, утвержденной (тем-то и тогда-то)»⁸. Положения законопроекта были одобрены 17 октября 1917 г., но через неделю Российская республика стала Советской.

Ставшие у руля Советской России вожди и учителя революционного про-

летариата сначала были тоже сторонниками единого централизованного государства. Вслед за К. Марксом и Ф. Энгельсом они считали наиболее оптимальной формой развитых капиталистических и социалистических государств неделимую демократическую республику с подчинением всех ее частей единому центру. «Пролетариат, — писал в 1891 г. Энгельс, — может употребить лишь форму единой и неделимой республики. Федеративная... уже становится помехой»⁹. «Мы, — подчеркивал В.И. Ленин, — в принципе против федерации — она... негодный тип для одного государства»¹⁰. На Поронинском совещании ЦК РСДРП с партийными работниками в сентябре 1913 г. была принята резолюция по национальному вопросу, которая вплоть до Октябрьской революции в России рассматривалась как программная декларация партии. Согласно резолюции, все, что требовалось для достижения национального мира, — это широкая областная автономия всех областей России и вполне демократическое местное самоуправление¹¹. Будущее человеческой цивилизации марксисты связывали с переходом от разного типа союзных государств к вполне единой, централистско-демократической республике, и от нее — к безгосударственному общественному самоуправлению¹². Представления Сталина о государственном устройстве России излагались весной 1917 года в статье с характерным названием «Против федерализма»¹³.

С высоты наших дней становится все более очевидным: такое отношение к федерализму определялось не предубеждениями, а предусмотритель-

⁶ См.: Макаров В.Б. История государственного управления и местного самоуправления в России (IX в. — 1917 г.). Нижний Новгород, 2000. С. 190.

⁷ См.: Лазаревский Н.И. Лекции по русскому государственному праву. СПб., 1908; и др.

⁸ Предварительный проект статей основных законов по вопросу об автономии (федерации) // Красный архив. М.—Л., 1928. Т. 3. С. 131–132.

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 22. С. 238.

¹⁰ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 48. С. 235.

¹¹ Там же. Т. 24. С. 58, 149.

¹² Там же. Т. 33. С. 147, 72.

¹³ Сталин И.В. Соч. М., 1946. Т. 3. С. 23–31.

ностью. Однако предостережения не сработали.

Сколько самостоятельных республик может быть в России?

Республика, которая была провозглашена в стране после Октябрьской революции, первое время именовалась Советской Российской республикой или Социалистической республикой Советов. Однако уже через месяц, опасаясь распада многонационального государства при унитарной форме правления и стремясь перехватить инициативу в борьбе за массы, В.И. Ленин провозгласил: нечего бояться, что Россия раздробится на отдельные республики. «Сколько бы ни было самостоятельных республик, мы этого страшиться не станем, для нас важно не то, где проходит государственная граница, а то, чтобы сохранялся союз между трудящимися всех наций для борьбы с буржуазией каких угодно наций»¹⁴. На III съезде Советов 25 января 1918 г. Российская республика была объявлена федерацией Советских национальных республик, хотя таковых даже в минимально множественном числе, необходимом для образования федерации (две республики), пока еще не существовало.

Сделано это, конечно, было отнюдь не потому, что мелкие государства и присущий им «местный национализм» были большевистским идеалом, а исключительно из популистских соображений — для создания «благоприятной атмосферы» в борьбе за власть в национальных регионах. Ленин всячески приветствовал образование многочисленных временных советских правительств при продвижении революционных армий на «несоветскую» территорию. «Это обстоятельство имеет ту хорошую сторону, — разъяснялось в телеграмме Главкому И.И. Вацетису от 29 ноября 1918 г., состав-

ленной Сталиным и дополненной Лениным, — что отнимает возможность у шовинистов Украины, Литвы, Латвии, Эстляндии рассматривать движение наших частей как оккупацию и создает благоприятную атмосферу для дальнейшего продвижения наших войск. Без этого... население не встречало бы их как освободителей. Ввиду этого просим дать... указание о том, чтобы наши войска всячески поддерживали временные Советские правительства Латвии, Эстляндии, Украины и Литвы, но, разумеется, только Советские правительства»¹⁵. «Местный национализм», таким образом, использовался для захвата власти в России и при попытках распространить эту власть повсеместно в ходе мировой революции. По словам Н.И. Бухарина, «национализм, как и сепаратизм колониального, национального движения» нужно было использовать как «элементы распада», как «разрушительные силы, которые объективно ослабляют мощь... государства»¹⁶, подлежащего социалистической перестройке.

Унитаризм и централизм конфедеративного Союза ССР

Федерация на основе автономии типа РСФСР в советской историографии чаще всего представлялась единством более прочным, нежели федерация на основе союза субъектов. Зависимость между этими явлениями не столь очевидна. Известные российские государствоведы убедительно разъясняли, что «государство может быть чрезвычайно централизованным, однако федеральным. Это означает, что отдельные части государства участвуют в отправлении суверенитета, однако в государстве не выделен никакой определенный круг вопросов, который бы решался самостоятельно частями, а не центром. И наоборот, государство может быть

¹⁵ Там же. Т. 37. С. 234.

¹⁶ Бухарин Н.И. Избранные произведения. М., 1988. С. 70.

¹⁴ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 35. С. 115.

построено на чрезвычайно широкой автономии частей и в то же время быть не федеральным»¹⁷. Автономия отличается от федерации не тем, что автономному образованию предоставляется меньше прав самостоятельности, чем государству — члену федерации. Отличие в том, что «государство выделяет в пользу автономной области или союза определенный круг законодательных, административных и других полномочий не в полное распоряжение этой автономной области, а лишь при условии контроля, — будь то в форме санкции или опротестования законов, утверждения того или иного высшего должностного лица: изменения состава палат автономной области и т.д.»¹⁸. Федерацию отличает от автономии не количественная степень суверенности, не степень единства, а различие отношения децентрализованной части государства с центром. По своей природе автономия таит в себе не меньшую опасность ослабления и распада государственных связей, чем федерация. Чем больше развивается автономность областей, различных по своей культуре и экономике, тем труднее становится осуществлять контроль из центра. Единство государства может не увеличиваться, а уменьшаться. Федеративное государство по своей природе бли-

же к централизованному государству, чем области, связанные между собой посредством автономного союза. Своеобразные задачи отдельных земель могут беспрепятственно возрастать, но этот процесс идет не за счет центра, сохраняющего установленный круг полномочий¹⁹.

В советской обществоведческой традиции представления об автономии и федерации в их отношении к централизму как бы поменялись местами. Произошло это скорее всего потому, что ссылки на «уникальность» государственного устройства были удобным поводом игнорировать и теорию федерализма, и отечественный исторический опыт.

Россия с петровских времен имела губернское деление. При Петре I было 8 губерний, в конце XVIII в. — 50, к началу Первой мировой войны — 78. К 1917 г. в границах нынешней Российской Федерации существовали 39 губерний и 9 областей. Губернии имели трехзвенную структуру: губерния — уезд — волость. Всю полноту власти осуществляли губернаторы. Имелись губернские и уездные дворянские собрания, а также волостные сходы как выразители интересов крестьянского сословия. Области в основном формировались на окраинах империи. В них, в отличие от губерний, не было дворянских собраний, земств. Чаще всего они совмещались с общинами казачества. Смежные губернии и области объединялись в генерал-губернаторства. На территории современной России их было четыре (Московское, Степное, Иркутское и Приамурское)²⁰.

Считается, что история российской государственности, характеризующаяся постоянным включением в свое лоно новых территорий, всегда обнаруживала в своем устройстве элементы феде-

¹⁷ Алексеев Н.Н. Советский федерализм [1927] // Россия XXI. 1994. № 1–2. С. 127. На это же указывает и современный британский исследователь: «Система, которую обычно называют “унитарной” (типа Британской империи), может во многих отношениях быть менее централизованной, чем та, которую традиционно величают федеративной». Федеративные Соединенные Штаты Америки, к примеру, в 1970 г. были культурно, политически и экономически «гораздо более централизованными», чем «унитарная» Британская империя, в частности, в 1920 г. (Кинг П. Классифицирование федераций // Политические исследования. 2000. № 5. С. 12).

¹⁸ Лазерсон М.Я. Национальность и государственный строй. Пг., 1918. С. 20.

¹⁹ Там же. С. 29

²⁰ Шаров Ю.А. Российский федерализм: начаты структурные изменения // Федерализм. 2000. № 3. С. 72.

рализма²¹. На наш взгляд, точнее было бы утверждение: не федерализма, а автономности. Вряд ли можно говорить, что Финляндия и Польша, с одной стороны, Бухара и Хорезм — с другой, находились между собой в федеративных отношениях. Более всего они походили на автономные части единого государства²². Главам этих «автономий», так же как и губернаторам, было непозволительно вмешиваться в общероссийскую политику²³. Много общего с автономией имело и местное самоуправление частей государства с нерусским населением. Отличие простой самоуправляющейся области (города, уезда) от автономной обнаруживается в том, что органы местного самоуправления имеют предметом своего ведения местные интересы, одинаковые на всем пространстве государства, независимо от национальных, экономических и других отличий (например, вопросы здравоохранения, благоустройства и пр.). Органы автономии как органы политического самоуправления имеют предметом своего ведения интересы обособности данной области²⁴.

Таким образом, федерация, автономизация, централизованное государство представляют собой различные, оптимальные в определенных исторических условиях формы взаимодействия частей одного государства. А также — формы выражения, согласования и реализации интересов всего государства и его частей, интересов

общегосударственных и частных. Происхождение союзных государств связано, конечно, с национальным вопросом, но не обязательно обусловлено только им.

В истории СССР федерализм имел в своей основе исключительно национальный вопрос. Утверждалось даже, что в однопациональных государствах федерализм «не имеет смысла»²⁵. Понимание федерализма целиком определялось представлением о сущности национального вопроса и конкретных непосредственных задач, связанных с его решением. В январе 1918 г., отодвинув планы непосредственного строительства единой и неделимой социалистической республики, основатели Советского государства встали на точку зрения приемлемости федерализма, который по мере разрешения национальных противоречий должен был приобретать все более централистские формы.

Всемирная пролетарская республика казалась Ленину совсем близкой. Широко известны его слова о том, что большевики пошли на захват власти в России «исключительно в расчете на мировую революцию»²⁶. После прихода к власти он неустанно призывал «идти на самые величайшие национальные жертвы... если это полезно развитию *интернациональной* рабочей революции»²⁷. Когда, несмотря на жертвы, революции не случилось, он очень хотел, чтобы «пролетарская Советская республика, первая в мире свергнувшая свой империализм, продержалась до революции в Европе, раздувая пожар в других странах»²⁸. До конца дней своих Ленин выражал уверенность в близости и неизбежности международной революции.

²¹ См.: *Абдулатипов Р.Г., Болтенкова Л.Ф., Яров Ю.Ф.* Федерализм в истории России: В 3 кн. М., 1992–1993.

²² См.: *Никерфов Г.* Была ли Россия тюрьмой народов? // Народ. Общероссийская газета репрессированных народов. 1993. № 3. С. 5.

²³ *Смифнягин А.В.* Российский федерализм: парадоксы, противоречия, предрассудки. М., 1998. С. 17.

²⁴ См.: *Лазерсон М.Я.* Автономия и федерация. Пг., 1917; *Постовой Н.В.* Местное самоуправление: история, теория, практика. М., 1995; и др.

²⁵ *Чистяков О.И.* Конституция РСФСР 1918 года. М., 1984. С. 90.

²⁶ *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Т. 42. С. 1.

²⁷ Там же. Т. 37. С. 108.

²⁸ Там же.

13 марта 1919 г. он внушал своим слушателям в «Железном зале» Народного дома в Петрограде: «Мы еще раз говорим себе и вам с полной уверенностью, что победа обеспечена за нами в мировом масштабе... Мы скоро увидим рождение всемирной федеративной советской республики»²⁹. В последней статье В.И. Ленина «Лучше меньше, да лучше», продиктованной 2 марта 1923 г., утверждается: «Весь мир уже переходит теперь к такому движению, которое должно породить всемирную социалистическую революцию»³⁰.

Таким образом, Ленин всегда оставался верен идее мировой революции и мировой федеративной советской республики, призванной окончательно разрешить национальный вопрос в стране и мире. Однако на практике удалось реализовать лишь самые первые, начальные этапы грандиозного замысла. После смерти вождя его ожиданиям по части мировой революции было не суждено сбыться, а «принципы» построения социализма в одной стране со временем стали все меньше походить на изначальные умозрения. К примеру, сразу же выяснилось, что принцип права нации на самоопределение очень трудно осуществить на практике из-за одной непредусмотренной, но важной детали. Осуществление принципа требовало ясности представлений о том, что есть нация и какие народы могут «на законных основаниях» воспользоваться правом на образование национального государства, самостоятельного или в рамках федерации. Определенности в ответах на кардинальные вопросы — какие народы и в каких формах будут участвовать в строительстве советской федерации — не было никакой. Принцип «равенства и суверенности народов»,

²⁹ Цит. по: Волкогонов Д.А. Семь вождей. Кн. 1. С. 84. Ср.: Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 38. С. 72.

³⁰ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 45. С. 403.

провозглашенный в «Декларации прав народов России» 15 (2) ноября 1917 г.³¹, предполагал соответствие федерального строя национальной структуре населения страны. Этот же принцип сам по себе не предполагал никаких различий между «равными и суверенными» субъектами будущей федерации. В жизни все было иначе. Можно сказать, реальная советская федерация строилась на принципиально беспринципной основе. На долговечность такой постройки вряд ли можно было рассчитывать. Поэтому она и не насчитала даже одного века своей истории.

К. Маркс и Ф. Энгельс имели явно суженные представления о народах, имеющих право на самоопределение. В 1866 г. Энгельс отнес к числу «больших и четко очерченных наций Европы» Италию, Польшу, Германию и Венгрию. Причем польский народ, как преимущественно крестьянский, оказался в этом перечне в виде исключения. Его самоопределение должно было ослабить реакционную, по представлениям классиков марксизма, Россию. В отношении сербов, хорватов, русинов, словаков, чехов и других «мелких национальностей» тогда же было заявлено, что они уже превращены в составную часть более прогрессивных наций, их требования самоопределения ни в коем случае не стоило поощрять³².

Советской науке, несмотря на выработанное научное, как утверждалось, определение нации, внести ясность в вопрос о российских народах, субъектах самоопределения, тоже не удалось³³. В постсоветский период этим, по

³¹ Декларация прав народов России // В. И. Ленин, КПСС о Советском многонациональном государстве. М., 1981. С. 100.

³² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 16. С. 159–162.

³³ Этот вопрос остается дискуссионным и в наши дни. См.: Тишков В.А. Забыть о нации (пост-националистическое понимание национализма) // Вопросы философии. 1998. № 9;

существо, никто не занимался. Однако считается, что в наше время «происходит увеличение российских национальностей». Согласно пособию «Что нужно знать о народах России» (1999), было 146 наций и народностей, а сейчас их насчитывается 176³⁴. Создающееся таким образом представление о значительном увеличении числа народов, проживающих в России, иллюзорно. В действительности на ее территории продолжают жить народы, зафиксированные в переписях изначально. Оценки численности наций и национальных групп 1930–1950-х гг. были продиктованы установками на нивелирование, сближение и слияние наций, лежавшими в основе представлений о тенденциях в развитии наций при социализме. В оценках Сталина эти установки сказались в наибольшей степени³⁵.

Теоретическая неясность представлений о нациях, народностях, других элементах национальной структуры российского общества затрудняла определение положения различных народов в федерации. Видимо, внесение определенности в этот вопрос представлялось не столь уж и важным: федеральный строй России создавался не только наспех, но и как строение временное, обеспечивающее переход к полному единству трудящихся и к полному слиянию наций. Слияние представлялось возможным достичь в обозримой исторической перспективе.

Здравомыслов А.Г. Релятивистская теория нации // Свободная мысль. 1999. № 1; *Козлов В.И.* Этнос. Нация. Национализм. Сущность и проблематика. М., 1999; *Руткевич М.Н.* Теория нации: философские проблемы // Вопросы философии. 1999. № 5; *Он же.* О двух концепциях нации // Свободная мысль — XXI. 1999. № 1; и др.

³⁴ Что нужно знать о народах России. Справочник для государственных служащих. М., 1999. С. 69, 521.

³⁵ См.: *Шамба Т.М.* Национальная политика и национально-государственное устройство Российской Федерации. М., 2000. С. 94, 97.

К примеру, Х.Г. Раковский, написавший в 1923 г., что создавшиеся после Октябрьской революции условия давали возможность изжить национальные особенности после «чрезвычайно длительного процесса, который будет тянуться, может быть, не десяток, а сотню лет»³⁶, впоследствии обвинялся в национализме как раз за то, что отводил на решение национального вопроса «не десяток, а сотни лет»³⁷.

В официозной литературе 1920-х гг. утверждалось, что федерализм имеет «чисто инструментальное значение», выступает как «средство для изживания национального вопроса» и необходим лишь постольку, поскольку позволял «безболезненно преодолевать федеративные предрассудки крестьянских масс». Считалось, что по мере успехов на этом пути представители советских наций «будут переходить от защиты отдельных интересов этих наций перед Союзом к защите общих интересов Союза перед нациями»³⁸. Можно сказать вслед за М.П. Томским, что отношение к федерализму с первых лет существования СССР оставалось таким же, как и к национальным движениям вообще. К нему относились «как к неизбежному злу»³⁹.

Постоянно подчеркивавшаяся в советское время уникальность российского федерализма позволяла, с одной стороны, полностью игнорировать «буржуазные» научные представления о федерации и других формах союзов

---

³⁶ *Раковский Х.Г.* Союз Социалистических Советских Республик. Новый этап в советском союзном строительстве. Харьков, 1923. С. 12.

³⁷ *Диманштейн С.* Борьба за ленинскую национальную политику и ее итоги // Итоги разрешения национального вопроса в СССР. М., 1936. С. XIII.

³⁸ *Гурвич Г.С.* Основы Советской Конституции. 7-е изд. М., 1929. С. 210–211; *Он же.* О Советском Союзе. М., 1933. С. 33.

³⁹ Восьмой съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1919. С. 71.

народов и государств, а с другой — маскировать централизаторскую сущность советского федерализма. Видимо, этим объясняются возникавшие порой предложения вовсе отказаться от самого понятия «федерация» для характеристики Союза ССР. Наиболее отчетливо это прозвучало в выступлении А.И. Микояна в июне 1964 г. при обсуждении проекта новой Конституции. Председатель подкомиссии по вопросам национальной политики и национально-государственного устройства говорил: «Юристы нам подбрасывают такую идею, чтобы союзное государство назвать федерацией. Мы исходим из того, что в истории много разных федеративных государств. Содержание же каждой республики другое. Название “федерация”, разберешься, а сущность другая. Возьмите Соединенные Штаты, Германию, Австрию — это разные вещи. Если говорить о союзной федерации, то нужно указать разницу. И не случайно, что Конституция СССР не дает названия “федерация”. Нам нужно брать такие названия, которые здесь подходят. Это создано русской революцией»⁴⁰.

В действительности Советский Союз был государством унитарным, с характерной децентрализацией ряда функций управления, в нем не было полной централизации. Унитаризм конфедеративного СССР (по признаку свободы выхода республик из союза)⁴¹ определялся особой, по сути, диктаторской ролью КПСС в государстве. Диктатура,

«ничем не ограниченная, никакими законами, никакими абсолютно правилами не стесненная, непосредственно на насилие опирающаяся власть»⁴² применительно к национальным отношениям и федерализму (как и в других отношениях) означала, что «вся юридическая и фактическая конституция Советской республики строится на том, что партия все исправляет, назначает и строит по одному принципу»⁴³.

Архитектоника постсоветского федерализма

Нынешняя архитектоника российского федерализма почти целиком досталась нам в наследство от 1920–1930-х гг. Распад СССР по существу мало что в ней изменил. По своей структуре нынешний российский федерализм лишь приблизился к бывшему всесоюзному. На территории современной России, где перед революцией насчитывалось 48 губерний и областей, ныне имеется 89 субъектов федерации. За «республикообразующими» нациями закреплено право на государственный суверенитет с Конституцией, Парламентом и Президентом. За остальными — право на усеченный национальный суверенитет с Уставом субъектов РФ и правом избирать губернаторов. Многие из нынешних субъектов федерации до 1917 г. представляли собой уезды и волости. Их нынешняя «суверенность» выражается зачастую лишь в претензиях на послабления в несении общегосударственных тягот и на безвозмездную помощь (с другой точки зрения — «замаскированную дань»⁴⁴)

⁴⁰ Микоян А.И. Выступление на заседании Конституционной подкомиссии 16 июня 1964 г. Цит. по: Российский федерализм: опыт становления и стратегия перспектив. М., 1998. С. 199.

⁴¹ По более точному определению, «Советский Союз был государством унитарным, с характерной децентрализацией ряда функций управления: естественно, в нем не было полной централизации» (Гранберг А.Г. Политика и ученый // Экономика и организация промышленного производства. 1993. № 4. С. 25).

⁴² Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 12. С. 320.

⁴³ Там же. Т. 41. С. 493.

⁴⁴ Славный Б. От империи к национальному государству // Рубежи. 1995. № 2. С. 96. Представители республик к дотациям зачастую относятся как к должному. Уже найден новый универсальный способ их объяснения. Утверждается, что дотационность — «не на-

со стороны Центра, иначе говоря, все того же «старшего брата».

Из-за стремления создать наиболее благоприятные экономические условия для отсталых наций границы национально-территориальных образований, вопреки принципу самоопределения, расширялись за счет включения в их пределы очагов промышленности и районов с русским населением. Несмотря на это, большинство субъектов вплоть до наших дней не может обходиться самофинансированием, дотируется из общегосударственного бюджета; полномочия оказываются для них «явно не карману»⁴⁵. В 1993 г. общая сумма субвенций составляла 296 млрд руб., кроме того, на покрытие расходов, превысивших доходы, было истрачено 1302,6 млрд руб.⁴⁶. Ситуация не менялась и в последующие годы⁴⁷. В 1996 г. доля собственных доходов в расходах в расчете на душу населения составляла: в Республике Северная Осетия (Алания) — 35,7%; в Республике Алтай — 29,4%; в Республике Калмыкия — 27,2%; в Усть-Ордынском Бурятском автономном округе — 25,9%; в Республике Тыва — 23,4%; в Республике Дагестан — 17,4%, в Агинском Бурятском автономном округе — 17%; в Корякском автономном округе — 15,3; в Чеченской Республике — 10,5%; в Республике Ингушетия — 6,7%⁴⁸.

циональный признак, а вследствие господствующего территориального «размещения производительных сил» (Иванов П.М. Каким быть завтра федерализму в России? // Федерализм. 1999. № 3. С. 38).

⁴⁵ Лысенко В.Н. Развитие федеративных отношений в современной России. М., 1995. С. 175.

⁴⁶ Басалай А.А. Псевдосуверенизация и ее последствия // Диалог. 1996. № 2. С. 33.

⁴⁷ Саликов М.С. Сравнительный федерализм США и России. Екатеринбург, 1998. С. 513, 596.

⁴⁸ См.: Хурсевиц С. Пути оценки финансового состояния субъектов Федерации // Деловой экспресс. 1997. № 21. С. 5.

Представители некоторых российских национально-государственных образований хотели бы сохранить подобную практику и на будущее. Сначала надо преодолеть различия в уровнях экономики, в социальной сфере субъектов РФ, «а уже потом думать об их укрупнении» — таков, например, взгляд председателя парламента Ингушетии на эту проблему⁴⁹.

Глубоко укоренившаяся в практике федеральных отношений традиция давать национальным образованиям особые привилегии в сравнении с другими субъектами федерации вызывает растущее недовольство «русских» областей и краев. Несмотря на это, нерусские национальные элиты пытаются как бы увековечить свои привилегии, «и если растут права областей, то лидеры республик стремятся повысить свои права еще сильнее»⁵⁰. В частности, они выступали против объединения российских регионов в ассоциации социально-экономического взаимодействия («Северо-Запад», «Центральная Россия», «Черноземье», «Северный Кавказ», «Большая Волга», «Большой Урал», «Сибирское соглашение», «Дальний Восток и Забайкалье»)⁵¹ и включения их глав в президиум правительства России. «Большинство субъектов-республик... против укрупнения, поскольку осуществление этой идеи создает де-факто новые республики, уже не на этнотерриториальной основе»⁵². Похоже, эгоизмом на-

⁴⁹ Перестраивать не ломая // Российская Федерация сегодня. 2000. № 7. С. 12.

⁵⁰ Смирнягин А.В. Указ соч. С. 22.

⁵¹ Их деятельность на федеральном уровне узаконена Указом Президента РФ от 11 ноября 1991 г. (Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 47. Ст. 1596).

⁵² Суровцев Ю.И. Укрупнение российских регионов? (Зачем? И каким образом?) // Россия и современный мир. 1999. № 3. С. 76. Ср.: Усс А.В. Укреплять Федерацию — наша задача // Федерализм. 1999. № 2. С. 11.

циональных элит блокируется та самая брешь, через которую лежит дорога к реальному федерализму.

Ныне идеология национальной политики существенно различается с идеологией советских времен: отброшен тезис о слиянии наций, дезавуированы концепции о «старшем брате» и «новой исторической общности», нет речи о нации, обязанной «выравнивать уровни». Поэтому правомерной становится постановка вопроса о том, что субъекты федерации должны существовать, если это отвечает интересам народов. Однако они должны функционировать в этнических границах и соразмерять свои расходы с собственными экономическими успехами. Необходимо менять основы сложившейся в годы советской власти национальной политики, которая не только позволяла наднациональному Центру «покупать лояльность национальных элит за счет постоянного “подкармливания” национальных регионов путем перераспределения национального дохода из русских территорий»⁵³, но и создавала

реальную возможность местным националистам заполучить совокупное большинство должностей в органах государственной власти и «командовать русскими, принимать такие решения, которые бы позволяли перераспределять значительную часть общенационального бюджета в свою пользу»⁵⁴. Это значит, что совершенствование федерализма в России не может не предусматривать решение русского национального вопроса, освобождение от своеобразной русофобии, перенятой от революционных годов.

Эфемерность государства, построенного на принципах этнического федерализма

Ныне, когда сняты запреты на критику большевистской теории национального вопроса, все отчетливее выявляется ее эклектичность. В сущности, в теории были объединены деструктивные и несовместимые национал-нигилистические и национал-сепаратистские положения. Национальные движения рассматривались исключительно как союзник на пути к мировой революции. Поддерживалось все, что максимально дестабилизировало буржуазные режимы с целью установления пролетарской диктатуры. Наиболее соответствующим этой цели считался лозунг о праве наций на самоопределение вплоть до отделения. Программа решения национального вопроса на основе культурно-национальной автономии, не предполагающая перекройку государственных границ

⁵³ *Лысенко В.Н.* Перспективы развития федерализма в России: симметричная или асимметричная федерация // Вторая международная конференция по федерализму. Москва, 16–17 декабря 1997 г. Труды конференции. М., 1999. С. 50. По данным экономистов, РСФСР в последние годы существования во имя «выравнивания уровней развития» и «интернационального долга» ежегодно передавала другим республикам СССР около 50 млрд долларов, еще 20–25 млрд долларов в год — странам СЭВ и странам третьего мира (*Шмелев Н.П.* Долги без авансов // Мир за неделю. 2000. 11–18 марта. С. 1); в 1990 г. каждый житель РСФСР производил товаров и услуг на 17,5 тыс. долларов, а потреблял их только на 11,8 тыс. и таким образом перечислял почти 6 тыс. долларов в год за пределы России (*Петров В.П.* Россия: Русский выбор. Чебоксары, 2000. С. 58). Во время поездки по России в 1990 г. Б.Н. Ельцин говорил о необходимости изменить сложившуюся ситуацию. «Россия подкармливает всех, Россия все время жертвовала. Россия все

время отдавала, — утверждал он в своем выступлении в Уфе 14 августа. — ...Мы не можем допустить, чтобы мы оплачивали другие государства, направляя помощь туда, да и другим республикам» (Кто развалил Советский Союз: история, Запад, Ельцин, Горбачев? // Независимая газета. 1997. 16 января. НГ-сценарии. № 1. С. 1).

⁵⁴ *Басалай А.* Основы межнационального согласия и дружбы // Диалог. 2000. № 5. С. 14.

многонациональных государств, была отвергнута как неревOLUTIONционная и «националистическая»⁵⁵.

С такими же целями с 1918 г. был официально принят на вооружение федерализм как принцип государственного устройства и как способ разрешения национального вопроса в России и мировом масштабе. Принят он был сначала из сугубо тактических соображений для расшатывания буржуазных государств и вовсе не предполагал действительной федерализации. В дальнейшем временная мера превратилась в постоянную, а затем стала рассматриваться как едва ли не единственно возможная. Распад Союза ССР произошел при попытке наполнить федеративное устройство «реальным политическим и экономическим содержанием»⁵⁶. М.С. Горбачев утверждал в своем выступлении на I съезде народных депутатов РСФСР 23 мая 1990 г., что мы «не жили в Федерации... Мы должны еще пожить в ней, чтобы окончательно сделать выводы», призывал «возродить идею Ленина о союзе суверенных государств»⁵⁷. Б.Н. Ельцин начинал свое восхождение к президентской власти тоже с обещаний в ленинском духе — «дать самостоятельность всем автономиям»⁵⁸, заключить «конфедеративный договор внутри всей России», закрепить за субъектами такую долю самостоятельности, которую они

могли бы «переварить»⁵⁹. Отвлекаясь от физиологии, он говорил: «Автономные республики, в частности, Татария, Башкирия, должны стать суверенными и получить статус союзных республик»⁶⁰.

Призывы Ельцина пришлись по душе немалому числу теоретиков и практиков политического процесса, развивавших мысли о том, что «Россия может состояться... только как конфедеративный союз земель и народов», «конфедеративное устройство — это высшая цель и наиболее удачная форма федерации», и она «жизненно необходима как в целом для России, так и для всех ее субъектов»⁶¹. В унисон с российскими конфедералистами выступали зарубежные «доброхоты» россиян, в частности, известный Збигнев Бжезинский. «Шансы России на будущее развитие улучшились бы, — внушал он по радио “Свободная Европа” 15 сентября 1998 г., — если бы Россия как федерация состояла из трех основных частей: Европейской России, Центральной России и Дальневосточной России. При такой конфедеративной организации отдельные регионы могли бы гораздо лучше развивать региональные торговые связи с окружающими торговыми зонами, нежели при сопутствующей системе»⁶².

Устояв против конфедеративного искуса, творцы новой России склонились

⁵⁵ См.: Волков В.К. Этнономенклатура и распад государства. СССР и Югославия // Свободная мысль — XXI. 2000. № 9. С. 58–59.

⁵⁶ Постановление I съезда народных депутатов СССР «Об основных направлениях внутренней и внешней политики СССР». 9 июня 1989 г. // Несостоявшийся юбилей. Почему СССР не отпраздновал своего 70-летия? М., 1992. С. 345.

⁵⁷ Горбачев М.С. Выступление на I съезде народных депутатов РСФСР. 23 мая 1990 г. // Несостоявшийся юбилей. С. 376, 377.

⁵⁸ Ельцин Б.Н. У русского человека все-таки есть Родина // Советская Эстония. 1990. 20 февраля.

⁵⁹ Из стенограммы встречи Б.Н. Ельцина с трудящимися г. Альметьевска ТАССР 6 августа 1990 г. // Независимая газета. 1992. 27 марта. С. 3.

⁶⁰ Цит. по: Якупова В.А. 100 историй о суверенитете. Казань, 2000. С. 42.

⁶¹ Бушуев В.В. Я — Мы — Они. М., 1999. С. 598; Губогло М.Н. От редактора // Амелин В.В. Вызовы мобилизованной этничности: Конфликты в истории советской и постсоветской государственности. М., 1997. С. 12–13.

⁶² Бжезинский Зб. Интервью радио «Свободная Европа» от 15 сентября 1998 г. (цит. по: Краус Т. Ельцинизм на весах истории // Россия и современный мир. 2000. № 2. С. 67).

все-таки к убеждению, что наиболее рациональная концепция устройства государства заключена в федерализме⁶³. Основным законом страны, спешно принятым в своеобразных условиях отрезвления от не в меру употребленного суверенитета разными властными структурами после октябрьского (1993) вооруженного противостояния парламента и президента, было установлено: «Россия есть демократическое федеративное государство с республиканской формой правления»⁶⁴. В июне 2000 г. Конституционный суд России внес существенное уточнение в представления о российской государственности. Положения конституций ряда республик в составе Российской Федерации об их суверенитете были признаны не соответствующими Конституции РФ⁶⁵.

Однако это вовсе не значит, что к настоящему времени в России утвердился федерализм, соответствующий общемировым тенденциям и вполне жизнеспособный в российских условиях. По оценкам специалистов, здесь «до конца XX в. не только не сформировались подлинно федеративные структуры, но даже не возникли их реальные проекты»⁶⁶. В стране наблюдаются

лишь отдельные проявления принципов федерализма (в основном в сфере нормотворчества), однако «отсутствует скоординированная политика, направленная на формирование основ реальной федерации»⁶⁷. Е.С. Строев полагает, что Россия имеет «очень рыхлое государственное устройство», федеративное государство подменено договорным, в котором «одному субъекту России дается столько полномочий, сколько он проглотит, а другим — фактически ничего»⁶⁸. Неспособность федерации реализовать свою компетенцию чревата обособлением регионов в удельные княжества, превращением ее в конфедерацию или, как прогнозирует Г.А. Явлинский, во фрагментированную систему авторитарных режимов и компрадорских образований⁶⁹. В.В. Путин, представляя в июле 2000 г. очередное ежегодное Послание Президента Федеральному Собранию, был вынужден признать, что вместо полноценной федерации «у нас еще есть, у нас создано децентрализованное государство»⁷⁰.

⁶⁷ *Ермаков В.Г.* Федерация как форма государственного устройства России. М., 1999. С. 17.

⁶⁸ *Строев Е.С.* Горжусь моей Родиной. М., 1999. С. 502–503; *Он же.* Трудный поиск отечественной модели федеративных отношений // *Федерализм.* 1999. № 1. С. 6, 22.

⁶⁹ См.: *Явлинский Г.* Последняя фаза агонии? // *Общая газета.* 1999. 10–16 июня. С. 4; *Российский федерализм: конституционные предпосылки и политическая реальность.* С. 36. Специфический оптимизм обнаруживают авторы, снабжающие прогнозы сомнительными ссылками: «Распад бывшей советской империи, вероятно, еще не закончился: история других империй... учит, что процесс распада, раз начавшись, не останавливается до тех пор, пока есть чему отделяться» (*Волковова О.Д.* Есть ли будущее у русской идеи? // *Мир России.* 2000. № 2. С. 34).

⁷⁰ *Путин В.В.* Какую Россию мы строим. Выступление при представлении ежегодного Послания Президента Российской Феде-

⁶³ *Золотарева М.В.* Федерация в России: Проблемы и перспективы. М., 1999. С. 4. См. также: Пути решения национального вопроса в современной России (Позиции государства, партий и политических деятелей по вопросам национальной политики в Российской Федерации). М., 1999; *Зорин В.Ю., Аманжолова Д.А., Кулешов С.В.* Национальный вопрос в Государственных Думах России: опыт законодательства. М., 1999.

⁶⁴ Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. М., 1995. Ст. 1.

⁶⁵ См. постановление и определение Конституционного суда от 7 и 27 июня 2000 г. // *Вестник Конституционного суда Российской Федерации.* 2000. № 5. С. 25, 76.

⁶⁶ *Алексеев В.В.* Регионализм в России. Екатеринбург, 1999. С. 54.

Обращение к литературе, содержащей критический анализ отечественного федерализма, обнаруживает такие его характеристики: средоточие парадоксов, противоречий и предрассудков, дефективный результат псевдосуверенизации⁷¹; «местечковый» или «удельный» федерализм, ведущий страну в тупик⁷². Расхожими стали сравнения федерации с кентавром, созданным и по этнонациональному, и по территориально-административному принципам. Российская Федерация иерархична и асимметрична, субъекты федерации несоизмеримы по своему весу («федерация слонов и муравьев»); она напоминает матрешку, одни ее субъекты входят в другие. Соотношение частей в сложносоставных субъектах (Тюменская область, Красноярский край и равноправные с ними, но тем не менее включенные в них автономные округа) будто бы оправдывает утверждение одного из литературных персонажей Ярослава Гашека о том, что внутри земного шара имеется другой шар, значительно больше наружного.

Практический опыт российского федерализма вселяет мало оптимизма. «Государство, — пишет А.Б. Зубов, — во многом потеряло управляемость и распалось на множество полунезависимых субъектов, в которых не исполняющиеся федеральные законы подменяются собственными, часто противоречащими самой сути российской

Конституции»⁷³. По данным Генпрокуратуры, на январь 1999 г. 30% издаваемых в регионах актов не соответствовали федеральной Конституции; из 21 республиканской конституции 19 не соответствовали федеральной⁷⁴. Выяснилось также, что большинство субъектов (от 59 до 82 из 89) экономически не самодостаточны, «в стране отсутствуют экономические предпосылки федеративной государственности»⁷⁵. С неподдельным изумлением взируют на нашу федерацию западные соседи. Некоторыми из них она воспринимается как самоубийственная по своей сути, «придуманная некомпетентной и трусливой интеллигенцией федерация неравноправных, непокорных автономий»⁷⁶.

Анализ преобразования России из фактически унитарного государства в федерацию в 1990–1993 гг. и ее дальнейшего развития порождает большое сомнение в истинности заключения Р.Г. Абдулатипова (1999) о том, что «унитаризм для России — это диктатура, тоталитаризм, конфедерация — это развал, а федерация — демократическое государство»⁷⁷. Федеральный фетишизм игнорирует и отечественный, и зарубежный опыт. История свидетельствует, что национальный вопрос в полиэтнических государствах успешнее всего решается в рамках унитарных го-

рации Федеральному Собранию Российской Федерации 8 июля 2000 г. // Российская газета. 2000. 11 июля. С. 3.

⁷¹ См.: *Смирнягин А.В.* Российский федерализм: парадоксы, противоречия, предрассудки. М., 1998; *Митрохин С.С.* Дефективный федерализм: симптомы, диагноз, рецепты выздоровления // Федерализм. 1999. № 2; *Басалай А.А.* Псевдосуверенизация и ее последствия // Диалог. 1996. № 2.

⁷² *Усс А.В.* России — имперскую федерацию // Независимая газета. 2000. 6 апреля. С. 8.

⁷³ *Зубов А.Б.* Унитаризм или федерализм. К вопросу о будущей организации государственного пространства России // Политические исследования. 2000. № 5. С. 32.

⁷⁴ *Клёмин А.* Российский федерализм: взгляд из Татарстана // Российский бюллетень по правам человека. 1999. № 12. С. 33.

⁷⁵ *Валентей С.* Проблемы развития федеративных отношений // Федерализм. 2000. № 1. С. 20, 21.

⁷⁶ *Квеза Д.* Федеральное самоубийство // Москва. 1999. № 10. С. 131.

⁷⁷ *Абдулатипов Р.Г.* Федерация, которую обустроивает Россия // Вторая международная конференция по федерализму. Труды конференции. М., 1999. С. 12.

сударств, в которых центр делегирует национальным автономиям часть своих полномочий, а не наоборот.

Известно, что из 189 стран современного мира в 58 государствах приняты юридические структуры, основанные на федеративных принципах, однако только 15 стран избрали федеративные принципы государственного устройства⁷⁸. Известно также, что 27 из 44 федераций, образованных на планете за последние два века, потерпели неудачу, либо распавшись, либо став унитарными государствами⁷⁹. Наиболее существенным при этом является то, что в мире нет ни одной благодевающей многонациональной федерации, субъекты которой были бы образованы по национальному признаку. Существующие в мире федерации, независимо от способа их возникновения, основаны, как правило, не на союзе государств, а на автономии их составных частей. Только в Эфиопии конституция признает суверенитет наций, национальностей и народностей. Однако и в этом случае суверенитет самих субъектов федерации, штатов не провозглашается в целях ликвидации потенциальных проблем. Характерно, что ни одна из бывших союзных республик, имевших в своем составе автономные образования, не пошла после распада СССР по пути федерализма.

Ныне даже руководители КПРФ, наследницы партии, легализовавшей федерализм в нашей стране, сознают, что «судьба федерации в России вообще не преопределена, федеративное устройство еще не прошло проверку временем», события в нашей стране после 1991 г. «говорят скорее против, чем за федерацию»⁸⁰. Оправдывают-

ся предостережения выдающегося русского философа и правоведа И.А. Ильина о губительности для России федеративной формы государственности⁸¹. К концу 1990-х гг. ученые все убедительнее доказывают, что все произошедшее в России после октября 1917 г. чуждо русскому национальному правопорядку, возвращение к нему есть нравственная необходимость и политическая цель. Россия никогда не была федерацией и впредь должна быть не федерацией, а унитарным государством, гарантирующим права всех российских народов на их свободное развитие⁸².

Однако новая Россия, несмотря на провозглашенный принцип уравнивания в правах национальных единиц (автономий) и административных регионов, по сути продолжает функционировать на основе этнического федерализма. Об этом свидетельствуют и создание осенью 1992 г. консультативного органа Совета глав республик как возможного противовеса сначала Верховному Совету Российской Федерации, а затем — Федеральному Собранию; и сохранение экономических льгот республикам РФ в обмен на политическую лояльность⁸³. К сожалению, и другие изменения, произведенные при реформировании национально-государственного устройства в суверенной Российской Федерации, пока еще мало выходят из круга идей,

⁸¹ Ильин И.А. Федерация в истории России // Ильин И.А. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России: В 2 т. М., 1992. Т. 1. С. 194–199.

⁸² См.: Зубов А.Б. Обращение к русскому национальному правопорядку как нравственная необходимость и политическая цель. М., 1997; Он же. Является ли федерализм наилучшей формой обеспечения прав и свобод граждан России? // Российский бюллетень по правам человека. 1999. № 12; и др.

⁸³ См.: Васильева О. Есть ли будущее у этнического федерализма в России? // Новое время. 1995. Январь. № 2–3. С. 16.

⁷⁸ См.: Борисов Я.Е. Канадский федерализм. М., 2000. С. 3; Жизнь национальностей. 2000. № 2. С. 30.

⁷⁹ Фарукшин М.Х. Современный федерализм: российский и зарубежный опыт. Казань, 1998. С. 99.

⁸⁰ Зюганов Г.А. Постигание России. М., 2000. С. 236.

известных по отечественной истории 1922—1985 гг. Все, что они содержат «нового», чаще всего есть возвращение к предложениям, апробировавшимся при Сталине и тогда же показавших свою ограниченность или несостоятельность. Это, в частности, касается предложений возродить национальные районы и национальные сельсоветы, шире использовать элементы культурно-национальной автономии в виде дополнения к существующим территориальным национально-государственным и административно-территориальным образованиям. Культурно-национальная автономия как возможная основа федерации даже не рассматривалась. В большевистской традиции она расценивалась как утонченный национализм, который, конечно же, «был выметен советской метлой вместе с его бундовско-эсеро-меньшевистскими апологетами»⁸⁴.

Особенно показательным в этом отношении является история с нижними этажами федеративной постройки в СССР. Как известно, советский федерализм в своем наиболее развитом виде включал помимо союзных и автономных республик, автономных областей и округов еще национальные районы (250 — на январь 1933 г., 240 — на июль 1934 г., около 100 — на 1937 г.) и национальные сельсоветы (5300 в 1933—1934 гг., свыше 11 тысяч в 1937 г.). По данным на 1934 г., к категории национальных были отнесены каждый десятый район и каждый восьмой-девятый сельсовет в стране⁸⁵. Однако в Конституции СССР 1936 года и разработанных на ее основе конституциях

союзных республик эти нижние этажи советской федерации не были узаконены. С этого времени дробление государства по этническому признаку было «заморожено»⁸⁶ и процесс территориального строительства государства, по существу, пошел в новом направлении. 17 декабря 1937 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «О ликвидации национальных районов и сельсоветов». В соответствии с духом времени при обосновании этой меры отмечалось, что многие из районов (немецкие, финские, корейские, болгарские и т.д.) «были созданы врагами народа во вредительских целях»⁸⁷. К началу 1940-х гг. целый ряд национальных районов был расформирован, национальный статус нерасформированных уже не подчеркивался. Объяснение этому стоит искать в том, что именно на нижних и наиболее массовидных этажах федеративной постройки абсурд одновременного наличия «национальных» и «ненациональных» образований в государстве, все жители которого в обязательном порядке фиксировали свою национальность в анкетах и паспортах, становился наиболее очевидным. В действительности все районы в одинаковой степени могли считаться национальными, ибо официального статуса граждан, не имеющих национальности, в СССР не существовало. Основную массу «ненациональных» районов, конечно же, составляли районы с русским населением. С упразднением нацрайонов и нацсельсоветов из лексикона средств массовой информации вытеснялись также понятия «национальное меньшинство», «нацмены». Предполагалось, что проблемы соответствующих групп людей к концу 1930-х годов были успешно решены⁸⁸.

⁸⁴ *Трайнин И.* Советская федерация и национальный вопрос // 15 лет советского строительства: К XV годовщине Октябрьской революции. М., 1932. С. 100.

⁸⁵ См.: *Вдовин А.И.* Национальная политика 30-х годов: (Об исторических корнях кризиса межнациональных отношений в СССР) // Вестник Московского университета. Сер. 8. 1992. № 4. С. 36–37.

⁸⁶ Федерализм и децентрализация. Екатеринбург, 1998. С. 103.

⁸⁷ Цит. по: *Роговин В.З.* Мировая революция и мировая война. М., 1998. С. 81.

⁸⁸ См.: *Болтенкова Л.Ф.* Интернационализм в действии. М., 1988. С. 16.

С учетом изложенного можно утверждать, что новшества, отличающие постсоветскую национальную политику от советской, пока еще не способны преодолеть фундаментальных недостатков прежней псевдофедерации и официальной «национальной идеи», суть которой, несмотря на декларировавшийся «расцвет социалистических наций», сводилась к ускоренной денационализации последних и преодолению национальных различий в обществе.

Крах советской системы национальных отношений в огромной степени предопределяло русофобское основание национальной политики больше-

виков. Оно заключалось, конечно же, не в инициировании каких-то особых гонений и геноциде русского народа, а в боязни («фобии») власти предрержащей русского национализма — естественной приверженности русских, впрочем, как и любого другого народа, своим национальным традициям, культурным и духовным национальным ценностям. Русский национализм, всегда отождествлявшийся властью не иначе как с шовинизмом, расценивался ею как главное препятствие при осуществлении «подлинно интернационалистской» политики, бросающей вызов идее нации и ее неотчуждаемым правам, национальной культуре как таковой.

ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ

«ДЕЛО ИСТОРИКОВ»: ВОЙНА ЗА ПРОШЛОЕ

Скандал вокруг учебного пособия по истории России XX века двух профессоров МГУ — А.И. Вдовина и А.С. Барсенкова всколыхнул общество. Жаркие споры вокруг исторических данных и их интерпретаций для России не новость, но впервые на нашей памяти спор превратился в кампанию шельмования и травли. Видные медиафигуры и политические деятели требуют запретить учебник как «экстремистский», изгнать профессоров из университета, лишить их права преподавания; слышатся угрозы суда, разорения издателей, заключения в «чеченскую тюрьму»...

Чем опасен для Николая Сванидзе и Нурди Нухажиева академический учебник истории? Что происходит в России со свободой научного исследования? Как университетам и ученым отстоять свою независимость?

Эти и другие вопросы обсуждают историки, политологи, журналисты в сборнике статей, посвященном «делу историков».

Книга готовится к печати.

Заявки на приобретение книги «Дело историков: война за прошлое» можно направлять по адресу: nat.holmogorova@gmail.com

Виктор Ковалев

ФЕДЕРАЛИЗМ

«ДО ВОСТРЕБОВАНИЯ»

ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ОПЫТ ФЕДЕРАТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

ЦЕНТРА И РЕГИОНОВ: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ

Как это ни удивительно по нынешним временам, но Россия является федеративным государством; об этом говорит прямо ее второе официальное название — «Российская Федерация». Удивление же связано с расхождением между правовой основой, декларируемыми принципами и реальными российскими политическими практиками. Разумеется, это касается не только федерализма, но и, например, выборов, партийной конкуренции, свободы слова (не исключено, что в обозримом будущем власть поведет уже речь о «мыслепреступлениях») и т.п. При этом нарушение прав и свобод граждан, выхолащивание Конституции объясняются и будут обосновываться самыми благонамеренными мотивами: борьбой с экстремизмом и терроризмом, задачами восстановления законного порядка и т.д.

Все так — и наши размышления о федерализме и власти нельзя оторвать от специфики текущего политического момента. Если рассматривать современное состояние федеративных отношений в России вне общеполитического контекста, то такой анализ, возможно, будет «академическим», но, несомненно, формальным и бессодержательным. Добавим также, что мы полагаем ошибочной господствующую тенденцию, когда федерализм рассматривается преимущественно только в правовой или экономиче-

ской парадигме. Глупо было бы отрицать огромную важность правовых и экономических проблем в развитии федеративных отношений, но реальное состояние федерализма в той или иной стране, особенно с неокрепшими правовыми институтами и переходным состоянием экономики, зависит от *политического баланса*.

В целом при схожих основных законах политические режимы разных стран могут отличаться до неузнаваемости, точно так же политический режим одного государства в состоянии существенным образом измениться даже без формальных изменений Конституции — для специалистов в области политической науки это представляется очевидным. При слабости правовых, демократических институтов в России, при распространенности теневых практик и гипертрофированной роли субъективного фактора, связанного с личностью лидера, вождя, президента, — это означает, что «реальная политика» решительно довлеет над законами, принимаемыми самой же властью. Как и сто лет назад, определение Макса Вебера «псевдоконституционализм» представляется очень точным. Однако исследователи-политологи при построении аналитических моделей ни в коем случае не могут игнорировать Конституцию, формальные рамки, так как при изменении баланса политических сил эти

формальные институты могут резко повысить свое значение, и политики, не очень считавшиеся с ними длительное время, будут вынуждены понять, что «законы имеют значение».

Так было, скажем, при распаде СССР, когда «условные», административные границы стали вдруг государственными рубежами, охраняемыми международным правом. Похожая ситуация, хотя и несколько в другом роде, может гипотетически возникнуть в случае очередного колебания политического маятника, какой-нибудь обсуждаемой уже сейчас новой «оттепели», когда региональные элиты вновь осмелятся вспомнить о том, что их территории — это *субъекты Федерации*. И тогда соответствующее положение Конституции РФ: «Федеративное устройство Российской Федерации основано на ее государственной целостности, единстве системы государственной власти, разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации, равноправии и самоопределении народов в Российской Федерации» (ст. 5, п. 3) — будут наполняться уже новым политическим содержанием именно в реальном разграничении предметов ведения и полномочий. Вопрос только — каким?

«Союз нерушимый»

Опыт сохранения империи в рамках «советского федерализма»

Опыт советского федерализма как таковой плохо коррелирует с федералистским принципом — своеобразным общественным договором о разграничении полномочий и предметов ведения между центральным правительством и субъектами федерации, а также с другими федеративными принципами, такими как единство в многообразии, разумное сочетание централизации и децентрализации, симметрии и асимметрии, дополни-

тельности (субсидиарности) в уровнях госуправления и др. Стабильность социалистического федерализма держалась не на разумном балансе между Центром и регионами, а при помощи партийных и репрессивных скреп.

О политико-административном устройстве Союза ССР можно долго спорить, по-разному его оценивая. Нам представляется очевидным, что форма федерации использовалась коммунистическим режимом, с одной стороны, для обуздания окраинных сепаратизмов и сохранения целостности государства на большей части бывшей Российской империи, решения «национального вопроса»; а с другой стороны — для ослабления и эксплуатации великороссов, решения «русского вопроса». Режим не мог выжить без подавления русского сопротивления социалистическим порядкам — ведь гражданская война между «красными и белыми», по сути, не закончилась в начале 1920-х, а тлела еще два с половиной десятилетия. Вопреки распространенному мифу о близости коммунизма строю русской души *великороссы, как и другие народы* России, очень долго сопротивлялись национализации, коллективизации, насаждению атеизма и т.п. По сути дела, лишь трагедия Второй мировой войны (в ходе которой столь многие соотечественники воевали против *этого* государства, стремясь как бы покончить за поражение «белых»; нерешенные территориальные и этнические вопросы также пытались решить силовым путем, что дает о себе знать до сих пор: чеченская и крымско-татарская проблемы — это лишь наиболее известные примеры) и победа в Отечественной войне на несколько десятилетий как-то примирили большинство населения с советской властью. Так продолжалось вплоть до ее закономерного краха. Но советская, а точнее, коммунистическая власть как бы «заминировала» отношения на постсоветском пространстве и в постсоветском обществе. Это

замечание в полной мере относится и к политико-административному делению нынешней России.

Раздел территории страны по новым принципам осуществлялся разными способами. Мы опускаем здесь историю укрупнений и разукрупнений административно-территориальных единиц (АТЕ), череду слияний, выделений, ликвидаций, переименований и т.д. в отношении АТЕ. Скажем просто, что основная часть этих экспериментов проводилась с территорией России, ведь, согласно ленинскому подходу, именно «русский держиморда» представлял главную контрреволюционную угрозу. Большевики пошли по пути масштабного формирования новых автономных национальных образований (многие из которых меняли свой статус в сторону повышения и создавали, конструировали не только новые национально-государственные образования, но и сами «социалистические нации»), а также создания, в основном за счет РСФСР, все новых и новых союзных республик, то есть для СССР — административно-территориальных единиц первого порядка. В 1936 г., согласно новой, «сталинской» Конституции, число союзных республик достигло одиннадцати, а к 1940 г., после «освободительных походов Красной Армии» и в канун Великой Отечественной войны, союзных республик было уже шестнадцать. Лишь в 1956 г., когда надежд на включение Финляндии в социалистический лагерь уже не оставалось, Карело-Финская ССР была «понижена в звании» до Карельской АССР. Уже после распада Союза злые языки говорили, что «волюнтарист» Хрущев, хоть и передал ни за грош Крым из России в состав Украины, но зато укрепил позиции РФ на Северо-Западе...

По сложности и разнородности политико-административных составляющих СССР не имел аналогов в мировой практике. Помимо главных, союзных республик, здесь были ав-

тономные республики, автономные округа, автономные области, «просто» области и края, города союзного значения. Такая пестрота и разнокалиберность — если взять ее в чистом виде — это настоящий кошмар для управленца. Как же все это управлялось и более или менее нормально функционировало? Вопрос этот кажется смешным людям среднего и старшего поколения. По известному советскому анекдоту, «чукча знал, кто у нас начальник Партии» и какое место занимала КПСС в политике и управлении советского государства. Но вот уже в постсоветские годы автору этих строк пришлось читать несколько как бы «научных» работ, посвященных истории представительных органов бывших автономных республик. И в этих текстах на полном серьезе утверждалось, что Верховный Совет такой-то республики «избрал», «решил» и т.п. Мы-то понимаем, что при действующих тогда номенклатурных принципах представленные в Советах различного уровня по определенным квотам и при помощи выборов с 99-процентным голосованием депутаты ничего не могли «решить» без санкции соответствующего партийного органа. Но читатели из молодого поколения могут этого и не знать. Поэтому будет нелишним напомнить, что при всей внешней пестроте «советской федерации» она управлялась при помощи жесткой партийной вертикали. Потом этот «стержень» оказался вынут, и разнородность и неуправляемость территорий, тенденции к распаду стали кошмарной явью, реальной практикой, с которой нужно было что-то делать.

Другой важнейшей стороной проблемы, которая часто игнорируется и которую здесь очень важно подчеркнуть, была проблема отношений русского народа и империи. Как убедительно показал Валерий Соловей, российская, а затем и «красная», советская империи существовали во многом за счет сверхэксплуатации русско-

го этнического ресурса. Как только этот ресурс иссякал и великороссы из объекта и материала для имперского строительства начинали осознавать себя политическим субъектом с особыми интересами — имперская государственная форма довольно быстро разрушалась.

При неблагоприятном стечении обстоятельств с Российской Федерацией может произойти то же самое, что и с Советским Союзом, потенциал которого был значительно больше, что не помешало «нерушимому» СССР быстро развалиться. Он накопил свою *критическую массу*. В этом вопросе мы, разумеется, не должны быть наивными и обращать внимание лишь на официальную риторику и формальные институты. Для таких государств, как Советский Союз и, конечно, Российская Федерация, унаследовавшая слишком много от советских политических практик, характерным является огромная роль теневых взаимодействий, неформальных институтов. За внешним фасадом «нерушимости, устремленности в будущее, борьбы за мир во всем мире» (и что там еще!) подспудно вырвались неформальные практики элитного взаимодействия, которые фактически отрицали единство советской федерации. Это отдельная большая и интересная тема для политологов и историков советского периода. Здесь мы укажем лишь на два важнейших фактора, провоцирующих и усиливающих центробежные, сепаратистские тенденции в «нерушимом» Союзе.

О первом из них исследователи и журналисты вспоминают не очень часто. Мы бы обозначили его как *противоречие между «ведомственностью» и «местничеством»* (названия условны). Речь идет об экономических противоречиях внутри плановой советской экономики, несхожем характере хозяйственного развития территорий, имевшем важный политический эффект. Разумеется, система реальной

власти и управления была унифицирована по всей территории Союза: союзной республикой руководил первый секретарь республиканского Центрального комитета (за исключением РСФСР, где своей республиканской компартии не было вплоть до 1990 г.), областью — первый секретарь обкома КПСС, городом (районом) — первый секретарь горкома (райкома) партии и т. д., но при этом на партийных функционеров было возложено также решение хозяйственных вопросов. Однако решаемые задачи носили различный характер, имели различную важность в глазах Москвы. К территориям, где существовали (строились) объекты союзного значения, особенно ВПК, союзный Центр проявлял особое внимание, в том числе в вопросах подбора и расстановки кадров, которые должны были в большей степени отвечать интересам хозяйственных и военного министерств и ведомств. Так складывалась тенденция *ведомственности*. В других регионах у союзного Центра не было такой особой заинтересованности, и степень влияния и фактической автономии местных элит здесь в целом была выше — это *местничество*. Так складывались уже политические тенденции, которые в немалой степени и в советский, и уже в постсоветский период повлияли на характер формирования региональных элит и их взаимоотношения с Центром.

Второй фактор описан куда подробнее и известен более широко. Речь идет о формировании *этнономенклатуры* на территориях союзных республик и автономий. Особенность РСФСР в составе Союза, а затем и суверенной Российской Федерации заключалась в том, что составляющие ее федеративные единицы формировались по двум принципам: территориальному и национальному. Это делает федерацию в России уникальной, резко отличает ее от других федеративных государств, в которых субъекты федерации выделяются, как правило, по террито-

риальному принципу. (Исключения, конечно, бывают; скажем, «Зона племен» где-нибудь в Пакистане; или наделенная особым статусом территория столичного округа в целом ряде государств, но это именно исключения из общего ряда. В России же сейчас республики в ее составе занимают 28,6% территории, и еще 24,8% территории приходится на долю других автономных образований, зато «русские» области, края и города федерального подчинения занимают 46,6% территории, но там проживает 81,6% населения.)

Советская федерация создавалась в ходе трансформации чрезвычайно пестрой по этническому составу территории и структуры прежней империи (к тому же континентальной, где метрополия и зависимые территории не имеют четкой границы, т.к. не разделены морями-океанами), пошла по пути выделения особых этнотерриториальных единиц, названных к тому же по имени «титულიной» нации. Разумеется, верхушка этих титульных этносов уже в советский период стремилась выжать из Москвы как можно больше привилегий для себя, а на управляемых территориях сформировать особую идентичность, отличную от общесоветской. Процесс резко ускорился в связи с замедлением ротации кадров, которая широко практиковалась в период правления Сталина. (Как известно, этот «эффективный менеджер» широко прибегал к таким способам ротации, как аресты и расстрелы.) Местные номенклатурные кланы стали укореняться, обрастать связями, четче осознавать и преследовать свои особые интересы. Разумеется, этот процесс шел более интенсивно в союзных республиках и большинстве автономных образований на территории России (кроме РСФСР, автономные республики в своем составе имела еще Грузия, что повышало численность ее представителей в Совете национальностей — одной из палат ВС СССР,

но потом обернулось известными событиями в Абхазии и Южной Осетии). Этноэлиты, прикрываясь партийными билетами, значительно преуспели в выбивании денег на «национальное развитие», в дележе между *своими* портфелей и кресел, в открытии «своих» образовательных учреждений, зачастую с анекдотическим качеством обучения, широким распространением квот для национальных меньшинств в представительных органах и в системе образования¹, в выстраивании систем коррупционных, теневых связей и т.д.

Возвращаясь «к нашим баранам», можно заключить, что после краха СССР и исчезновения прежней советской идентичности для населения и элит, принадлежащих к тому или иному титульному этносу, гораздо легче было ответить на вопрос «кто мы?» и связать себя, реально или символически, интересами политической борьбы за свои национальные интересы уже в рамках нового государства — Российской Федерации.

«Глотание суверенитета»

Советское наследие в России 1990-х

Итак, когда СССР лишился своих привычных скреп и опор, он очень быстро распался. При этом опасная для государственной целостности советская структура была по наследству передана Российской Федерации. Инерция распада вполне могла в 1990-е гг. похоронить и РФ. Эта угроза была *не только* пропагандистской страшилкой. (Хотя этот тезис и подвергся *неустанной эксплуатации* в путинскую эпоху.)

Так или иначе, но со многими противоречиями российскому федерализму

¹ Помню, с каким напряжением пришлось поступать в начале 1980-х годов в Ленинградский университет, зато в начале учебного года выяснилось, что большинство на курсе составляют целевики-нацмены, принятые у себя в республиках.

так и не удалось справиться в 1990-е гг. на пути реформ. Тогда произошел отказ от федерализма де-факто (с сохранением конституционного фасада). Российский опыт в этом отношении чрезвычайно напоминает советский. Мучительным является вопрос: будет ли схож с советским *конец* российского квазифедерализма? Федеративные отношения в России в прошлом десятилетия по ряду важных причин оказались нежизнеспособными. Да и «был ли мальчик»? Совсем недавно один из ведущих исследователей российской региональной политики Н. Петров по итогам прошлого десятилетия пришел к выводу, что «главный секрет российского федерализма в том, что его на самом деле... нет».

По нашему убеждению, неудачный опыт федерализма в РФ образца 1990-х гг. связан с тем, что и сам федерализм, и демократические правила игры и центральные, и региональные элиты России воспринимали не как серьезные основания государственного строительства, а ситуативно, «ультрапрагматически» как нечто, могущее принести сиюминутную политическую выгоду — не более. Вспомним «лихие девяностые»: гигантский пирог бывшей социалистической, государственной, «общенародной» собственности нужно было распилить и приватизировать. Элиты и в Центре, и на местах были увлеченно заняты этим процессом. Не будет слишком сильным утверждение о том, что вопросы государственного строительства и политической борьбы в том период можно понять в первую очередь через призму развернувшейся приватизации. Люди, оказавшиеся поближе к возможностям распределения бывшего казенного имущества, то есть «элиты», тащили все, что плохо лежало, — каждый на своем уровне. Из Москвы невозможно было охватить все и полностью контролировать этот процесс; поэтому, когда сказали «берите суверенитета, сколько можете проглотить», то речь шла не только о власт-

ных полномочиях, но и о начавшемся процессе приватизации. Собственно, региональные элиты получили в этом процессе свободу рук, но в обмен от них требовалась политическая лояльность по отношению к Центру. Сразу добиться подобной лояльности Москве в прошлое десятилетие не удалось (Чечня и Татарстан — это лишь наиболее громкие примеры); такой мощный козырь как «федеративные отношения» разыгрывался как Центром, так и со стороны периферии.

Россия, уже выйдя из Союза, сохранила в основном прежнее АТД, с «разнокалиберными» субъектами федерации; некоторым из них в обстановке политической суматохи удалось повысить свой статус²; возникло также несколько новых регионов. Чечено-Ингушетия разделилась на две республики, при этом Чечня объявила о выходе из состава РФ, создав нашей стране колоссальные проблемы, которые нормальным образом не разрешены до сих пор.

Примечательно, что новое российское руководство в вопросах политико-административного деления страны в основном поддалось этой инерции советского прошлого. Проекты превращения России в унитарное государство были с порога отвергнуты и в дальнейшем серьезно не рассматривались, столь же маргинальное положение занимают и предложения по унификации российского АТД, например, переход к делению всей тер-

² Увеличение числа республик в составе Российской Федерации по сравнению с числом АССР в составе РСФСР связано с тем, что свой статус подняли Адыгея, Карачаево-Черкесия, Республика Алтай и Хакасия. Вместе с тем не всегда стремление к увеличению субъектов федерации реализовывалось. За исключением Чечено-Ингушетии, другие республики Северного Кавказа не разделились даже по двойным «титულным» названиям, а проект воссоздания автономии немцев в Поволжье не нашел воплощения.

ритории страны на губернии (хотя эти сюжеты периодически всплывают в СМИ или, скажем, в риторике какого-нибудь В. Жириновского). В общем, можно сказать, что новое российское руководство предпочитало уделять основное внимание вопросу, *кто* руководит регионами, а не решительным изменениям в составе и структуре этих регионов.

С другой стороны, в России в начале прошлого десятилетия наблюдалась повышенная активность такого политического актора, как политические элиты, особенно республиканские. За плечами большинства из них уже было принятие собственных деклараций о суверенитете³.

Первый президент РФ Борис Ельцин был по натуре бойцом и постоянно с кем-то боролся: сначала с Горбачевым, разрушая союзный Центр, а потом уже со своими бывшими соратниками из состава Съезда народных депутатов и российского Верховного Совета, а также с собственным вице-президентом. В этих условиях региональные элиты нужны были ему не как соперники, а как союзники, которым он был готов идти на уступки. В 1992 г. подписывается так называемый Федеративный договор. Для Центра это был способ хоть как-то затормозить процесс распада страны, грозивший из разрушенного СССР перекинуться уже на саму Россию. Однако значительная часть региональных элит трактовала этот документ в ином духе. Мы упоминали уже о том, что оболочка федерализма была сочтена элитами *удобной* в ходе развернувшихся в 1990-е гг. политических и экономических процессов. Однако нужно было соблюсти некоторые юридические приличия и определиться с рядом принци-

пиальных правовых вопросов. К числу таковых относился вопрос, какой — конституционной или договорной — будет Российская Федерация. Часть региональных элит была не прочь придать российскому федерализму договорный характер, по некоей аналогии с Союзным договором 1922 года. Дело тогда выглядело бы так, будто многовековой российской государственности не существовало или ее напрочь забыли, и вот только бывшие представители партноменклатуры, завладевшие властью в своих регионах, съехались в Москву и взяли, учредили новое государство — Российскую Федерацию (в скобках — Россию).

Принятие на референдуме Основного закона РФ в декабре 1993 г. вроде бы окончательно оформило Россию как конституционную федерацию, но состояние федеративных отношений в ней было шатким и неустойчивым. Победа Б. Ельцина над своими политическими противниками укрепила федеральный Центр, но потом центробежные тенденции опять стали нарастать, что было связано как с системным кризисом в экономике, так и с процессом распада личности самого российского президента. Региональные элиты вновь принялись тянуть одеяло на себя. Выражением этого стал процесс заключения двусторонних договоров о разделении полномочий между Центром и регионами. Флагманом этого процесса стал шаймиевский Татарстан, за ним потянулись и другие. Особенно этот процесс интенсифицировался в связи с президентскими выборами 1996 г., на которых больному Ельцину вновь удалось переизбраться. Важной составляющей этого электорального «чуда» стала поддержка инкубента (т.е. уже занимающего выборную должность) региональными элитами в обмен на предоставление разнообразных преференций, то есть фактически разрешения творить на своих территориях все что угодно при демонстрации политической лояльности

³ Хотя и не во всех республиках в составе РФ такие декларации были приняты. Например, в Мордовии из-за протестов населения принимался только документ о статусе республики.

Кремлю. Разумеется, эти показатели в ходе выборов достигались известными средствами. Так, изменение электоральной карты между первым и вторым туром на президентских выборах летом 1996 г. при объективном подсчете голосов было просто невозможным за столь короткое время. Масштабные фальсификации в «правильном» направлении стали с тех пор постоянной практикой проведения федеральных выборов на территории все большего количества регионов и одним из главных предметов торга между Кремлем и региональными столицами. Разумеется, все это было бесконечно далеко от идеалов либеральной демократии и цивилизованного федерализма, хотя этими названиями и прикрывалась политическая практика в «демократической» и «федеративной» России.

Вместе с тем политические процессы в ельцинской России носили весьма противоречивый характер, в том числе в вопросах, касающихся региональной политики и процесса демократизации. Во многом под влиянием фактора президентской кампании 1996 г. федеральный Центр пошел на принципиально важный шаг — повсеместное введение практики всенародных выборов глав исполнительной власти регионов (губернаторов, президентов, глав и т. д.). До этого населением избиралась лишь часть губернаторского корпуса, а в большинстве случаев существовала практика согласований, назначений из Кремля и т. д. Таким образом, в региональной политике в 1995–1997 гг. произошел настоящий переворот⁴. Руководители субъектов РФ обрели с помощью прямого голосования новый

источник легитимности своей власти, а население регионов получило опыт участия в конкурентной, плюралистической политике на уровне субъектов РФ.

Конечно, и этот процесс, и его последствия носили весьма неоднозначный характер. Сами губернаторские выборы часто сопровождались разгулом «грязных» избирательных технологий, «черного пиара», подтасовками и т. д. В ряде случаев никакой реальной и даже формальной альтернативы действующему главе региона не существовало, но благодаря относительной свободе и широкому участию граждан региональный политический процесс имел тенденцию к оздоровлению. К этому же периоду можно отнести и процесс расширяющейся дивергенции в становлении политических режимов в субъектах РФ: от жестко-авторитарных до относительно демократических.

Как водится, вольное обращение с законом на федеральном уровне переходило и на следующие этажи власти. В регионах вовсю принимались законодательные акты, существенно расходившиеся с российским законодательством, а оно само зачастую игнорировалось. Весьма характерным примером здесь было торможение губернаторами реализации закона 1995 г. «Об общих принципах местного самоуправления в РФ» — в выборах мэров и органов МСУ руководители регионов усмотрели вызов для своей власти. Но несоответствие региональных законов федеральным было лишь частью беды. Куда более опасной была практика игнорирования правовых норм как таковых, подмена формальных институтов теневым сговором, особыми отношениями. Это закономерность: в условиях, когда формальные институты принижаются, растет роль институтов неформальных, а также всячески разрастается значение «субъективного фактора» в довольно уродливом виде.

Справедливости ради стоит отме-

⁴ С 1996 г. все российские регионы перешли к системе прямых выборов своих руководителей (последними это сделали Удмуртия и Карачаево-Черкесия; к концу 2000 г. единственным регионом, где высшее должностное лицо избиралось депутатами, остался Дагестан), что еще более усилило доминирующее положение губернаторов.

тить, что часто эти процессы имели под собой объективную основу, связанную с экономическим кризисом и дефицитом бюджетных средств. Допустим, на самом вершине было «подписано» решение о выделении некоторой провинции трансферта, но деньги в регион так и не приходят: губернатору, регионалам остается только «выбивать» их у московских чиновников — простор для коррупционных схем! Хронический бюджетный дефицит резко контрастировал с теми популистскими решениями, которые принимала Дума, и особенно с популистскими обещаниями Ельцина, данными в ходе избирательной кампании. Здесь печальную известность приобрел его Указ № 777 о льготной цене на уголь. Денег на его реализацию в федеральной казне не было. А после отмены документа в 1998 г. шахтеры из Коми перекрыли железную дорогу (так же поступили их коллеги из других регионов), а потом несколько месяцев стучали касками у Дома правительства в Москве.

В целом проблемы бюджетного федерализма очень сильно, хотя порой и подспудно влияли на характер политических отношений между Москвой и регионами. Именно экономический фактор не позволяет однозначно характеризовать 1990-е гг. как время торжества региональных элит. Да, конечно, политически их влияние было значительно выше, чем в следующее, «путинское» десятилетие. Сейчас это трудно себе представить, но многие члены Совета Федерации (с 1995 г. верхняя палата Федерального Собрания РФ состояла из руководителей законодательной и исполнительной власти субъектов РФ) открыто и в резких выражениях критиковали Кремль и требовали отставки президента. Стандартная риторика губернаторов и претендентов на этот пост заключалась в обвинении Москвы в бедах регионов, «переводе стрелок» на Центр при столкновениях с социальными протестами, требованием бюджетных

выплат и т.д. Но даже в ослабленном состоянии федеральный Центр в прошлом десятилетии играл в бюрократические игры более умело, нежели руководство большинства субъектов РФ, используя объективные противоречия между регионами и субъективные разногласия их лидеров.

Взять хотя бы процесс подписания отдельных договоров и соглашений о разделении полномочий с субъектами РФ. Примерно половина российских регионов в 1990-е гг. заключила подобные договоры с Центром. Но с каждым новым подписанием ценность и исключительность подобных договоров снижалась, ведь одно дело, если их всего несколько, иное — если счет пошел на десятки. Конечно, наибольшую выгоду от подобных двусторонних договоров получили лидеры суверенизации, такие как Татарстан, Башкортостан, Якутия и некоторые другие. Но Москва, пойдя на широкое подписание с регионами аналогичных договоров, умело девальвировала их. Тогда мало кого волновало, что в ходе таких бюрократических игр может быть разрушено единое правовое поле федеративного государства⁵.

Жизнеспособность российского федерализма подрывалась также экономическим кризисом и тем курсом «шоковых» экономических реформ, грабительской приватизации, что избрало российское руководство в начале 1990-х гг. В итоге в стране наблюдался беспрецедентный для мирного времени экономический спад. В обстановке системного кризиса, запутанности,

⁵ Сами эти договоры прекратили свое действие в 2000-е гг., что прошло почти незамеченным, в отличие от той шумихи, которой сопровождалось их подписание. Подобная практика была признана в России неприемлемой. Правда, в середине текущего десятилетия был заключен новый двусторонний договор с Казанью, что само по себе вызвало недоумение, но видно, что РФ значительно утратила свои особые претензии к России.

коррупционности межбюджетных отношений порой очень трудно было определить, какие регионы являются донорами, а какие реципиентами федерального бюджета. Но в общем не будет большой ошибкой утверждать, что доноров было порядка полутора десятков, а остальные субъекты РФ нуждались в дотациях. Могут ли «попрошайки» претендовать на политическое равноправие — вопрос почти риторический.

Конечно, у регионов была еще возможность пугать Москву ростом социальной напряженности, протестами населения, особенно связанными с этническим фактором. Пример войны в Чечне был у всех перед глазами. Ради укрепления власти разнообразные мифы активно распространялись и культивировались в ельцинское десятилетие руководителями регионов, этнономенклатурой (которая при переходе от социализма к капитализму превратилась в слой этнических предпринимателей), другими политическими, национальными и бизнес-группировками, видящими интерес в ослаблении единого российского государства. Они преследуют под вывеской «федерализма» свой корыстный интерес, а вовсе не интересы российских граждан, населяющих различные регионы РФ. Несомненно, присутствовал и элемент двойных стандартов, когда этноэлита стремится к достижению для себя западных стандартов потребления, а масса коренного населения в результате ее политики действительно возвращается к стилю, образу и уровню жизни своих предков. И тогда, как и в прежние времена, главным становится выживание, например за счет натурального хозяйства или даров леса. Таким образом, власть отчуждалась от народа, лишалась поддержки сограждан, столь необходимой в процессе проведения реформ и поисков выхода из системного кризиса.

Такое положение распространялось и в плоскости отношений федерально-

го Центра с субъектами РФ. Объективно Россия остро нуждалась и нуждается в преодолении гиперцентрализации, когда основная доля ресурсов сосредоточена в Центре, в Москве, а вся остальная страна (за очень небольшими исключениями) сталкивается с острым ресурсным дефицитом. Демонстративное сверхпотребление Москвы на фоне бедной, а зачастую просто нищей провинции вызывает к более справедливому перераспределению доходов между территориями и созданию для населения регионов возможностей использовать свои ресурсы. В минувшее десятилетие, казалось бы, представился уникальный шанс создать населению провинции (пользуясь ослаблением центральной власти) более благоприятные условия существования. Этот шанс, по нашему мнению, мог быть использован, если бы государственные и политические деятели субъектов РФ являлись настоящими лидерами региональных сообществ, а также выражали и защищали интересы населения своих территорий. Но этого не произошло. Региональные лидеры в большинстве своем не сопротивлялись разрушительным новациям, идущим из Центра, нашли свой интерес в политике приватизации. Извлекая личные выгоды из этой экономической политики, через несколько лет администрации в регионах и на местах сами оказывались заложниками тех, кому по дешевке достались наиболее лакомые куски государственного достояния.

Заложником алчности и бесконтрольности элит стал и российский федерализм.

Федерализм по-путински: российский оксюморон От региональной «вольницы» к административному «прессу» Центра

Как известно, после прихода к власти Путина в 2001 г. в отношениях Центра и регионов произошел резкий поворот, но возник этот новый курс

не на пустом месте. Исходя из вышеизложенного, среди прочих мы можем выделить несколько факторов, в решающей степени подготовивших это изменение.

Во-первых, экономическая зависимость и дотационность резко ограничивали политические возможности субъектов РФ, зачастую сводили их протест к пустой риторике. Особенно драматичным оказалось положение многих региональных элит после дефолта 1998 г., когда они столкнулись с перспективой голодных бунтов и стали взывать к правительству назначенного той осенью Е. Примакова с мольбами о срочной помощи.

Во-вторых, к концу десятилетия резко возросла роль крупного бизнеса. Для успешной «приХватизации» предпринимателям был выгоден хаос внутри государства. Но, нахватав активов, «олигархи» стали проявлять заинтересованность в их упорядочивании и в более предсказуемой среде для бизнеса. Региональная «пестрота» и необходимость каждый раз по-новому договариваться с «хозяевами» регионов новым хозяевам российской экономики откровенно мешала. Отсюда и тяга к твердой руке единого Хозяина (на роль которого окончательно скомпрометировавший себя Ельцин уже совершенно не годился).

В-третьих (а мы бы особенно подчеркнули важность этого фактора!), население России в массе своей испытывало сильнейшее разочарование тем, как на практике реализуются экономические реформы, проводятся «демократические» выборы, воплощаются в регионах «принципы федерализма». Последние успешно скомпрометировались произволом и жадностью региональных «баронов». Не в этом ли состояли глубинные причины проигрыша на парламентских выборах ОВРага? Движение «Отечество — Вся Россия» возглавляли наиболее успешные региональные лидеры 1990-х (такие как Ю. Лужков, М. Шаймиев, М. Рахимов

и др.), которые уже усиленно «тренировались» на роль новой «партии власти», нападая на ельцинскую «Семью». Но население больше поверило тогда телевизионным разоблачениям С. Доренко, потому что уже узнало, как говорится, «на своей шкуре», что значит самоуправство региональных «феодалов». В качестве альтернативы российские граждане проголосовали за наскоро сшитый список «Единства» и поддержали приход к власти Владимира Путина.

Первые же шаги Путина на посту Президента России были связаны, как известно, с устранением явного политического дисбаланса, который наметился в отношениях Центра и субъектов федерации. Как известно, сразу же после своего вступления в должность в мае 2000 г. своими указами новый президент ввел в каждом регионе институт главных федеральных инспекторов (ГФИ, «смотрящих» — как их сразу окрестили в народе), разбил страну на семь федеральных округов со своими полномочными представителями в каждом. Резко усилилось влияние территориальных подразделений федеральных органов на местах. Региональным властям было предписано привести в соответствие с федеральными нормами свое законодательство, и контролировать этот процесс было поручено как традиционному «оку государеву» — прокуратуре, так и новым чиновникам — полпредам и ГФИ. Вторая чеченская война оказалась в этом отношении успешной PR-акцией, призванной продемонстрировать, что новый лидер страны шутить не любит.

Среди населения и даже части экспертного сообщества возникла надежда, что при новом президенте посредством выстраивания «вертикали власти» будет не только преодолена опасность сепаратизма и распада государства, укрощена «региональная вольница» и губернаторский произвол, но и федеративные отношения приобретут прочную правовую основу,

граждане получают возможность реализовывать свои конституционные права, существующие политические институты (партии, парламент и др.) наполняются реальным содержанием, с масштабными фальсификациями на выборах разного уровня будет покончено и т. д. и т. п. Увы, все это оказалось иллюзией. Маятник слишком резко и далеко пошел в другую сторону.

Уже в первые годы путинского правления было слишком много фактов, свидетельствующих о том, что российская полития развивается не в сторону политического плюрализма и гражданских свобод, а по направлению к «суверенной демократии» (обозначение, маскирующее наличие в стране авторитарного политического режима, пока относительно мягкого). С отношением Путина к федерализму все стало ясно, когда он в сентябре 2004 г., воспользовавшись как предлогом произошедшими накануне терактами, объявил об отмене прямых губернаторских выборов.

Мы считаем, что это лекарство оказалось хуже болезни. При всех издержках, связанных с практикой региональных выборов и работы заезжих «пиарщиков-мордоделов», включением административного ресурса, постоянными попытками подправить результаты голосования и т. д., у этой системы все же были *шансы* постепенно приобрести более цивилизованные очертания. И с нарушениями в ходе выборов, и с сепаратистскими тенденциями можно было бороться правовым путем, добиваясь соблюдения всеми законов России. Новый порядок назначения губернаторов таких *политических* возможностей попросту не дает, демократическая политика заменена бюрократическим администрированием. Очевидные *последствия* укрепления «вертикали власти» в русле дальнейшего уничтожения конкурентной и публичной политики в современной России будут связаны с выхолащиванием демократических и федеративных

принципов организации российской политики, превращением их в пустую декларацию.

Новый порядок (когда губернаторы получают свою власть из рук президента) — это свершившийся факт. Таким образом, с 2005 г. в Российской Федерации произошла фактическая отмена выборов глав исполнительной власти субъектов РФ⁶. Словосочетание «новый порядок наделения полномочиями» является казуистикой, так как фактически в нескольких десятках случаев кандидатуры губернаторов, предложенные президентом РФ, не были, да и не могли быть отвергнуты. А в случае внесения нескольких кандидатур одна из них все равно была «опорной». Со стороны сторонников нового порядка в связи с этим возникало немало ссылок на «мировой опыт», на практику других федеративных государств.

Да, конечно, не во всех двадцати с лишним государствах, которые называют себя федеративными, практикуются прямые выборы губернаторов. Но это может быть связано с иной практикой разделения властей: правительство субъектов федерации формируется, например, по итогам выборов в региональные парламенты. Наблюдается и своеобразная симметрия между федеральным и субнациональным уровнями власти, когда исполнительная власть формируется депутатами легислатур или же проходят выборы населением как президента, так и губернаторов⁷. Наконец, во многих

⁶ Символично, что последний из избранных (2005 г.) населением губернаторов — В. Баринов в Ненецком автономном округе — оказался в тюрьме.

⁷ Выборы населением губернаторов проводятся в США, Мексике, Бразилии, Аргентине, Венесуэле, Федеративных Штатах Микронезии, на Коморских островах, в Нигерии. Народ Республики Сербской, входящий в состав Боснии и Герцеговины, также избирает себе президента напрямую. А, например, в Колумбии, Перу и Боливии губернаторы тоже

из федеративных государств есть особенности, связанные с колониальным наследием, наличием монархий и т. д. В России же отмена губернаторских выборов, при существующей после 1993 г. тенденции к ослаблению роли региональных ассамблей (то есть законодательных, представительных органов, которые вроде бы должны «наделять полномочиями» губернаторов), привела российский федерализм в состояние «клинической смерти» и резкой потере возможностей для граждан повлиять на власть в субъектах РФ.

Основные результаты «наделения полномочиями» уже налицо. Главный политический эффект — это быстрое сокращение зоны публичной политики в регионах, когда скоро можно будет говорить об эффекте ее *отсутствия*. Можно увидеть наиболее характерные черты трансформации политических режимов в российских регионах. Это и снижение роли законодательной власти в регионах, и изменение положения политических партий в региональной политике, и противоречивое влияние на развитие местного самоуправления, сопровождаемое постоянными требованиями установить «вертикаль власти» до местного уровня. По сути, на уровне региональных элит происходит замена политики администрированием. Не оправдывается, на наш взгляд, и предположение о повышении роли региональных законодательных собраний. Они еще больше попадают под контроль исполнительной власти. Отличие от ситуации 1990-х гг. состоит в том, что тогда исполнительная власть была представлена главами субъектов РФ. Сейчас действует механизм предписанного Центром введения в регионах принципа формирования ассамблей через пропорциональную систему (не менее половины депутатов). Произошло становление еще одного канала

контроля над региональной политикой через представительство «партии власти» — «Единой России».

Добровольно-принудительный отказ региональных элит от политических амбиций на общероссийском уровне и от укрепления собственной легитимности путем губернаторских выборов в регионах выглядит для политолога даже некоторой загадкой. Разбирая один из региональных случаев такой политической уступки, мы писали: «Руководители субъектов Российской Федерации за короткий период упускают значительное влияние, обретенное на федеральном уровне: достаточно сравнить положение Совета Федерации во второй половине 1990-х гг. и то, чем верхняя палата Федерального собрания является сегодня». Почему?

Мы считаем ошибочным полагать, что в «нулевые» годы «умирание региональной политики» произошло исключительно в силу путинских новаций. Скорее губернаторский корпус РФ, который в конце 1990-х гг. приобрел изрядное политическое влияние, стал тяготиться демократическими методами разрешения политических противоречий (например, постоянно прибегая к фальсификации результатов выборов, тормозя местное самоуправление и т. д.). В силу этого, когда региональные элиты столкнулись с организованным давлением федеральной бюрократии, напуганной ростом региональной «вольницы», они не имели достаточных ресурсов поддержки на местах и легко согласились на зависимое от Москвы положение. Ряд региональных «патриархов» также с радостью согласились на уход из Совета Федерации и замену выборов назначением в обмен на возможность остаться губернаторами на второй, третий и даже — в отдельных случаях — на четвертый сроки. Несогласные же с кремлевской политикой были «вычищены» из региональной власти различными способами.

Потеря политических возможно-

избираются населением, хотя эти латиноамериканские страны и не входят в число федераций.

стей для регионов бесследно, разумеется, не проходит. Вот только один из множества примеров: по подсчетам аудиторов Счетной палаты РФ, только из-за налоговых новаций 2003–2006 гг. региональные бюджеты потеряли почти 600 млрд руб. доходов, а приобрели на порядок меньше — 53 млрд руб. После же отмены губернаторских выборов у регионального руководства просто нет *политических* стимулов для оздоровления и развития экономики своей территории, эти задачи становятся второстепенными. Главное — это не поссориться с Москвой, получить оттуда материальную помощь на «прокорм», а потом уехать, пойти на повышение или получить благодарность от бизнес-структур, работающих в регионе. Собственно российская провинция — это сейчас бесправная колония для чиновничьего и олигархического произвола. Без возвращения себе политических прав ей уже не подняться.

Вы можете представить себе страну, где примерно 4/5 населения были бы иждивенцами и жили на подачки, распределяемые по произволу хозяина, без стимулов и возможностей изменить свое унижительное положение? Но ведь в административно-территориальном отношении положение в Российской Федерации обстоит именно так, и политические возможности улучшения для представителей регионов сведены к минимуму.

Но при внешней лояльности изменения в порядке формирования губернаторского корпуса не решили декларируемых после объявления этого шага целей. Мы реалисты и отчетливо понимаем, что большинство населения не очень расстроилось из-за того, что его лишили возможности лишний раз приходить на избирательные участки. Отстаивать свои политические права россияне — увы! — не умеют. Но и молчаливое большинство, и недовольное меньшинство страдают от отвратительного качества госуправления в России, которое отмена губернатор-

ских выборов отнюдь не улучшила. Вот если бы президент-реформатор решил на вариант авторитарной модернизации, решительного реформаторского прорыва и ради этого временно ограничил избирательные права граждан, расставил в регионах людей, которые могли бы вытолкнуть Россию из колеи стагнации, экономической отсталости и нищеты — это бы встретило понимание и поддержку. Но этого как раз и нет! И это — практически невероятно.

По состоянию на 2008 г. очевидно, что попытки отечественных реформ в отношении демократизации и федерализма окончились неудачей. В последнем случае мы имеем дело с псевдофедерацией, во многом похожей на практику квазифедералистских отношений в СССР. Сейчас ситуация возвратилась к традиционной для России подмене политики администрированием. В ситуации, когда назначенные губернаторы выполняют «план» по голосам для Путина и «Единой России», а в государственные, да и в негосударственные учреждения уходят распоряжения проконтролировать «свободное волеизъявление» сотрудников в пользу, разумеется, той же «Единой России», — стоит ли делать вид, что политика в регионах еще осталась. То есть региональная политика как комплекс мероприятий центральной власти по отношению к регионам, несомненно, уничтожена быть не может, поскольку существует в государствах любого типа, а вот региональная политика, связанная с публичным разделением власти, исчезла в субъектах РФ со скоростью шагреновой кожи.

Реальные политические противоречия (в том числе проблемы, накопившиеся по линии «Центр — регионы») бюрократически заморожены, и власть ожидает, что они со временем решатся сами собой. Катастрофический опыт распада СССР показывает — не решатся.

Федерализм в «послании»

Какие проблемы предстоит решить?

Итак, принципы федерализма были фактически изгнаны из реальной российской политики последнего десятилетия. Но если перефразировать не очень любимого нами барда: федерализм оказался не в изгнании, он — в послании. При невозможности проводить дальше существующую политику, связанную с исчерпанием ресурсов от продажи дорогой нефти, которые позволяли заниматься фактически подкупом и населения, и региональных элит, встает вопрос о том, что с ними придется вести более равноправный и цивилизованный, нежели сейчас, диалог. Тема наполнения новым содержанием федеративных отношений неизбежно встанет тогда в повестку дня. (Другой вариант — новое «закручивание гаек», фактически открытая диктатура под тем или иным идеологическим соусом, — конечно, также возможен. Но прогноз в этом направлении нуждается в специальном рассмотрении, которое мы здесь опускаем.) Каким будет это содержание?

Полагая этот вопрос остродискуссионным и будучи готовым к полемике, мы должны отметить, что вариант «возрождения Империи» в евразийской или какой-либо иной экзотической форме следует отбросить с порога. Не потому, что возрождение империй в современном мире невозможно в принципе, а по причине крайней невыгодности и смертельной опасности возрождения «настоящей империи» именно для русских, хотя часть людей, называющих себя патриотами и националистами, буквально бредит Империей. По известному выражению, *нет у нас больше сил на империю*, и попытка реализовать какой-нибудь неоимперский проект приведет к ускоренной гибели русского этноса и ни к чему больше. Принципиальное убеждение в этом не мешает нам видеть, что ситуативное, инструментальное использование каких-то элемен-

тов неоимперской политики, скажем, на постсоветском пространстве иногда возможно, но и здесь нужно быть очень осторожным, дабы не пустить в скудный распыл наши ограниченные и сокращающиеся ресурсы...

Может показаться, что в отношениях Центра и регионов в России опять «процесс пошел». Например, произошедшие в первые месяцы 2009 г. отставки и назначения в губернаторском корпусе РФ вновь привлекли внимание к проблемам взаимоотношений Центра и субъектов Российской Федерации. Процесс ротации региональных элит и пересмотра отношений с субъектами федерации, очевидно, должен получить продолжение, но непонятно, в каком направлении он будет развиваться. Такие разнородные сигналы Кремля, как назначение кировским губернатором Н. Белых и снятие мурманского губернатора М. Евдокимова, трактуются также весьма различно. Риторика Д. Медведева для либерального уха создает приятный контраст (особенно по сравнению с брутальными речами его предшественника); чего стоит одна только сакраментальная фраза о том, что «свобода лучше, чем несвобода». Но пока явно запаздывают практические шаги по реализации этих либеральных речей. Пока преимущественно каждый видит в этом то, что хочет. Но вдруг действительно начнется новая «перестройка»?

Скорее всего, перемены в нашей системе неизбежны, ибо резко меняются условия среды. Созданный в РФ режим в принципе неспособен к каким-либо значительным инновациям, ибо их введение разрушило бы его; он был сконструирован не для развития, а для более успешного присвоения ренты верхушечными слоями. На протяжении большей части заканчивающегося десятилетия в Кремле можно было «царствовать, лежа на боку», нефтедоллары капали исправно и в огромном количестве. У региональных элит также не было серьезной мотивации раз-

вивать свои регионы; риски потерять власть перевешивали реформаторские амбиции. После 2005 г., особенно если «заносы» оказывались удачными и чиновник сохранял (получал) губернаторский пост, то от него требовалось сохранять полную политическую лояльность, выполнять план по голосам для «Единой России» и не допускать серьезных и заметных провалов на территории руководимого региона. Бюджетных денег на «поддержание штанов» хватало, какие-то крохи доставались регулярно даже традиционно нищим бюджетникам и аграриям (т.н. «национальные проекты»); стимулы к разработке и реализации новых проектов была подорваны. Именно поэтому за прошедшие «тучные годы» многие проекты на территориях так и не были реализованы, хотя средства для них в принципе имелись. Сейчас, когда в мире бушует экономический кризис, большинство руководителей в российской провинции практически не «чешется», ожидая «ценных указаний» из Москвы и надеясь на финансовую помощь из Центра.

Вот одно из последних сообщений на эту тему. В 2/3 российских регионов не принято своих антикризисных программ, предлагаемые меры носят разрозненный и нескоординированный характер, что говорит об отсутствии в РФ антикризисной региональной политики; в большинстве регионов заметно падают реальные доходы населения, зато дорожает продовольствие; число регионов-доноров после некоторого приращения вновь сократилось до полутора десятков, пропасть между богатыми и бедными субъектами федерации стала еще шире — вот они, последствия «путинизма» в отношениях с регионами во всей «красе»!

Уже сейчас есть уверенность, что реанимация российского федерализма по модели 1990-х гг. *бессмысленна и опасна*. Еще хуже был бы аналог недоброй памяти горбачевщины, то есть способа государственного суй-

цида. Новая попытка развития федеративных отношений в России, в которых такая огромная и разнородная страна *объективно нуждается*, должна сопровождаться и новыми подходами к федеративным отношениям, отказом от данайских даров советской эпохи и децентрализации первого постсоветского десятилетия. Но это будет означать и обновление демократического опыта.

Итак, нужен федерализм, с помощью которого только и можно организовать такую большую и разнородную территорию, которая есть (пока?) у России. Помимо принципов либеральной демократии, в практике воссоздания реальных федеративных отношений в перспективе необходимо учитывать и другие уроки неудач федеративного строительства ельцинской эпохи. На наш взгляд, это касается:

— излишне большого количества субъектов федерации;

— порочной практики существования «матрешечных» регионов;

— ситуации, когда большинство федеративных единиц были безнадежно дотационными регионами;

— смешения (а порой и противопоставления) принципов, на основании которых выделялись субъекты федерации в России: административно-территориальный и этнонациональный, выделение регионов в соответствии с титульным этносом;

— дисбаланса (на порядки!) и резкого контраста в «нарезке» АТД, когда разница в территории, численности населения, экономическом потенциале и т.д. варьировалась в десятки, а порой даже в сотни раз;

— практики манипулирования выборами в регионах (в самых разных формах);

— а главное — отказа от практики широкого демократического участия населения в вопросах, касающихся федеративных отношений в России. Это особенно касается русских, ибо они составляют 4/5 населения РФ.

Разумеется, этот список далек от завершения. Задача исследователя российского федерализма, по нашему убеждению, состоит в том, чтобы дополнить и конкретизировать обозначенные проблемы. Это необходимо сделать для того, чтобы в будущем избежать подмены стратегии развития федеративных отношений ситуационным тактическим реагированием и задачей удержания власти любой ценой.

Примечательно, что путинский режим, даже в условиях безусловного административного доминирования Центра, так и не смог решить вопросы, связанные с оптимизацией политико-административного деления РФ; было лишь немного сокращено количество субъектов федерации за счет укрупнения регионов и ликвидации нескольких «матрешек». Но и разнокалиберность субъектов РФ, и вхождение одного субъекта в состав другого, и общее слишком большое число АТЕ первого уровня продолжают существовать⁸.

⁸ Ныне в составе нашего государства находятся следующие субъекты Российской Федерации:

Республика Адыгея (Адыгея), Республика Алтай, Республика Башкортостан, Республика Бурятия, Республика Дагестан, Республика Ингушетия, Кабардино-Балкарская Республика, Республика Калмыкия, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Карелия, Республика Коми, Республика Марий Эл, Республика Мордовия, Республика Саха (Якутия), Республика Северная Осетия — Алания, Республика Татарстан (Татарстан), Республика Тыва, Удмуртская Республика, Республика Хакасия, Чеченская Республика, Чувашская Республика (Чувашия); Алтайский край, Забайкальский край, Камчатский край, Краснодарский край, Красноярский край, Пермский край, Приморский край, Ставропольский край, Хабаровский край; Амурская область, Архангельская область, Астраханская область, Белгородская область, Брянская область, Владимирская область, Волгоградская область, Вологодская область, Воронежская

Все это в перспективе затрудняет возврат к практике реальных и жизнеспособных федеративных отношений, без подмены их партийной (как при Советах) или административной (как сейчас) «вертикалями власти».

Это говорит о том, что доставшаяся от советского периода структура федерации очень трудно поддается исправлению как политическими, демократическими, так и бюрократическими средствами. В 2003 г. в качестве первой «жертвы» сокращения был выбран Коми-Пермяцкий автономный округ в Пермской области. Этот, по сути, бедный сельский район, без железной дороги, в столице которого — Кудымкаре — запоминалось большое металлическое корыто для мытья сапог перед крыльцом администрации (мы далеки здесь от сарказма, в депрессивном состоянии находится множество российских территория!), тем не менее гордо именовался «субъектом Федерации» и наряду с Пермской областью

область, Ивановская область, Иркутская область, Калининградская область, Калужская область, Кемеровская область, Кировская область, Костромская область, Курганская область, Курская область, Ленинградская область, Липецкая область, Магаданская область, Московская область, Мурманская область, Нижегородская область, Новгородская область, Новосибирская область, Омская область, Оренбургская область, Орловская область, Пензенская область, Псковская область, Ростовская область, Рязанская область, Самарская область, Саратовская область, Сахалинская область, Свердловская область, Смоленская область, Тамбовская область, Тверская область, Томская область, Тульская область, Тюменская область, Ульяновская область, Челябинская область, Ярославская область; Москва, Санкт-Петербург — города федерального значения; Еврейская автономная область; Ненецкий автономный округ, Ханты-Мансийский автономный округ — Югра, Чукотский автономный округ, Ямало-Ненецкий автономный округ (Ст. 65 п. 1 Конституции РФ).

посылал в Совет Федерации РФ двух «сенаторов». Жители КПАО, получив обещания материальной помощи и пораженные визитом в округ самого Президента РФ, который прилетел туда на вертолете, поддержали образование Пермского края. В дальнейшем удалось удачно провести еще несколько «поглощений» АО⁹, но потом этот процесс застопорился.

По случайному ли совпадению не удалось пока ликвидировать «матрешки» с автономными округами, богатыми запасами углеводородного сырья: Ненецкий в Архангельской области, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий в Тюменской, а также Чукотский АО, прославившийся губернаторством Романа Абрамовича. В сложном состоянии находятся отношения Красноярского края и Адыгеи, а также возможный процесс объединения Республики Алтай и Алтайского края. Идут бесконечные разговоры об объединении Санкт-Петербурга с Ленинградской областью. Список примеров сложного межрегионального взаимодействия можно долго продолжать...

Это отдельная тема. Но мы останавливаемся на данном сюжете для того, чтобы показать, что федеральный Центр не всесилен, и центро-периферийные противоречия, конфликты власти и бизнеса, столкновение лоббистов и ведомств и т.п. никуда не исчезли и не могли исчезнуть. Они лишь ушли в «тень», что значительно осложнило цивилизованное решение этих вопросов с учетом интересов населения. В отдельном изучении нуждаются также существующие проблемы и перспективы выстраивания новой системы отношений между губернаторами и законодательными собраниями

субъектов РФ, региональными властями и органами местного самоуправления и др.

Также все разговоры об оптимизации численности субъектов РФ хотя бы до полусотни (пример США) пока остаются только разговорами. Серьезную проблему для нормального развития Российской Федерации создает тот факт, что ее субъекты чрезвычайно разнятся друг от друга по численности населения, территории, а главное — экономическому потенциалу. В целях оптимизации управления стоило бы, конечно, принять новую сетку АТД, с тем чтобы субъекты федерации могли «прокормить» сами себя, то есть были бы более устойчивыми в экономическом отношении в плане обеспечения и диверсификации экономическими ресурсами. (В период советской плановой экономики так проблема не стояла, да и федерализм носил во многом номинальный характер.) Но и здесь планы оптимизации натываются на стену политических и бюрократических амбиций. Не очень-то заинтересована в экономической самостоятельности регионов и федеральная бюрократия — как в таком случае она будет манипулировать бюджетными и прочими ресурсами — проводя политику «разделяй и властвуй» или с помощью перераспределения средств, дотаций регионам держать их руководство на «коротком поводке»? Это — еще раз к вопросу о том, что экономическая рациональность отступает перед интересами максимизации власти.

Не слишком удачным, на наш взгляд, вышел и опыт создания семи федеральных округов. Возможно, в период укращения «региональной вольницы» их появление и имело смысл, но в дальнейшем все больше создавалось такое впечатление, что расплодившейся в федеральных округах бюрократии просто *нечем* заниматься. Судя по численности федеральных чиновников в Москве и регионах, не похоже, что

⁹ Таймырский (Долгано-Ненецкий) и Эвенкийский АО слились с Красноярским краем, Корякский АО — с Камчатской, Агинский Бурятский — с Читинской, а Усть-Ордынский Бурятский — с Иркутской областью.

новый, окружной уровень управления «разгрузил» Москву. В общем, получилось «как всегда».

Почти неразрешимой проблемой на сегодняшний день выглядит наличие в составе единой России одновременно территориальных и этнотерриториальных образований. Наличие последних выгодно в основном правящей там бюрократии, но остальным от этого не легче. Преференции титульным этносам, обиды представителей тех национальностей, у которых нет своего национального образования, крайне неравномерное соотношение этнических групп в самих этнорегионах, двойные стандарты и фактическое неравенство по признаку национальности — это и многое другое заставляет обращать самое серьезное внимание на данную проблему.

Российская власть в 1990-е гг., да и потом, вроде бы говорила о необходимости формирования в России единой «гражданской нации», мол, «все мы — россияне». Но эти заявления шли вразрез с реальной практикой сохранения и приумножения практики поощрения этнотерриториальных единиц в составе федерации. Шло ли это на пользу формированию общероссийской идентичности? Вспомним советский опыт, где была сделана попытка сформировать «новую историческую общность — советский народ». В итоге большинство русских считали себя прежде всего советскими людьми, а грузины, латыши, казахи и т. д. — в первую очередь представителями своего этноса и идентифицировали себя не со всем Союзом, а со своими национальными государственными образованиями, в создании которых коммунистическое руководство в Москве столь преуспело. Не повторяется ли аналогичная ситуация и сегодня, в первую очередь в интересах новой «этнономенклатуры», спекулирующей на интересах своих наций?

Автору этих строк однажды подумалось, что средств, которые тратятся

на зарубежные командировки и прочие расходы для номенклатуры национальных движений, вполне хватило бы на газификацию и прочее обустройство сел, где проживает «коренное население», о котором национальные бюрократы, а фактически этноадминистративные предприниматели, так громко пекутся. Но нет — они предпочитают бороться за права «коренных» народов (пример финно-угров), бесконечно летая в Хельсинки и Будапешт, а порой долетая до Женевы, Нью-Йорка и т. д.

Однако «рубить с плеча» в вопросах национально-государственных образований на территории РФ действительно очень опасно. По аналогии с известным испытанием в предложении «оставить нельзя упразднить» — не знаешь, где поставить запятую. Ура-патриотические публицисты много понаписали о порочности подобных практик и необходимости срочно решать вопрос, желательно — одним махом. Однако чем громче звучат те или иные призывы, тем менее реалистичными выглядят соответствующие действия на практике. Мы полагаем, что в нынешней ситуации решительно менять существующую структуру АТД пока нельзя. Если рубануть разом, не задумываясь о последствиях, можно получить еще одну проблему, наподобие кавказской, только в более широких, действительно общероссийских масштабах. В национальном вопросе следует действовать очень-очень осторожно, каковы бы ни были наши чувства по этому поводу.

Говорят, например, что Россия — это по составу населения скорее мононациональное государство, 4/5 в нем русские. Действительно, по итогам переписи 2002 г. доля русских составляла 82,95 %. Но ситуация не столь однозначна (даже если отвлечься от факта постепенного сокращения русских в составе населения из-за неблагоприятных демографических и социальных процессов, сокращающих численность русских в России и относительно и аб-

солютно, а также наплыва миллионов нежелательных мигрантов из-за рубежа). В составе населения многих автономий русские не находятся в большинстве, а состояние межнациональных отношений выглядит на многих территориях как очень сложное. Здесь нет места подробно разбирать эти вопросы, но главное в том, что даже если поставить цель отказаться от этнотерриториального принципа, то двигаться к этой цели нужно очень медленно. Вообще, пока стоит вопрос, как начать это движение при нынешнем политическом режиме. Мы бы сказали, что, помимо пестроты демографических балансов, определяющую роль играет баланс политический. Федеральная власть сейчас находит свои выгоды в существовании этнономклатур в национальных регионах. Те успешно обеспечивают «необходимый» процент голосования на федеральных выборах. В случае же какой-то угрозы своим интересам власти республик тянут из рукава замусоленную карту этнического экстремизма, пугая Москву ужасными националистами и террористами, наподобие Басаева. А Москва и верит (не слезам жертв терактов, а интересам сохранения власти Кремля!) — *ах, обмануть меня нетрудно, я сам обманываться рад.*

Дело, конечно, не в горячих националистах, готовых уйти в партизаны (Северный Кавказ в этом отношении является девиантным случаем). Основное сопротивление гипотетическим нововведениям последует со стороны региональных элит, когда те столкнутся с угрозой для своего положения. Никого не должен вводить в заблуждение тот факт, что руководители субъектов РФ в массе своей безропотно согласились на отмену выборов и переход к назначениям губернаторов, на общенациональную унификацию в региональном законодательстве и т.п. Как мы уже замечали, регионалы во власти не очень-то дорожили правовыми и де-

мократическими нормами, а часто просто тяготились ими. Поэтому практика назначений губернаторов не вызвала у них протеста, ведь реальные властные и материальные возможности на уровне регионов у них в целом сохранились и даже приумножились.

Но представим себе на миг, что Кремль вдруг объявит об общем сокращении количества регионов и об отказе от этнотерриториального принципа в их выделении. Все это встретит ожесточенное сопротивление со стороны региональных элит, которые будут воевать не за чуждые и непонятные для них правовые и демократические принципы, а за свой собственный жирный кусок, возможность дальнейшего обогащения на «своих» территориях. Вспомним, какую бешеную активность развила загнанная в угол ельцинская «семейка» в конце 1990-х гг.

Если «загнать в угол» региональные и/или этноэлиты, то они не преминут обратиться за помощью к «своему» населению, представляющему титульные этносы, под предлогом ущемления национальных прав, борьбы с «русским империализмом» и т.д., и т.п. Все это уже будет серьезно, так как этничность имеет значительный мобилизационный потенциал. Что можно будет противопоставить этому? Сейчас — пока ничего. Годы «неозастоя» и «промывки мозгов» по всем телеканалам не прошли даром — население политически деморализовано, и его этническая мобилизация выглядит в этих условиях более вероятной, нежели объединение вокруг ценностей народовластия, политических и гражданских свобод. Эти ценности были успешно скомпрометированы в прошлом десятилетии, а практика конкурентных выборов, к которым россияне только-только начали привыкать, обучаясь на своих ошибках, вновь была удалена из российской политики.

Но пока на темы оптимизации политико-административного деления будет разговаривать бюрократия реги-

ональная с бюрократией московской, ситуация с места не сдвинется. Для вовлечения же населения в дискуссию и решение национальных и других проблем России необходим возврат к демократическим практикам. Ведь может оказаться, что при решении таких актуальных проблем, как сохранение языка и культуры всех народов России, можно обойтись и без «отступного» этнобюрократиям. Реальные гражданские и политические права призваны разрушить химеру «племенной» солидарности, и тогда, может быть, сам вопрос о существовании этнотерриториальных образований не будет восприниматься так остро. Но для того чтобы в этом убедиться, народам России потребуется немалое время и политические рамки реально работающей на всех уровнях демократии.

С демократизацией связан и другой, главный, на наш взгляд, сегодня для России *русский вопрос*. Очевидно сейчас, что по готовности к национальной мобилизации русские существенно отстают от многих других народов России. Тема «опасная», но мы говорим здесь вовсе не о призывах типа «Россия для русских» или безумных планах, вроде создания особой «Русской республики». Нет, речь идет о том, чтобы наконец-то почувствовать себя Хозяевами в собственном доме, то есть иметь возможность решать, как распоряжаться запасами в своих кладовых (выстраивание экономической политики в интересах большинства населения, а не кучки олигархов и чиновников-коррупционеров), как проводить «перепланировку» своего дома (создать оптимальную для экономики и управления сетку АТД), как строить отношения с соседями и кого приглашать в гости (вопросы международной политики, особенно на бывшем постсоветском пространстве, острейшие вопросы миграции в Россию и т. д.) и иметь возможность решать другие вопросы российского обустройства, обычно связываемые с суверенитетом

народа. Но как практически реализовать этот суверенитет без работающих механизмов демократии? Вновь надеяться на «доброе царя»?

Как мы видели, ни советский, ни постсоветский опыт так и не привел к успешной трансформации империи в государство *современное* (Modern — в социологическом понимании, как Современность, качественно отличающуюся от традиционных, «до-современных» обществ). По сути, политические отношения в нашей стране сохраняются в глубоко архаичной, неопатримониальной, «феодальной»¹⁰ форме. По нашему убеждению, современное так называемое *национальное государство* (Nation-State, l'Etat-Nation) невозможно создать без национализма. Конечно, учитывая огромные размеры, контрасты, сложности и противоречия нашей страны во всех буквально областях, российское национальное государство должно принять форму федерации. Но отечественный федерализм обречен оставаться пародией на свое предыдущее, неоимперское воплощение («путинский» по отношению к советскому и т. д.) до тех пор, пока население страны через механизмы современной демократии не обретет возможностей реального контроля за своими элитами, не станет политической нацией. А нации (как считал, например, Э. Геллнер) создаются национализмом. Каким же может быть в России такой — создающий политическую нацию и современное государство — национализм? Только русским.

Помимо опоры на русский народ и формирования новой российской идентичности, Россия сможет сохраниться как жизнеспособное государство также путем вывода национального вопроса, проблемы многонациональности из сферы по-

¹⁰ Недаром ельцинский федерализм многие сравнивали с неофеодализмом, говорили о «региональных баронах» и т. д.

литики в область культуры (всяческой поддержки национально-культурных автономий), снижения общей роли и значения исполнительной власти на региональном уровне, а также развития местного самоуправления — «самой близкой народу власти». Возвращение к практике свободных выборов призвано будет укрепить страну, сделать ее систему более гибкой и обеспечивает страховку от распада в случае того или иного катаклизма (социального, экономического, экологического и т. д.). Если постепенно двигаться в этом направлении, то Россия, может быть, получит шанс обрести в перспективе *баланс жизнеспособного федерализма*.

Исходя из этого, мы видим безнадежную реакционность в уповании многих *патриотов* на возрождение империи, на новую православную монархию, на диктатуру развития, на особый путь и прочие штучки-дрючки, с которыми «умом Россию не понять».

Только демократия, только федерализм дают нам шанс для развития. Но это именно шанс. «Замороженный» федерализм можно оживлять, лишь используя демократические методы. Например, уже сейчас («на всякий случай») имеет смысл вести дискуссию о путях его возможного «оживления». Нам представляется, что даже в среднесрочной перспективе в субъектах федерации механизмы партийной демократии вряд ли могут быть эффективными. Путь к возврату хоть какого-то контроля и влияния населения на власть лежит через восстановление выборов первых лиц в регионах, пусть и с опасностью авторитарных последствий принципа «победитель получает всё». Если же получат развитие политические партии, то они могли бы выступать в регионах проводниками политики федерального Центра. Также в условиях перехода на чисто пропорциональную систему выборов в Госдуму РФ целесообразно было бы перейти к избранию депутатов Совета Федера-

ции РФ прямым голосованием населения. Разумеется, все это имеет смысл, если сами демократические процедуры наполнятся реальным содержанием.

Никакого предопределения здесь быть не может. Как и в случае с нынешним кризисом, он может, в принципе, привести к оздоровлению ситуации в нашей стране. А может и не привести. *Нормальный русский национализм* дает народу России перспективы выбраться из нынешнего униженного состояния политического авторитаризма, экономического тупика, крайне несправедливого распределения в социально-экономической сфере, отвратительного качества управления как страной в целом, так и отдельными территориями. Все это сюжеты для отдельного и подробного рассмотрения. Мы же, завершая наш очерк о российском федерализме, хотим еще раз подчеркнуть, что пока русские не станут подлинными хозяевами в своем доме, *наш дом — Россия*, по своим внутренним порядкам напоминающий колонию для несовершеннолетних, имеет перспективу превратиться в богадельню для нищих стариков, обкрадываемых со всех сторон. Страна пока сохранится, но жизнь в ней будет похожа на доживание, пока какой-нибудь внутренний или внешний пожар¹¹ не поставит в этом точку.

Хотим ли мы для себя такого бесславного конца?..

¹¹ Прошлой зимой произошла трагедия в одном из домов престарелых в Коми. Живово сгорело большинство обитателей этого заведения, и до того не избалованных заботой и вниманием. Вот что значит не быть хозяевами своего дома и своей жизни.

ОЛЕГ НЕМЕНСКИЙ

ЕВРОПЕЙСКИЕ НАЦИИ И КРИЗИС СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Первое десятилетие нового века дало вполне однозначный ответ на вопросы о направлении развития старой системы международных отношений — она постепенно отменяется, причем в наиболее глубоких своих основаниях. Уходят в прошлое сами международные отношения, как основанные на контактах отдельных народов, обладающих своими суверенными государственностями. И осуществляется такая отмена не сама собой, а через сознательную политическую линию, проводимую евроатлантическим сообществом. Особенно значимым событием на этом пути стало признание Западом независимости Косова, которое само по себе оформляет кризисные явления в системе международных отношений и способно оказать влияние на ход целого ряда очень значимых процессов в Европе и во всем остальном мире. Неприкосновенность границ послевоенных государств, закрепленная в 1975 г. в Хельсинки, — это самое малое, нарушение чего теперь не будет считаться недопустимым.

С одной стороны, это лишь признание приоритета права народа на самоопределение над принципом территориальной целостности государства, да еще и с оговорками об исключительности данного случая. Противоречие между этими двумя нормами международного права не ново и само по себе является характеристикой всей системы. Однако косовские события

можно расценить как прецедент в гораздо большем масштабе, и в первую очередь как знаковый рубеж, определяющий процесс развала Вестфальской системы с ее постулированием государственного суверенитета как основы для международных отношений. В этом смысле признание независимости Косова — последний акт в череде событий, начатых в 1999 г. военной операцией США и их союзников против Югославии, которая не была одобрена Советом Безопасности ООН и напрямую противоречила седьмому пункту 2-й статьи I главы Устава ООН (где провозглашен «вестфальский» принцип невмешательства во внутреннюю компетенцию государств).

Кризис Вестфальской системы — довольно модная и часто поднимаемая ныне тема. Несомненно, для этого есть все основания. Сомнительно, однако, утверждение, что этот кризис имеет естественное происхождение — уж очень наглядна сознательная политика по разрушению этой системы со стороны одного мирового гегемона и его союзников.

Идеология нового мира

Разрушение это связано не только со сложившейся после распада СССР ситуацией действия на планете «единственной сверхдержавы». Его идеология разрабатывалась на Западе всю вторую половину XX века и была обусловлена и распадом колониаль-

ной системы, и ведением холодной войны. Окончание этой войны было во многом сопряжено с началом реального проведения в жизнь новых принципов. И в первую очередь это учение о приоритете прав человека над правом государства. Учение по первому приближению довольно привлекательное, особенно для жителей России, привыкших к враждебности к ним своего же, казалось бы, государства. Однако построенная на этих идеях система выглядит несколько иначе.

Как в 90-х гг. сформулировал Майкл Гленнон, «отношение к государствам как к равным мешает относиться к людям как к равным». Примечательно, что Валерий Зорькин (несомненно, искренний сторонник защиты прав и свобод человека, о чем часто свидетельствует) в своей известной статье «Апология Вестфальской системы» («Россия в глобальной политике». № 3, май–июнь 2004) сравнил эти идеи с идеологическими разработками Альфреда Розенберга. Структурно сходство уловлено очень точно, но, конечно, здесь следует учитывать и некоторые различия в понятиях о праве и о человеке в этих идеологиях. Несомненно, что концепция прав человека (в нацизме или неолиберализме — здесь неважно) действительно противоречит принципам государственного суверенитета и территориальной целостности. И несомненно также, что эта концепция лежит в основе всех принятых в современном мире теорий демократической государственности.

Вестфальская система была результатом долгих религиозных войн и плодом великого компромисса — договора о взаимном ненападении между различными версиями западного христианства. Принцип государственной суверенности, закрепленный в ней, был развитием положения Аугсбургского исповедания почти вековой давности: «*cuius regio, eius religio*» («чья власть — того и вера») — собственно, того, что в 1570-х гг. Жан Боден обо-

значил как «абсолютную и полную власть государства над подданными и гражданами». Однако такое правило было действенным до тех пор, пока регулировало жизнь только внутри западного сообщества. С падением колониальной системы Запад был вынужден распространить его действие (то есть уважение к государственному суверенитету) почти на весь мир, что было уже не в его интересах. На глобальном уровне Западу потребовалось воспроизвести ту же модель, которая действовала в Европе в Средние века и до Вестфальского мира. Она подразумевала наличие единого центра силы, наделенного в первую очередь идеологической властью (условный «Рим»).

Выход был найден в применении понятия «международного права прав человека», фактически закрепившего за западной демократией роль единственно верной идеологии, а за США — роль ее основного носителя и распространителя. Формировавшееся с конца XIX в. международное гуманитарное право не нарушало принципа государственного суверенитета и потому было принципиально ограниченным — военным временем и добровольностью принятия его норм государствами. Создававшееся после Второй мировой войны международное право прав человека превозмогало эти «недостатки» гуманитарного права и имело уже не договорные, а идеологические основания. Окончательной его победой стали Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 2005 г., фактически интегрировавшие международное гуманитарное право в систему международного права прав человека и утвердившие его обязательный характер.

Впервые после начала Реформации у Западного сложилась единая идеологическая система, более того — снова, как и в Средневековье, эта идеология обязала западные страны к активной политике в отношении всего остального мира. Так глобализационные процессы получили свое идеологическое

обоснование. Любой «честный демократ», как прежде и любой «честный христианин», может чувствовать свою глобальную ответственность за человечество и необходимость бороться со злом по всему миру. Слова Джорджа Буша-мл. об интервенции в Ирак как о новом крестовом походе, за которые его потом столько ругали, были не случайной оговоркой: да, конечно, идеология этой войны далека от идеи нести в Ирак христианство, но структура мысли абсолютно та же. В т.н. «гуманитарных интервенциях» вполне можно увидеть новое воплощение крестовых походов. Как Рим был цитаделью католицизма, так Вашингтон — цитадель демократии, и он также несет ответственность за всемирное утверждение новой универсальной идеологии.

Как это было и с католицизмом, распространение норм новой «веры» считается тем, чего втайне ждут все народы, ведь стремление к счастью (к общению с Богом или к пользованию своими правами) — «прирожденное свойство» человека. Как католицизм подразумевал мировую всеобщность и право католиков силой утверждать свою веру, так и мондиализм наделяет своих носителей этим правом, фактически — «правом сильного». При этом демократия и права человека, понятия не просто технологически как определенный род политической практики, а как глубоко философски обоснованная общественная система, имеют еще большую тягу к глобальности, чем средневековое западное христианство.

Политика современной Америки во многом откровенно не прагматична, она мотивирована идеологией спасения. И эта идеология не может мириться со старой трактовкой правила «чья власть — того и вера». Власть-то теперь вышла за пределы государств — она становится всемирной. Глобализации власти сопутствует и глобализация идеологии. Суверенитету отдельных стран здесь уже нет места.

В результате старое международ-

ное право, являвшее собой итог долгих и крайне кровавых европейских войн, год за годом теряет свое влияние и все более приобретает чисто декларативный характер. Наличие в мире единственной сверхдержавы делает международное право актуальным только для слабых, а особенно — для такой новой категории стран, как «государства-изгои». Сверхдержава имеет в своих союзниках крупный цивилизационный организм («Запад»), контролирует практически всю мировую экономическую систему, а главное — имеет свою универсальную идеологию, обязательную к распространению по всему миру. Право на трактовку основ и положений этой «веры», как и право на оценку норм ее соблюдения другими, есть только у элиты США. Она принята почти всем Западом, ибо впервые за несколько сотен лет смогла сплотить его в единое сообщество.

В результате понятие суверенитета перестает быть абсолютным и поначалу заменяется понятием «мягкий суверенитет», а потом и вовсе отменяется. Знаковыми стали слова Генри Киссинджера, когда он в 2003 г. заявил о «смерти Вестфальской системы» и о бессмысленности идеи государственного суверенитета. Идеология защиты прав человека глобальной властью во всем мире требует введения в международную жизнь принципа «управления глобальной безопасностью». Безопасностью наций, но все более — безопасностью человека. Противоречие между правом нации на самоопределение и принципом соблюдения территориальной целостности государств (совпадающих только в идеальной модели «nation-state») решается через предоставление приоритета праву на самоопределение, однако само это право оказывается также утраченным, так как суверенитет самоопределившейся нации в свою очередь входит в противоречие с правами человека. Фактически существование всего, что стоит между отдельным человеком и

любой точке мира и Вашингтоном, обусловливается только непротиворечием системе. Если государственность или та или иная международная институция мешает контролю за соблюдением его прав, то она выпадает из системы и становится целью для ее агрессии. При этом сами контролируемые Вашингтоном международные организации, в отличие от национальных государств, управляются уже вовсе не на основе демократического критерия. Фактически это становится главным принципом глобальной «сетевой модели управления», приходящей на место собственно международным отношениям.

Здесь не место критиковать собственно понятие о правах человека и демократии в современной западной культуре и политике. Важно отметить, что в принципе такая модель действительно могла бы быть действенной, если бы была реалистичной самая главная ее составляющая — всемирный гарант прав человека. На деле современные США — это никак не воплощение Империи в традиционном смысле этого слова: они не создают порядок мира. Они создают систему, максимально благоприятную для продвижения собственных национальных интересов, о чем сами постоянно и открыто заявляют. А национальные интересы США совпадают с соблюдением прав человека в других странах далеко не всегда, да и не из необходимости их соблюдения исходят. Соответственно, на практике реализация такой модели неминуемо вызывает к жизни такие явления, как война с «иноверцами» вовне и борьба с «протестантизмом» внутри. Собственно, все то, зачатки чего уже дали о себе знать во время проведения второй крупной гуманитарной интервенции — последней войны в Ираке.

Европейские нации в новых условиях

Целью настоящей статьи является не описание «нового мирового порядка», как он вырисовывается в последние годы, а рассмотрение того, как все эти

глобальные процессы сказываются на внутреннем устройстве самого Запада, и конкретно — Европейского союза. Ведь сам по себе ЕС является организацией, созданной еще в рамках старой системы и на ее принципах. Признание независимости Косова, на которую пошел Запад, — это сигнал не только для стран в других частях света, это и сильнейший толчок уже запущенным процессам внутри самой Европы. Евросоюз все более превращается в «первое в мире сетевое государство» — модель, предполагающая в будущем стать глобальной. То, как именно пройдет превращение межнационального союза в сетевую структуру — предмет активных дискуссий в самих европейских странах и пристального внимания всего мира, однако все события последних двух десятилетий указывают на вполне определенное направление этих изменений.

Эпоха Модерна, узаконившая как единственно легитимную форму существования европейских государств т.н. «nation-state», «национальное государство», на глазах подходит к концу. Суверенитет нации противоречит соблюдению прав и свобод человека. Нации обвиняются в неспособности к эффективному управлению в условиях глобализации. Международная система защиты прав человека способствует выделению в старых европейских обществах все новых этнических, региональных и диаспоральных меньшинств, которые получают привилегии, способные подорвать основы национальной государственности. Идет активный процесс «диффузии власти»: часть властных функций уходит «наверх» — к наднациональным органам, а часть «вниз», к регионам и местным сообществам, а также к институтам гражданского общества. В системе управления реформированного в 1990-х гг. Евросоюза признан принцип субсидиарности, подразумевающий передачу проблем на тот наиболее низкий уровень, на котором есть достаточно возможностей

для их решения. Старые крупные европейские нации оказываются все менее значимыми в этой системе, они играют все меньшую роль и в международных отношениях. Переплетение наднационального и регионального уровней в единую систему делает излишним слой национальной бюрократии. Помимо уже традиционных негосударственных участников международных отношений (транснациональные корпорации, международные и неправительственные организации), на политическую арену все более заметно выходят и совсем новые: внутригосударственные и трансграничные регионы.

Ранним и самым простым проявлением кризиса европейских наций, помимо постепенного размывания их суверенитета, является процесс их деунитаризации — автономизации провинций и «ползучей» федерализации. В *de jure* унитарных государствах провинции получают все большую самостоятельность, уже мало отличающуюся от автономного статуса, а в федеральных государствах отдельные земли получают все больше автономных прав. Этому процессу сопутствуют и одновременно противостоят две модели европейского развития, радикально противоположные друг другу. Это, с одной стороны, концепция «Европы наций», стремящаяся остановить процессы превращения ЕС в сетевое государство и сохранить его изначальную модель как союза суверенных национальных государств. И, с другой стороны, это концепция «Европы регионов», идеология европейского регионализма, предполагающая полноценную интеграцию, приоритет регионального уровня власти и трансграничного сотрудничества. Эти две модели носят взаимоисключающий характер, и их борьба как на общеевропейском, так и на внутринациональном уровне только набирает силу. Примечательно, что в подготовленном подразделением прогнозных исследований при Еурокомиссии еще в 1999 г.

докладе «Сценарии Европы–2010» все пять предложенных вариантов ее развития исходят из той или иной степени успеха процессов регионализации ЕС.

Несомненно, что признание независимости Косова — это мощный удар по концепции «Европы наций» и серьезный шаг вперед в деле становления «Европы регионов». Это подтверждают и подчеркнута аккуратные формулировки, допущенные в дипломатический язык, и новое косовское законодательство. В них подчеркивается многоэтничность края и равенство его народов, а сецессия обосновывается через сугубо региональные особенности (в том числе и «жесточайшие нарушения Белградом прав человека в крае»). Если Косово будет принято в ООН — это фактически будет первым случаем, когда ее членом станет не нация, а регион. А в Европе немало еще регионов, которые были бы не прочь обрести такой же статус, даже если перспективы достижения национального будущего у них минимальны.

В региональном движении Европы можно выделить, с одной стороны, внутригосударственные регионы, ведущие борьбу за повышение своего статуса, а с другой стороны — трансграничные регионы, образуемые как формы сотрудничества приграничных районов. Впрочем, и за очертаниями таких трансграничных образований часто можно увидеть возрождаемые границы старых региональных идентичностей. Концепция формирования в Европе особых региональных единиц, отличных от национальных государств, имеет теоретические корни еще в книге француза Видаля де ла Бланша «Восточная Франция», изданной в 1917 г. В ней рассматривалась модель особого статуса спорного региона между Германией и Францией — провинций Эльзаса и Лотарингии. Реально действующим первым еврорегионом считается образованный в 1948 г. Бенилюкс (экономическое объединение Бельгии, Нидерландов и Люксембурга).

Процесс образования еврорегионов заметно усилился в 1970–1980-х гг. Часть из них имеет трансграничный характер (например, Тироль (Тироль — Южный Тироль — Трентино), объединяющий итальянскую и австрийскую части, или Силезия, включающая в себя обширные приграничные области Польши и Чехии). Часть таких регионов выходит и за пределы ЕС, служа формой сотрудничества со странами-соседями. Это, например, еврорегион «Буг» (объединяющий районы Украины, Белоруссии и Польши) или «Неман» (районы Белоруссии, Литвы, Польши и России). Есть и попытки образования таких регионов, полностью расположенных за границами ЕС. Еврорегионы сильно разнятся друг от друга нормами, прописанными в их уставах, в статусе и дозволенной компетенции. Их становление как целостной системы еще далеко от завершения.

Стремительный процесс образования большого количества регионов имел в первую очередь экономические предпосылки. Регионы на международный уровень выводит система единого рынка ЕС. Отмечено, что внутри большого рынка активизируется именно региональная компонента в ущерб национальной — особенность, ставшая основой для концепции «глокализации», разработанной английским социологом Роландом Робертсоном и заслужившей уже большое признание. Глокализация подразумевает особый характер локальной реакции на глобализационные процессы: регионы оказываются способными к выработке специфически местных сценариев глобализации. Они не только не растворяются, но и возрождают некоторые свои особенности, и не через изоляционизм, а через определенного рода вписывание в глобализационные процессы, формируя особенности локального спроса. Этот процесс последнее время часто рассматривается как одно из обязательных свойств гло-

бализации, подразумевающее перевод международной системы из геополитической конкуренции наций в геоэкономическую конкуренцию регионов. В 1990-е гг. большую известность получила книга японского экономиста Кеничи Омаэ «Конец национального государства. Подъем региональных экономик», в которой доказывалось, что по всему миру формируются именно региональные экономические системы. Они носят трансграничный характер и не имеют привязки к государствам. Одновременно именно в этом процессе видится защита от тотальной унификации глобализирующегося мира.

Однако на процесс европейской регионализации большое влияние оказывают не только экономические, но и культурные факторы. Особенность Европы — сохранившаяся глубокая региональная идентичность. Формирование европейских наций было сопряжено со стиранием региональных отличий, с внутренней унификацией, однако эти процессы не смогли зайти так далеко, чтобы региональная компонента сознания стерлась. Развитие регионализации, ослабление наций и проявления глокализации вызывают к жизни старые (суб)этнические и региональные идентичности, которые вновь оказываются востребованными. В программе всемирной Организации непредставленных народов и наций (Unrepresented Nations and Peoples Organization) подчеркивается, что в наше время около 90% конфликтов имеют не международный, а внутригосударственный характер.

UNPO создана в 1991 г. в Гааге и насчитывает более 70 членов по всему миру, однако в Европе есть более старые и влиятельные объединения. С 1949 г. работает такое объединение неправительственных организаций как Федералистский союз европейских национальных меньшинств (Federal Union of European Nationalities). FUEN объединяет больше 80 организаций и занят

лоббированием интересов нацменьшинств на уровне ЕС и его мажоритарных наций. В 1981 г. был создан Европейский Свободный Альянс (European Free Alliance), объединяющий политические партии, представляющие интересы национальных/этнических меньшинств и регионов. В Программе заявлено, что ЕФА объединяет «националистические, регионалистские и автономистские партии ЕС», отстаивает «право народов на самоопределение» и способствует процессам «максимальной децентрализации» в ЕС, основываясь на идеологии «интегрального регионализма». В Альянс входит 33 партии, он представлен в Европарламенте, составляя там с «зелеными» Коалицию Зеленых и Регионалистов.

Деятельности этих и других организаций, отстаивающих концепцию «Европы регионов», помогает целый ряд юридических документов (Хартия о местных языках, Хартия о местном самоуправлении, др.), структуры Евросоюза, а также общеевропейские программы (например, «Евромозаика»). Идеологической основой для всех этих процессов служит и такая важная составляющая современной демократической идеологии как концепция необходимости постоянной «защиты прав меньшинств», приобретшая на Западе в последние десятилетия огромное значение. Приоритетность прав меньшинств покоится на представлении об их априорной ущемленности, что создает почти парниковые условия для становления и развития новых (или возрождаемых) местных и региональных идентичностей. Если со временем основная масса налогов будет перемещена с национального уровня на региональный, а система выборов в Европарламент будет реформирована в пользу регионального представительства, то проект «Европы регионов» в общих чертах будет осуществлен.

Все это способствует активному пробуждению регионального самосознания, в ряде случаев даже процессам

его этнизации, а также активизации движений за расширение прав малых, не растворившихся в больших нациях народов, различных субэтнических групп. Становление сетевой государственности Евросоюза и рыночные процессы глокализации делают уже казалось бы ушедшие в прошлое или опустившиеся на уровень фольклорных коллективов традиции экономически и политически актуальными. Признание независимости Косова — это и признание права малого народа на самоопределение вопреки воли мажоритарной нации, и — одновременно — признание права на самоопределение за регионом, не представляющим ни этнической, ни экономической целостности. По сути, в Косове (если рассматривать его отдельно от проекта Великой Албании, о котором в ЕС предпочитают молчать) заключена модель будущей формы существования Европы, и признание его независимости — огромный шаг на пути к будущей «Европе регионов».

Европа — единственная часть Старого Света, в которой процесс распада Вестфальской системы международных отношений может пройти контролируемо. Тем важнее внимательно присматриваться к тому, как это осуществляется. Впрочем, мирная поступательность этого процесса и здесь отнюдь не гарантирована. Вполне можно предположить «националистический бунт» со стороны хотя бы одной из старых наций (и скорее всего он возможен в «Новой Европе»). Стоит также учесть и перспективы возможного геополитического конфликта между крепнущим Евросоюзом и внешней силой (в том числе и США). Пока что трудно спрогнозировать, сколь сильным окажется европейское государство: будет оно выполнять общие регулирующие функции в Европе наций/регионов или же станет сильным «сверхгосударством» со своей игрой на международной арене. Второй вариант — это сценарий, по которому объединенная Европа может

захотеть вернуть себе суверенитет, тем самым возрождая старые практики международных отношений. При таком ходе событий, во многом ломающем американские стратегии глобализации, возможно и формирование макрорегиональных союзов внутри ЕС (Центральная Европа, Северная, Южная и т.д.), которые по-новому представят роль регионов и остаточных структур старых наций. Кстати, нельзя отметить и возможность особого рода встраивания наций в глобальный мир. Тут стоит вспомнить о предположении, уже давно высказанном Джеймсом Розену: крах потерпит система национальных государств, но сами нации останутся важнейшими субъектами международных отношений, став частью новой, не основанной на праве суверенитета, системы.

Немалое значение также могут приобрести и явления, напрямую в представленную выше логику не вписанные, — и в первую очередь действие фактора крупных иммиграционных волн из неевропейских стран. Мигранты уже сейчас угрожают принципиально изменить социокультурный облик больших регионов и городов Европы, ломая процессы кризиса и возрождения старых европейских идентичностей и смещая вектор развития в сторону диаспорализации, а то и иных — незападного происхождения — геополитических проектов. Наиболее опасной стороной этого процесса является то, что иммигрантские общины и диаспоры вполне могут оказаться чуждыми и самой идеологии демократического общества, предпочитая лишь пользоваться ею при контактах с европейскими властями.

Однако и здесь роль региональной компоненты может оказаться приоритетной. Теряющие суверенитет старые нации показывают свою неспособность защитить традиционный уклад жизни и идентичность своих регионов, в то время как социальная и политическая активность на местном уровне, имею-

щая прямой выход на общеевропейские структуры власти, теоретически способна противостоять этим тенденциям с большим успехом. Обособление регионов и движения малых народов уже сейчас во многом подстегиваются реакцией населения на иммиграционные угрозы. Как видно, регионализация и политизация малых этничностей может предоставить европейцам целый ряд возможностей для решения проблем, груз которых лишь накапливается в формате крупных национальных государств.

Мондиалистский характер происходящих в Европе процессов подчеркивает их универсальный характер. Сила современной западной идеологии в том, что она соответствует и идейно подкрепляет реально идущие процессы мировой экономической и политической глобализации. При этом ее ни в коей мере нельзя назвать «идеологией для бедных» — лидером освящаемых ею процессов является сама Европа. Новая норма международных отношений, основанная на отрицании суверенных прав государств и постулировании права США и их союзников на «гуманитарные интервенции» по всему миру — это реальность начала XXI в., и не только для Балкан или Ближнего Востока, но и для постсоветского пространства.

Однако эти реально идущие процессы вряд ли можно назвать вполне «естественными»: они сознательно направляются и имеют специфически «атлантическую» природу, отражая развитие именно Европы и Северной Америки. Представление об обязательности такого хода развития основано лишь на убеждении в универсальности «западных образцов». На деле даже в самом западном сообществе много что им противоречит. Последние десятилетия мы видим только укрепление американской нации, и если ей и грозит распад, то по совсем иным причинам. Наиболее близкий ответ на ту же миграционную проблему, которая, собственно, и опасна как для

США, так и для Западной Европы, — возвращение к сильной национальной политике, своего рода реанимация традиционных национальных форм, а значит, национального суверенитета. Мы уже можем видеть проявления такого «разворота назад» и даже его публичное декларирование. Да и сам процесс регионализации на новом витке может перерасти в формирование новой политической карты малых наций, то есть привести к новому утверждению национального принципа, лишь на территориально меньшем уровне. Кроме того, совершенно иной, чем «Старая Европа», предстает Центральная и Юго-Восточная Европа. Здесь национальная политика в последние годы только утверждалась, более того — это утверждение обещает быть еще долгим. Незападный же мир вообще еще не освоил национальный принцип. Наибольшие успехи в этом направлении, сделанные, например, Турцией, наглядно демонстрируют процесс, еще очень далекий до полноценной реализации. А довольно серьезные процессы во всем мусульманском мире могут дать совершенно иную модель десоверенизации нынешних государств, чем та, что продвигается Вашингтоном.

Очень своеобразна ситуация России. По сути, именно здесь был наиболее полно реализован принцип

ненациональных регионов, объединенных наднациональной властью. И эта система опять же лишь производила новые нации. Россия могла бы с большой выгодой для себя использовать регионализационные процессы и соответствующую риторику в политике относительно стран «ближнего зарубежья»: здесь немало русских (по языку и по преобладающей культуре) регионов, не имеющих никакой субъектности в рамках унитарных национальных государств. Это и большая часть Украины, и Северный Казахстан, и Иду-Вирумаа в Эстонии, и Латгалия в Латвии. Однако сама по себе такая политика возможна только в ситуации процесса формирования русской нации внутри России.

Русские уникальны тем, что никогда еще не знали национального принципа политической организации, и даже если считать «западный путь развития» образцовым, то этап русского национализма неизбежен. Мир без наций — это Pax Americana, в котором национальный принцип оставлен только для США и к которому вряд ли разумно присоединяться России. Более того: если постнациональный мир и неизбежен, то очевидно, что успешны в нем будут только те общества, которые уже прошли долгий опыт национальной самоорганизации.

Пьер Ильяр

МЕНЬШИНСТВА

И «РЕГИОНАЛИЗМЫ»

В «ЕВРОПЕ РЕГИОНОВ»

Современная «повестка дня» в Европе побуждает нас задаться непростыми вопросами. Действительно ли Германия является привилегированным союзником Франции в Европе? И в самом ли деле процесс «европейского строительства» продвигается вперед благодаря слаженной работе франко-германского «мотора»? И действительно ли в конечном итоге Европа реально движется по направлению к «федерации национальных государств»? Не являются ли эти продекларированные цели лишь прикрытием для реализации других, не признаваемых целей?

Но ведь именно тот вопрос, который опасаются задавать даже французские политики, безоговорочно признающие себя приверженцами «национального суверенитета», следует поставить сегодня со всей серьезностью и ответственностью. Главное же заключается в том, что Европа, о которой мы говорим, на сегодняшний день фактически предана своими прежними приверженцами, и речь больше не идет о действительной реализации проекта, воспламеняющего умы в течение последних десятилетий. Совсем не стремясь к слиянию воедино существующих национальных государств, современные европейские элиты вовлекаются в колоссальный разрушительный процесс, призванный способствовать возникновению «подлинной Европы регионов».

Подобные устремления преобладают сегодня как в рамках Европейского

союза, так и под эгидой Европейской комиссии. Все связанные с этим проекты вращаются вокруг двух основных принципов: развитие регионализма и защита этнических, лингвистических и религиозных меньшинств.

Ряд базовых правовых актов Европейского союза способствует реализации этих проектов: Европейская хартия региональных языков, Европейская конвенция о защите прав меньшинств, Европейская хартия о местной и региональной автономии, равно как и Мадридская хартия о трансрегиональном сотрудничестве, которая призвана способствовать выходу регионов из-под власти национальных правительств с их последующим присоединением к сопредельным регионам соседних государств под надзором ЕС. Подобная политика далеко не является продуктом заблуждений европейских руководителей, но обладает собственной логикой и представляет собой целостную систему. Она проводится в жизнь европейскими институтами, она изначально поддерживается европейскими странами, целью которых является упразднение существующих национальных государств во имя создания «Европы регионов», которая позволит им утвердить собственную гегемонию на европейском континенте.

Скрытые интересы Германии

Наиболее очевидным здесь является «немецкий интерес». Ибо Германия —

наиболее влиятельная и населенная страна Европы, континентальная политика которой, начиная со времени ее последовательного «собираания» в XIX в. (1848–1871) до момента объединения «двух Германий» в 1990 г., последовательно проходя через эпохи Второй империи, Веймарской республики и Третьего рейха, всегда имела своей целью «демонтаж» системы существующих в Европе национальных государств. Следуя своей традиционной этнокультурной расовой концепции, основанной на понятии Volk, после окончания всех развязанных ею войн Германия терпеливо и последовательно реализовывала посредством европейских коммунитарных и межправительственных институтов секулярную политику, истоки которой кроются в Средневековье и во временах Священной Римской империи германской нации. Именно эта концепция и направляет сегодня политику Германии, нацеленную на всемерную поддержку регионализма и меньшинств в Европе.

Особого внимания в этом отношении заслуживает «краеугольный» для всей германской политики феномен *Drang nach Osten*, который на протяжении всей германской истории, от эпохи Священной Римской империи до времен Третьего рейха, предполагал колонизацию германским населением всей Центральной и Восточной Европы, вплоть до Казахстана и Сибири.

Обращение к концепции *Drang nach Osten* необходимо для того, чтобы понять, почему Германия, в противоположность Франции, которая неизменно отождествляет нацию с территорией и никогда не преуспевала в «насаждении» ее в чужих краях за пределами своих границ (исключение — случай Квебека), всегда использовала свои государственные границы для того, чтобы представители немецкой диаспоры могли сохранять связь с родиной-матерью (*Heimat*) в рамках государств своего проживания.

Действительно, с момента оконча-

ния Второй мировой войны массовое изгнание, депортации и «чистки» немецкого населения в Восточной Европе, равно как и политика ассимиляции, проводимая их социалистическими режимами, заметно уменьшила численность в них немецкого населения. В то же время политика Западной Германии была нацелена на сохранение связей с немецким меньшинством на Востоке вопреки существованию «железного занавеса». Падение Берлинской стены, объединение Германии и окончание существования «разделенной Европы» снова дало Германии «карт-бланш» на продолжение многолетней политики по конституированию региональных и этнических меньшинств, минуя границы национальных государств.

«Троянский конь» для Европы

На протяжении долгого периода времени Германия предлагает себя Европе в качестве «Троянского коня», распространяя свою этнорегионалистскую концепцию на весь Старый континент. Очевидно, например, что Европейская хартия о языках меньшинств и региональных языках продвигалась в первую очередь Германией, проявлявшей особую активность в рамках таких общеевропейских инстанций, как Федеративный союз этнических общин (UFCE) или Европейский центр по проблемам меньшинств (ЕСМІ). Политика регионализации Европы и практика создания «еврорегионов» также были инспирированы Германией посредством таких институтов, как Ассоциация приграничных регионов Европы (ARFE), Ассамблея регионов Европы (ARE), Конгресс местных и региональных властей Европы (CPLRE) и Комитет регионов (CdR). Не встречая сопротивления со стороны своих европейских «партнеров» и не ставя открыто под сомнение реальность «франко-немецкого тандема», немцы оказались в состоянии проводить в жизнь свою политику.

Последствия этой деятельности уже

очевидны: крушение бывшей Югославии, продолжающееся разделение Бельгии, разрушение Испании через «центробежные устремления» привилегированных регионов. И если современная тенденция сохранится, реальностью может стать сецессия «периферийных» регионов Франции, реализация проекта «Лиги Севера» в Италии, автономия с «прицелом» на независимость «кельтских» территорий Великобритании.

Балканизация

Подобный сценарий неоднократно описывался на примере Бельгии, а также в связи с недавним провозглашением независимости Косова, в которой нашла проявление подлинная балканизация европейского континента. Весьма желательный для Германии и для тех европейских институтов, в которых она занимает доминирующие позиции, этот процесс в равной степени поддерживается и ООН, последовательно защищающей лингвистические, этнические и религиозные меньшинства по всему миру. Стремление Германии реорганизовать Европу в соответствии с этнокультурными и региональными критериями с целью успешной реализации своих собственных интересов в конечном итоге подготавливает площадку для подлинной рефеодализации Старого Континента. В результате единое федеративное государство, как некогда Священная Римская империя германской нации, превратится в сюзерена для многочисленных региональных, этнических, лингвистических и религиозных общностей.

Для унитарных национальных государств, к числу которых относится и Франция, подобная политика означает *casus belli*, равнозначный смертному приговору. Весьма примечательно, что распад национальных государств, как показывает протекающая сегодня «англицизация» Брюсселя, весьма благоприятствует торжеству «англицизма»

в Европе. И поскольку Старый Свет не способен создать достаточно однородные и прочные общности, именно «англосаксонское» влияние сможет обеспечить равновесие между Европой и США в рамках «западного мира». Показательно, что потрясения, которые могут произойти из-за ущемления интересов Европы и которые уже были предопределены войной в Югославии, угрожают как самой Европе, так и цивилизации в целом.

Я не верю, что большинство немецкого народа знает и тем более одобряет мечты, вынашиваемые некоторыми представителями национальной элиты. В то же время не преувеличение ли полагать, что сталкивающаяся с демографическими проблемами Германия способна реализовать подобную политику в Европе? Смертность действительно превышает рождаемость в Германии — это правда. Но прежде чем уйти в небытие, германские руководители имеют возможность рассеять свой яд. Даже в условиях снижения рождаемости Германия способна создать систему, которая в состоянии инфицировать весь европейский «организм».

Изгнание, депортации, «чистки» в отношении немцев, проводившиеся в Европе после Второй мировой войны, уменьшили потенциал подобной политики. Однако германское население Восточной Европы предоставляет Германии великолепную сеть «торговых агентов», даже невзирая на их малую численность.

Ось «Берлин—Лондон—Вашингтон»

Следует разобраться в том, обязательно ли развитие европейского «коммунитаризма» влиянию Германии и не обнаруживается ли в этом процессе влияние других внешних сил — например, англосаксонского мира и ООН? В действительности две эти тенденции обоюдно усиливают друг друга.

При этом сегодня часто говорят об оси «Париж—Берлин—Москва», которая проявила себя в период «ирак-

ского кризиса» 2003 г. В то же время реальная «ось» европейской политики включает в себя Берлин, Лондон и Вашингтон. При этом заслуживает внимания событие, о котором ни одним словом не было упомянуто во французской прессе. 27 февраля 2004 г., всего лишь через год после «иракского кризиса», канцлер Герхард Шредер направился в Вашингтон для подписания вместе с Джорджем Бушем соглашения о германо-американском союзе для XXI века. Это соглашение увязывало расширение Европейского союза с усилением трансатлантического партнерства. Еще более любопытная деталь связана с тем, что заключенный союз также предполагал расширение влияния США на Ближнем Востоке. Сам документ, датированный февралем 2003 г., то есть временем разгара «иракского кризиса», и обнародованный лишь в 2006 г., касается условий деятельности агентов германской разведки в Багдаде, призванных разрабатывать для американцев планы защиты иракской столицы.

В современной ситуации Германия призвана перестроить Европу в соответствии с этнорегиональными критериями, связывая таким образом «объединенный европейский блок» с «североамериканским блоком», как и предполагает Соглашение о партнерстве в вопросах безопасности и благосостояния, заключенное в 2005 г. в Техасе. Это соглашение также предполагает создание в 2015 г. Трансатлантического союза после введения общеамериканской валюты — амеро, которое было запланировано на 2010 г. Современный экономический кризис лишь расчищает площадку для создания этого союза, в котором Соединенное Королевство будет играть роль «связующего моста».

В связи с этими планами возникает вопрос о том, существует ли в действительности риск «балканизации» национальных государств, подобных Франции, в то время как во многих

сопредельных с Францией регионах существует устойчивое франкофонное большинство. «Запуск» процессов децентрализации, произведенный Жан-Пьером Раффареном, известным поборником идеи «Европы регионов», равно как и «размораживание» 308 млрд евро в европейских структурных фондах с направлением этих средств непосредственно регионам, делает последние напрямую зависимыми от Брюсселя. Дальше — больше. В 2003 г. региональный совет департамента Эльзас-Лотарингия получил право вести дела непосредственно с Европейской комиссией. В свою очередь, в 2006 г. глава департамента Пуату-Шаранте Сеголен Руайяль посетила Брюссель с целью добиться аналогичного разрешения. Занимавший в то время пост премьер-министра Доминик де Вильпен отказал ей, однако еще до этого дав поручение тогдашнему министру внутренних дел Николя Саркози распространить «эльзасский прецедент» на все остальные регионы. Сегодня эта реформа находится в стадии реализации. В случае ее успеха «европоцентристы» получат в свои руки все необходимые средства для завоевания Франции. Единственное, во что мне сегодня остается верить, — это в «инстинкт выживания» французского народа, который способен сорвать эти планы.

Предательство элит

Достиг ли сейчас Европейский союз масштабов влияния, позволяющих ему «взорвать» существующие национальные государства, в то время как государства-члены контролируют Совет Европы, а комиссары — члены Европейской комиссии — назначаются в результате борьбы и сложных согласований? Да, поскольку во Франции имеет место подлинное предательство со стороны элит, как это было при заключении в 1420 г. договора в Труайе, по которому трон и корона были переданы англичанам. И сегодня вопрос

стоит о том, найдет ли Франция свою новую Жанну д'Арк.

Другой важный вопрос связан с тем, почему Германия фактически продолжает проводить в Европе пангерманистскую политику, хотя неплохо знает, к чему привела подобная политика в прошлом? Прежде всего, это происходит потому, что, несмотря на всю откровенность своих действий, она не встречает никакого сколько-нибудь серьезного сопротивления. Так, например, бывший министр иностранных дел Германии Йошка Фишер недавно все же вынужден был признать, что «процесс европейского строительства должен принести Германии все то, чего она не добилась в итоге двух мировых войн». В сходной манере немецкий историк Рудольф фон Тадден заявил в 2002 г. в интервью французской газете «Фигаро» о том, что необходимо «немного разрушить Францию для того, чтобы создать Европу».

Наконец, многие задаются вопросом о том, не могла бы Франция, в случае создания Европы на основе этнокультурных критериев, присоединить к себе Валлонию и Романдию — в случае, если Швейцария все же приняла бы решение о вхождении в Европейский союз. Едва ли, поскольку практика создания «еврорегионов» взорвала бы в первую очередь саму Францию.

Сегодня на всем пространстве от Греции на Западе до Индии на Востоке в повестку дня поставлен вопрос о полной реорганизации государственности.

Существует ли связь между недавней войной в Ливане и запланированной «перестройкой» на Ближнем Востоке? Безусловно, обнаружение подобных планов в специализированном американском военном журнале в июне 2006 г. не является случайностью. Кроме того, теперь уже бывший госсекретарь США Кондолиза Райс на своей пресс-конференции 21 июля 2006 г., еще до окончания войны в Ливане, открыто заявила следующее: «Я не вижу никакого интереса для дипломатии

стремиться к возвращению довоенного статус-кво в отношениях между Ливаном и Израилем. Я считаю, что это было бы ошибкой. То, с чем мы здесь сталкиваемся, является средством инициировать процесс, итогом которого станет обновленный Ближний Восток, в отношении которого можно быть уверенным, что он будет устремлен вперед и возврат к прошлому станет невозможен». Принимая во внимание эти заключения, закономерен вопрос: не была ли война в Ливане инициирована сознательно, с целью продвинуть вперед политику разрушения? Пугает лишь то, что избранный путь ведет к масштабному кровопролитию.

При этом даже колонизаторы XIX в., стремившиеся к перекройке границ, не заходили так далеко, и подобные планы выглядят вовсе не безопасными. При этом главной целью и Вашингтона, и Брюсселя является разрушение как государств Ближнего Востока, так и Европы. Все делается в духе так называемой «глобализации» и в соответствии с ее философией, основанной на «универсальных ценностях».

Современная немецкая политика играет ключевую роль в осуществлении этой этнической агрессии, активно пропагандируя концепцию «Европы регионов». Подтверждением этому является деятельность Фонда Бертельсмманна (Bertelsmann-Stiftung), под эгидой которого, в рамках так называемых «Кронбергерских бесед» (Kronberger Gespraechе), разрабатывался весь комплекс мероприятий, реализуемых сегодня на Ближнем Востоке. Влияние этого фонда остается весьма значительным независимо от того, какое правительство находится в данный момент у власти в Берлине. Область интересов фонда в период 2002–2003 гг. была четко определена: Европа, Средиземноморье и Ближний Восток, укрепление ответственности ради стабильности и развития (материалы «Седьмой Кронбергской беседы») и «Будущее европейской по-

литики на Ближнем Востоке накануне иракской войны» (материалы «Восьмой Кронбергской беседы»). Установки фонда свидетельствуют о том, что полное переустройство политических, экономических и религиозных институтов в странах «Большого Ближнего Востока» так же желательно, как и встраивание этих государств в евроатлантическую ось.

Оказывают ли разработки Фонда Бертельсмана влияние на разработку официальной германской внешней политики? Подобное влияние подтверждается многочисленными примерами. Так, еще в январе 2004 г. министр иностранных дел Йошка Фишер выступил с речью о так называемой «модернизации ислама» и активно поддержал «реформы» в Турции. При этом Фишер особо подчеркивал, что Турция

должна соответствовать так называемым «Копенгагенским критериям». Эти критерии напрямую связаны с «правами меньшинств», как те толкуются немецкими законодателями. Они были официально провозглашены Германией и по ее настоянию включены в документы ЕС. Формирование predetermined этническими мотивами политики в отношении меньшинств стало составной частью «политики добрососедства» в рамках ЕС, которая распространяется как на восточноевропейских кандидатов, так и на страны — члены Евросоюза. Это неизбежно ведет к торжеству этнорегионалистской концепции и к разрушению суверенных государств.

Перевод с французского
Анны ШУКЛИНОЙ.

Фонд Поддержки и Развития Гражданского Общества «РОД» представляет

Ростислав Антонов
ПРИМОРСКИЕ ПАРТИЗАНЫ: ПАЦАНЫ С КИРОВКИ

Документальное расследование Ростислава Антонова посвящено одному из самых громких и неоднозначных уголовных дел последних месяцев — истории «приморских партизан».

Что заставило нескольких молодых людей с оружием в руках выйти на тропу «войны с ментами»? Каковы истинные обстоятельства их недолгого взлета и кровавого поражения? Наконец, что происходит с ними сейчас? Ведь «дело приморских партизан» еще далеко не закончено...

Книга готовится к печати.

Заявки на приобретение книги «Приморские партизаны: пацаны с Кировки» можно направлять по адресу: nat.holmogorova@gmail.com

Александр Барсуков

ФЛАМАНДСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ: СУЩНОСТЬ И ЭВОЛЮЦИЯ

У фламандского национализма длинная история, почти такая же, как у истории Бельгии, с которой непосредственно связано это движение. По мнению бельгийского политолога Криса Дешувера, эволюция фламандского национального движения должна исследоваться во взаимосвязи с акторами общебельгийской политики и рассматриваться в качестве альтернативы идее однородной франкоговорящей Бельгии¹.

Фламандский национализм, как полагают его адепты, в первую очередь выражает волю фламандцев жить в их собственной стране. Он последовательно вызревал с момента отделения Бельгии от Нидерландов в 1830 г., сложился вследствие тех ущемлений, которые претерпели фламандцы в дальнейшем от бельгийского государства, и первоначально представлял собой движение не желавшей культурной ассимиляции фламандской интеллигенции, поддерживаемой другими категориями населения.

Первая мировая война трансформировала фламандский национализм из чисто культурного движения (с целью сохранения нидерландского языка, культуры и наследия) в мирное политическое движение, борющееся за широкую автономию для Фландрии. Широкое социальное движение, объединявшее фламандофонов, формировалась из различных социальных

групп, профессиональных и религиозных общностей, и получило условное название *фламандское национальное движение*.

Когда в 1830 г. возникла Бельгия, большинство ее населения говорило на многочисленных фламандских диалектах, используемых в стране². Вследствие экспансии французского языка, принятого монархией и элитой, возник языковой конфликт. Лингвистическое противостояние стало особенно заметным в бельгийской политике с момента начала Первой мировой войны. Отношения между фламандской и франкоговорящей общинами периодически были напряженными, но языковые споры никогда не принимали насильственной формы. В 1794 г. Франция аннексировала Южные Нидерланды (ныне известные как Бельгия). Языковая граница, часть прежней границы между зонами распространения германских и романских языков, пролегла через бельгийскую территорию. В северной части страны люди говорили на некотором числе местных (фламандских) диалектов нидерландского языка; на юге, в Валлонии, утвердились диалекты французского языка. За рамками этого территориального деления также проходила своя лингвистическая граница. На севере страны высший слой общества (составлявший в 1846 г. 3% от населения, за исключением столицы Брюсселя) был франкоязычным.

¹ Desbouwer K. Comprendre le nationalisme flamand // Federalisme-regionalisme. Vol. 1: 1999–2000. Nationalisme et democratie.

² Morelli A. (ed.). Les grands mythes de l'histoire de Belgique, de Flandre et de Wallonie. Brussels, 1995.

Здесь начиная с эпохи Средних веков аристократия и епископат говорили на французском, который постепенно стал языком «цивилизованного общения». Однако до начала эпохи Нового времени французский язык имел весьма ограниченное влияние на государственные институты, которые преимущественно использовали национальный язык.

Исключением в этом отношении являлся Брюссель. Расположенный в самом сердце нидерландоговорящего Севера, он стал столицей Южных Нидерландов с XIV в., когда герцоги Бургундии ввели французский как официальный при своем дворе в Брюсселе. Это обстоятельство привлекло франкоговорящую элиту в столицу. Но первоначально франкофоны оставались в Брюсселе меньшинством, составляя 5–10% от совокупного населения в 1760 г., 15% в 1780 и 25% — в 1821 г. При этом французский стал официальным языком политики в Южных Нидерландах, а в период нахождения их под властью Франции (1795–1814) он сделался официальным языком государства.

Между 1815 и 1830 гг., после поражения Наполеона при Ватерлоо, «Бельгия» и Голландия совместно образовывали Соединенное Королевство Нидерландов. Король Вильгельм I выбрал нидерландский в качестве государственного языка и способствовал его внедрению в школу, администрацию и судопроизводство в нидерландоговорящих провинциях страны. В целом франкоговорящие аристократическая элита и буржуазный правящий класс испытывали сильный дискомфорт от языковой политики Вильгельма I. Итогом недовольства высших слоев стала революция 1830 г., и в итоге возникшее новое унитарное государство было построено на принципе свободы³. В эту эпоху Бельгия приняла одну из наиболее либеральных конституций, га-

рантировавшую гражданам свободу выбора языка общения, прессы, религии и ассоциаций. Хотя жители Фландрии составляли 56% населения, среди которых 95% использовали исключительно фламандские диалекты, французский стал единственным языком государства в соответствии с декретом от 16 ноября 1830 г. временного правительства Бельгии.

Лингвистическая эволюция совпала с экономическим закатом Фландрии. Десятки тысяч фламандцев мигрировали в Валлонию (которая активно индустриализировалась), преимущественно находя себе работу среди мелких торговцев. По этой причине фламандские диалекты стали прочно ассоциироваться с бедностью и отсталостью. Неравномерное экономическое развитие в XIX в. повлекло за собой значительные политические последствия. Во Фландрии Церковь и католические партии имели прочную опору в обществе. По другую сторону лингвистической границы либеральные и (с конца XIX в.) социалистические партии приобретали все более массовую поддержку.

Между тем в недрах общества начало складываться фламандское национальное движение. Начиная с 1835 г. фламандские объединения, члены которых впоследствии будут названы фламандоговорящими (*flamingants*), были основаны во многих городах Фландрии. Их членами в основном являлись литераторы и ученые, которые желали развивать свой родной язык, фламандскую литературу, обычаи и историю. Их движение одновременно содержало в себе мощный заряд бельгийского национализма: они поддерживали независимость Бельгии и верили в идеалы бельгийской революции (до конца XIX века)⁴.

³ *Wils L.* Histoire des Nations belges. Ottignies/Louvain-la-Neuve, 1994.

⁴ *Stengers J.* Histoire du sentiment national en Belgique des origines à 1918. 1: Les racines de la Belgique jusqu'à la Révolution de 1830. Brussels, 2000.

Влиятельным проводником идей фламандского движения выступала католическая церковь. Общественные организации католиков возглавлялись священниками, привлекавшими во фламандское движение новых сторонников в католических школах и колледжах. На первое место выдвинулся лозунг «Во Фландрии — фламандский».

* * *

Вслед за «этнолингвистической» закономерно наступила и политическая фаза в развитии фламандского национального движения, которая включила в себя создание политических партий с последующей политизацией «языкового вопроса», ибо наиболее очевидным средством добиться проведения необходимых реформ было создание фламандских политических партий. Но все попытки сделать это оказывались безуспешными (только после Первой мировой войны фламандцы смогли создать подобную партию). В то же время в рамках мажоритарной системы небольшие группы голосующих, и в том числе политически активные фламандцы, могли своим голосам решать исход общенациональных выборов.

Благодаря этому электоральному влиянию первый языковой закон, касающийся уголовной юстиции, был принят в 1873 г. С этого момента фламандцы не могли быть объектами судопроизводства, ведущегося на французском языке, хотя данный закон никогда не применялся в Брюсселе. Судебные процессы для них отныне должны были вестись только на нидерландском. Под влиянием успеха этих начинаний второй языковой закон был принят в 1878 г., побуждая общественных служащих во Фландрии использовать нидерландский язык в ограниченном числе случаев. Хотя некоторые из «фламандоговорящих» полагали, что применение закона не зайдет слишком далеко, он побудил администрации малых городов постепенно перейти к официальному использованию ни-

дерландского, но центральные государственные службы по-прежнему использовали исключительно французский.

В конце XIX в. фламандское национальное движение приобрело более ярко выраженный политический характер. После 1893 г. правительство было вынуждено принять нидерландский как публичный язык, используемый в некоторых ситуациях. В эти годы, когда было введено всеобщее равное голосование для мужчин (каждый мужчина обладал определенным числом голосов, если имел определенный доход или семейный статус), число избирателей увеличилось в десятки раз, и в парламент Бельгии попало определенное число лиц, не говорящих по-французски, и, чтобы последние могли полноценно участвовать в парламентской деятельности, нидерландскому языку в 1898 г. был придан официальный статус. Как следствие, нидерландский язык стал все шире использоваться в публичной сфере. Это не обеспечило фламандскому движению массовой поддержки, поскольку ему не хватало социальной эмансипаторской программы.

Несмотря на то что принятие языкового законодательства стимулировало распространение нидерландского языка после 1893 г., фламандское национальное движение никогда не проводило кампаний за всеобщее избирательное право. Начиная с 1883 г. оно сосредоточилось на введении среднего образования на нидерландском языке для представителей мелкой буржуазии. На исходе XIX в. они обратили свое внимание на университеты и состояние фламандского промышленного класса. Реализация этих начинаний заметно способствовала экономическому развитию Фландрии. В течение двух десятилетий перед Первой мировой войной во Фландрии были открыты угольные месторождения, а гавань Антверпена была существенно расширена. В то же самое время «третий сектор» в регионе

активно возрастал благодаря модернизации и бюрократизации государства. Возрастающее число фламандских публичных служащих и чиновников все более активно сопротивлялись языковой дискриминации и поддерживали инициативы фламандского движения.

Накануне Первой мировой войны антибельгийские настроения все чаще проявлялись во фламандском национальном движении. Главной причиной этого являлись возрастающие фрустрация и раздражение, вызванные недостаточно быстрым изменением лингвистического законодательства в интересах фламандского большинства населения страны. Так, несмотря на начало процесса «нидерландизации» еще в 1883 г., нидерландский стал языком начального католического образования только в 1910 г. Первая мировая война лишь обострила подобные настроения, углубив раскол в бельгийском обществе. Само же фламандское национальное движение, сменившее культурные лозунги на лозунг борьбы за автономию Фландрии, стало «матрицей» для формирования национально-региональных партий, которые по мере расширения своей активности изменили политическое «лицо» и государственно-политическое устройство Бельгии.

* * *

В результате сложных коллизий и внутренних противоречий фламандское движение в ходе Первой мировой войны раскололось на два враждующих лагеря. Один из них был представлен группой молодых интеллектуалов («активистов»), пытавшейся во имя независимости Фландрии разыграть германскую карту. В конце концов шанс для этого представился.

В 1914–1918 гг. Бельгия оказалась оккупированной территорией. В рамках проводимой германскими властями политики фламандцы получили предпочтительное обхождение в сравнении с валлонами, что выразилось

в частности в создании фламандского университета в Генте. Целью Германии в этом случае было использование «активистов», то есть малых групп фламандских коллаборантов, с целью разрушения Бельгии изнутри⁵. Немецкие оккупанты не препятствовали фламандизации университета в Генте, но в целом Германия не стремилась превратить Фландрию в независимое государство. И хотя в 1917 г. оккупационной администрацией создается Фламандский совет (подготовка к формированию правительства), а Бельгия разделяется Германией по языковому принципу на две административные территории, заветная мечта о независимом Фламандском государстве так никогда и не воплощается в жизнь.

В то же время большинство фламандцев оставалось патриотами и исходило из убеждения в том, что решение всех острых проблем, включая языковой вопрос, возможно лишь по окончании войны и после восстановления у власти законного правительства Бельгии. Поражение в 1918 г. германской армии означало и конец движения «активистов», которое к концу войны лишилось сколько-нибудь значительной поддержки. Однако после войны валлоны представили себя настоящими патриотами (то есть «настоящими бельгийцами»), в то время как фламандское движение на оккупированной территории стало преподноситься как «предательское».

После войны Бельгия пережила глубокие и масштабные изменения, касающиеся в первую очередь политической сферы. Принцип «один человек — один голос» (женщины не имели права голоса до 1948 г.) был введен в действие, однако «языковая проблема» не разрешилась столь же

⁵ Dolderer W. Deutscher Imperialismus und belgischer Nationalitätenkonflikt. Die Rezeption der Flamenfrage in der deutschen Öffentlichkeit und deutsch-flämische Kontakte 1890–1920. München, 1989.

радикальным образом. Напротив, активный коллаборационизм фламандцев в период Первой мировой войны отложил решение «фламандского вопроса» еще на семь лет. «Активисты» были наказаны, все фламандофоны, даже сохранившие верность Бельгии, оставались под подозрением. Подобная антифламандская атмосфера породила убеждение в том, что все население Фландрии является «жертвами» жестокой дискриминации. Амнистия в отношении тех, кто был склонен к коллаборационизму в годы войны, стала основным требованием фламандского движения в межвоенный период.

В период с 1920 по 1930 г. фламандское национальное движение твердо разделилось на требующих автономии националистов и нидерландофонов (flamingants), отстаивавших по преимуществу культурно-языковые требования. С одной стороны, во Фландрии активно действовала антибельгийская Партия Фронта (Front Party), первая из числа возникших фламандских национальных партий. Она вела свой исток из Фронтového движения, основанного в окопах солдатами-фламандцами в ответ на дискриминацию со стороны офицеров-франкофонов в рядах бельгийской армии. Партия Фронта проводила активные кампании за автономию Фландрии.

С другой стороны, существовали и минималисты, придерживавшиеся так называемой «минимальной программы». Они верили в единое государственное устройство Бельгии, но хотели лингвистически однородной нидерландоговорящей Фландрии, что на практике означало упразднение французского языка в администрации, в судопроизводстве и системе образования. Основными приверженцами этой платформы стали фламандские христианские демократы, стремившиеся придать фламандскому движению массовый характер.

В межвоенный период возникло еще несколько новых фламандских

партий разной степени радикальности. Наиболее влиятельная из них — праворадикальный Альянс нидерландоязычных национал-солидаристов «Вердиназо» («Verdinaso»/Alliance of Dutch National-Solidarists), стремившийся присоединить Фландрию к Нидерландам, по непонятным до конца причинам изменила свою программу в 1934 г., неожиданно превратившись в пробельгийскую партию, нацеленную на создание подобного Бенилюксу союза, включающего в себя и французскую часть Фландрии. Значительным влиянием также обладал Фламандский национальный альянс (VNA/Flemish National Alliance) — ярко выраженная фламандская националистическая партия, включившая в себя различные фламандские националистические объединения, от весьма умеренных до крайне радикальных. И хотя «Вердиназо» в период войны выбрала сторону бельгийского правительства, ее лидер Йорис ван Северен был депортирован во Францию и убит французскими солдатами. Фламандский национальный альянс под руководством Стафа де Клерка пошел на сотрудничество с нацистами, которые после оккупации Бельгии сделали Альянс едва ли не единственной легальной партией в стране.

Несмотря на заметную активизацию, в течение 1920-х гг. фламандское национальное движение не могло выдвинуть минимальную единую программу. Языковые законы этого периода принимали во внимание существование во Фландрии франкофонного меньшинства и закрепляли билингвизм, в то время как фламандское движение было недовольно «неполным» введением нидерландского языка в университетах.

Поворотным пунктом стали выборы 1929 г. Партия Фронта, которая до этого имела сугубо маргинальный статус в бельгийской политике, шокировала бельгийский истеблишмент, набрав на выборах во Фландрии 6%.

Для большинства жителей Фландрии стало ясно, что нидерландский должен стать единственным официальным языком в регионе. Решающим аргументом в этом отношении стала экономика Фландрии, которая получила мощное ускорение вследствие интенсивного развития гавани Антверпена. Сформировавшаяся фламандская индустриальная буржуазия хотела ослабить свою зависимость от вложений из Брюсселя в экономику своего региона. В течение 1930-х гг. нидерландский стал официальным языком фламандской администрации, судопроизводства и школьного образования.

Фламандские националисты отвергли языковое законодательство 1930-х гг., поскольку их главной целью оставался демонтаж Бельгии, которую они считали виновницей всех существующих проблем. Антибельгийский настрой стал все более явно смешиваться с антидемократической и фашистской идеологиями. В конце 1930-х гг. Фламандская национальная лига, которая сменила Партию Фронта в качестве главной фламандской партии, имела секретные контакты с правительством нацистской Германии в деле подготовки новой войны. Не удивительно поэтому, что в годы Второй мировой войны эта партия активно сотрудничала с нацистами и восприняла национал-социалистическую доктрину. Это «сотрудничество» отбросило фламандское национальное движение назад в послевоенный период. Таким образом, история снова повторилась, сделав круг⁶.

* * *

Благодаря поддержке католического клира фламандское национальное движение смогло возродиться и вер-

нуться в общественную жизнь. Дальнейшие события, продемонстрировавшие углубляющийся раскол между двумя языковыми группами, стали центральными пунктами этой эволюции. Первым ее пунктом стал вопрос о судьбе монархии (король Леопольд III колебался между коллаборационизмом и поддержкой Сопrotивления в течение всей войны). Поддержка королю шла главным образом из Фландрии, где Католическая партия обладала поддержкой большинства избирателей, противоположной позиции придерживалась Валлония, которой правили социалисты. Проведенный в 1950 г. референдум показал, что 72% фламандцев поддерживают возвращение Леопольда на трон, в то время как 58% валлонов выступают против этого. В итоге Бельгия оказалась на грани гражданской войны. В конце концов Леопольд отказался от престола, что нанесло моральную травму фламандским католикам. Они ясно почувствовали, что валлоны игнорируют мнение фламандцев, что дало о себе знать в последующие послевоенные десятилетия, когда развернулись экспансия Фландрии и борьба за доминирование в структуре единой Бельгии.

Крепнущее фламандское национальное движение черпало свою силу не только из чувства национальной ущемленности, но также и из очевидных экономических успехов Фландрии. После Второй мировой войны тяжелая индустрия Валлонии переживала глубокий кризис, в то время как новые отрасли промышленности переживали расцвет во Фландрии. Валлонское движение, напуганное тем, что демографический рост во Фландрии ведет к доминированию фламандцев теперь уже в рамках всего государства, стало все активнее склоняться к трансформации Бельгии в федеративное государство.

Тем временем фламандские националисты набирали силу. Начинают формироваться национально-региональные партии, которые вносят

⁶ *Wils L.* Introduction: a brief history of the Flemish movement, in: *Hermans T., Vos L., Wils L. (eds.). The Flemish movement: a documentary history: 1780–1990.* London, 1992. P. 24–39.

в повестку дня идею превращения Бельгии в федерацию. В 1955 г. ими был основан Народный союз (Volksunie/People's Union). Его программа концентрировалась вокруг федерализма и амнистии всем коллаборантам. В результате острые дебаты о судьбе коллаборантов привели к заметной активизации праворадикальных партий.

Народный союз смог добиться электорального успеха только в 1971 г., побудив большинство партий Бельгии поддержать переход к федеративному государственному устройству, но отказалась от своей души, будучи вынужденной подписать с бельгийским правительством соглашение, нанесшее значительный ущерб Фландрии. Из правого крыла Народного союза в 1979 г. возникла новая праворадикальная партия — «Фламандский блок» (Vlaams Blok/Flemish Bloc). Это была консервативная националистическая праворадикальная партия, впервые поставившая вопрос о полной независимости Фландрии. Она оказалась успешной, бельгийский истеблишмент рассматривал ее как реальную угрозу, а традиционные бельгийские партии решили не сотрудничать с ней. Официальным основанием для подобного отношения был «расистский» характер партии. Совсем недавно, когда один из лидеров партии призвал к депортации криминальных иммигрантов в страны их происхождения, партия была вынуждена переписать свою программу и сменить свое имя на «Фламандский интерес» («Vlaams Belang»/Flemish Interest»). Сегодня «Фламандский интерес» является ведущей фламандской партией, пользующейся поддержкой почти миллиона избирателей во Фландрии.

Народный союз, который сегодня

существует и конкурирует с «Фламандским интересом», теряет поддержку избирателей, в то время как последний неуклонно расширяет свои ряды. Многие из его политиков были ангажированы другими партиями, и сейчас он растаскивается в двух направлениях: с одной стороны — Новым фламандским альянсом/N-VA (Nieuw-Vlaamse Alliantie/New Flemish Alliance), который радикальнее ее самой, но менее радикален, чем Фламандский блок, и с другой — партией «Спирит» («Spirit») — очень маленькой леволиберальной партией, которая почти полностью утратила свою связь с фламандским национализмом.

* * *

Изменившийся социально-психологический климат в стране явился в 1970–1980-е гг. одной из самых серьезных причин валлоно-фламандских трений. Экономическое лидерство Фландрии закрепляло ее политическое лидерство в стране. Это оказалось едва ли не самым болезненным фактором для «привилегированного» населения Валлонии и франкофонов Брюсселя, где растущее, а подчас решающее влияние фламандских партийных и деловых кругов на политику страны ощущалось уже в 1970-е гг. В 1980–1990-е гг. оно стало неоспоримым, что нарушило равновесие всей политической системы. Фламандские национальные партии, доминирующие на федеральном уровне власти, пока еще вынужденные учитывать мнение валлонских партий, превращаются в ключевой фактор и институт федеративного государства, которое они столь страстно стремятся трансформировать в квазигосударственное образование конфедеративного типа.

Константин Пузырев

КОРСИКАНСКИЙ СЕПАРАТИЗМ: НАЦИОНАЛ-РЕГИОНАЛИЗМ ПРОТИВ «ГОСУДАРСТВЕННОЙ УНИФИКАЦИИ»

Истоки «корсиканской проблемы»

Современный российский исследователь корсиканской проблемы пишет: «Единая и неделимая» республика — это понятие, рожденное революцией 1789 года и до сих пор определяющее административное, территориальное и, до известной степени, национальное устройство Франции. Такой «якобинский» подход к государству означает: полную централизацию управления с максимальным сосредоточением власти в Париже; отсутствие административно-территориального деления по национальному признаку; соединение понятия подданства с понятием национальности. Любой гражданин Франции считается по национальности французом, а не представителем того или иного этноса.

Долгие усилия жестко централизованного государства привели к повальной «франкизации» национальных меньшинств, самобытность и культурно-лингвистические особенности которых никогда не признавались. Повсеместно — в администрации, школе, церкви, военных структурах — господствует французский язык. Молодежь (за исключением сельской), как правило, не знает языка предков. Навязывание французского языка и культуры достигалось во многом силой. Так, в школах (особенно это стало

широко практиковаться после Второй мировой войны) учителя, присылавшиеся из других департаментов, запрещали ученикам пользоваться местным диалектом даже между собой. Жертвой подобной ассимиляционной политики стал и французский департамент Корсика.

Значит ли все это, что проблемы национальных меньшинств во Франции исчезли? — Отнюдь нет. Особенно остро эти проблемы в наши дни проявились на Корсике, что объясняется совокупностью многих факторов — географических, историко-культурных, этнических, демографических и, конечно, экономических. Достаточно сказать, что указанный регион оставался самым бедным во Франции, доход на душу населения в послевоенные годы был здесь примерно на треть ниже среднего по стране¹.

Террористические акты в начале 1991 г. (взрывы принадлежащей «чужакам» собственности) возродили, особенно в Париже, забытые кошмары и страх, что корсиканский знак «R» станет таким же зловещим символом насилия, как ИРА в Ольстере и «ЭТА» в Стране Басков, что развитие событий

¹ Казанская Г.В. «Особый случай» корсиканской автономии // Полис. 1995. № 5 (<http://www.politstudies.ru/fulltext/1995/5/13.htm>).

на острове пойдет по сицилийскому образцу, ибо на Корсике активизация сепаратистского движения отнюдь не отменила старого закона кланов, по которому продолжают жить мафиозные структуры. Хотя, конечно, Корсика весьма далека от промышленно-финансового уровня, достигнутого Сицилией. Здесь законы клана действуют в таких вопросах, как землепользование, собственность, кровная месть за нанесенное оскорбление. На Корсике правовое государство — это «скорее цель, чем реальность», — признал генеральный прокурор Бастии. Клановое мышление, «нормальная» преступность, насилие как метод борьбы за свои права слились воедино на Корсике, создав в итоге «горючую смесь».

Правда, в последнее время французская элита готова к определенным подвижкам в государственном устройстве с целью смягчения остроты «корсиканского вопроса». 14 апреля 2007 г. в интервью телеканалу France 3 участник президентской кампании Оливье Безансено заявил о том, что «благоприятно настроен к возможности проведения институциональной реформы, которая окончательно гарантирует корсиканскому народу право на самоопределение». Таково настроение, преобладающее с некоторых пор в политической элите Франции: дистанцировать либо вообще оставить Корсику, разорвав неделимое единство республики.

В свою очередь, в 1996 г. Раймон Барр, выступая по радио, заявил решительным тоном: «Если корсиканцы хотят независимости, они ее получают!» Однако сколько-нибудь серьезного значения своему заявлению бывший премьер-министр решительно не придавал, оставив в стороне тридцатилетние проблемы, связанные с деятельностью корсиканских индепендантистов.

Между тем корсиканская проблема продолжала сохранять сугубо маргинальные позиции в рамках французского политического дискурса. Но

достаточно единичного «всплеска» корсиканской темы, и корсиканский вопрос снова станет центральной темой широких общественных дискуссий. Деятельность террористов, предвыборные манипуляции, уходящие на остров из Парижа масштабные финансовые потоки снова окажутся в центре общефранцузской повестки дня.

Характерно, что после очередной актуализации вопроса о «независимости» Корсики «остров Красоты» снова приобретает во французском общественном мнении искаженный и невыносимый облик территории, яростно сопротивляющейся республиканскому порядку. Территории, жизнь которой пронизана массой диких обычаев, соединяющих воедино вендетту и омерту, а также немыслимые типы социального порядка, который следует решительно разрушить.

Обобщенно позиция французской республиканской и централистской элиты по «корсиканскому вопросу» может быть сформулирована следующим образом: «Если корсиканцы хотят сохранить их страну под сенью Республики, они должны внести свой вклад в установление на острове подлинной законности. То есть восстановить на Корсике правовое государство, не ограничиваясь одними только аплодисментами речам в честь Конституции и нации. Корсиканцы не имеют другого выхода из существующего положения, помимо интеграции во французское общество»².

Однако остается вопрос о том, являются ли корсиканцы французами. Вопрос не праздный, он во Франции, и особенно на Корсике, всегда стоял довольно остро. Напомним, что географически от Франции остров удален более, чем от Италии (170 км и 83 км).

С античных времен остров входил в сферу влияния различных средиземноморских держав: Этрурии, Вели-

² Albertini A. Faut-il abandonner la Corse? Paris Larousse, 2008. P. 11.

кой Греции, Карфагена, Рима, Пизы, Арагона, Генуи, и, наконец, Франции. В 1769 г. остров оказался под властью Старого режима на пятнадцать лет. Аплодисменты со стороны «просвещенного» общественного мнения в отношении Корсики были вызваны тем, что корсиканские города постепенно изменяли свои названия на европейский манер (Корсика вместо Корсиканы), а родившиеся в этих краях герои проявляли себя на полях сражений за независимость будущих Соединенных Штатов (Паскаль Паоли).

В XVIII в. на острове началась война за независимость. Была провозглашена монархия, затем — республика. Национальный лидер Паскаль Паоли считал, что Корсика слишком мала, чтобы оставаться независимой. Поэтому, когда Франция выкупила остров у Генуи (1768), а затем дала корсиканцам те же права, что и жителям континентальной Франции (1789), Паоли отступил.

Однако уже в 1794 г. остров восстал против режима монтаньяров и предался Англии. В 1796 г., после крушения конституционной монархии в Париже при активном участии итальянской армии, руководимой, между прочим, самим Бонапартом, Корсика была завоевана и снова стала французской. Между тем осуждение этого присоединения не прекратилось до сих пор — и не случайно, что еще в 1870 г. Клемансо требовал, чтобы республиканское правительство Франции вернуло Корсику Италии.

После крушения конституционной монархии во Франции Паоли подарил Корсику Британской империи, в состав которой она недолго входила. Окончательно Корсика была присоединена к Франции в 1796 г.

«Если считать всех родившихся на острове (или тех, у кого там родился отец), общее число корсиканцев составит 400 тыс. человек. Две трети из них живут вне Корсики. Лишь 72% жителей острова являются его коренными жителями, остальные — иммигранты

из Алжира и других бывших французских колоний или иностранные рабочие (на Корсике насчитывается 13% иностранцев — самая высокая цифра во Франции). Корсиканцы постепенно утрачивают свою “чистокровность”, 82% из них заключают браки с жителями континентальной части страны. Карьеру они делают во Франции беспрепятственно и в самых различных сферах, особенно на государственной службе. Около 15% французских полицейских — корсиканцы»³.

В то же время существует огромное количество фактов, подтверждающих коренное отличие Корсики от остальной Франции. В целом можно охарактеризовать отношения между континентальной Францией и островом как «интеграцию без ассимиляции». Так, еще в 2002 г. манеры, особенности поведения и сама логика островитянокорсиканцев заметно отличались от образа жизни, утвердившегося в континентальной Франции. В сравнении с Лотарингией и Франш-Конте (и еще раньше — Савойей), которые стали французскими в том же XVIII в., Корсика сохранила практически все характерные для нее отличия. Следует ли искать причины подобных отличий в особенностях «островной» идентичности или сложившегося на острове клиентарного типа власти? Безусловно, свое влияние на этот феномен оказали оба вышеназванных фактора, но их влияние оказалось более чем сложным.

Действительно, присутствие французского государства на Корсике характеризуется явным бессилием перед местными обычаями, которые видятся экзотическими многочисленным путешественникам или функционерам. В начале XIX в., в период Реставрации, комиссар Констан подтверждал: «Иностранец, попавший сюда, неизменно спрашивал, где он находится, — во Франции или в Африке, и могут ли

³ Казанская Г.В. Указ. соч.

законы, активно применяемые одной из наиболее цивилизованных наций, подойти к агрессивным нравам народа, живущего в горах в соответствии со своими обычаями».

Французская администрация нередко ставила под сомнение свою способность управлять такими сложными территориальными сообществами, как Корсика. Она оказалась неспособной остановить насилие и произвол со стороны кланов, обеспечить полноценное действие на острове французских законов.

Как следствие, у центральной французской прессы Корсика вызывает вполне определенные эмоции. Весьма яркую характеристику нравам корсиканского общества дала газета «Экспресс»: «На Корсике преступность всегда была сильнее закона. Ее жители живут в ожидании момент, когда Республика потеряет терпение в отношении событий, происходящих на острове. У Парижа в этом случае не останется иного выбора помимо возвращения к публичному порядку, без проявлений слабости, подобных компромиссу в духе Клемансо или проведению референдума по модели Барра. В обоих случаях остров станет тем, чем он является де-факто: рассадником беззакония» (Express. 2003. 19 dec.).

«Так или иначе, решение “корсиканского вопроса”, каким бы оно не было, предполагает изменение общественных устоев Корсики. И тогда можно будет сказать, что Корсика реально обновилась, отбросит оружие, вложенное в руки бандитов, отбросит свой фольклор и модернизирует свою торговлю» (Le point. 2001. 9 nov.).

Среди аргументов, наиболее часто выдвигаемых с целью обоснования необходимости разрыва между Корсикой и континентальной Францией, фигурирует утверждение о «неподъемности» для национального бюджета финансовых средств, выделяемых на поддержку острову.

Как об очевидно наблюдаемом фак-

те писал островной экономист Шарль Веллутини: «В XIX в. развернулись весьма живые дебаты о “цене” острова — тема, которая и сегодня еще полностью не ушла с современной политической сцены». Еще в начале XX в. «тигр Клемансо» предлагал продать Корсику «любому желающему» за один «символический» франк. Как резюмировал в выпуске от июня 2006 г. эти клише журнал «Капитал», озаглавив свое выступление словами: «Весомые подарки нашим корсиканским друзьям», «они платят меньшие подати, меньше налогов и получают бюджетные субвенции в изобилии»⁴.

Подобные суждения выливаются в догму о полутора миллиардах помощи, ежегодно направляемых государством на «остров Красоты». Периодически появляющиеся в СМИ с целью обоснования «чрезвычайно высокой» цены Корсики, эти цифры, однако, не подкрепляются никаким реальным анализом. Так, в 2003 г. совокупная цифра финансовой помощи Республике острову составила 1,525 млрд евро. Однако данная сумма представляла собой совокупные публичные расходы островной провинции, которую составили также европейские субвенции, расходы государства и другие статьи. Субвенции же собственно Республики составили лишь 402 млн евро — не более четверти от суммы публичных расходов.

Аналогичная судьба была уготована «Специальной инвестиционной программе», вписанной в качестве статьи 53 в закон от 22 января 2002 г. Данная статья предполагала направление 2,15 млрд евро на Корсику в течение пятнадцати лет с целью устранения ее отсталости в области развития инфраструктуры и логистики. Эта сумма неоднократно цитировалась во французской печати с целью подчеркнуть «непомерную цену» острова для нало-

⁴ Цит по.: *Albertini A. Faut-il abandonner la Corse?* P. 14.

гоплательщиков, забывавшей при этом упомянуть, что треть итоговой суммы (700 млн евро) формируется за счет бюджетов территориальных коллективов Корсики — наиболее скромных по своим возможностям среди соответствующих коллективов Франции.

Так ли тяжела и неподъемна «корсиканская ноша» для Республики? В период с 1993 по 1996 г. остров действительно пережил четыре года длительного экономического спада, который стал следствием его чрезмерной зависимости от индустрии туризма, усугубленной девальвацией итальянской лиры. Социальные последствия этого кризиса были действительно очень тяжелыми. Упали доходы домохозяйств, безработица увеличилась с 9% до 16%, превысив на 5% общенациональный показатель. Но главная проблема, связанная с Корсикой, лежала все же в политической плоскости.

В результате долговременной нерешенности ключевых проблем развития острова на Корсике развилось в наши дни одно из самых активных движений за автономию, использующее насильственные методы. Из каждых ста корсиканцев в начале 1980-х г. десять высказывались за автономию, двое — требовали полной независимости. В значительной степени основой для недовольства являлись социально-экономические причины.

Предыстория движения за самоопределение Корсики

Возникновение движения за самоопределение Корсики неразрывно связано с историческими особенностями ее присоединения к Франции. Купив остров, подобно тому как приобретают стадо баранов, Франция стала в XVIII в. юридическим собственником Корсики. 15 мая 1768 г. в Версале был подписан договор между двумя державами, согласно которому Генуэзская республика уступала остров Франции на десять лет за годовую ренту в

200 000 ливров. Однако Франции предстояло сначала умиротворить остров, чтобы впоследствии им управлять. Главная трудность состояла в том, что Корсика уже де-факто являлась... независимой.

С 1755 г. один из наиболее блестящих умов своего времени Паскаль Паоли стал ее генерал-губернатором. Приветствуемый просвещенной Европой, он превратил Корсику в своеобразную лабораторию для политических инноваций: официально была провозглашена свобода совести, а Конституция формально утверждала принцип разделения властей. В 1770 г. Паоли основал университет, бесплатный и открытый для всех желающих. Он пытался всячески развивать остров, осушая болота, и активно строя мосты и дороги, построил для нужд торговли новый морской порт (Лиле-Руссе). В итоге Корсика, вполне сложившаяся к этому моменту в национальное государство, имела собственное знамя и гимн, чеканила свою монету. Однако с самого начала мая 1769 г. она перестала существовать как самостоятельное политическое целое: после нескольких лет боевых действий милиция Паскаля Паоли потерпела поражение от армии Людовика XV в битве при Понте Нову.

В итоге политическая самостоятельность Корсики прекратилась. Однако окончательно ее присоединение к Франции было утверждено только двадцать лет спустя, в 1789 г. Очаги сопротивления продолжали действовать. И первые контакты населения с «пришельцами», «врагами» явно не сулили последним теплого приема. В соответствии с нравами эпохи, невероятная свирепость комиссаров французских монархов по отношению к населению острова неизбежно вызывала ожесточенное сопротивление оккупантам. Используемые при этом карательные средства против инсургентов были вполне традиционными для той эпохи и заимствовались из традиционного репертуара завоевателей: приоста-

новка правосудия, коллективные казни «бандитов» — в действительности оставшихся верными идеалам Паоли корсиканских патриотов — все умножались, принося в жертву семьи повстанцев, их жен и детей, разрушая их благосостояние; в то время как повинности в отношении размещаемых на острове французских солдат все увеличивались. В 1770 г. один из главных «усмирителей» Корсики, граф Марбеф требовал, чтобы все «бандиты», взявшие в руки оружие, были «повешены на первом дереве без всякого суда».

Конечно, миссия французоз на острове не сводилась только к беспощадному террору. Сельское хозяйство получило стимулы для развития, земли орошались, строились дороги. Но жестокие действия французских властей врезались в народную память. На долгое время в сознании корсиканцев сохранялся образ Франции как «свирепой силы».

Французская революция 1789–1794 гг. погрузила Францию в пучину неурядиц, чем не замедлили воспользоваться ее противники на острове: с 1794 по 1796 г. здесь существовала власть эфемерного «англо-корсиканского» королевства. Очевидный признак того, что «францизация» не достигла своей цели. Рассматривая остров как обычную колонию, Париж видел в корсиканцах просто «враждебную нацию». Даже Наполеон, «первый корсиканец во власти», направлял на остров ревностных функционеров, которые установили режим тотального террора, всячески поддерживая массовые депортации и бессудные расправы над корсиканцами. В период Реставрации для корсиканских товаров были установлены невероятно высокие таможенные пошлины (для импортируемых на остров товаров — низкие), что наносило колоссальный ущерб местной коммерции. Подобные меры, оставаясь в силе до 1912 г., буквально задушили корсиканскую торговлю и ремесла.

В ответ на нарастающее давление

со стороны Французского государства корсиканцы сохраняли к нему отчужденное отношение, сохраняя и поддерживая разнообразные клиентарные структуры с целью защиты своих интересов.

При этом Франция, забыв о своем публичном долге, игнорировала любые корсиканские жалобы и акции протеста, сохраняя население острова в глубокой нищете и несправии. Не забывая при этом использовать остров как «электоральную площадку» на общенациональных выборах. Для этого партийные лидеры из Парижа вступали в сговор с местными нотаблями и выборными функционерами, которые, используя свое персональное влияние, мобилизовали голоса корсиканцев в пользу ангажировавших их политических сил. В результате на острове утвердился клиентарный и закрытый тип власти, игнорировавший публичные механизмы и базовые принципы Республики⁵.

Сама же Франция продолжала эксплуатировать остров в квазиколониальном стиле. Так, в период Первой мировой войны многие тысячи молодых корсиканцев, едва говоривших по-французски, были мобилизованы во французскую армию и использовались в самых жестоких сражениях, сложив там свою голову. Это не помешало корсиканцам собрать в 1916 г. 5 млн франков на нужды армии — больше, чем какой-либо из других французских регионов.

Наконец, еще один факт, упорно игнорируемый официальной французской историографией. В 1943 г. корсиканцы стали, двумя годами раньше остальной Европы, первой провинцией, провозгласившей свою свободу от режима Виши. Ведь еще 4 декабря 1938 г. островитяне единодушно провозгласили свое присоединение к Франции, произнеся знаменитую «клятву Ба-

⁵ Taffani P. Le Clienteles politiques en France. Paris: Editions du Rocher, 2003. P. 25–70.

стии»: «Перед лицом всего мира, всей нашей душой, перед лицом нашей славы, наших могил, наших колыбелей. Мы клянемся жить и умереть французами». Это было преобладающим настроением корсиканцев перед лицом узкой группы своих соотечественников, вдохновлявшихся ирредентистскими идеями.

Однако Республика не ответила корсиканцам взаимностью. В начале 1950-х гг. на острове стали закрываться один за другим заводы, цены на продукты и товары первой необходимости явно превышали покупательную способность большинства корсиканцев, дорожная сеть не претерпела никаких изменений со времен Наполеона III. Население Корсики сократилось с 237 тыс. человек в 1936 г. до 160 тыс. в 1950-х гг.

Правда, некоторые изменения все же происходили. Два века спустя после покорения, в 1960-е гг. остров наконец привлек внимание Республики. В 1949 г. впервые был представлен публике план развития Корсики, требовавший, однако, значительной доработки. И лишь 2 апреля 1957 г. была принята специализированная программа регионального развития. Она предполагала качественный подъем аграрного сектора, развитие транспорта и делала особый акцент на развитии туристической индустрии. Однако до масштабной реализации этих начинаний дело так и не дошло. Деятельность государственного агентства, призванного способствовать осуществлению этих начинаний, никак нельзя было назвать успешной.

Между тем продолжалась дискриминация корсиканцев в сфере языка. Принятый в 1951 г. закон Деиксонне исключал преподавание корсиканского в школьных классах, рассматривая его в качестве «иностранный язык». Добиться официального возвращения корсиканского языка в систему образования удалось лишь в 1974 г.

Подобная политика дискримина-

ции не могла не породить соответствующего ответа. Манифестации с подачей петиций, митингами с предостережениями в адрес правительства, другие проявления недовольства принесли свои плоды. 11 марта 1960 г. вся Корсика была охвачена генеральной забастовкой (под слоганом «мертвый остров»), в ходе которого коммерсанты и чиновники закрыли свои офисы с целью выразить свое недовольство закрытием железнодорожной ветки Бастиа–Аяччо, жизненно важной для острова. Забастовка проходила под рефреном: «Корсика говорит правительству: сдержите свои обещания. Мы не хотим ничего другого!» Как следствие, во время своей очередной поездки на остров генерал де Голль публично заявил об отмене правительственного решения. И Корсика сохранила свою железную дорогу.

Однако, несмотря на вынужденные уступки Парижа, корсиканцы в начале 1960-х гг. продолжали жить под грузом накопившихся нерешенных проблем. Государство не извлекло никаких уроков из прошлого, оно не воспринимало глухого ропота, который поднимался на острове. Между тем причины для недовольства продолжали накапливаться. Экономика не развивалась, а средняя зарплата оставалась ниже, чем на континенте. Более того: в апреле 1960 г. правительство приняло решение о создании на острове экспериментальной подземной ядерной базы, что грозило непредсказуемыми последствиями для экологии. И лишь массовые акции протеста заставили парижские власти отказать от этого решения.

В результате создания во Франции в 1964 г. 21-го экономического региона Корсика была механически присоединена к региону — Прованс–Лазурный Берег, что не дало ей никаких реальных экономических выгод.

В начале 1970-х гг. лидеры корсиканского движения стали автономистами. Скольжение корсиканского общества в указанном направлении —

в значительной мере результат запоздалого шока, вызванного вторжением темпов XX века в по-дедовски медленный ритм жизни на острове. Вслед за войной пришло обнищание, началась массовая эмиграция. Однако вопрос об обособлении почти не ставился — настолько силен был республиканский патриотизм корсиканцев, тем более что патриархальные структуры островного сообщества сомнению не подвергались. Эти структуры начали расшатываться с начала 60-х гг. — в связи с возникновением массового туризма, переселением на остров многочисленных сельских хозяев из Алжира, с проникновением на остров ценностей и соблазнов общества потребления. Кроме того, исход населения в предыдущие годы привел к демографическому спаду. На эту дестабилизацию многие корсиканцы начали отвечать требованиями обособления в различных формах. Промахи ряда французских правительств лишь ожесточали эти требования, которые стали подкрепляться насильственными актами.

Однако даже наиболее радикально настроенные корсиканцы в начале 1960-х гг. были всего лишь регионалистами. В конце 1967 г. была создана партия Корсиканское автономистское действие (*Action regionaliste corse*) во главе с братьями Симеоне, двумя медиками из Бастии, целью которой была пропаганда идей регионализма и побуждение населения Корсики к борьбе за автономию. Однако в 1971 г., после обнародования программы организации, правительство Франции разработало сценарий противодействия регионалистам, который предполагал «ускорить размывание корсиканской культурной идентичности» и «обеспечить быстрыми темпами преобладание на острове некорсиканского населения». В ответ на это активисты автономистского движения обнародовали 7 января 1973 г. заявление, согласно которому правительство Франции «стремится разрушить корсиканский

народ, подавляя его всеми возможными средствами». Ответом на действия Парижа стали проводившиеся автономистами ненасильственные акции гражданского неповиновения (среди которых выделялась длившаяся три дня «оккупация» погребца в городе Алерия в 1975 г.). Французское государство реагировало на эти проявления в духе «раненого Левиафана», проведя репрессивную акцию против «мятежников». Штурм «погребца» закончился гибелью двух военных, занявшие его люди были вынуждены отступить, а лидер автономистов Эдмонд Симони оказался в тюрьме. Через два дня в Бастию были введены дополнительные армейские части и полицейские спецподразделения. Начался новый период в новейшей истории Корсики — период пепла и крови. Французское государство открыло «ящик Пандоры» корсиканского политического насилия, дав индпендантистам мощнейшие политические козыри и аргументы.

В итоге корсиканское национальное движение очень быстро трансформировалось в индпендантистское с очевидной ставкой на политическое насилие. Менее чем через год после «дела Алерия», 5 мая 1976 г. радиальные сепаратисты из Фронта национального освобождения Корсики весьма ярко отметили свое появление на европейской сцене вооруженного насилия. Стоявшие у истоков нового движения «молодые» борцы восприняли опыт своих «старших братьев», а также опыт борьбы за национальное освобождение своих коллег из джунглей Азии, Африки и Латинской Америки.

При этом следует признать, что у Фронта национального освобождения Корсики были исторические предшественники. Так, еще в 1960-е гг. несколько небольших групп среди «автономистов» уже заявляли о необходимости «прибегнуть к динамиту». Именно эти группы провели в ночь с 8 на 9 октября 1973 г., в двухсотлетнюю годовщину битвы французских войск

с корсиканской милицией, теракты на базе ВВС Франции в Солензара — местном агентстве Эйр Франс. В первый раз «динамитная атака» была направлена против символов государства. Таким образом заявил о своем существовании предшественник ФНОК — Корсиканский крестьянский фронт освобождения. Через пятнадцать дней после этого были обнародованы официальные требования Фронта: высылка с острова французских «колонистов», устранение из официального обращения французского языка с заменой его на корсиканский как в системе образования, так и в системе управления островом. В противном случае Крестьянский фронт обещал «перейти к дальнейшим действиям». 4 января 1974 г. Крестьянский фронт осуществил сразу пять покушений в Бастии, Аяччо и других частях острова. В 1978 г. уже сам Фронт национального освобождения Корсики атаковал радар на базе ВВС в Солензаре. В 1981 г. боевики Фронта заложили взрывчатку в аэропорту Аяччо, жертвой которой стал один турист. Конец 1990 — начало 1991 г. ознаменовались расколом не только во ФНОК, но и в другом сепаратистском движении, где сторонники вооруженной борьбы добились большинства и создали новую организацию — Корсиканское движение за самоуправление. Таким образом, окончание перемирия совпало (или было им вызвано?) с расколом единства движения за независимость. Оно разделилось на четыре организации: две из них высказались за легальные политические действия, а остальные — за вооруженную борьбу.

Однако, как показал опыт, последующие десятилетия покушений и убийств так и не побудили французское правительство наладить на острове надлежащее управление и восстановить там торжество общепольских законов. И лишь одно-единственное убийство привело в движение весь механизм. 6 февраля 1998 г. в самом центре Аяччо префект Корсики Франсуа

Эриньяк был убит «командой» националистов.

Попытки конструктивного решения «корсиканского вопроса»⁶

С тех пор как остров был присоединен к Франции, он так по-настоящему и не нашел своего места в ее национальной системе. Республика действовала здесь не лучше монархических режимов — центр всегда проявлял колебания в выборе политического статуса для Корсики и фактически мирился с ее экономическим застоём. Официальная Франция не знала, какую из двух линий принять: просто распространить на Корсику все французские законы или искать какой-то особый подход? У второй позиции есть то преимущество, что она позволяет «сбросить» корсиканцам их собственные проблемы. Но такая позиция шокирует часть общественности на континенте, которая не понимает, почему корсиканцы должны иметь право на какое-то особое к ним отношение, даже на то, чтобы им дали «их независимость».

Сменявшие друг друга в Париже правительства, не способные сделать принципиальный выбор, поддавались искушению не вмешиваться в ход жизни на острове. И лишь очередной взрыв насилия заставлял их действовать, и прежде всего — увеличивать поток субсидий и дотаций, дабы купить спокойствие корсиканцев. Но механическое соединение этих двух подходов — политического и экономического невмешательства и финансового «орошения» — все больше и больше усугубляло нездоровую ситуацию. Жители острова теряли последнее уважение к Французской Республике. Ее все больше рассматривали как «корову», которую можно бесконечно доить.

Чтобы понять суть корсиканской проблемы, следует вникнуть в мента-

⁶ Данный раздел во многом основан на материалах цитированного выше исследования Г.В. Казанской.

литет корсиканцев. Прежде всего они гордятся тем, что являются корсиканцами. Это умонастроение рождает убежденность в том, что принадлежность Корсики к Франции — удача в первую очередь для Франции, а не наоборот. Во-вторых, корсиканцы в большинстве своем привязаны к родной земле сильнее, чем, быть может, жители других регионов Франции. У корсиканцев всегда в крови было и есть убеждение, что они составляют «корсиканский народ», хотя многим людям на континенте это казалось в лучшем случае удивительным, в худшем — несоразмерным с реальностью. И, наконец, трагическая и беспокойная история острова сформировала общество сложное, закрытое, жесткое, не чуждающееся насилия и вместе с тем очень чувствительное к любой несправедливости.

Постепенно, с 1960-х гг., поворот Корсики к внешнему миру ослабил тиски, подорвал бывшее равновесие, хотя не разрушил старого. В репрессивных фазах отношений между Корсикой и континентальной Францией сменявшие друг друга министры внутренних дел страны смогли почувствовать силу традиционного «закона молчания» на острове.

Государство запоздало пыталось реагировать на активистов индепендантистов, используя как «кнут», так и «пряник». 12 декабря 1974 г. была создана специальная межминистерская комиссия для решения проблем острова, однако ее работа не принесла заметных результатов. Наряду с этим органы юстиции в течение 1970–1980-х гг. провели ряд показательных политических процессов над арестованными активистами ФНОК. В ответ на значительные сроки заключения для последних корсиканские индепендантисты ответили еще более интенсивными бомбовыми атаками. Теракты с использованием пластида стали повседневным явлением и все активнее совершались отдельными лицами. С 1976 по 1978 г. из 800

терактов, совершенных на Корсике, 75% пришлось на частных лиц. 20 августа 1982 г. теракты ознаменовали избрание первого председателя Корсиканской ассамблеи.

К середине 1980-х гг. единоличным лидером индепендантского движения стал ФНОК, осуществлявший беспрецедентные по масштабу и охвату террористические акты. Однако усталость от беспрецедентного террора ощущалась жителями Корсики все более явно, и на сцену стали выходить политические организации, предпочитавшие бороться за самоопределение Корсики мирными средствами. К их числу относилось Корсиканское движение за самоопределение, образовавшееся в 1980 г. и отметившееся организацией целого ряда манифестаций и других публичных акций протеста. В 1989 г. Пьер Поджиоли, видный деятель ФНОК, осознав тупиковость односторонней ставки на террор, вместе с группой своих сторонников покинул ряды Фронта и основал новое националистическое движение легального характера, готовое к диалогу с Парижем при определенных условиях. 1998 г. стал своеобразным пиком террористического движения, когда убийство префекта Эриньяка оттолкнуло от ФНОК немалое число жителей Корсики. В 2004 г. индепендантисты и автономисты снова имели реальный шанс объединиться перед местными выборами, однако не смогли прийти к соглашению, резко разойдясь по вопросу об отношении к насильственным методам борьбы.

В этой ситуации беспрецедентного вызова многое зависело от действий французского правительства, ранее явно запустившего «корсиканскую проблему»⁷.

В 1984 г. социалист Пьер Жокс сме-

⁷ Dressler W. La Corse en question(s) questions de territoires, de pouvoirs et d'identité // Le Territoire entre l'Europe et l'Etat-Nation. Rennes, 2006. P. 114–124.

нил социалиста Гастона Деффера на посту министра внутренних дел. Ему понадобилось около двух лет, чтобы разобраться во всех сложностях корсиканской проблемы и осознать, насколько трудны пути ее разрешения. После переизбрания на президентский пост в 1988 г. Франсуа Миттерана Жокс отправился на Корсику, а затем, заручившись поддержкой президента, выступил с призывом «проявить чуткость» в отношении корсиканской проблемы.

Грубейшей ошибкой правительства социалистов было то, что оно первоначально не прислушалось к мнению Жокса, посчитав, что корсиканскую проблему можно решить «обычными», то есть «пожарными» способами, проявляя «твердость». Когда на острове в начале 1989 г. вспыхнул конфликт чиновников, требовавших надбавки к жалованию за «островное положение», Жокс был сторонником гибкой позиции. Премьер Мишель Рокар не разделял его точки зрения. Опасаясь, что требования чиновников перекинутся на континент, Рокар повел дело к тому, чтобы взять бастующих измором. В конечном счете чиновники возобновили работу, а назначенная им надбавка оказалась гораздо меньше той, на какую они претендовали вначале. Но это не предотвратило насилие (в том числе попытку, правда, неудавшуюся, похитить префекта Верхней Корсики). И главное — националисты вышли из конфликта окрепшими. Потеряв несколько месяцев, Рокар признал ошибку — согласился, чтобы Жокс снова взял в свои руки решение проблем острова.

Ключевым положением в программе Жокса стало определение «корсиканский народ», из-за которого вспыхнула острая полемика. Французам, сторонникам централизованной системы, это признание самобытности показалось недопустимой уступкой: а почему в таком случае нет понятий «бретонский народ», «эльзасский народ» и т.д.?

В конце концов программа была сорвана, одновременно оказалось сорванным и перемирие с сепаратистами. Рано утром 12 сентября 1990 г. жителей Бастии разбудили взрывы бомб, подложенных к зданиям четырех банков. За этим последовали еще два взрыва пластиковых бомб. Так снова проявил себя Фронт национального освобождения Корсики (ФНОК). Постепенно цели его становились все более конкретными: борьба против «колонизации» острова, в первую очередь — туристической индустрии. Каждое лето сюда приезжают на отдых 1,5 миллиона человек: туризм — основной источник богатства и развития для Корсики. Но вот тут и возникают проблемы: структуры, необходимые для «европейского курорта», почти полностью оказались в руках не коренных жителей, а «иностранцев» — как французов, так и нефранцузов. Они заливают цементом пляжи, строят гостиницы и пансионаты, нарушая (часто — при соучастии местных властей) законы об охране окружающей среды, действуя вопреки всем правилам и нормам, которые соблюдаются, например, на Лазурном берегу. Таким образом, появляется теневая экономика, при которой с острова уплывают почти все деньги, выжимаемые из туристов. Расплачиваться же за все приходится исключительно рядовым корсиканцам. За тремя месяцами полной занятости следуют девять месяцев вынужденного безделья. Неорганизованный туризм является к тому же почвой для рэкета и торговли наркотиками.

В июне 1988 г. центральным властям удалось достичь перемирия с ФНОК, запрещенного за пять лет до того; правительство объявило амнистию и обещало разработать программу развития Корсики, предоставив ей автономию, ФНОК же отказался от насильственных действий. После срыва программы, разработанной Жоксом, за первыми взрывами в сентябре 1990 г. по Корсике прокатилась целая волна тер-

рористических актов. Это в свою очередь привело к расколу в рядах ФНОК на ненасильственное крыло, выступавшее за сохранение перемирия, и сторонников вооруженной борьбы. Свои боевые акции они отличали буквой *R* — начальной буквой французского слова *Resistance* — «Сопrotивление». Но в то же время бунт приобрел более современные формы, приспособляясь к информационному обществу: не только надписи на стенах «Французы, вон!», но и пресс-конференции по телевидению. Вооруженные боевики в капюшонах объясняли перед телекамерой свои цели — освобождение Корсики от «колониальной эксплуатации», от «наступления цемента», от попыток превратить остров в «европейский курорт».

Националистические чувства, озабоченность деградацией родной природы, ощущение островного одиночества, социальный гнев — таково пестрое сочетание «факторов» борьбы, в которую были вовлечены тысячи юношей и девушек, людей более старшего возраста. Большинство из них принимали то или иное участие в деятельности подпольных корсиканских формирований. Но действительно ли подпольных? «В определенной степени, — признавали местные должностные лица, — наш остров — это своего рода большая деревня, где в конечном счете все узнают всё!». В самом деле, трудно назвать «подпольными» группы, устраивающие продолжительные и многолюдные пресс-конференции, действующие, опираясь на активную поддержку населения, вербующие сторонников в барах и хранящие оружие и взрывчатку в своих хозяйственных постройках.

На фоне обострения ситуации на острове своим чередом шли в Париже политические баталии вокруг предложенной Жоксом программы более широкой корсиканской автономии. Справедливости ради следует отметить, что шли они в условиях непонимания

большинством французов требований корсиканцев. Вот как объяснил причину этого автор книги «Корсиканский комплекс» Г.-К. Кулиоли, сам корсиканец: «Существует глубокое культурное различие между областями Севера и средиземноморскими районами страны. Во Франции еще с эпохи крестовых походов возобладала культура Севера. К тому же это единственная европейская страна с очень централизованной системой, ее политические деятели никогда не понимали стремления к автономии. Именно поэтому требования корсиканцев постепенно приобретали все более радикальный характер: от регионализма к автономии и затем к движению за независимость».

Процесс обретения Корсикой автономного статуса занял немало времени (октябрь 1989 — май 1991), ибо он натолкнулся на ряд конституционных проблем: впервые часть территории метрополии должна была получить специфические институты, даже специфическое право.

Создавая новую территориальную административную единицу, Жокс ссылался на статью 72 Конституции, разрешающую образование такой единицы, руководствовался примером Французской Полинезии — автономия в рамках республики, — чтобы обойти препятствие, каким стала бы необходимость обосновать введение особых правил в «обычном» регионе. С другой стороны, подчеркивалась цель правительственного проекта — дать будущим корсиканским автономным институтам средства и рычаги для того, чтобы помочь развитию экономики острова, на которой неблагоприятно сказываются его географическое положение и демографический спад.

При разработке документа развернулась напряженная борьба крайних точек зрения вокруг условий «территориальной связи», то есть льготных тарифов морского и воздушного транспорта, связывающего остров с континентом.

Правительственный проект для Корсики поднял вопрос, который всегда был предметом спора между «якобинцами» — централизаторами и «жирондистами» — федералистами: допускает ли провозглашаемый в статье 2 Конституции принцип неделимости республики, чтобы какая-либо часть территории метрополии располагала специфическими институтами?

Как и следовало ожидать, при обсуждении в Национальном собрании наиболее острая дискуссия развернулась по первой, основополагающей статье законопроекта, дающей определение понятию «народ». Перспектива отклонения законопроекта явно не устраивала правительство, поэтому оно решилось пойти на некоторую уступку оппозиции, внося в указанную статью существенное дополнение о том, что корсиканцы являются неотъемлемой частью французской нации.

Важную роль в разрешении спора сыграл Конституционный Совет — государственный орган, контролирующий соответствие проектов законодательной власти конституционным нормам. Совет заявил, что простое упоминание в законе о «корсиканском народе» противоречило бы Конституции, согласно которой население республики представляет собой единый французский народ.

В итоге эта статья была одобрена (309 голосами, в основном социалистов и коммунистов, против — 263) в следующей формулировке: «Французская Республика гарантирует корсиканскому народу — составной части французского народа — право на сохранение его культурных особенностей и на защиту его специфических социальных и экономических интересов, если они не наносят ущерба национальному единству и целостности Франции».

В итоге в 1991 г. Корсика становится новым территориальным образованием. Исполнительная и законодательная власти (Исполнительный Совет и

Собрание) здесь четко разделены: если представители первой власти избираются в представительные учреждения, они не могут оставаться в исполнительных структурах. Исполнительная власть обладает правом приостанавливать действие актов Собрания, продолжительность его сессий строго ограничивается. Собрание может выводить в отставку Совет лишь при условии, что тут же изберет взамен его новый состав. Однако у председателя Совета нет права распускать Собрание. Данное право принадлежит лишь французскому правительству, которое, в свою очередь, может воспользоваться им лишь в том случае, если «нормальное функционирование Собрания представляется невозможным». Таким образом, единственной гарантией стабильности власти в автономии может быть прочное большинство в составе Собрания.

Закон 1991 г. обязывает центральные учреждения страны консультироваться с Собранием по всем вопросам, касающимся «специфического устройства» Корсики, оговаривает ее «культурную идентичность».

Новый статус Корсики не идет ни в какое сравнение со статусом традиционных регионов Франции. Он соизмерим только с тем, каким располагает после принятия соответствующего закона (1984) Французская Полинезия. Однако между ними есть существенное различие. Заморская территория в Тихом океане обладает всеми полномочиями, за исключением тех, которые ограничительно резервируются за французским государством. На Корсике же ситуация прямо противоположная: здесь территориальная власть располагает полномочиями лишь в тех конкретных вопросах, которые закон передает ей. Все другие остались в компетенции Парижа.

Разумеется, сама по себе автономия Корсики не может решить стоящих перед ней проблем. Она лишь создает новые возможности для модернизации ее

экономики, обновления политической культуры ее жителей, формирования демократически ориентированной и социально ответственной местной политической элиты. Будут ли эти возможности реализованы? Это зависит от расклада политических сил во Франции, где либералы, выступающие за широкие рыночные свободы, противостоят консерваторам-«государственникам», сторонникам традиционно сильной централизованной власти. Это зависит от зрелости политических сил на самом острове.

На какое-то время после учреждения автономии на острове насилие там прекратилось. Но затем «доступ к рычагам власти и ее кормушкам привел к разброду в рядах националистов». Их движение ныне «грешит мафиозным уклоном», «законы на острове попираются чуть ли не каждый день». Вкладываемые в корсиканскую экономику государственные средства используются во многих случаях неэффективно и часто просто разворовываются. Кровь снова льется на Корсике.

Таким образом, корсиканский сепаратизм является по своей сути контр-модернизационным и традиционалистским явлением, порожденным тем, что Франция, вместо распространения на остров своих ценностей и установок, продолжала эксплуатировать его как колонию, сохранив к своей выгоде традиционные клиентарные структуры власти и отношения. При этом очевидно, что, в отличие от многих современных регионов Европы, Корсика не в состоянии модернизировать свою экономику и интегрироваться в евро-

пейское пространство, минуя Францию⁸.

Корсиканский сепаратизм (индепендантизм), в отличие от действительно массового движения за административную, политическую и этноязыковую автономию, не имеет прочных перспектив и корней в корсиканском обществе. У национал-радикалов сепаратистского толка отсутствует реалистическая и конструктивная социально-экономическая программа и сам план построения полноценного корсиканского государства. Именно поэтому национал-радикалы и индепендантисты не оказывают сегодня существенного влияния на политическую жизнь острова. С момента своего появления на политической сцене острова сепаратистские идеи все же не проникли в глубины корсиканского общества.

Поэтому последовательный корсиканский сепаратизм становится чаще всего уделом политических маргиналов и радикалов. Главный вопрос — в нахождении реальной политической альтернативы национал-сепаратизму на путях реального автономизма.

Решение «корсиканской проблемы» видится в нахождении механизмов реинтеграции Корсики в единое политическое, правовое и экономическое пространство Франции. То есть необходим модернизационный проект, нацеленный на развитии Корсики в разных областях, полноценно и эволюционно интегрирующий ее правовое, политическое, социально-экономическое и культурное пространства Французской республики.

⁸ См.: *Ulrich S.* Korsische Separatisten geben sich versoehnlich // *Süddeutschen Zeitung*. 2010. 10 August. S. 7.

АЛЕКСАНДР ГЕГАЛЬЧИЙ

«КАРПАТСКАЯ РУСЬ»: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

Русинство — тема, достаточно поздно нашедшая адекватное отражение в объективной исторической науке. Выпускника и профессора Московского университета Федора Федоровича Аристову (1888–1932) можно с уверенностью назвать «крестным отцом» Карпатской Руси. Невероятно, но факт: «виртуальный русин» посвятил всю свою научную жизнь Карпатам, в которых никогда не был... Это не помешало ученому написать основополагающий труд «Карпаторусские писатели» в трех томах, из которых потомки познакомились только с первым, и «Историю Карпатской Руси» в трех книгах, которые так и не были изданы.

В течение 1907–1917 гг. он собрал и систематизировал для «Карпато-Русского музея» около 100 тысяч экспонатов. Музей имел пять отделов: рукописный (5 тысяч писем, биографий, воспоминаний, дневников); книгохранилище (практически вся опубликованная литература о Карпатской Руси); художественно-иконографический (рисунки, гравюры, портреты); научно-справочный (картотека с читальным залом); кабинет «карпато-русских писателей». Увы, экспозиция музея, как и многие рукописи, пропала в годы русской революции, Гражданской войны и «перманентной» классовой борьбы. Если бы мир познакомился с научным наследием Аристову, Карпатскую Русь, вероятно, ожидал бы иной путь развития. Русинские земли в центре Европы, которые для современников представляются неким подобием

«лоскутного одеяла», для искреннего и последовательного сторонника панславизма были единым этническим и геополитическим пространством, связанным воедино общей историей и устоявшимся мировоззрением.

Способствовало этому и то историческое обстоятельство, что все эти земли в конце XIX — начале XX века входили в состав Австро-Венгерской монархии и для русских были единым целым — Карпатской (Прикарпатской или Червонной) Русью. Естественно, что лемки, бойки и гуцулы польской Галиции, угорские русины Подкарпатья и Пряшевщины, мараморошские русины Трансильвании, бочванские русины Сербии и Хорватии для подданных Российской империи представляли собой единую общность австро-венгерских подданных. Все они были из угнетенного славянского рода, с надеждой взирающего на мощного восточного брата, на Россию. В итоге, к взаимной радости, они стали «карпатороссами». Во время Первой мировой войны они массово вступали в ряды русской армии, а в Гражданскую — бились с большевиками в составе Карпаторусского добровольческого отряда «за Корнилова, за Родину, за веру». Небольшая часть их оказалась и среди чехословацких легионеров — белочехов, оставивших свой (пусть и неоднозначный) след в истории России.

Следующими знаменитыми карпатороссами были Алексей и Георгий Геровские. Для потомственных галицких русофилов с великолепным европейским образованием русинские территории

также были единой карпаторусской землей. Они сражались за нее вместе с угро-русскими православными священниками на Мараморош-Сигетском процессе перед Первой мировой войной, вместе с наступающей русской армией в Галиции, вместе с подкарпатскими русинами в 1-й Чехословацкой республике и, наконец, вместе со всей русской эмиграцией в США. Здесь А. Геровский основал Карпаторусский союз, который оказывал активную поддержку автономистским силам Подкарпатской Руси в Чехословакии. После присоединения Подкарпатской Руси к СССР он вплоть до 1972 г. (!) на страницах славного журнала «Свободное слово Карпатской Руси» остро критиковал советскую и словацкую политику украинизации русинов, а также соглашательство и лицемерие Ватикана и униатской церкви.

* * *

Для американской русинской эмиграции, основная масса представителей которой уехала с исторической родины в начале XX в., то есть именно во времена «расцвета» Карпатской Руси, она также осталась в родовой памяти «единой». Отсюда такие непонятные и вводящие в заблуждение сегодняшних русских, украинцев, словаков, русинов названия организаций и печатных изданий, как «Руське общество», «Карпаторусинське общество», «Карпатска Русь», «Всемирная Академия Русинской Культуры», «Карпаторусский ансамбль». В русины или в «руські» записаны за океаном звезда поп-арта Энди Уорхолл (Андрейка Варгола) и русофил Алексей Геровский, митрополит «Американской Карпато-Русской Православной Епархии» Николай (Смиско) и директор Департамента государственной безопасности США Том Ридж, герой Второй мировой войны сержант Майкл Странк и актриса Сандра Ди (Александра Жук).

В то же время одним из наиболее влиятельных лидеров карпатских ру-

синов мирового уровня является профессор Торонтского университета и бессменный руководитель Карпаторусинского Исследовательского центра в Пенсильвании Пол Роберт Магочи (род. 1945). Как презентуемый им «независимый и неправительственный» Исследовательский центр, так и тесно связанные с ним Всемирная академия русинской культуры и ряд других организаций подчеркнуто дистанцируются от политики. Это не помешало, однако, П.Р. Магочи еще в эпоху перестройки начать подготовку и сразу же после распада советского блока в 1991 г. собрать в словацком Межилаборце 1-й Мировой конгресс русинов. Рассказ уважаемого профессора о том, как карпатских русинов объединили на свои мизерные пенсии два русинских патриота из Чехии — Рудольф Матола и Иван Парканий, явился данью уважения этим подлинным патриотам своей земли и своего народа.

С тех пор конгресс проводится регулярно, раз в два года, в странах Европы, где живут или жили русины. Правда, как язвительно заметил крупнейший русинский историк современности Иван Иванович Поп, Мировой конгресс русинов «деградировал до уровня организатора фольклорных фестивалей». Однако практически каждый конгресс после речей, песен и танцев не забывает в принятой декларации в той или иной форме обратиться к властям Украины с просьбой признать национальные и культурные права русинов Закарпатской области. П.Р. Магочи обращается с подобными призывами также в дипломатические представительства, включая украинские, и во влиятельные международные организации. О русинской проблеме известно и таким крупным американским политикам как Джон Маккейн и Сара Пэйлин. Потомок угро-русской семьи, эмигрировавшей в США во «времена Карпатской Руси», П.Р. Магочи в своей научной и политической программе ориентируется именно на карпатских

русинов, но ни в коем случае не на карпатороссов (!). Его представления об исторических территориях проживания русинов существенно отличаются от представлений как русских ученых и русинских ученых-русофилов, так и украинских ученых и так называемых русинов-украинцев, и представляются весьма спорными.

В этой связи небезынтересно рассмотреть одну из его знаменитых карт, на которой места расселения карпатских русинов времен Первой мировой войны показаны на фоне современных государственных границ (<http://www.rus.in.ua/news/2585.html>). Сразу бросаются в глаза как извилистые массивы русинских земель, не знающие современных границ, так и русинские островки на территории Польши, Словакии, Венгрии, Румынии. И только на галицких украинских землях их нет... Ни одного русинского села на север от географической черты, проходящей по карпатским вершинам, нет! Будто все бойки, лемки, гуцулы остались только «на территории на юг от Карпат»?! И карпатороссов, русофилов, «кацапов», которых из Галичины ссылали в концлагеря «Терезин» и «Талергоф» и которые здесь цветами встречали Брусиловскую армию, здесь нет и не было. После этого попытки некоторых украинских политтехнологов обвинить П.Р. Магочи в русофильстве не могут вызвать у нормального и посвященного человека ничего, кроме улыбки...

К сожалению, представленная Магочи карта серьезно устарела. Еще после Второй мировой войны в ходе операции «Висла» десятки тысяч русинов-лемков были высланы польскими властями на «зачищенные» от немецкого населения земли по другую сторону страны, а более сотни тысяч — на Украину. В итоге русины в народной Польше исчезли. Исчезли русинские села и в Венгрии, и в Словакии, и в Румынии. Стараниями многочисленных сталинских подручных и на Украине, и

в братских народно-демократических странах они стали украинскими. И только в новейшей истории в юго-восточную Польшу из «немецких» районов опять вернулись лемки; в Словакии, на Пряшевщине вдруг катастрофически уменьшилось число украинцев и опять появились русины. Поддерживает русинское меньшинство Румыния и особенно Венгрия — тысяча лет совместного проживания все-таки не забыты. Правда, если нарисовать сегодняшнюю карту расселения русинов в Венгрии, то столицей их будет наверняка Будапешт. В Львовской, Ивано-Франковской и Черновицкой областях Украины остатки гордых карпатороссов, начиная с Первой мировой войны, активно уничтожались, перековывались и перемальывались тяжкими молотами и жерновами в самых свидомых украинцев. Они сегодня появляются на Прикарпатье только в псевдонаучных дискуссиях, когда нужно указать сторонникам признания русинской нации, что они не правы и что за горами тоже живут русины. Которые украинцы.

Это реальность, которой нет ни на картах профессора Магочи, ни в докладах и статьях русских ученых и журналистов, которые живут в мифической Карпатской Руси и на ее развитие получают гранты и ученые степени. Для американских политтехнологов в целом безобидное надгосударственное понятие «карпатские русины» и исключительно «культурологическая» деятельность создают возможность удерживать влияние на весьма большом историко-культурном пространстве, поддерживать напряжение сразу в нескольких центральноевропейских странах бывшего советского блока. Очевидно, что-то подобное пытаются сделать и русские технологи. Но их позиции на Карпатской Руси, похоже, существенно слабее американских. От дружественной России и Левобережной Украины Подкарпатская Русь почти герметично прикрыта русино- и русофобским анклавом — Галичиной,

который имеет свои виды на эту территорию.

* * *

Вообще, отношения бывших соседей по Карпатской Руси, превратившихся в течение прошлого века в непримиримых идеологических противников, требуют специального изучения. С предшественниками С. Бандеры подкарпатские русины впервые столкнулись в период своего самоопределения после Первой мировой войны. Уже тогда на Подкарпатской Руси нашлись лица, требующие ее присоединения к несуществующей Соборной Украине. Впрочем, нужно отметить, что параллельно звучали и призывы о присоединении к Венгрии, к Румынии, к Чехословакии и даже к «демократической России»!

Как справедливо отмечает русинский публицист Александр Русин (<http://www.apn.ru/publications/article22456.htm>), в те времена на территории Украины «республик» и «правительств» было хоть пруд пруди: Киевское национальное правительство Центральной Рады, которое сменил Гетьманат, а затем Директория, Харьковское советское правительство, Крымско-Татарское правительство, Одесская советская республика, Советская Социалистическая Республика Тавриды, Донецко-Криворожская Советская Республика, Вольная Республика батики Махно, Западноукраинская народная Республика — ЗУНР, Юго-Западный край, Малороссия, Восточная Галиция. В этой связи встает резонный вопрос: в какую же державу направились угорские русины в январе 1919 г.? Ведь тогда УНР — Украинская Народная Республика — представляла собой только некую территорию, без границ, административного аппарата и легитимного руководства. Что же касается совсем непонятной ЗУНР, то в январе 1919 г. она фактически «управляла» одной областью — Станиславской. За всю недолгую историю ЗУНР в

ее административно-территориальное управление входили: 18 дней — Львов, 8 дней — Перемышль, 9 дней — Черновцы. Да и сама «Соборная Украина» просуществовала 175 дней (с 22.1.1919 по 16.6.1919).

Не лишним будет уточнить, что не угро-русины «просились» тогда в состав Украины, но, напротив, именно галицкие русины в лице их полномочного представителя Вислоцкого на заседании Центральной Русской Народной Рады в Ужгороде в мае 1919 г. просили включить их в состав создаваемой Чехословацкой Республики. Однако уже в то время подкарпатский русин, а потом и американский адвокат Г. Жаткович при рассмотрении правовых вопросов вхождения русинов в то или иное сообщество обратил внимание галичан, что согласованный 21 октября 1918 г. Президентом США В. Вильсоном проект включает только «территорию русинов на юг от Карпат». Благодаря безупречному представлению интересов именно этих особых русинов юриконсульту «General Motors» и будущим губернатором Подкарпатской Руси Г. Жатковичем в договоре, принятом в Сен-Жермене 19 сентября 1919 г., появилась запись: «...территория русинов на юг от Карпат включается в состав Чехословакии с условием, что она предоставит русинам наивысшую степень автономии при сохранении единства Чехословакии». Таким образом, право народа на самоопределение международным сообществом было предоставлено не «украинцам», не «галичанам» и не вообще «русинам», а исключительно «русинам на юг от Карпат».

В итоге Масарик воздержался от поддержки государственных устремлений украинских руководителей. Еще задолго до войны он писал, что отделение Украины могло бы существенно ослабить Россию как противовес австро-немецкой экспансии. В интервью газете «Утро России» Масарик заявил, что «сильная Россия

в интересах самих украинцев». Для чехов Россия была естественным союзником в борьбе против Австро-Венгрии и Германии. А для правительства УНР Германия была главным союзником в борьбе за выживание. В своих «Воспоминаниях», вышедших в украинском переводе во Львове (1930), Масарик описывает свою встречу с министром иностранных дел: «...я сообщил 26 января министру иностранных дел Шульгину, что IV универсалом наше условие решено и мы как можно скорее выведем свои войска с Украины: наше войско формировалось в понимании с Россией; России присягали наши солдаты на верность, России мы были преданы и не можем поворачивать в другую сторону...». После выхода IV универсала Масарик сказал: «Мы признали Украину, когда она III Универсалом провозгласила себя государством, но в рамках федеративной России. Это мы могли принять, исходя из чешской и славянской ситуации... Лично я не могу признать самостоятельную Украину вне рамок России как правовое и политическое образование. Разбивать Россию, на мой взгляд, — это просто работать на Пруссию».

Уже 9 мая 1920 г. в Ужгороде было создано общество «Просвита». В целом оно полностью повторяло «Просвиту» галицкую, и ее настоящими вождями на Подкарпатской Руси были галицкие эмигранты В. Пачовский, В. Бирчак, И. Панькевич. С финансовой помощью чехословацкой администрации и лично президента Масарика в Ужгороде был построен Народный дом (1928) — украинский национальный центр (музей, читальня, библиотека, кинотеатр). Однако многие члены «Просвиты» уже к концу 1920-х гг. сбросили культурно-просветительскую маску и открыто заявили о своих планах создания на чужой территории украинского государства. «Просвита» фактически перешла на антигосударственные позиции и стала центром воинственного украинского национализма, что

констатировала и чехословацкая полиция... Важными причинами негативного отношения к украинскому национально-культурному движению как со стороны чешских чиновников, так и подкарпатских русинов было и то, что его поддерживали не только радикальные украинские националисты, но и коммунисты. Своего апогея ухудшение отношений достигло в 1930 г., когда студент и член ОУН Ф. Тацинец, вдохновленный активисткой С. Новакивской, совершил покушение на известного деятеля русинского движения Е. Сабова, председателя Общества им. А. Духновича.

Особое внимание обращает А. Русин на активность военизированных организаций галичан. В обкомсанной после Венского арбитража Подкарпатской Руси в провинциальном Хусте 9 ноября 1938 г. состоялось учредительное собрание «Организации военной обороны “Карпатская Сичь”». Формально в ее командование были введены местные «квислинги» Д. Климбуш, И. Рогач, С. Росоха, но фактически управлял ею «генеральный штаб» из галичан — деятелей военного крыла ОУН: «полковник» М. Колодзинский (Гузар), «полковник» Р. Шухевич (Щука), «сотник» З. Коссак (Тарнавский), «сотник» О. Карачевский (Свобода), Ю. Лопатинский (Калина). Е. Врецьона (Волянский). Это были профессионалы-боевики, участники терактов в Галиции и Польше. Все они были связаны с абвером, подготовку проходили в лагерях хорватских усташей, в Австрии и Германии. Ряды «Карпатской Сичи» заполнили преимущественно галичане, откликнувшиеся на призыв главы ОУН А. Мельника к «украинскому народу» быть готовыми отдать максимум национальной энергии для укрепления сил в борьбе за «Украинское Карпатское государство»!

К началу 1939 г. «Сичь» насчитывала (на бумаге) около 10 000 членов, на казарменном положении находилось

около 2000 человек, из них оружием располагали около трех сотен. Формально сичевики должны были нести вместе с чехословацкой полицией службу по задержанию «коллег» — польских и венгерских террористов. Однако назначенный Прагой правитель Подкарпатской Руси А. Волошин для галичан был слишком прочехословацким... На тайном заседании «генштаба» было решено заменить его и его кабинет на своих ставленников.

Попытка «переворота» в Хусте и кровавое противостояние чешским армейским подразделениям закончились для галицких пассионариев бесславным и полным разгромом «Карпатской Сичи». Общие потери при подавлении путча со стороны чехословацких вооруженных сил: 2 убитых и 10 раненых. Со стороны Сичи: 40 человек убитыми и около 50 раненых.

Подталкиваемый украинским окружением и гитлеровским консулом Президент Карпатской Украины А. Волошин обратился в Берлин с просьбой принять его государство в Рейх — безрезультатно. Утром 15 марта 1939 г. в здании хустской гимназии была объявлена независимость «Карпатской Украины». Есть некоторые основания предполагать, что не все обстоит так просто с делом о провозглашении независимости, так как исторические киносъемки были произведены оператором, который погиб (!) до торжественной акции. На следующий день большинство новых правителей и генералитет бежали за границу, в основном под крыло к гитлеровцам. Только несколько непримиримых членов Сичи повели на бойню, на бой с венгерской регулярной армией хустских русинов-гимназистов...

Чехословакия была оккупирована немецкими войсками на западе и венгерскими — на востоке и прекратила свое существование как суверенное государство. Вместо Подкарпатской Руси опять появилось расплывчатое образование «Карпатская территория», впро-

чем, не включающее заперевальные галицкие земли. О карпаторусских же землях говорить стало просто небезопасно. Кстати, венгры тогда провели перепись, по которой на «Карпатской территории» числилось свыше 506 тыс. подкарпатских русинов и всего две сотни украинцев из числа эмигрантов из польской Галичины. Однако в октябре 1944 г., после освобождения советскими войсками, Подкарпатская Русь вдруг «воссоединилась» с Украиной, к которой никогда не принадлежала. Впрочем, в советское время такие вопросы лучше было не обсуждать. Попытка Республики Подкарпатская Русь отделиться от «родной» Украины после распада СССР в 1991 г., то есть в новое несветское время, также не удалась, несмотря на то, что 78% голосовавших закарпатцев высказалось за самоуправляемую территорию — за автономию. Власти Украины проигнорировали волю народа.

* * *

Годами тянущаяся политическая неразбериха, однако, никак не может удовлетворить одну участвующую в процессе сторону — русинов Подкарпатской Руси. Из народа, насчитывающего по разным оценкам от 600 тысяч до полутора миллиона человек, они превратились на Украине в не признаваемое Киевом национальное меньшинство, в которое во время переписи 2002 г. удалось записаться 10 000 граждан. Между тем именно Подкарпатская Русь является русинской землей, имеющей опыт государственности в период между ее признанием в 1919 г. Сен-Жерменским мирным договором и ее повторным присоединением к хортистской Венгрии в 1939 г. Подкарпатские русины не желают растворяться в иных по ментальности, языку и культуре народах. Более того, они претендуют на роль государствообразующего народа и политического сообщества, открывающего возможность для всех русинов иметь свою материнскую землю.

Лидерами движения выступают председатель Сойма подкарпатских русинов о. Димитрий Сидор, а также общественные деятели П. Гецко, А. Лецович, В. Микулин, В. Джуган, А. Мошкола. Не забывают о своих русинских корнях и такие видные политические деятели Украины как В. Балоба и С. Ратушняк, известные российские ученые В. Симчера и Й. Гливка, представители интеллигенции Венгрии филолог М. Капраль и художник А. Манайло, закарпатские писатели, лауреаты международных премий И. Петровций и В. Фединишинец. После многочисленных споров в июне 2008 г. русины провели в г. Мукачево 1-й Европейский конгресс подкарпатских русинов, который решил восстановить особый статус Закарпатья как самоуправляемой «территории русинов на юг от Карпат» с конституционным названием «Подкарпатская Русь».

Уже в октябре того же года 2-й Европейский конгресс принял меморандум о восстановлении русинской государственности в статусе 1938 г. Дальше — больше: не дождавшись серьезной реакции украинских властей, 1 декабря 2008 г. русины ультимативно ввели свои решения в силу. Единственным ответом украинских властей на их действия было открытие уголовного дела и начало дьяческого и по сегодняшний день процесса над «главным сепаратистом» о. Димитрием. Процесс, постыдный и для Украины совершенно бесперспективный — ни о. Димитрий, ни другие признанные руководители подкарпатскарусинских организаций ни разу (!) не призывали к насильственным действиям на пути к восстановлению русинской государственности. Напротив, все они реально привержены правовому пути в достижении своей цели.

Решения подкарпатских русинов и ранее весьма прохладно встречались Мировым конгрессом русинов. П.Р. Магочи не преминул отметить, что в то время, когда Европа объединяется, говорить о Подкарпатской

Руси как об отдельном политико-административном объединении абсурдно. Но профессор не сказал, кто и когда планирует принять русинов в ЕС. Но не только и не столько мысль о попытке создать нечто конкретное на русинских землях, вероятно, была ему неприятна. Еще в декабре 2007 г. он был совершенно потрясен фактом, что «эти...» (далее непечатно) подкарпатские русины... не хотят вступать в НАТО! Ведь считалось, что русины вообще, то есть разрозненно проживающие на подконтрольной ему территории шести государств, все как один за НАТО. Для профессора это было начало конца...

2009 год прошел в живом обсуждении новой русинской концепции, которая изменила не только идеологические, но и территориальные подходы к проблеме. Она сосредоточила активные политические действия на реальной территории проживания русинов Подкарпатской Руси — Закарпатской области. Концепция была поддержана делегатами первого свеже созданного (в пику «общерусинскому конгрессу» П.Р. Магочи) Всемирного конгресса подкарпатских русинов в Пардубицах и другими русинскими организациями.

Вместо П.Р. Магочи на последнем десятом Мировом конгрессе русинов в Сербии делегаты избрали новым председателем сербского русина Дюру Папугу. При этом впервые за долгое время они не только не осудили мятежных подкарпатских братьев, но и обсуждали возможности взаимодействия с ними.

Карпатская Русь, такая близкая сердцам и душам русских и американских ученых и политиков, уходит в прошлое, спокойно утверждаясь на достойном месте в истории и на красочных фольклорных фестивалях. Что впереди — непокоренная и бурная Подкарпатская Русь? Бессловесная дотационная Закарпатская область? Думается, что уже достаточно скоро мы получим ответ на этот вопрос.

Сергей Беляков

«НОВЫЕ ВАРЯГИ»?

ИМПЕРСКИЙ ЧЕЧЕНСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ
В ТВОРЧЕСТВЕ GERMANA САДУЛАЕВА

Исследователи национализма не часто обращаются к такому источнику, как современная русская литература. Историки, накопившие значительный опыт в источниковедческом анализе художественной литературы, не рассматривают современные литературные произведения, так как они относятся к периоду, который в большинстве случаев выходит за временные рамки их трудов. Социология и этнология, изучая макропроцессы, опираются на различные типы массовых источников, в то время как художественная литература дает материал скорее для исследования в области микроистории. Литературоведение и литературная критика не интересуются проблематикой национализма, а потому избегают самой постановки проблемы.

Вместе с тем художественная литература может служить достаточно информативным источником для изучения феномена этнического национализма. Работа на данном исследовательском уровне может служить не альтернативой, а дополнением к традиционным исследованиям, в частности, способствовать более точному описанию националистической картины мира, складывания и бытования национальных стереотипов. В изучении такой актуальной проблемы, как соотношение идеологии национализма и бытовой ксенофобии, указанный вид источника также может сыграть определенную роль.

Литература — форма самовыражения для писателя. В художественном

произведении отражаются его взгляды, стереотипы (в том числе стереотипы этнические), психологические установки и, в конечном счете, персональная (авторская) картина мира. При этом следует учитывать значительные трудности, возникающие при анализе и интерпретации художественного произведения. Сочинительство воспринимается многими писателями как «игра» со словами, значениями и смыслами. Отделить собственно игровую составляющую от интересующих нас авторских представлений о его собственной нации и отношениях этой нации с другими нациями и этническими группами представляется не всегда возможным. Поэтому для данного исследования избраны произведения писателя, чье творчество носит публицистический характер, а игровое начало выполняет сугубо служебную роль по отношению к идейному содержанию.

Герман Садулаев — современный русский писатель¹ чеченского происхождения, автор четырех книг прозы и десятка повестей и рассказов, опубликованных ведущими российскими литературными журналами, такими как «Знамя», «Дружба народов», «Континент», а также региональными литературными журналами «Аврора» и «Вайнах». В 2008 г. роман Садулаева «Таблетка» вошел в финал престижной литературной премии «Русский Букер»

¹ Здесь «русский писатель» — писатель, пишущий по-русски.

(за лучший роман года) и даже считался одним из фаворитов, а в 2009 г. вошел в финал другой престижной литературной премии — «Национальный бестселлер». Роман «Шалинский рейд» в 2010 году стал финалистом «Русского Букера» и крупнейшей российской литературной премии «Большая книга».

Произведения Садулаева публицистичны. Стиль, сюжет и герой, по-видимому, не самоценны для Садулаева. Его герои, будь то русский юридивый, чеченский «мафиози» или даже девушка на дискотеке — ходячие носители тех или иных идей. Авторскую позицию, как правило, представляет отчасти автобиографический герой-повествователь. Однако наиболее рискованные идеи он оставляет одному из героев, при этом повествователь превращается в собеседника или интервьюера.

Творчество Садулаева, насколько мне известно, еще не становилось объектом научных исследований. Литературная критика же не обращает внимания на националистическую составляющую его творчества². Между тем рассказы, повести и романы Германа Садулаева дают богатый материал для изучения этнического национализма на персональном уровне.

Чеченский народ в творчестве Садулаева

В большинстве произведений Садулаева, в особенности ранних, 2005–2007 гг.³, а также в его новом романе «Шалинский рейд»⁴ национальная тематика занимает важное, нередко — центральное место. Чеченский этноцентризм Садулаева достаточно очевиден. В его текстах чеченцы по частоте упо-

минаний, как правило, далеко опережают прочие народы. В «Апокрифах чеченской войны» чеченцы упоминаются 71 раз, русские — 54 раза, туркмены — 20, кабардинцы — 4, евреи — 4. В повести «Одна ласточка еще не делает весны» чеченцы — 82 раза, русские — 24, евреи — 5. В повести «Учение Дона Ахмеда» чеченцы — 72, русские — 46, евреи — 20, китайцы — 16. В рассказе «Бич Божий» чеченцы — 23, русские — 12. В рассказе «Хранители» чеченцы — 10, русские — 6. В «Илли» чеченцы — 27, русские — 1. Свою первую книгу Садулаев назвал «Я — чеченец!»

Чеченское общество для Садулаева — это общество равных. «Среди вайнахов не было ни князей, ни холопов, ни господ, ни слуг»⁵, — говорит герой Садулаева. В рассказе «Бич Божий» эта же мысль уже подается от автора. Вайнахи, если и подчинялись чужеземным князьям, то лишь ненадолго, а затем «чеченцы убивали князя и дальше жили на этой земле уже сами, без господина. А друг у друга чеченцы не батрачили — пасти их стада нанимались “пришлые люди” из Дагестана и других краев»⁶. Поэтому над чеченцем нет «господина, кроме Аллаха»⁷.

В чеченском обществе нет и не может быть нищих, бродяг, люмпенов. Этому способствуют как особые нравственные качества чеченцев, так и система организации общества, не позволяющая его членам «опуститься на дно»⁸. Чеченцев отличают «повышенная пассионарность»⁹ и великолепные боевые качества. Во всех столкновениях с врагом чеченцы побеждают, от драки между русскими и чеченскими подростками¹⁰ до криминальных раз-

² Исключением стала рецензия автора этой работы: Журнальная полка Сергея Белякова // Урал. 2006. № 3. С. 246–249.

³ В романах «Таблетка», «AD» и некоторых рассказах национальная тематика отходит на второй план или даже вовсе исчезает.

⁴ Шалинский рейд // Знамя. 2010. № 1–2.

⁵ Пурга, или Миф о конце света. М.: Вагриус, 2008. С. 107.

⁶ Бич божий // Знамя. 2008. № 7. С. 155.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 154.

⁹ Пурга, или Миф о конце света. С. 50.

¹⁰ Апокрифы чеченской войны // Континент. 2005. № 126. С. 29–30.

борок между чеченскими и русскими бандитами¹¹.

Чеченцы рождены воевать и побеждать, оружие в руках приносит им радость: «Посмотрите на лицо чеченца, которому дают в руки оружие. Какой светлой радостью озаряется оно, какая нежность заволакивает глаза <...> И мертвый он будет сжимать в руках автомат, обнимать его, как невесту в брачную ночь»¹². Чеченцы стреляют лучше всех, они видят в темноте без приборов ночного видения¹³. Словом, никто не сравнится с ними на войне. В повести «Одна ласточка еще не делает весны», написанной от первого лица, герой, по-видимому, автобиографический, угрожает врагам: «Меня зовут Садулаев Герман Умаралиевич. Я чеченец. Я не умею бояться. У нас этот участок мозга, который за страх отвечает, атрофирован напрочь. <...> за каждого нашего — десять ваших положим, так принято»¹⁴.

Чеченцы никогда не сдаются в плен, ни в годы Великой Отечественной, ни на Афганской войне ни один чеченец будто бы не попал в плен: «Они просто не умеют сдаваться»¹⁵. Для нас в данном случае не важно, соответствуют ли истине эти слова. Показательно другое: убежденность в наличии у чеченцев особых нравственных качеств, выделяющих этот народ. Лишь подавляющее превосходство противника может заставить чеченцев отступить, однако и в этом случае они никогда не смиряются с участью побежденных — не станут платить дань и подчиняться кому бы то ни было. Криминальный авторитет Дон Ахмед поясняет герою: «Над чеченцем нельзя крышевать, он может только

сам быть крышей»¹⁶. Такое положение дел в определенной степени осложняет даже криминальный бизнес, ведь в обществе равных очень трудно добиться субординации. Дон Ахмед таким образом объясняет герою интернациональный состав своей «бригады»: с чеченцами сложно работать, «каждый хочет быть доном»¹⁷.

Идея чеченской национальной исключительности не приводит Садулаева к чеченскому сепаратизму. К идее независимой Ичкерии он относится скептически. Прежде всего потому, что чеченцам Россию все равно не победить. Он порицает Дудаева за то, что тот решился на заведомо проигрышную для чеченцев войну: «Генерал авиации, он должен был понимать, что в современной войне полное господство в небе обеспечивает и победу под ним. Но он повел обреченный народ на войну, на войну с небом»¹⁸.

Еще большую неприязнь вызывает у героев Садулаева исламский фундаментализм. Проект создания исламского государства на Кавказе претит как героям Садулаева, так и, вероятно, самому автору. Сторонники джихада у Садулаева, как правило, представлены людьми лживыми, и, что самое главное, они не чеченцы, инородцы, которые могут лишь маскироваться под чеченцев. В одном из ключевых эпизодов романа «Шалинский рейд» герой-повествователь обращается к парню по имени Шамиль, который призвал жителей Шали сражаться с русскими до последнего человека:

«— Я рад, что ты так хорошо выучил чеченский язык. И чеченские обычаи. И даже стараешься научить нас, как нам быть настоящими чеченцами! Твой прадед, который пришел в Шали из Дагестана пасти баранов и убирать навоз, наверняка обрадовался бы, если бы

¹¹ Пурга, или Миф о конце света. С. 60–68.

¹² Я — чеченец! Екатеринбург: Ультра. Культура, 2006. С. 234.

¹³ Там же.

¹⁴ Одна ласточка еще не делает весны // Знамя. 2005. № 12. С. 43.

¹⁵ Я — чеченец! С. 227.

¹⁶ Пурга, или Миф о конце света. С. 51.

¹⁷ Там же. С. 106.

¹⁸ Одна ласточка еще не делает весны. С. 31.

смог видеть, каким его потомок стал убежденным чеченцем!

Оказалось, что я попал в точку. Герой оказался из некоренной семьи. И сам, конечно, помнил об этом. Его лицо побелело от ярости и бессилия. Я продолжил, обращаясь уже ко всем присутствующим:

— Наши предки уже видели таких вдохновителей на священную войну, которые воевали до последнего чеченца, а потом сдавались русским в почетный плен, предав тех, кто поверил им. И почему-то они всегда приходят к нам из Дагестана!

Все поняли, что я говорю про имама Шамиля.

Это было второе нечаянное попадание в точку. Оказалось, что провокатора зовут так же — Шамиль¹⁹.

Историческая судьба чеченского народа связана не с идеей всемирного халифата или кавказского имамата, а с российским государством, его культурой, традициями, историческим наследием. Садулаев признает наличие общего культурного пространства, объединенного русским языком, русской литературой, культурным наследием Российской империи и Советского Союза: «У нас одна общая культура, и Михаил Булгаков — и наш великий писатель. Как и Чингиз Айтматов. А Махмуд Эсамбаев — наш общий великий танцор, Виктор Пелевин — наш постмодернист»²⁰.

Садулаев, человек левых убеждений²¹, в целом положительно оценивает советский период истории. Советский Союз для Садулаева — Родина. Но-стальгия по советскому времени, когда «одному человеку было еще дело до другого»²², ему не чужда. К теме Вели-

кой Отечественной он относится с пietetом: общая война и общая победа над общим врагом²³. Распад Советского Союза — не только величайшее несчастье, но и преступление, совершенное врагами: «Жида²⁴ и масоны ослабили КГБ и развалили великую державу, СССР, чтобы бросить достояние ее народов к ногам транснациональных корпораций»²⁵.

Национализм Садулаева — не сепаратистский, но имперский. Будущее Чечни и чеченцев он видит именно в рамках «большой страны», подобной Советскому Союзу, где чеченцы должны занять особое место.

Идее чеченского мессианства посвящена повесть «Учение Дона Ахмеда»²⁶. Основное содержание — рассказы-поучения лидера питерской чеченской мафии Дона Ахмеда, обращенные к герою повести. Беседы Дона Ахмеда посвящены древней русской истории и новейшей истории чеченцев²⁷.

Дон Ахмед выступает сторонником российской (но не русской!) имперской идеологии, так как большая, сильная, имперская Россия выгодна чеченцам: «В единой великой России и мой бизнес будет единым и великим. <...> Подумай сам, зачем чеченцам отделяться от России? Если Чечню отделить, что останется чеченцам? Только сама Чечня. Старые горы, мелкие речки да остатки нефти»²⁸. Но, к счастью, помимо маленькой Чечни есть большая Россия, которая и должна стать жизненным пространством (sic!) чеченского народа: «И эти пространства, дарованные нам Всевышним Ал-

²³ Я — чеченец! С. 222–226, 245–250.

²⁴ Об антисемитизме Садулаева см. ниже.

²⁵ Учение Дона Ахмеда // Дружба народов. 2007. № 9. С. 66.

²⁶ Там же. С. 63–90.

²⁷ Эти беседы практически без изменений перенесены Садулаевым в его более позднюю книгу: Пурга, или Миф о конце света. С. 5–186.

²⁸ Учение Дона Ахмеда. С. 66.

¹⁹ Шалинский рейд // Знамя. 2010. № 2.

²⁰ Одна ласточка еще не делает весны. С. 47.

²¹ Роман Садулаева «Таблетка» посвящен главным образом критике капитализма и общества потребления.

²² Бич Божий. С. 152.

лахом... — все земли России. Русский народ вымирает, каждый год коренное население России сокращается на миллион. Если русские земли не заселим мы, это сделают другие, те же китайцы»²⁹.

По версии русской истории, предложенной Доном Ахмедом, русское государство было создано варягами, которые «крышевали» торговцев на пути из варяг в греки, собирали дань со своих подданных-славян, защищали их, но и... продавали в рабство. Потом роль варягов перешла к монголам, а в наши дни она должна перейти к чеченцам: «Россия — великая держава, у нее свой путь и особая историческая миссия на Земле. А у чеченцев своя миссия в России. <...> Чеченцы с их активностью, с их авантюризмом, должны стать новыми варягами для России и возродить величие ее государственности»³⁰. Правда, Дон Ахмед оговаривается, что речь идет не об эксплуатации русского народа чеченским, но о взаимовыгодном симбиозе, однако приведенный выше пример о варягах и славянах заставляет предположить нечто иное. В любом случае чеченский народ в такой концепции выступает как народ господствующий, привилегированный. Обращает на себя внимание интернациональный состав «бригады» Дона Ахмеда: украинец, молдаванин, казах, адыгеец, карел и т.д. Но руководит всем — чеченец. Герою тут же приходит на память старый лозунг: «Пятнадцать республик — пятнадцать сестер»³¹. Таким образом, «бригада» рассматривается в качестве своеобразной модели «великой России» или нового Советского Союза. Моральное право на господствующее положение чеченцы доказывают с оружием в руках. Ваха, чеченец — ветеран Великой Отечественной, зарезал эстонца, который обозвал его русского друга «рус-

ской свиньей»³². Дон Ахмед погиб «за Россию» в битве с китайцами³³.

Но можно ли «учение» Дона Ахмеда отождествлять с авторской позицией? С одной стороны, идею чеченского мессианства высказывает не автор и даже не герой-повествователь. Последний вовсе дистанцируется от наиболее одиозных (см. ниже) высказываний Дона. С другой стороны, Садулаев, по всей видимости, не случайно дважды (в «Учении Дона Ахмеда» и в «Пурге») обращается к этой теме. Дон Ахмед представлен благородным и бескорыстным воином, подобным князю Святославу Игоревичу, одному из любимых героев самого Садулаева³⁴. Не желая прямо подписываться под столь радикальными суждениями, Садулаев, тем не менее, их «озвучивает».

Впрочем, недавно Садулаев прямо заявил: «...мы совершаем экспансию в Россию» — и даже сравнил чеченцев в России с викингами в Англии³⁵.

Чеченская этническая исключительность, по мнению Садулаева, обусловлена расовыми особенностями чеченцев. Национальность человека определяется «кровью», то есть этническим происхождением. Русский парень Динька (Денис) из новеллы «Когда проснулись танки», вошедшей в «Апокрифы чеченской войны» и книгу «Я — чеченец!», ведет себя как настоящий вайнах. Он красив, благороден (никогда не бьет побежденного), отважен до безумия. Секрет раскрывается просто: Динька чеченец по отцу. Незаконнорожденный, но все-таки чеченец по крови, а кровь, как повторяет саду-

³² Я — чеченец! С. 249–250.

³³ Учение Дона Ахмеда. С. 90.

³⁴ Даже гибель Дона Ахмеда подчеркивает связь со Святославом: из его черепа враги-китайцы сделали чайник, как печенег из черепа Святослава — чашу. См.: Учение Дона Ахмеда. С. 90.

³⁵ Известный писатель Герман Садулаев: «Главная проблема Чечни — не терроризм, а секс» // Комсомольская правда. 25.10.2010.

²⁹ Там же. С. 66.

³⁰ Там же. С. 88.

³¹ Там же. С. 80.

лаевский герой вслед за булгаковским, великое дело³⁶. Враг Диньки — Сабиров, невысокий, коренастый, «с черепом неандертальской формы»³⁷, издевается над ним, бьет лежащего и т.д. Но его поведение объясняется следующим образом: Сабиров не чеченец, а кабардинец, который лишь пытается «очечениться». Когда происхождение героев выясняется, парни-чеченцы, наблюдавшие за дракой, выносят свой приговор: «Извини, Денис. Ты наш брат и теперь, если что, только скажи нам. Мы всех за тебя убьем <...> А ты вали отсюда, кабардинская собака»³⁸.

Чеченцы народ сложносоставной, а тейповая система в значительной степени помогает сохранить память об иноэтничных предках многих чеченцев. И здесь оказывается, что чеченское равенство имеет свои пределы. Так, потомки «лайев», рабов, инкорпорированных в чеченскую общину, оказываются чеченцами второго сорта: «...в советское время и первому секретарю райкома партии могли напомнить, что он потомок “лайев”, рабов. И отказать ему в руке своей дочери или в уважении. Потомки лайев должны были знать свое место»³⁹.

Более того, Садулаев развивает мысль о вредоносности инкорпорации в чеченский этнос иноплеменников и опасности смешанных браков. Смешанные браки с русскими девушками возвращают чеченский народ и даже угрожают самому его существованию: «...самое страшное оружие русских — женщины... Только русские женщины могут рассеять, уничтожить чеченский народ»⁴⁰.

Идея о вреде смешанных браков⁴¹

касается не только чеченцев. Дон Ахмед видит причину упадка военной силы Рюриковичей в утрате расовой чистоты: «Варяжские князья перемешали свою кровь с династиями Запада и Востока, а также и с покоренными славянами. Боюсь, что и с евреями»⁴².

Инкорпорирование иноплеменников несет не меньшую угрозу. По словам садулаевского героя, в чеченское общество веками были интегрированы представители иных, главным образом горских народов: «...когда им было выгодно, называли себя “чеченцами” <...> “Приспособление” было их стратегией всегда <...> заняв командные высоты, они сменили идеологию коренного народа на свою»⁴³. Эти псевдоchеченцы повинны во многих бедах народа Ичкерии. «Горный еврей»⁴⁴ Дудаев спровоцировал гибельную войну с Россией, вайнахи нечеченского происхождения стали оплотом ненавистного Садулаеву режима Кадырова: «...большинство кадыровцев этнически оказываются не чеченцами, а выходцами из горских племен»⁴⁵. Преступления кадыровцев — особая тема. Падение чеченских нравов — распространение политических доносов, алчность, неуважение к старшим, конформизм — все эти «новочеченские» качества, по мнению героя Садулаева, следствие победы Кадырова и его сторонников. «Порча нравов» зашла так далеко, что Садулаев ставит вопрос о формировании новой чеченской нации, которая отличается от «старой» чеченской, как современные греки отличаются от современников Сократа и Платона⁴⁶. И этот

же Динька и его друг Зелымхан произошли от связи чеченских мужчин с русскими женщинами. У самого Германа Садулаева мать русская, отец чеченец из тейпа Эрсной.

³⁶ Пурга, или Миф о конце света. С. 65.

³⁷ Я — чеченец! С. 77.

³⁸ Там же. С. 167–168.

³⁹ Бич Божий. С. 155.

⁴⁰ Одна ласточка еще не делает весны. С. 21.

⁴¹ Впрочем, вопрос о вреде/безвредности смешанных браков в творчестве Садулаева окончательного разрешения не получает. Тот

⁴² Учение Дона Ахмеда. С. 82.

⁴³ Илли // Знамя. 2006. № 11. С. 80–81.

⁴⁴ Апокрифы чеченской войны. С. 41.

⁴⁵ Илли. С. 81.

⁴⁶ См.: Илли. С. 79–81; Хранители // Континент. 2007. № 132. С. 50–68.

вредоносный процесс, если судить по книгам Садулаева, в конечном счете связан с деятельностью нечеченцев, проникших в чеченское общество.

Нечеченцы в творчестве Садулаева

Русские в текстах Садулаева упоминаются намного чаще других народов, а тема русско-чеченских отношений является одной из основных в его творчестве. В ранних произведениях Садулаева, посвященных чеченским войнам, русские соответствуют образу врага. «Русские всех убивают»⁴⁷. Садулаев уподобляет русскую авиацию драконам, методично и безжалостно уничтожающим мирных чеченцев. Герой-повествователь «Апокрифов чеченской войны» демонизирует русских, превращая их в кровожадных монстров и демонов: «Духи зла, демоны темных пещер, потомки драконов и змей, бескровные чудовища, терзавшие в древние времена землю и населяющих ее людей. Теперь они снова пришли. На них зеленая, как кожа гигантских болотных жаб, одежда, погоны, как шипы на плечах. Тот, у кого шипы крупнее, тот, у кого больше этих шипов, почитается среди чудовищ за главного, и остальные чудовища слушаются его приказаний. <...> Злые драконы летают над домами, садами и нивами, сжигая все зловонным своим дыханием, обрушивая раскаленную сталь с небес»⁴⁸. Любопытно отметить, что подобная образность в современной русской литературе встречается только у русского имперского (великодержавного) националиста А.А. Проханова. Образы драконов и демонов (врагов), атакующих сверху (символ господства противника, его подавляющего перевеса), чрезвычайно распространены в его поздних романах⁴⁹. Трудно сказать, замимствовал ли Садулаев этот образный

ряд у Проханова или можно говорить о схожести психологических установок эмоциональных и творчески одаренных националистов.

Садулаев в своих ранних вещах отождествляет русских с кочевниками-степняками, «контртеррористическая операция» сравнивается с набегами ордынцев⁵⁰. Не случайно у русского летчика-«дракона» «азиатское лицо»⁵¹. Россия («Страна Снега»⁵²) — не Золотая Орда, но она воспринимается ордынской наследницей: «После распада Золотой Орды на ее развалинах образовалось несколько ханств, продолживших традиции этой самой жестокой, дикой и варварской империи за всю историю человечества. Одно из них, ведомое своими раскосыми вожжами, просуществовало до наших дней. Московский каганат, Нефтяная Орда»⁵³.

В произведениях 2007–2009 гг. образ русского меняется. Жестоких и безжалостных «драконов» сменяют мирные, пассивные алкоголики, бродяги («Бич Божий»), добрые, но инертные, «непассионарные» люди («Ученые Дона Ахмеда»). Герман Садулаев достаточно откровенно выразил свое отношение к русским во время дискуссии о судьбах современной оппозиции, состоявшейся в позапрошлом году на страницах журнала «Знамя»: «Русские — народ старый, усталый, ленивый и искушенный»⁵⁴. «Это хороший, умный, добрый, но недостаточно

⁵⁰ Одна ласточка еще не делает весны. С. 17–18.

⁵¹ Апокрифы чеченской войны. С. 54.

⁵² При этом «Страна Снега» противопоставляется как «Великой степи», так и горной Чечне. На одной и той же странице Садулаев уподобляет русских степнякам и противопоставляет русских и степняков друг другу. Это одно из немногих «темных» мест в творчестве Садулаева.

⁵³ Апокрифы чеченской войны. С. 62.

⁵⁴ Есть ли будущее у оппозиции в России? // Знамя. 2008. № 11. С. 147.

⁴⁷ Апокрифы чеченской войны. С. 63.

⁴⁸ Там же. С. 55, 56.

⁴⁹ См.: Проханов А.А. Крейсера соната. М.: Ad Marginem, 2003.

активный народ», — говорит уже герой Садулаева, Дон Ахмед⁵⁵. Русские в «Учении Дона Ахмеда» и в «Пурге» предстают людьми комичными, жалкими, причем их социальный статус и уровень образования роли не играют. Русские бандиты напоминают «переболевших тифом штангистов»⁵⁶, русский учитель описан с толикой симпатии, но рядом с чеченцами он смешон и жалок⁵⁷. В целом этот образ сохраняется и в «Шалинском рейде», где русские уже рассматриваются не как преступники, а как жалкие выдумщики, развязавшие две чеченские войны ради создания нового мифа: «России, русскому народу был нужен этот миф: о собственном героизме, снова о самопожертвовании, о святом христовом воинстве и прочая. Это и есть — русская национальная идея. <...> И вот снова эти солдатики каличные по метру, пострадавшие за землю русскую. Песни поют. И геройские подвиги во имя и для, по кино и просто на лавочке во дворе. <...> Я думаю, что с каждым годом эта прошлая война будет расти и разбухать. <...> И тут уже вволю развернется обычное русское мифотворчество. О том, как воевали — не числом, а умением. И героизмом. Как малыми силами сдерживали натиск превосходящего по численности врага. <...> Не может без этого всего Россия, не может русский народ. Так что чеченцы подвернулись весьма кстати. И хорошо, что чеченцы, — потому что если бы подвернулся, не приведи Аллах, Китай, то в процессе духовного возрождения русской нации эта самая русская нация была бы очень быстро физически уничтожена»⁵⁸.

Впрочем, русские бывают достаточно изворотливы и хитры для того, чтобы использовать чеченцев в своих целях: «Руками понтовитых и безба-

шенных горцев все, кому не лень, таскали каштаны из огня. В Питере тамбовцы и казанцы, деля сферы влияния, использовали чеченцев как боевые отряды. Алхазуры с казбеками падали на мостовые с простреленными головами, а владимиры и талгаты получали свои кормушки»⁵⁹.

Чаще всего русские предстают простаками, слабыми и недалекими. Действие романа «Таблетка» происходит в двух мирах — в современном Петербурге и в Хазарии, огромной, малонаселенной, но «демократической» стране, где у власти вечно находится партия «Единая Хазария». Хазары не хозяева в собственном государстве, они — угнетенное большинство, многочисленный, но наивный, бедный, бесправный народ, марионетки в руках иноэтничных (см. ниже) правителей.

Действие рассказа «Бич Божий» происходит в чеченском селе Шали, где русские представлены в основном спившимися бомжами/бичами. Их социальный статус не совсем ясен: то ли низкооплачиваемые сельскохозяйственные рабочие, то ли рабы: «Молодым чеченцам, если они не покидали родных сел, было трудно понять, что русские — культурная, свободная, великая нация. Русские, которых они видели, были опущенными бродягами, затюканными рабами»⁶⁰. Таким образом, автор признает русских не только «свободным», но и «великим» народом, однако в художественном мире Садулаева русские предстают людьми несчастными и жалкими. В чеченском мире они маргинальны. Дунька, русская учительница, изнасилованная чеченцем и тронувшаяся рассудком, становится юродивой⁶¹. Бич Колька, герой рассказа, ведет жизнь отшельника, в конце концов спивается, а после смерти его душа вселяется в огромного чер-

⁵⁵ Учение Дона Ахмеда. С. 66.

⁵⁶ Пурга, или Миф о конце света. С. 60.

⁵⁷ Там же. С. 65–66.

⁵⁸ Шалинский рейд // Знамя. 2010. № 2.

⁵⁹ Я — чеченец! С. 72–73.

⁶⁰ Бич Божий. С. 54.

⁶¹ Одна ласточка еще не делает весны. С. 26–27.

ного пса, который приносит жителям села несчастья. Рассказ заканчивается тем, что жители изгоняют-таки «русского» пса на север⁶².

Рядом с чеченцами русские выглядят неполноценными, причем не только бичи, но и нормальные люди. Герой «Таблетки» рассуждает о незаменимости кавказских (не только чеченских) мужчин в России: «Гали, Любы, Клавы и Нади <...> не имели бы никаких шансов поиметь рядом с собой частично трезвого мужика, умеющего работать и приносить домой деньги, равно как и ублажать свою матрону в постели, если бы не Ашоты, Тиграны, Дауды и Сулейманы»⁶³. Таким образом, русским отказано не только в способности эффективно трудиться, но и быть полноценными мужчинами.

При межэтнических, в данном случае русско-чеченских, контактах негласные правила поведения, принятые в чеченском обществе, перестают действовать. Повествователь «Одной ласточки» подчеркивает: если бы Дунька оказалась не русской, а чеченкой, ее насильника ждала бы казнь, но «Дунька была русской, приезжей, у нее не было рода, не было ни одного, даже самого далекого родственника, и некому было перерезать горло преступнику»⁶⁴. Таким образом, на представителя другого этноса не могут распространяться чеченские обычаи и традиции, он, в определенном смысле, вне закона. Это состояние чужака вне закона проявляется и при ненасильственных формах межэтнических контактов. Сексапильного Диньку чеченские девушки воспринимают как не своего, русского, с которым позволено вести себя достаточно вольно. Даже самые скромные и стыдливые чеченки рядом с русским раскрепощались, переходя грани приличий, и все потому, что «для них

Динька был другим, он был вне закона. С ним было можно все, чего нельзя с нами (с чеченцами. — С.Б.)»⁶⁵. Эта же закономерность действует и при контактах чеченских мужчин с русскими девушками. В России чеченец ведет себя не так, как на родине: «В свободной России для чеченского мужчины другие правила: у мужчины есть только одна мать, все остальные женщины — его жены»⁶⁶.

Равенство чеченцев и русских в художественном мире Садулаева возможно лишь при одном условии: если представители этих народов объединяются против общего врага. В рассказе «Оставайтесь на батареях!» русский националист Георгий и кавказец (национальность не указана, но, по всей видимости — чеченец⁶⁷) Анвар Берзоев совместно борются против партии власти⁶⁸. Впрочем, в отдельных произведениях Садулаева встречаются осторожные намеки на другого «врага», против которого следует объединиться.

Особое место в творчестве Садулаева занимает еврейская тема. Упоминания о евреях, как правило, носят либо нейтральный (в повести «Одна ласточка...»), либо негативный («Апокрифы», «Учение Дона Ахмеда», «Пурга») характер. При этом негативные высказывания практически никогда не принадлежат герою-повествователю, alter ego автора. В книге «Я — чеченец» упомянуты «хитрожопые еврейские советники», которые помогли «придурковатому пьянице» (Ельцину?) развалить Советский Союз⁶⁹. «Мошенники с еврейскими фамилиями» провернули

⁶⁵ Я — чеченец! С. 162.

⁶⁶ Одна ласточка еще не делает весны. С. 21.

⁶⁷ Представители других кавказских народов в произведениях Садулаева бывают только эпизодическими героями.

⁶⁸ Оставайтесь на батареях! // Континент. 2008. № 135. С. 98–125.

⁶⁹ Я — чеченец! С. 170.

⁶² Бич Божий. С. 161–162.

⁶³ Таблетка. М.: Ad Margiem, 2008. С. 78.

⁶⁴ Одна ласточка еще не делает весны. С. 26–27.

аферу с фальшивыми авизо, «подставив» при этом чеченцев⁷⁰.

Бомж Степаныч, один из второстепенных персонажей «Пурги», сравнивает тараканов с евреями, «жидами усатыми и рыжими», и рассуждает о способах их извести⁷¹. Герой вроде бы не принимает этот антисемитский бред всерьез, однако тема тараканов возникает не случайно. Речь о тараканах, «паразитах» и «рыжих оккупантах» заходит несколькими страницами ранее, а эпизод с антисемитом Степанычем, по-видимому, служит своеобразным ключом к вопросу о «паразитах»: паразиты расшифровываются либо в социальном плане, как представители господствующих классов⁷², либо в национальном, как евреи⁷³. Впрочем, рамки художественного произведения оставляют место для определенной свободы толкований.

Наиболее яркие антисемитские сентенции принадлежат Дону Ахмеду. Он обвиняет евреев в разнообразных грехах, начиная с убийства князя Святослава и заканчивая русской революцией и развалом Советского Союза⁷⁴. В конце концов, «когда ставропольский мужик затеял перестройку, евреи взяли реванш за свои временные поражения, в несколько лет завладев достоянием российских народов»⁷⁵.

Герой-повествователь решительно отмежевывается от антисемитизма Дона Ахмеда и даже иронизирует над ним, но авторскую позицию это не проясняет. Почему автор сделал этого «клинического» антисемита заглавным героем и к тому же резонером, который, как мы видели, озвучивает идею чеченского мессианства? Может быть, Садулаев всего лишь «прячет уши» под ушанку Степаныча и шапку Дона

Ахмеда, как пытался «спрятать уши под колпак юродивого» великий поэт? Ответить на этот вопрос поможет роман «Таблетка», где, впрочем, евреи не упомянуты ни разу.

Герман Садулаев любит иносказания, но сложными загадками читателя не озадачивает. «Ключ» к его «секретам» лежит на видном месте. Обращение Садулаева к столь экзотическому материалу, как Хазария, не говорит о научном интересе к хазарской истории. Герман Садулаев не ученый, академические исследования его не занимают. Его интересует не историческая Хазария, а вариант хазарского мифа, созданный Л.Н. Гумилевым⁷⁶.

История Хазарии усилиями Льва Гумилева уже давно перестала быть предметом сугубо академическим. «Зигзаг истории», сочинение Гумилева о стране, где власть захватили алчные еврейские купцы, превратившие хазар в эксплуатируемое большинство, а хазарского кагана — в марионетку, было произведением более художественным, нежели научным⁷⁷. В истории российской антисемитской мысли оно уступает разве что «Протоколам сионских мудрецов». Миф о «Новой Хазарии» (что-то вроде «резервного» Израиля, созданного на случай гибели еврейского государства в Палестине) в девяностые годы получил широкое

⁷⁶ Герман Садулаев охотно использует терминологию Гумилева и отдельные положения его теории этногенеза. В «Таблетке» он как будто критично и даже иронично высказывается о его работе, однако образ Хазарии в романе Садулаева, несомненно, списан с Хазарии из сочинений Л.Н. Гумилева.

⁷⁷ «Зигзаг истории» отдельной главой вошел в монографию Л.Н. Гумилева «Древняя Русь и Великая степь» и в сборник статей «Этносфера: история людей и история природы». См.: Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М.: Мысль, 1993. С. 121–217; Гумилев Л.Н. Этносфера: история людей и история природы. М.: Экспрос, 1993. С. 366–478.

⁷⁰ Там же. С. 173.

⁷¹ Пурга, или Миф о конце света. С. 89.

⁷² Там же. С. 82–83.

⁷³ Там же. С. 89.

⁷⁴ Там же. С. 110–111, 118.

⁷⁵ Там же. С. 118.

распространение в кругах, близких к журналам «Молодая гвардия» и «Наш современник». К нему неоднократно обращался и А.А. Проханов на страницах газеты «Завтра» и в романе «Господин Гексоген»⁷⁸.

Садулаев хазарскую тему подает осторожно, а наиболее опасные идеи — намеками. Хазария, несомненно, — Россия, инертные, наивные, несчастные хазары — русские. Они не правят своим государством, правят им другие люди, «и на хазар-то не похожи: черные, кучерявенькие, а глаза круглые»⁷⁹. Вот эти «кучерявенькие» представители хазарской элиты, ограбив страну, бросили Хазарию и хазар на произвол судьбы и бежали: «Сталось, что не хазары и были, а другого народа, странного»⁸⁰. Садулаев в точности воспроизводит версию А.Н. Гумилева, ни разу, впрочем, не употребляя слово «еврей».

Впрочем, в романе «Шалинский рейд» Садулаев неожиданно меняет отношение к евреям. В единственном эпизоде, где речь идет о евреях, Лечи, дядя героя-повествователя, один из положительных персонажей романа, произносит неожиданную для чеченца речь: «Все люди плохие. Все народы. Есть только один хороший народ — это евреи. У меня на зоне был один товарищ, еврей. Честный человек»⁸¹. Герой-повествователь относится к этой фразе скорее нейтрально, с долей скепсиса, и тут же рассказывает об отношении чеченцев к евреям: «В своих суждениях Лечи был большим оригиналом. Особенно на фоне антисемитизма, ставшего в Чечне более распространенным, чем среди русских черносотенцев. Евреев винили во всех бедах. Везде видели следы их заговора. А Лечи, так тот наоборот. Только евреев считал хоро-

шими людьми. Я даже улыбнулся»⁸². На мой взгляд, этот эпизод, совершенно не связанный с сюжетом романа, мог быть включен в роман и с тактическими целями, ведь «Шалинский рейд» напечатал журнал «Знамя», флагман современной русской либеральной литературы, где к антисемитизму всегда относились болезненно. Впрочем, это лишь предположение.

Если к еврейскому вопросу Садулаев подходит осторожно, то о китайцах пишет куда откровеннее. Китайцы — источник постоянной угрозы. Даже торговля китайскими товарами — это прежде всего форма экспансии: китайцы своими дешевыми товарами подрывают экономику России⁸³. Придет время, рассуждает герой Садулаева, и «древний восточный человек займет приличествующее ему положение, а мы <...> будем скучно-послушно работать под его окрики»⁸⁴. Китайцы покупают продажных русских чиновников и готовятся захватить русские города. Поэтому отважный чеченский герой и собирает народы России для сопротивления захватчикам: «...они устроили жаркую вечеринку китайцам. Трупы узкоглазых ночью вывозили на трех крытых брезентом грузовиках»⁸⁵.

Как видим, китайцы предстают у Садулаева наиболее враждебным (как для чеченцев, так и для русских) народом, не только война, но и сотрудничество (торговля) с которым несет потенциальную угрозу нации. Оптимальным вариантом разрешения «китайского вопроса» видится война на истребление.

В произведениях Садулаева упоминаются и другие народы, однако материала, достаточного для анализа, эти упоминания не дают. Казанских татар и кабардинцев автор касается эпизодически, о туркменах говорится толь-

⁷⁸ Проханов А.А. Господин Гексоген. М.: Ad Marginem, 2002.

⁷⁹ Таблетка. С. 58.

⁸⁰ Там же. С. 105.

⁸¹ Шалинский рейд // Знамя. 2010. № 1.

⁸² Шалинский рейд // Знамя. 2010. № 1.

⁸³ Таблетка. С. 64.

⁸⁴ Там же. С. 75.

⁸⁵ Пурга, или Миф о конце света. С. 172.

ко в «Апокрифах чеченской войны», причем читатель видит их глазами русского героя. При этом интересно отметить, что и татары, и кабардинцы, и эстонцы (см. выше), и туркмены («алибабы», «погонщики ишаков»)⁸⁶ оцениваются скорее негативно.

В произведениях Садулаева 2007–2008 гг. нередко упоминаются американцы и голландцы, но речь об этих народах заходит в связи с темой общества потребления и современной массовой культуры, анализ которой выходит за рамки нашей работы.

* * *

Таким образом, произведения Германа Садулаева позволяют нам сделать вывод о националистическом характере мировоззрения их автора, а также определить основные черты его национализма.

Садулаев отстаивает идею об этнической исключительности чеченского народа, который благодаря особым, передаваемым генетически свойствам намного превосходит другие народы России. Из этой концепции органич-

но выводится чеченская мессианская идея: стать во главе народов России.

Другие нации и этнические группы в произведениях Садулаева предстают ущемленными, неполноценными и/или враждебными чеченскому народу. Русские в ранних произведениях Садулаева показаны жестокими врагами, а в более поздних — симпатичными, но слабыми, инертными, простодушными, не способными постоять за себя людьми. Отношение к еврейскому народу преимущественно негативное, при этом автор дистанцируется от антисемитских высказываний даже заглавных героев. Китайский народ оказывается хитрым, жестоким, многочисленным врагом, несущим угрозу как чеченскому народу, так и России, которая воспринимается в качестве «жизненного пространства» для чеченцев. Прочие нации и этнические группы, упоминаемые на страницах романов, повестей и рассказов Германа Садулаева (кабардинцы, казанские татары, туркмены, эстонцы) также характеризуются негативно в сравнении с чеченцами.

Картина мира у Садулаева носит ярко выраженный этноцентристский и националистический характер.

⁸⁶ Апокрифы чеченской войны. С. 32, 37–38.

Александр Горянин

СВОИМИ ПУТЯМИ

РУССКИЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ. СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ*

Права человека в допетровской Руси

Московская (в самом широком смысле слова) Русь уже триста лет остается изрядно оклеветанной, преодолевается эта инерция с огромным трудом. Обнадёживает одно: стоит серьезному историку углубиться в конкретный вопрос, тут же выясняются подробности, разгоняющие мрак.

Поясню на примере. Одной из самых важных характеристик социума является положение в нем женщины, ее правоспособность. Долгое время подразумевалось, что женщины на Руси были бесправны со времен Гостомысловых. Понадобился научный подвиг — иначе не назовешь — Натальи Львовны Пушкиревой, чтобы установить истинную картину. В книгах «Женщины Древней Руси» (М., 1989), «Женщины России и Европы на пороге Нового времени» (М., 1996), «Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X — начало XIX в.)» (М., 1997), «Women in Russian History from the 10th to the 20th Century» (New York, 1997; London, 1999), «Гендерная теория и историческое знание» (СПб., 2007) и других своих работах исследовательница на огромном материале показала, что уровень прав русских женщин на протяжении последней тысячи лет был в большинстве случаев едва ли не самым высоким в Европе, хотя и подвергался историческим колебаниям.

В первой из названных книг показаны, среди прочего, права женщин русского Средневековья на владение и

распоряжение имуществом, на приобретение и реализацию земельной собственности, на возможность отстоять свои интересы в суде. Жена могла быть опекушкой, *«что было немыслимо в те же времена на Западе»* (с. 107). Она причислялась к первому ряду наследников, причем переживший жену супруг оказывался в худшем положении, чем она — он мог только управлять ее имуществом, но не владеть им. Жена сама, в отличие от мужа, выбирала, кому передать свое наследство. Даже незаконная жена могла претендовать на наследство. Исследовав законы о земельной собственности, Пушкирева впервые показала, что женщина на Руси могла осуществлять практически любые сделки даже без участия мужа. За ущерб женщине законы обязывали наказать виновного более сурово, чем за аналогичные преступления в отношении мужчины. Цитата: *«мнение о приниженности женщины [на Руси X–XVI вв.] по сравнению с социальным статусом мужчины — не более чем миф, появившийся в эпоху становления капитализма»* (с. 211).

Во второй половине XVI в. временная победа идей патриархальной иерархии в семье и обществе вылилась в указы Ивана Грозного 1552–1570-х гг., исключавшие женщин знатного сословия из числа распорядительниц, а порой и получательниц недвижимости. Попутно возникла женофобская назидательная литература. Но возникла она явно под влиянием всплеска женоненавистнических настроений в Западной Европе, где им способствовали католические руководства по распо-

знаванию колдуний («Молот ведьм», конец XV в.) и протестантские трактаты, рисующие женщин как сосуд греха. Одними «настроениями» дело там не ограничивалось, особенно на пике борьбы Нидерландов и Фландрии с испанским владычеством (1568–1609) и Тридцатилетней войны (1618–1648)¹. Могла ли в такой обстановке зайти речь о каких-то правах, которые можно вверить «сосуду» скудельному (т.е. скудному, убогому) и греховному?

Что же касается России, здесь ущемление женской свободы продолжалось в знатных семьях чуть больше века², т.е. исторически недолго, после чего социально-правовой и семейный статус россиянок стал вновь обретать былые черты и обогащаться новыми. По словам Н.А. Пушкаревой, эти черты «были свойственны уже [на-

чавшемся] *прединдустриальному и раннеиндустриальному этапу в общеевропейской истории женщин, и потому вторая половина XVII—начало XVIII в. может быть названа “русским вариантом Гуманизма”, выдвинувшим на первый план интерес к Человеку, его внутренней свободе, суверенности его частной жизни».*

В XVIII в. русские женщины вернули себе «историческую фору» перед своими западноевропейскими товарками, особенно в области права собственности. М.А. Маррезе из Корнельского университета (США) в своей книге «Бабье царство» (2002) констатирует³, что женщины Западной Европы, лишённые имущественных прав вплоть до конца XIX в., могли лишь завидовать праву русских женщин отчуждать собственность, владеть, управлять и распоряжаться ею. Набор этих прав, по мере эволюции самого института частной собственности, продолжал расширяться и в дальнейшем. Равно как и других прав. Но и два века спустя, перед Первой мировой войной, представители Прогрессивного блока в Государственной Думе хлопотали о расширении имущественных, личных и гражданских прав женщин Российской империи, о равенстве полов. У нас уже шла речь о том, что право голоса женщины России получили (от Временного правительства) на 11 лет раньше, чем женщины Великобритании.

(Для сравнения: во Франции женское избирательное равноправие было введено лишь в 1945 г., в Японии — в 1947, в Швейцарии — в 1971. Путь к полнообъемному равенству мужчин и женщин затянулся на Западе на многие десятилетия. Сегодня мы настолько привыкли к безоговорочному равенству полов, что не задумываемся над тем, как много аспектов у этого

¹ Американская исследовательница Рей Теннэхилл (Reay Tannahill) в своей книге «Секс в истории» (есть русский перевод: М., 1995) утверждает, что на одного мужчину, сожженного «святой инквизицией» на костре, приходилось сто сожженных женщин. Цифры, приводимые по Фландрии и некоторым германским княжествам, заставляют подозревать, что имел место настоящий феминцид. Если нет желания углубляться в исторические труды, перечитайте «Симплициссимуса» и «Уленшпигеля».

² Но именно на эти сто с небольшим лет приходится большинство иностранных описаний «теремной системы», когда изоляция женщин — достаточно относительная, конечно, — помогала знатым родам (на более низкие социальные этажи она не распространилась) выдавать дочерей замуж в соответствии со своими политическими и династическими задачами, контролировать круг знакомств. Затворничество в тереме выработало тип домоправительницы, от которого, по мнению В.О. Михневича (См.: Женское правление и его противники // Исторический вестник. 1880. № 4; Русская женщина XVIII столетия. М., 1990), произошел тип русской помещицы, известный со времен царя Алексея Михайловича.

³ *Michelle Lamarche Marrese. A Woman's Kingdom. Noblewomen and the Control of Property in Russia, 1700–1861. Ithaca, NY, 2002.*

равенства. Простой пример: право открыть свой счет в банке, да и то лишь с согласия мужа, французская женщина получила только в 1942 г. — при гитлеровском ставленнике Петэне, что интересно. Возможность сделать это, не испрашивая ничьего согласия, у француженок появилась много позже, в 1965 г. Первая женщина была принята преподавателем в Стэнфордский университет, США, в 1974 г.)

Но вернемся в допетровскую Русь. В число гражданских и политических прав и свобод, с точки зрения современного человека, непременно входит право на подачу обращений (петиций). Это право действовало в России задолго до появления слова «Россия», со времен первых великих князей московских. Возможность подавать челобитные была важным источником участия общества в развитии страны. Царь был доступен, поскольку ходил к службе в Успенский собор Кремля пешком, а так как Кремль был открыт, теоретически любой мог подать царю челобитную. Во времена первых Романовых это уже был обычай, освященный временем. Особенно много желающих подать челобитную набиралось в праздники. При большом стечении народа редко кому удавалось передать ее лично в руки, но беды в том не было. Адам Олеарий описывает, как при приближении царя (Михаила Федоровича) люди в толпе поднимали челобитные над головой. Их собирал чиновник и уносил в Челобитный приказ. В случае необходимости челобитчиков дополнительно расспрашивали, и по их челобитным и «расспросным речам» составляли доклад боярам. Далее челобитная получала либо «указ», дававший ей ход, либо «отказ», оставлявший ее без последствий. В первом случае челобитная становилась «подписной» и отправлялась в тот или иной приказ, где делом занимались по существу, она была, пользуясь современным жаргоном, «на контроле». Челобитные по делам, превышавшим компетенцию приказов,

минуя бояр, передавались прямо царю. Сохранилось немало челобитных с царскими резолюциями.

В.О. Ключевский показал исключительно важное значение «подписных челобитных». В них *«выражались нужды отдельных лиц и целых обществ, указывались недостатки суда и управления»*, они влияли на развитие московского законодательства. *«Это была наиболее обычная, так сказать, ежедневная форма участия общества в устройении общественного порядка»* (выделено мною. — А.Г.). *В памятниках XVII века есть многочисленные следы коллективных челобитных, поданных служилыми людьми московских чинов, дворянами разных уездов и другими классами с заявлением своих местных или сословных нужд, с указанием на какой-либо пробел в законодательстве. Эти челобитные подавались обычным порядком, как и другие частные просьбы, докладывались и подписывались думными дьяками, вызывали “выписи” и доклады из приказов, обсуждались в Думе и таким образом подавали повод к очень важным узаконениям»*.

Повседневное участие общества в совершенствовании общественного устройства — как раз и есть то определение, которое в современной политологии дается «гражданскому обществу».

Не забудем, правда, что в царствование Михаила Федоровича (1613–1645) население всей России составляло от силы 4–5 млн. человек, меньше половины сегодняшней Москвы. Такая малолюдность, конечно, упрощала обратную связь власти с населением и вообще делала ее возможной. Челобитные подавали, естественно, не только москвичи, их доставляли и из самых дальних концов государства.

В своей книге «Народная монархия» поразительный автор Иван Солоневич, кажется, первым привлек внимание к тому факту, что русский Судебник 1550 г. содержит положения, на век с

лишним опередившие то, что считается главной вехой на европейском пути к Правам Человека. Пересказываю доводы Солоневича из 4-й главы его книги. Русским интеллигентам, пишет он, тыкали в нос английский Habeas corpus act, забывая упомянуть, что в России подобный акт был введен на 129 лет раньше английского: по Судебнику 1550 г. власти не имели права арестовать человека, не предъявив его представителям местного самоуправления — старосте и целовальнику, иначе последние по требованию родственников могли освободить арестованного и взыскать с представителя администрации соответствующую пеню «за бесчестье».

Солоневич приводит далее слова В.О. Ключевского, который *«напоминает о старинном праве управляемых жаловаться высшему начальству на незаконные действия подчиненных управителей»* — *«по окончании кормления обыватели, потерпевшие от произвола управителей, могли обычным гражданским порядком жаловаться на действия кормленщика»*, причем *«обвиняемый правитель... являлся простым гражданским ответчиком, обязанным вознаградить своих бывших подвластных за причиненные им обиды... при этом кормленщик платил и судебные пени и протори... Истцы могли даже вызвать своего бывшего управителя на поединок...»*.

Читаем у Ключевского далее: *«Съезд с должности кормленщика, не умевшего ладить с управляемыми, был сигналом к вчинению запутанных исков о переборах и других обидах. Московские судьи не мирволили своей правительственной братии...»* То есть бюрократической солидарности в те времена в Москве не существовало. И сидевшим «на кормлении» воеводам лучше уж было «уметь ладить» с населением: иначе суды, пени, штрафы, а не то и поединок, «поле» — т.е. дуэль, способ в те времена общепринятый.

Исключая последний «способ»,

описан вполне правовой, юридически грамотный образ действий. Приятно удивившись, спросим у себя: есть ли в копилке нашей памяти что-либо, относящееся к допетровскому суду? Забавная сказка «Шемякин суд»? Убеждение, что судопроизводство было примитивным и несправедливым, что в судах сидели сплошные мздоимцы? А собственно, где доказательства? Примитивным оно точно не было — половина нашего юридического словаря оттуда: «очная ставка», «вчинить иск», «ничтожная сделка», «допрос», «истец», «свидетель», «улика», «с личным», «с повинной», «розыск», «обыск», «понятой» и так далее.

Право на справедливый суд как одно из важнейших прав

Тот, кто брал и давал взятки, лже-свидетельствовал, подделывал улики, рисковал в те времена куда больше, чем сегодня. За неправосудные приговоры и злоупотребление властью судейских ждали строгие уголовные наказания. За намеренное извращение протокола дьяку грозила тюрьма: *«А которой дьяк список нарядит или дело запишет не по суду, не так, как на суде было <...>, а обыщется то в правду, что он от того посул взял, и на том дьяке взята перед боярином вполы да кинута его в тюрьму»*. Подьячего за то же ждала «торговая казнь» (наказание кнутом).

Подброшенная улика называлась «подмет», подлог актов — «подписка». Виновным в особо тяжких фальсификациях подьячим отсекали пальцы, *«чтобы впредь к письму были непотребны»*, но иногда оставляли в должности. И работали дальше — без пальца или даже двух, но уже ученые.

Начиная с XV в. для страховки от возможного судебного произвола жители стали посылать в суды своих выборных (сотских, старост, целовальников). Эти люди становились как бы понятыми на суде, чтобы судящимся «не творилось неправды». Тем самым

публичность судопроизводства приближалась к совершенству, а возможность злоупотреблений резко падала.

Статья 97 Судебника 1550 г. ввела положение о том, что закон обратной силы не имеет — этот принцип еще не стал очевидным даже четыре с лишним века спустя, в начале заката СССР, хотя это время принято считать почти травоядным (дело Рокотова, Файбишенко и Яковлева 1961 г.).

Понятию судебной защиты чести и достоинства в московской Руси посвящена монография Нэнси Коллман⁴, исследовавшей вопрос на основе анализа законодательных актов и судебных дел об оскорблении чести. Изучено свыше шестисот дел, что обеспечило надежность выводов. Работа Коллман охватывает время от Ивана Грозного до Петра I — между 1560 гг. — началом XVIII в. Около трети изученных Коллман случаев составили дела, где истцами выступали крестьяне, холопы, посадские и даже гулящие люди, причем далеко не всегда (примерно в 55% случаев) равные судились с равными. В 148 случаях иск о возмещении за «бесчестье» вчинял человек с более высоким статусом, зато в 120 случаях удовлетворения требовало нижестоящее лицо. Разрыв, как видим, не так уж велик. Н. Коллман убедительно показывает, что система защиты чести охватывала все население Русского государства, эта система была именно средством охраны личного достоинства, а не орудием социального контроля или угнетения, как утверждали советские историки. Любопытно, что весьма тяжкими оскорблениями были выражения «мужичий сын» и «мужик». Жаль, что сегодня это не так.

Законы о чести и достоинстве регулировали не только отношения частных лиц. Человек, пострадавший от произвола воеводы или дьяка, имел право на

возмещение вреда. Как бесчестный поступок, позорящий должностное лицо, рассматривалось злоупотребление служебным положением. Бесчестьем считалось и неповиновение законным требованиям должностного лица. Подобные бы правила да в наши дни!

«Бесчестье» возмещалось в денежной форме: *«Торговым людем и посадским людем и всем середним бесчестия пять рублев, а женам их вдвое бесчестия против их бесчестия; а боярскому человеку доброму бесчестия пять рублев, опричь тиунов и довотчиков, а жене его вдвое; а тиуну боярскому или довотчику и праведчику бесчестна против их доходу, а женам их вдвое; а христианину пашенному и непашенному бесчестия рубль, а жене его бесчестия два рубля; а боярскому человеку молотчому или черному городицкому человеку молодчому рубль бесчестия, а женам их бесчестия вдвое»*.

Появившееся век спустя Уложение 1649 г. довольно тщательно регламентирует судебный процесс, чтобы *«всем людем Московского государства, от большаго до меньшаго чину»* можно было доказательно отстаивать свою правоту, а суд вершился бы, *«не стыдяся лица сильных»*. Неправедный (*«по посулам, или по дружбе, или по недружбе»*) суд сурово карался, равно как и любая фальсификация (включая *«чернение, меж строк приписки и скребление»*) документов судебного дела. Множество статей защищали от бесчестия, клеветы и «непригожих слов», притом иск мог вчинить и крестьянин, и даже «гулящий человек».

Уложение 1649 г. обеспечивало и во все уникальную вещь — а именно, право каждого обратиться прямо к царю через голову *всех* промежуточных инстанций. Надо было лишь при свидетелях выкрикнуть «Великое государево дело» (в следующем веке — «Слово и дело»). Такого человека надлежало «бережно» доставить в Москву, он сразу становился лицом, защищенным от того, кого он изобличал, будь то хоть сам воевода.

⁴ Nancy Shields Kollmann. By Honor Bound: State and Society in Early Modern Russia. Ithaca & London, 1999.

О более простом, притом довольно надежном способе — подать челобитную монарху лично — речь у нас уже шла. Устойчивость этой практики говорит о том, что по крайней мере часть прошений удовлетворялась.

(Эта традиция — правда, с перерывами — просуществовала до 1881 г., а именно до убийства Александра II. Прощения подавались либо лично в руки, либо опускались, при Павле I, в особый ящик Зимнего дворца. Императоры Александр I, Николай I и Александр II гуляли по Дворцовой набережной во всем известное время, чем пользовались просители, которым никто в этом не мешал. Но и после 1881 г. Александр III и Николай II принимали прошения во время своих путешествий по стране, иногда в церкви.)

В ходе преобразований правительственных ведомств после Смутного времени в 1619 г. появился приказ (т.е. министерство) с красноречивым названием «Приказ, что на сильных бьют челом» — наряду с Печатным, Полотняничным, Великороссийским, Малороссийским, Казачьим, Большого прихода, Аптекарским и так далее.

В Уложении 1649 г. сформулирован принцип «Жена за мужа и дети за отца не отвечают». Он содержался еще в ограничительной записи царя Василия Шуйского 1606 г.: *«Отец виноват, и над сыном ничего не сделати; а будет сын виноват, отец того не ведает, и отцу никакого дурна не сделати»*.

В Уложении обособляются деяния умышленные, неосторожные и случайные, предусмотрена необходимая оборона. Малолетство и явно болезненные психические (бесные) состояния устранили наказание даже при убийстве. Слуги, действовавшие по научению господ, наказывались легче, чем действовавшие самостоятельно.

Мог ли обычный человек добиться осуществления своих прав в трудных и неоднозначных случаях? Всегда интересны конкретные примеры. Во время так называемой «Смоленской войны»

с Польшей 1634 г. в числе польских пленных оказалась девица Меланья, ставшая на русской стороне женой некоего Ивана Клеменова (из «боярских детей» города Рыльска). «Польнянский мир», заключенный после этой войны, предусматривал «немедленный обмен пленными без выкупа и задержания». О возврате Меланьи ходатайствовал магнат Адам Казановский, но она, уже родившая ребенка и принявшая православие, возвращаться не пожелала. Дело долго разбиралось судом, но женщина добилась судебного решения «свободно жить где захочет» — т.е. самой выбрать страну проживания. Попутно Меланья Клеменова добивается, вопреки своему спорному статусу, всех льгот и привилегий, положенных переходящим в православие из иных вер. *«Потом, войдя во вкус (пишет историк И.В. Смирнов) и освоив юриспруденцию, становится адвокатом на общественных началах для своего мужа и выбивает все, что положено: жалованье за ранения, прибавку к окладу, освобождение от налогов и прочее»*.

Не надо думать, что высокий пост гарантировал победу в суде. В 1656 г. патриарх и царь заложили Воскресенский монастырь на реке Истре к западу от Москвы. Замысел состоял в том, чтобы создать уменьшенное подобие Святого Града Иерусалима и Святой Земли Палестины — с холмами Елеон и Фавор, с Иосафатовой долиной, ручьем Кедрон, Тивериадским озером, местностями Галилея и Вифания. Именно с Вифанией вышла незадача. Авторитет царя и Церкви позволили относительно легко решить вопросы выкупа почти всех необходимых земель. А вот «Вифанию» патриарх был вынужден расположить в менее удобном месте — запрямился землевладелец Роман Боборыкин. Причем этим дело не кончилось: в 1660 г., едва положение патриарха пошатнулось, Боборыкин вчинил жалобу, что патриарх таки отхватил клин его земли.

Тяжба тянулась до 1663 г., о ней узнал царь. Он дважды просил, чтобы Никон «сделался» (заключил сделку примирения) с Боборыкиным, но строптивый Никон отвечал отказом. Если бы в тогдашней России царили нравы, обычно ей приписываемые, Никон (вплоть до 1667 г. — формально второе лицо в государстве) прихлопнул бы соперника как комара. Однако дело кончилось в пользу Боборыкина: спорная земля была отмежевана судом по его «сказке» (показаниям). Заодно сопоставьте приведенную историю с фантазиями Р. Пайпса (в книге «Россия при старом режиме») о том, будто все земельные владения Русского государства уже в XV и XVI вв. *«перешли в полную собственность царя»*.

Еще один случайно попавшийся пример. Около 1660 г. у купца и предпринимателя Сергея Поганкина возник конфликт с псковским воеводой князем Хованским. Поганкин был обвинен в контрабанде (провозе товаров минуя псковскую таможенную) и сокрытии доходов от налогообложения. Несмотря на огромную социальную разницу сторон, дело решилось в пользу купца.

У сторон в суде был большой набор процессуальных прав. Очень важным было право дать отвод судье или подьячему (секретарю суда), если имелись на то основания. Стороны были обязаны до конца участвовать в судебном разбирательстве, после окончания которого подписывали судебный список, т.е. протокол заседания.

Конец губных целовальников

Русское государство во второй половине XVII в. экономически окрепло, усилился правительственный класс. Этому классу стала не по душе деятельность земских соборов, участники которых не раз указывали на его злоупотребления — а злоупотребления и нелюбовь к контролю над собой присущи любому правительственному классу. Возможно, московскую верхушку настораживала растущая сила «Зем-

ли». Проводя, выражаясь сегодняшним языком, непопулярные реформы, власть стала опасаться одновременного приезда в Москву большого количества служилых и выборных. Появились авторитетные лица, враждебно настроенные против соборов, например, патриарх Никон.

Менее всего можно было ждать созыва новых соборов от Петра I. В своей реформаторской деятельности, потребовавшей огромного напряжения сил всей страны, он не дерзнул опереться на соборы, явно не веря в их жертвенность. Парадоксально (или нет?), но к окончательному упразднению важнейшего русского демократического института привела «европеизация» России, начатая во второй половине XVII в. царем Федором, продолженная царицей Софьей, а с 1694 г. — Петром I.

Именно при Петре произошло почти полное удушение низовой демократии — выборного местного самоуправления. То, что демократии в это время не наблюдалось и в остальной Европе, не служит утешением.

Следует сказать несколько слов о самобытной русской демократической традиции, прерванной царем-реформатором. Вплоть до его преобразований власть в России (исключая верховную власть государя и власть воевод в городах с уездами) была выборной. Вертикаль власти, начиная от воеводы и вниз, была представлена уездными, волостными и посадскими самоуправляющимися органами. Вполне демократическая процедура была у сельского «мира», а в городах существовали свои структуры средневекового гражданского общества — «сотни» и слободы («слобода», кстати, — вариант слова «свобода») с выборными старостами.

На выборных должностных лицах — земских (волостных) и губных старостах и целовальниках — лежали административные и судебные обязанности. Губа представляла собой

судебный округ и включала 1–2 уезда. Губные старосты (именовались также «излюбленными старостами») избирались обычно на год, они расследовали серьезные уголовные преступления. Выборными были земские судьи («судейки» — фамилия художника Судейкина отсюда) с дьяками («кому у них всякие дела писать»), отвечавшими за правильное оформление дел. Земские власти ведали важнейшими для населения делами, включая землеотвод, межевание, сбор податей, поддержание порядка, разверстку общественных обязанностей и повинностей, борьбу с эпидемиями, клеймение лошадей, контроль за состоянием мер и весов и т.д., а также проведение выборов.

На этих выборах из местных дворян избирались старосты, а их помощники — целовальники — из местных крестьян и посадских людей. Выбирались также сотские и пятидесятские. Слово «целовальник» сегодня звучит забавно (особенно сочетание «губной целовальник»), но объясняется просто: вступая в эту выборную должность, человек приносил присягу, целуя крест.

Историк В.А. Махнач проводит следующие параллели: *«Если земский староста подобен испанскому алькальду, то губной староста подобен англосаксонскому шерифу... Власть [в допетровской России] имела под собой мощную демократическую базу. Это была не бюрократическая, а антибюрократическая система правления»,* поскольку бюрократия, представленная классической фигурой дьяка, *«воспринималась всем населением, начиная с низов, не как власть, а как наемное чиновничество, исполняющее (пусть зачастую не без корысти для себя) волю власти — прежде всего выборной. Развитая система самоуправления существует вплоть до петровского переворота, и существует она на фоне чрезвычайно низкой бюрократизации на местах».* Даже в таком крупном городе как Нижний Новгород весь «аппарат» городского воеводы состоял из

дьяка с подьячим. О русской нелюбви к «крапивному семени» свидетельствует тот факт, что земских и городских дьяков (в отличие от дьяков приказных) порой именовали «дьячками» и даже обзывали «дьячишками» — совсем как церковнослужителей без степени священства. Последнее порождает путаницу в головах современных читателей, в прежние века никакой путаницы быть не могло.

Земская реформа не везде была доведена до конца. Кое-где, особенно на юго-западных окраинах, приказные люди теснили выборных. Были и такие места, где кормления без перехода сменились жесткой властью воевод. Тем не менее на законодательном уровне права земств даже расширялись. В 1648–1649 гг. в ведение земских властей перешли подгородные земли, по тем или иным причинам изъятые у владельцев, а по Новоторговому уставу 1667 г. — судебные дела купцов, находящихся в длительных отлучках по торговым делам. На земства был возложен и сбор новых налогов, которые надлежало сдавать в приказы, минуя воевод — к большой досаде последних. Вместе с тем сохранившиеся наказания избирателей земским соборам о том, чтобы вместо приказных людей сбором налогов занимались выборные целовальники, говорят о том, что борьба земских и приказных началась с переменным успехом.

В целом же по участию низового демократического элемента в местном самоуправлении допетровская Россия принципиально опережала Англию, где лишь реформы 1888 и 1894 гг. закончили с монополией аристократии в местном самоуправлении.

Правовед М.Ф. Владимирский-Буданов по документам дальних уездов и волостей, куда годами не назначались наместники, показывает, что и без них «управление шло», его осуществляли сотские и старосты. Население выбирало их согласно обычаям, восходившим ко временам старинной «верви». Такие обычаи рождаются из инстинкта соци-

альной справедливости. Что же касается Избранной Рады, она, ликвидируя кормления, упорядочивала и развивала механизмы, давно выработанные народной жизнью. В 1555—1556 гг. было отменено наместничье управление в общегосударственном масштабе. Наместников и волостелей почти повсеместно заменили выборные земские власти.

Судебник 1497 г., запретивший судье вести процесс без участия присяжных (*«на суде... быть старосте и лучшим людям целовальникам»*), а *«в которых волостях прежде старост и целовальников не было, в этих местах всюду теперь быть старостам и целовальникам»*), делал обязательной для окраин практику, давно сложившуюся на основной территории. «Лучших людей», а это и есть присяжные заседатели, выбирала вся волость.

Петр I убивает русский суд, но не до конца

В недавней серии статей «Родословие русской свободы» на сайте «Еженедельный журнал» (<http://www.ej.ru>) историк Н.В. Соколов поставил перед собой цель *«вернуть в активную общественную память... здравые представления о “духе русского народа”, который на всем протяжении своей долгой истории разделял основные цели общеевропейского культурного движения»* (добавлю от себя: веками ничего не зная ни о каком «общеевропейском движении»); сходство было типологическим). Серия освещает ряд аспектов российского саморазвития, и среди них суд. Вот как описан исторический русский суд до его слома при Петре I: *«Суды вершились публично, причем безусловно господствовал процесс “состязательный”, состоящий в споре двух равноправных сторон перед судьей, оценивающим свидетельские показания по внутреннему убеждению. Главным двигателем правосудия был свободный гражданин, которому принадлежал как почин возбуждения*

дела, так и бремя доказывания, государственная же власть дорожила своей судебной функцией только как источником доходов и вовсе не рассматривала ее как инструмент влияния на подданных в желательном направлении. Собственно, только такой способ отправления правосудия в России назывался “судом” до самого XVIII века, когда этот тип процесса был окончательно вытеснен государственным “розыском”».

Этот исторически сложившийся в России состязательный процесс, при котором стороны имели равные права в предоставлении суду доказательств и в отстаивании своих законных требований, был по существу упразднен именным указом Петра I от 21 февраля 1697 г. и «добит» в 1716 г., когда петровское же «Краткое изображение процессов», разработанное для военных судов, стало обязательным и для судов гражданских. Активность сторон в процессе была сведена на нет, главная роль перешла к судьям. По мнению Петра, стороны злоупотребляли своими процессуальными правами, и он эти права решительно урезал. Состязательный процесс на многие десятилетия сменяется судом-следствием. Тем, кто видит в деятельности Петра благотворную европеизацию, стоит задуматься.

Но с другой стороны, в XVIII в. в России появляется понятие о крайней необходимости применительно к незначительным кражам «из крайней голодной нужды». Наказание в таких случаях или совсем не применялось, или умалялось. В Англии, по контрасту, казнь через повешение полагалась за карманную кражу на сумму более шиллинга, за кражу в лавке на сумму более пяти шиллингов, за пойманного на помещичьей земле кролика.

К этому надо добавить, что при всех приобретенных в начале XVIII в. изъянах русский суд не превратился в безжалостный. Вспомним о 24 наказанных (включая шестерых казненных) по сле-

дам двухлетней крестьянской войны Пугачева, потрясшей страну.

В XVIII в. в России утверждается разноуровневый сословный суд. Характерная подробность: лишить дворянина дворянского звания мог только дворянский суд на основании доказанного преступления. Сословный суд, аналог «суда равных» английского права, был, конечно, тормозом развития страны. Такое положение сохранялось до судебной реформы 1864 г. Тяжбы в судах были долгими (вспомним Гоголя) — даже более долгими, чем современные тяжбы в западных судах. Самые злые изображения дореформенного русского суда, естественно, вышли из-под пера тех, кто сам подвергался судебному преследованию — как, например, А.В. Сухово-Кобылин. Но не забудем, что справедливость победила: Сухово-Кобылин был оправдан.

Пока не появилось Уголовное уложение 1845 г., в распоряжении судьи сплошь и рядом были столь архаичные законы, что ему приходилось, отложив их в сторону, руководствоваться просто здравым смыслом. И что же? Мемуары почему-то не пестрят жалобами на нелепые приговоры. Жаловались на волокиту, взятки, крючкотворство, но эти жалобы стары как мир и универсальны во всем мире: прочтите «Холодный дом» Диккенса, современника Сухово-Кобылина.

Когда Р. Пайпс отважно заявляет: «До судебной реформы Россия не знала независимого судопроизводства», это напоминает реакцию специалиста по анатомии пингвина, которому дали атлас анатомии человека. Почему-то никого не смущают разительные различия между англо-саксонским судом и судами стран, развивавших римское право. Каждая страна торила свой путь и имела на это право.

Реформа 1864 г. не принесла судебный рай. На укоренение нового суда ушло лет двадцать, в течение которых только и было разговоров, что он не приживается, что он не для

России. Когда же, наконец, всем надоело повторять одно и то же, вдруг выяснилось, что в России очень даже неплохой суд. Но по-настоящему его оценили лишь когда его не стало. Порой одна мимолетная фраза может заключать в себе очень много. «Отношение к русскому правосудию, как к самому справедливому и честному в мире, еще твердо держалось; не сразу можно было осознать, что все коренным образом изменилось, и такое замечательное учреждение, как русский суд, — тоже»⁵, — передает мемуаристка потрясение, испытанное ею в 1918 г. Эти слова — напоминание о ясной и непоколебимой уверенности людей ушедшей России в своем суде, уверенности, которая не свалилась с неба, а покоилась на их жизненном опыте.

Русский суд кончился, когда четырем декретами между 24 ноября (7 декабря) 1917 г. и 30 ноября 1918 г. юрист по образованию Ленин В.И. отменил, уничтожил весь корпус законов Российской империи («При рассмотрении всех дел народный суд применяет декреты рабоче-крестьянского правительства, а в случае отсутствия соответствующего декрета или неполноты такового — руководствуется социалистическим правосознанием. Ссылки в приговорах и решениях на законы свергнутых правительств воспрещаются»). К сожалению, мало кто осознает, что этот акт — один из самых разрушительных и страшных даже на фоне остальных страшных преступлений большевизма. Последствия этого акта будут сказываться, вероятно, еще весь XXI век. Нынешняя Дума вынуждена заново (и не всегда удачно) изобретать земельное, финансовое, банковское, залоговое, вексельное, наследственное, переселенческое, национально-административное и десятки других видов законодательств, тогда как другие страны пользуются

⁵ Н.А.Кривошеина. Четыре трети нашей жизни. М., 1999. С. 31.

сводами своих законов двух- и трехвековой давности, понемногу их обновляя. Предложения вернуться к Своду законов по состоянию на 2 марта 1917 г. и к Основным законам 23 апреля 1906 г., звучавшие в начале 90-х, были отвергнуты нашими темными красными законодателями без обсуждения.

Петровские реформы: и катастрофа, и прорыв

Тезис об отсутствии русской демократической традиции относится к донаучным представлениям и должен занять свое место где-то между «теплородом» и «самозарождением организмов». Но мы никогда не узнаем, как бы развивались российские формы парламентаризма и самоуправления, если бы не переворот Петра Первого. Петр стал разрушителем русских демократических институтов. При нем не только прервалась практика созыва Земских Соборов, он, по сути, уничтожил их основу — старинное земство, внедрив в самоуправление бюрократический элемент. В 1702 г. он упразднил губные учреждения, к 1711 г. сошла на нет Дума. Западник Петр создал бюрократическое государство, где власть принадлежала чиновникам, а роль выборных лиц была резко понижена.

Говорят, Петр «привел Россию в Европу». Но воссоединение с Европой состоялось бы в любом случае. Интенсивный способ развития не столь уж географически далеких христианских стран все более показывал свои преимущества, и не было причин, почему Россия не воспользовалась бы его плодами. Из записок француза де Ла Невилля, имевшего беседу с Василием Голицыным, негласным правителем страны при царице Софье, можно заключить, что тот планировал преобразования куда более основательные, чем Петр: намеревался, в частности, осваивать Сибирь, проложить там почтовые дороги, освободить крестьян от крепостной зависимости и даже наделить их землей... Не замечательно

ли? Крепостное право только недавно стало приобретать в России некоторую законченность, а Голицын уже собирается его упразднить. Но власть досталась Петру, нашедшему в крепостном праве одну из главных опор своих преобразований.

Деятельность Петра I навсегда останется предметом споров. При нем (и во многом благодаря ему) Россия окончательно стала великой державой, вышла к Балтийскому и Азовскому морям, обзавелась новой столицей — ныне одним из самых прекрасных городов мира. Гражданский шрифт, гражданское книгоиздание, первые газеты, новое летосчисление, рывок в промышленном развитии, новая армия и флот, Академия наук и академический университет, Навигацкая и Инженерная школы, Морская академия, Академия художеств, новые города (помимо Петербурга и Кронштадта, это Липецк, Таганрог и Петрозаводск), крепости, дворцы, каналы, дороги — все его заслуги трудно даже перечислить. Наконец, Петр твердо поставил личные заслуги выше происхождения, запретил браки по принуждению родителей и, как принято считать — хотя это верно лишь в малой степени (см. выше), — «вывел женщин из терема».

А вот в истории российского народоуправства и выборного представительства эпоха Петра и его преемников — серьезный провал. Этот император внедрил столько чужеземного, так сильно вестернизировал верхушку общества, что свое, допетровское, в последующие времена даже на уровне обсуждения начало восприниматься (по крайней мере, либеральными лагерями) как нечто безусловно отсталое⁶ и уж точно деспотическое, хотя это никак не соответствует действитель-

⁶ Герцен говорил о допетровской эпохе, ничего о ней не зная: «Государственная жизнь допетровской России была уродлива, бедна, дика».

ности. При Петре пресеклось все, что было политически многообещающего в России XVII века. До него в стране имелись не только низовые выборные демократические учреждения, имелся сословный и при этом выборный представительный орган, пусть и нерегулярный. На фоне безжалостных тираний и кровавых зверств Европы XVI–XVII вв. Дума, Земские Соборы и земское выборное самоуправление смотрятся очень даже неплохо.

Любое явление следует оценивать прежде всего по меркам своего времени. Прямой аналог Земских Соборов, французские Генеральные Штаты созывались меньше число раз и прекратились раньше, но французскую парламентскую традицию ведут именно от них, а у нас, выходит, нет парламентской традиции. Между тем полномочия и функции Соборов были, повторюсь, вполне парламентские. На них были приняты важнейшие законодательные документы в истории России XVI–XVII вв., важнейшие решения в области внешней политики, войны и мира. Соборы имели право законодательной инициативы, решали вопросы налогообложения, вопросы церковного устройства, внутреннего управления, торговли и промышленности.

Бюрократический переворот Петра I не был ни одномоментным, ни прямолинейным. При всех наших законных претензиях к Петру надо признать, что и при нем, и при его преемниках (это особо подчеркивает Б.Н. Миронов) *«все социальные группы, все сословия обладали правом самоуправления. Властные функции разделялись между верховной властью и корпорациями — дворянскими, городскими, а также общинами»*.

Указом от 30 января 1699 г. Петр ввел в городах должность выборного бурмистра с тем, чтобы *«гостей, гостиные сотни и всех посадских, купецких и промышленных людей... ведать бурмистрам их и в бурмистры выбирать им меж себя, по скольку человек похотят; а из них по одному человеку сидеть по*

месяцу президентом». Бурмистры избирались всем «посадским обществом» на посадском сходе из всех разрядов посадского населения. Заседали бурмистры под председательством «месячного» президента в присутственном месте, которой велено было звать Ратушей. Избирались также «ратманы» (советники), сохранилось и право выбирать податных сборщиков *«общим с гражданы согласием»*. *«Все эти должности, то есть президента, бургомистра и ратманов были замещаемы по выбору самих граждан из числа граждан перво-статейных, добрых, зажиточных и притом только Русских»*⁷.

Указы 1699, 1702, 1708 и других годов, касавшиеся органов самоуправления, не отменяли выборное начало. Губернская реформа вообще могла бы открыть путь даже к углублению демократического начала в низовом управлении, поскольку привела к существенной децентрализации управления и большей самостоятельности на местах. Однако над ратушами власть водрузила магистраты. Члены магистратов, избиравшиеся бессрочно, считались «действительными начальниками» граждан. *«Закон ставил выборных на чиновный путь, обещая за службу чины по табели о рангах»* (Ключевский). Сами новые слова — *бурмистр, ратуша, президент, ратман, магистрат* — говорят о копировании образцов из-за рубежа, чаще всего из Швеции — страны развитой и изолированной бюрократии.

Правда, по уездам остались земские суды и при всех переменах административного устройства сохранялись должности с приставкой «земский» (казначей, надзиратель сборов и т.д.), но бывшее земское самоуправление сошло на нет. Зато появились земские комиссары — чиновники со множеством функций, они отвечали за разверстку подушной подати, ведали межевыми

⁷ Константин Троцина. История судебных учреждений в России. СПб., 1851.

и тяжёлыми делами, торговлей, промышленностью, народным здоровьем и нравственностью. Лишь «на самом дне» (по меткому выражению Ключевского) сохранились «старинные сельские полицейские органы, избиравшиеся на крестьянских сходах, сотские и десятские», только они остались вне чиновной иерархии; на помещичьих же землях «настоящей мелкой земской единицей стала барская усадьба».

После губернской реформы 1775 г. самоуправление чуть воспряло. Реформа усовершенствовала систему выборных административных и судебных должностей на уровне губерний и уездов. Увы, это было уже не демократическое самоуправление (с целовальниками из крестьян, с представителями городских сословий во главе слобод), а дворянское. Появилась система выборных должностей, которые могли занимать только дворяне. За образец брались системы дворянского самоуправления Пруссии, Австрии, Англии. Но в этих странах они складывались таковыми на протяжении веков, а для России это был исторически роковой шаг назад.

Жалованная грамота городам (1785) учредила всесословные выборные органы в городах (Городскую Думу, Шестибасную Думу, Магистрат). Да и сельский «мир», хоть и переживал необратимую, казалось бы, деградацию (его искусственно оживит правительственная политика XIX века), сохранял вполне демократическое самоуправление.

Смелый эксперимент Екатерины II

Значение допетровского земского опыта для политической истории России трудно переоценить. Земства не были забыты. В следующем веке они пережили второе рождение — и как система местного всесословного демократического самоуправления, и как либерально-оппозиционное общественное движение, подготовившее переход России от самодержавия к конституционной монархии.

Мощные явления вообще редко угасают одновременно. Отголоски земских соборов обнаруживаются в XVIII в. Речь идет о шестикратно созывавшихся между 1700 и 1766 гг. «Уложенных комиссиях» — временных коллегиальных органах для кодификации законов, вступивших в силу после принятия Соборного Уложения 1649 г.

Громадное количество нормативно-правовых актов делало ситуацию в правовой сфере крайне сложной. На территории империи действовали противоречащие друг другу указы, уставы и манифесты. Кроме Соборного Уложения 1649 г., в России не было единого свода законов. Первая из Уложенных комиссий, созванная в 1700 г., состояла из бояр, окольных, думных дворян и дьяков, т.е. по составу была ближе к Думе, чем к Собору. Однако уже следующие составы УК пополнялись сенаторами, членами коллегий, несколькими десятками депутатов от губерний. Из-за всякий раз повторявшихся острых противоречий в УК поставленная цель достигнута не была. Это побудило Екатерину II — нет, не посадить несколько законовевов и без всяких дискуссий написать новые законы, — а созвать седьмую Уложенную комиссию в составе даже более представительном, чем самый полный из Земских Соборов, с заданием выработки нового свода законов, уже «европеизированных». В июле 1767 г. в Москву съехались депутаты от всех 189 уездов и 216 городов империи.

Депутаты должны были представлять «нужды и недостатки каждого места» и наказы от избирателей, обсуждать новые законы. В выборах депутатов участвовали дворяне, горожане, «служилые люди старых служб», купцы, однодворцы, казаки, чернососшные, государственные, «экономические» и приписные крестьяне, пахотные солдаты, «ясачные» народы и вообще все оседлые инородцы. Самые крупные депутатские группы были от следующих сословий: 33% от

дворянства, 36% — от горожан, 20% — от государственных крестьян. Невыборными были члены Сената, Синода, 28 представителей коллегий и канцелярий. Число депутатов в УК доходило до 580. По сути, это был настоящий, но уже последний, Земский Собор.

Число наказов достигло полутора тысяч — это была поразительная демократическая самодеятельность. Но главным из них стал Наказ Екатерины, настоящий философский труд эпохи «просвещенной монархии». Своим «Наказом» императрица, как считалось, направляла деятельность депутатов в нужное русло. «Наказ» провозглашал, среди прочего, что *«Россия есть Европейская держава»*. Под свободой «Наказ» Екатерины понимал «спокойствие духа», проистекающее от сознания собственной безопасности. Передовой для своего времени был тезис о том, что все сословия обязаны одинаково отвечать по уголовным преступлениям, а равенство всех граждан состоит в том, *«чтобы все подвержены были тем же законам»*. В «Наказе» отмечалось, что нет необходимости наказывать голый умысел, не причинивший реального вреда обществу. Подчеркивалось, что указы не заменяют законов, а потому могут иметь ограниченный срок действия. Интересной была и такая мысль: *«Надлежит, чтобы скорость в решении дел, из дальних стран [пространного государства] — т.е. России] присылаемых, награждала медление, отдаленностию мест причиняемое»*.

Депутаты работали не только в общем собрании (состоялось удивительно много заседаний — 204), но и в 19 частных комиссиях (сегодня мы бы назвали их комитетами), а также в подкомиссиях. Общее собрание вел маршал-председатель. Среди прочего, был рассмотрен проект Жалованной грамоты дворянству, оглашенной, правда, лишь семнадцать лет спустя.

Впрочем, екатерининская Уложенная комиссия была с самого начала обречена на неуспех: у депутатов XVIII в.

отсутствовали шансы договориться — интересы участников оказались слишком непримиримы. Дворянство требовало расширения прав и привилегий, укрепления своей монополии на земельную собственность, стремилось к созданию замкнутой дворянской корпорации с дворянским самоуправлением на местах и даже к неограниченным правам в предпринимательской сфере. Правда, дворяне требовали также расширить права крестьян в области торговли и промышленности — помещикам были нужны богатые, а не бедные крестьяне. Купечество, наоборот, жаловалось на конкуренцию со стороны крестьян и требовало устранить их от этого рода занятий. Оно также не видело причин, зачем дворянам заниматься предпринимательством. Крестьяне жаловались на малоземелье и тяжесть тягла.

При таком количестве депутатов естественно было ожидать и некоторого количества радикальных выступлений. При обсуждении крестьянского вопроса депутаты-дворяне Г. Коробьин и Я. Козельский, а также И. Жеребцов (от пахотных солдат), И. Чупров (от государственных крестьян), А. Алейников (от казаков) и другие предлагали передать часть земли в собственность крестьян, ограничить повинности крестьян, предлагали меры по органичению крепостного права. Депутат-однодворец А. Маслов поднял вопрос о фактическом изъятии крепостных из-под власти помещиков.

Труды Уложенной комиссии представляют огромный интерес для историка, решившего понять, что представляло из себя русское общество на пороге третьей трети XVIII в. К сожалению, они изучены, во-первых, крайне недостаточно, а во-вторых, слишком односторонне — главное внимание всегда уделялось крестьянским наказам.

Примирить противоположные точки зрения депутатов УК не представлялось возможным. Несогласованность действий представителей разных

сословий, мощные корпоративные интересы затрудняли совместную кодификационную работу. Екатерина начала понимать, что такая комиссия новый свод законов не составит. Поводом к остановке работы УК послужила очередная русско-турецкая война, начавшаяся в 1769 г., а после нее — пугачевский бунт, поставивший под вопрос слишком многое из обсуждавшегося. В итоге работа УК так и не возобновилась, хотя ее частные комиссии заседали до 1773 г., да и после этого штаты комиссии распущены не были, статус и правовой иммунитет депутатов сохранились.

Если провести параллель к Уложенному Собору 1648–1649 гг., его единодушие (и то очень относительное) объяснялось отсутствием на нем депутатов от крестьян. Именно за их счет «блок дворян и купцов» смог тогда решить неотложные вопросы страны и свои собственные — прежде всего вопросы земельной недвижимости, посадов, налогов, судопроизводства, ограничения имущественных и иных прав Церкви.

Без Востока и Запада

Все чаще звучат голоса историков, доказывающих отсутствие принципиальной разницы между Московским царством и современными ему Англией и Францией⁸. При всем своем своеобразии (а кто не своеобразен?) Россия в любом случае не выходит за пределы схемы развития, присущей почти всему европейскому континенту: сословное представительство — абсолютизм — эволюция к конституционализму, об этом у нас уже шла речь. Мы, возможно, и рады бы быть не-Европой, но как-то не получается. Россия слишком увязла в Европе, а Европа в России. Но черты типологического сходства не должны заслонять очень важную осо-

бенность нашего исторического пути. Ее суть в том, что почти четыре века подряд, с начала возвышения Москвы и до конца XVII в., эволюция русского общественного устройства происходила без сколько-нибудь ощутимого влияния Запада и Востока.

В связи с этим небольшое отступление. Есть немало современных авторов, использующих любой повод, чтобы вернуть, что Россия — «цивилизационный мост» между Западом и Востоком, «средостение», «синтезирующее начало», «место встречи культур» и даже «объединяющий центр» (подлинная цитата: «*Исторически Россия была и остается объединяющим центром между Европой и Азией*» — автора, так и быть, не назову). Нашей общественной мысли почему-то все недосуг подвергнуть эти утверждения самой простой проверке, хотя именно они — источник большинства «евразийских» благоглупостей.

Между тем идея нашего душевного родства с Востоком, как и домыслы о «цивилизационном мосте», ни на чем не основаны. Исторически Европа общалась с Востоком напрямую — со времен греко-персидских войн, походов Александра Македонского и т.д. Потом Восток сам пришел на Запад в виде арабского завоевания Испании, Португалии и Сицилии. Потом были крестовые походы, христианское Иерусалимское королевство, португальские плаванья в Индию, европейская колонизация Азии и т.д.

Русь–Россия имеет свою, совершенно отдельную историю отношений, связей, обменов, торговли и войн с Востоком. Уже с конца XVII в. начинается русско-европейское соперничество в странах Азии. Соперничество нарастало 150 с лишним лет и в конце концов привело к Крымской войне и к «Большой Игре» с Британской империей в Туркестане, Персии, Афганистане и Китае. Крымскую войну проиграла Россия (об этом помнят обе стороны), а гораздо более важную

⁸ См., например: Valerie Ann Kivelson. *Autocracy in the Provinces: The Muscovite Gentry and Political Culture in the Seventeenth Century*. Stanford, 1996.

«Большую игру» — Британия (об этом помнит только Британия, а Россия давно и благодушно забыла).

Запад с Востоком и сегодня продолжают свои сложные отношения — демографические, хозяйственные, торговые и политические — напрямую.

Откуда же берутся рассуждения об «историческом мосте»? Причин две. Первая из них та, что в состав России, начиная с 1552 г., вошло немало мусульманских народов, и для них Россия долго была мостом к западной культуре. Некоторые из этих народов сегодня строят свои самостоятельные государства, но названная функция России в какой-то мере сохраняется, т.к. тамошние элиты по-прежнему русскоязычны. У нас с этими странами на все обозримое будущее останутся особые отношения.

Вторая причина — воспоминания о том, как на протяжении XX в. Россия (в основном в обличье СССР) брала на себя защиту либо представительство интересов тех или иных стран Востока — Монголии (начиная с 1911 г.), Афганистана (с 1918-го), Турции (в 1919–1923 гг.), Китая (в 1949–1963), Индии (с 1954 года до конца 1970-х), арабских стран (особенно во время Суэцкого кризиса в 1956 г. и затем в 1967 и 1973 гг.), Вьетнама, Лаоса; то есть действительно стала выполнять функции если не объединяющего (скорее уж разъединяющего) центра, то во всяком случае опекуна.

Лишь поняв, что Россия никогда не была западно-восточным «объединяющим центром», мы согласимся, что вплоть до конца XVII в. у нее не мог возникнуть соблазн изменять свое общественное устройство по западному или восточному образцу.

Начиная с Крещения Руси, главным фактором развития русской культуры был византийский образец. Но влияние Византии повелось подчеркнута отделять от западного, хотя она наследовала римскую политическую и юридическую традицию (в греческой

версии и творчески переработанную), была прямым продолжением Римской империи, да и называла себя таковой.

Сильно ли повлияла на русскую государственность Золотая Орда? На это долгое время полагалось отвечать утвердительно, но как это часто бывает, первое же углубленное исследование показало, что традиционный ответ не опирается на факты. Сегодня этот вопрос исследован достаточно основательно, и ответ на него звучит так: *«Легковесные декларации, будто московская государственность являлась преемницей Золотой Орды, не выдерживают научной критики и должны быть отброшены. Московия была, прежде всего, православным христианским царством, наследником Киева и Владимира, а вовсе не Сарая»*⁹.

Если бы Золотая Орда ощутимо повлияла на общественное устройство русских княжеств, на Руси должна была воцариться веротерпимость, предписываемая Великой Ясой, основным золотоордынским законом, восходящим к Чингисхану (*«уважать все веры и не выказывать предпочтения какой-либо»*), а общественное неравенство сделаться менее выраженным (Великая Яса требовала: *«Существует равенство. Каждый человек работает столько же, сколько другой; нет различия. Никакого внимания не уделяется богатству или значению»* — конечно, подобные требования не вели к равенству никогда и нигде, но там, где они провозглашались и были общеизвестны, они сокращали социальную дистанцию). Зато и смертную казнь Великая Яса предписывала почти за все виды преступлений и даже проступков. Ни того, ни другого, ни третьего на Руси не наблюдалось.

Ну а как с мусульманским Востоком? Д.С. Лихачев напоминает: *«Все восточные сюжеты, которые есть в*

⁹ Charles Halperin. Russia and the Golden Horde. Bloomington, 1985; Он же. Вымышленное родство: Московия не была наследницей Золотой Орды // Родина. 2003. № 12.

древней русской литературе, пришли к нам через греческое посредство или с Запада. Культурные связи с Востоком были крайне ограничены, и только с XVI века появляются восточные мотивы в нашем орнаменте»¹⁰.

Исследователи по-разному относятся к периоду XIV–XV вв. в отечественной истории. Для одних это время «собрания русских земель», для других — эпоха заката вечевой демократии и «старинных вольностей», пора возвышения авторитарной Москвы и удушения городов-республик Новгорода, Вятки и Пскова. Повелось даже считать, что послеордынская Русь — свирепое гарнизонное государство. Но вот что пишет знаток этой эпохи, историк Александр Янов: *«Москва вышла из-под ига страной во многих смыслах более продвинутой, чем ее западные соседи. Эта “наследница Золотой Орды” первой в Европе поставила на повестку дня главный вопрос позднего средневековья, церковную реформацию... Московский великий князь, как и монархи Дании, Швеции и Англии, опекал еретиков-реформаторов: всем им нужно было отнять земли у монастырей. Но в отличие от монархов Запада, Иван III не преследовал противящихся этому! В его царстве цвела терпимость»¹¹.*

Будь в Москве «гарнизонное государство», стремились ли бы в нее люди извне? Это было бы подобно массовому бегству из стран Запада в СССР. Великое княжество Литовское конца XV в. пребывало в расцвете сил, но из нее бежали, рискуя жизнью, в Москву. Кто требовал выдачи «отъездчиков», кто — совсем как брежневские власти — называл их изменниками («зрадцами»? Литвины. А кто защищал право человека выбирать страну проживания? Москвичи.

¹⁰ Новый мир. 1993. № 2.

¹¹ Янов Александр. Российские либералы против русской истории // Дружба народов. 1996. № 11.

После падения Константинополя в 1453 г. Русь осталась без идейного авторитета. То есть авторитет не исчез совсем, но был сильно подорван. В Москве то вспыхивали, то затухали подозрения: а такие ли уж православные теперь эти греки? Живут под басурманом, вступили во Флорентийскую унию с католиками. Потом, правда, унию расторгли, но как-то не до конца. Зато целых два века, до Никона, никто на Руси не сомневался в своем превосходстве над всеми другими народами. Ведь католики — еретики, другие православные — под турками или под католиками; прочие же народы — и вовсе басурмане.

Все эти двести лет крепло следующее убеждение: русский царь — единственный во всей вселенной православный царь. А это значит, что вся вселенная — подлинная, не пораженная «беззаконием» (очень интересное слово для обозначения всего нечестивого и иноверного) — находится в пределах Российского царства. Все, что за его пределами, — гноище нечестивых. На какой же образец общественного и церковного устройства должна была в таком случае равняться Русь? Только на Царство Божье. Да вот беда: едва ли в Царстве Божьем есть небесная Дума, Соборы, приказы, волости, губы, пятины, слободы, «сотни». Посему систему управления строили, как умели, полагая (видимо), что действуют по воле Божьей.

Логика рационалистов всегда склоняла их к утверждениям, что Россия на лишние четверть тысячелетия (между падением Константинополя в 1453 г. и концом XVII в.) засиделась в Средневековье, что она самодовольно варилась в собственном соку, отгородившись от мира. Это безнадежное упрощение.

Разумеется, Русь с древних времен очень много восприняла из всех концов доступного ей мира, не только из Византии, а придворные церемонии были в XV в. просто скопированы с византийских по настоянию Зои Палеолог. Что-то приходило и усваивалось из Северной Европы и из Польши, особенно

в материальной сфере, башни и стены Кремля строили итальянские зодчие (но взгляд Бунина видит *«что-то киргизское в острях башен на кремлевских стенах»*), Золотая Орда внедрила конно-почтовые станции и систему сбора налогов. Несомненны восточные влияния на Русь — достаточно пригладеться к узорам и орнаментам, сбруе и оружию, в русском языке сотни слов восточного, прежде всего тюркского происхождения и даже свои высокие шапки русские бояре переняли от хорезмийцев. Все это общеизвестно. Но науке не ведом ни один источник внешнего воздействия на становление выборного представительства и демократических традиций в допетровской Руси. Они — плод ее саморазвития, равноценного другим известным моделям демократической эволюции.

Это саморазвитие — один из самых недооцененных и малоизученных аспектов отечественной истории. Неспроста его избегали и либеральные, и коммунистические историки.

Новый рубеж

Итак, петровское время с его бурным подражанием Европе уничтожило старинные представительные учреждения под корень. При преемниках Петра на протяжении XVIII в. эти учреждения — утраченное и не вызывающее сожалений наследие. Однако в сознании национально мыслящих деятелей память о них сохранялась живой. М.М. Сперанский, готовя в первые годы XIX в. свой план государственных преобразований, предусмотрел создание двухпалатного законодательного органа из Государственного совета и Государственной Думы. Нет сомнений относительно того, откуда он взял слово «Дума».

Государственному совету предшествовал Непременный совет, созданный Александром I в качестве высшего совещательного органа Российской империи 5 апреля 1801 г. — прошло чуть больше трех недель со дня его вступления на престол. И по составу, и по

функциям Непременный совет более всего напоминал Ближнюю Думу допетровских времен, особенно следующей чертой: несмотря на якобы совещательный статус, Совет мог опротестовывать действия императора. С этого он и начал свою работу. Данный эпизод заслуживает небольшого отступления.

Менее чем за год до этого грузинское посольство в Петербурге передало по поручению своего царя Георгия XII обращение к императору Павлу I с просьбой о приеме Грузии в состав России. Оно гласило, что царь Георгий *«усердно желает с потомством своим, духовенством, вельможами и со всем подвластным ему народом однажды навсегда принять подданство Российской империи, обещаясь свято исполнять все то, что исполняют россияне»*. Павел I ответил, что согласен удовлетворить данную просьбу, *«но не иначе, как тогда, когда один из посланников отправится обратно в Грузию объявить там царю и народу о согласии русского императора, и когда грузины вторично заявят грамотою о своем желании вступить в подданство России»*. Большое желание присоединить Грузию у него отсутствовало. Люди, определявшие российскую политику, и тогда были не наивнее нас с вами, им было понятно, что резко недовольных таким решением в Грузии окажется хоть отбавляй и Россию ждет головная боль, новое распыление сил, хлопоты, расходы, а главное — гарантированные войны с Персией и Турцией. Оставалась надежда на заминку со «второй грамотой». Заминки не случилось, и 18(30) декабря 1800 г. Павел подписывает манифест о присоединении Грузии к России. 28 декабря 1800 г. (9 января 1801 г. по новому стилю), не дождавшись возвращения послов с радостной вестью, Георгий XII умирает. Два месяца спустя смерть настигает Павла I, и вопрос о присоединении Грузии на несколько месяцев повисает в воздухе.

И вот 11 апреля, менее чем неделю спустя после своего учреждения, Непременный совет рассматривает гру-

зинский вопрос. Позицию противников принятия Грузии озвучивал граф Виктор Кочубей, сторонников — князь Платон Зубов. Главный довод последнего был таков: *«Несогласие членов царской фамилии, тотчас по кончине царя Георгия Ираклиевича обнаружившееся, грозит слабому царству сему пагубным междоусобием»*, чего Петербург допустить не вправе: российские монархи так долго выказывали покровительство Грузии, что ее распад, а тем более завоевание Персией, Турцией или горцами, уронили бы достоинство империи. Непременный совет большинством голосов поддержал Зубова, но молодой император Александр с этим не согласился и вернул вопрос на вторичное рассмотрение, передав через генерал-прокурора Александра Беклешева, что питает *«крайнее отвращение на принятие царства того в подданство России, почитая несправедливым присвоение чужой собственности»*. Но Непременный совет стоял на своем: *«Обстоятельства не представляют Совету в присоединении Грузии ни малейшей несправедливости, а видит он в том спасение того края, для России же существенную пользу в надежном ограждении границ ея ныне от хищных горских народов, коих обуздать можно будет, а на будущее время от самих даже турок, не говоря уже о персиянах...»* Колебания Александра длились пять месяцев, но Совет был непреклонен, и 12 сентября 1801 года император издает манифест о прямом российском управлении Грузией.

За неполных десять лет Непременный совет подготовил несколько реформ, в том числе о «вольных хлебопашцах». На его рассмотрение выносились преимущественно сложные и запутанные вопросы. 1 января 1810 г. вместо него был учрежден — в ходе реформы государственного устройства по проекту Сперанского — Государственный совет из 35 членов. Об учреждении Государственной Думы, а также окружных и губернских дум должны

были объявить 1 мая. Планировалось, что думы будут избраны в течение лета и собраны 1 сентября 1810 г. В выборах надлежало участвовать, кроме дворянства, «среднему состоянию» (купцам, мещанам, государственным крестьянам). «Низшие» (крепостные, мастеровые, слуги) пока получали гражданские права без политических, однако предполагалось постепенное, осторожное освобождение крепостных. Но... 1 мая ничего не произошло. Говорили о мощных интригах против проектов Сперанского, о том, что проект Думы отложен на два года.

Среди целой когорты лиц, интриговавших против проектов Сперанского (включая проект постепенного освобождения крестьян) был беглец из революционной Франции Жозеф де Местр. Живя в 1802–1814 гг. в Петербурге, формально в должности сардинского посланника, он оказал приютившей его стране услугу не совсем того рода, какую, согласно логике наших западников, должен был ей оказать просвещенный и приятный во всех отношениях европеец. Де Местр, похоже, любил Россию и желал ей добра. Но для него не было ничего страшнее демократии и разделения властей. А интриговать ему было легко — он слыл интеллектуальной звездой Европы, с ним любил беседовать сам император Александр I, к нему прислушивался министр просвещения Разумовский. Сперанский в 1812 г. был отставлен, а проект Государственной Думы на 93 года положен под сукно. В этом есть, в том числе, заслуга европейца де Местра.

Замысел законодательного собрания, именуемого Думой, занимал важное место и в планах декабристов, много раздумывавших о том, как они обустроят Россию после своей победы. «Русская правда» Павла Пестеля предусматривала, что органами народного представительства в России станут Державная Дума и Верховный Собор. В проекте конституции Никиты Муравьева фигурировали Верховная Дума и Палата Представителей.

Игорь Васильев

«ШАГАЙ, НАЦМЕН»

Политика «коренизации» на Кубани
в 1920-х — начале 1930-х гг.

Национальная политика большевиков в 1920-х — начале 1930-х гг. заслуживает особого внимания. Она во многом определила основной вектор развития этнических процессов и межнациональных отношений не только в СССР, но и в постсоветской России. Кубань, как один из важнейших регионов полиэтничного Юга России, была затронута этой политикой в весьма значительной степени.

В процессе своего укрепления в период 1920-х — начала 1930-х гг. коммунистическая власть искала союзников, так как была еще недостаточно прочна. Одним из таких союзников она видела в нерусских народах СССР.

Практически это «союзничество» проявилось в начавшейся в 1923 г. т.н. политике «коренизации»¹. Основанием последней стали решения XII съезда ВКП(б). Но еще X съезд ВКП(б) в марте 1921 г. постановил начать работу по созданию на местах этнизированных органов Советской власти². В рамках политики «коренизации» был сделан упор на подготовку национальных партийных и управленческих кадров, пере-

ход к этническому самоуправлению³. Было решено особо привлекать представителей национальных меньшинств в ряды ВКП(б). Провозглашалось раскрепощение всех народов СССР от национального гнета, равенство всех больших и малых наций, «права наций на самоопределение», выравнивание экономического и культурного уровней разных народов⁴.

На территории Кубани одним из важнейших проявлений коммунистической национальной политики стало создание административно-политических автономий для национальных меньшинств. В 1922 г. на территориях Майкопского, Краснодарского и Баталпашинского отделов Кубано-Черноморской области были созданы Адыго-Черкесская, Черкесская и Карачаевская автономные области. В сентябре 1924 г. в составе Черноморского округа путем выделения территорий, населенных горцами, возник Шапсугский район. 10 марта 1925 г. на территории Хадыженского района Майкопского округа и Горячевключевского района Кубанского округа организовали Армянский район. 27 февраля 1930 г. за счет части Крымского района Черноморского округа и

¹ Хлынина Т.П. Украинизация Северо-Кавказского края: замыслы и воплощение // Кубань — Украина. Вопросы историко-культурного взаимодействия. Краснодар, 2006. Вып. 1. С. 39; Борисенок Е.Ю. Феномен советской украинизации. М., 2006. С. 69.

² Кульчицкий С. Смертельный водоворот. Рождение и гибель украинской Кубани // www.day.kiev.ua/178897 (март 2008 г.).

³ Борисенок Е.Ю. Указ. соч. С. 239; Шульман И. Праздник ленинской национальной политики // Красное знамя. 1929. № 149. С. 3.

⁴ Основные административно-территориальные преобразования на Кубани (1793–1985). Краснодар, 1986. С. 62–93.

Абинского района Кубанского округа был создан Греческий район⁵. Управление в районах переходило в руки представителей соответствующих национальных меньшинств. Для них предусматривались обширные льготы (образование и делопроизводство на национальных языках)⁶.

Властями осознанно поощрялось вселение кавказских горцев на равнинные территории, ранее заселенные преимущественно русскими. Горцы напрямую объявлялись главной опорой Советской власти в регионе в противовес «контрреволюционному казачеству Кубани и Терека». Поэтому считалось необходимым удовлетворение земельных нужд горцев за счет славян. Например, значительную часть земель вынуждена была уступить адыгским аулам станица Васюринская. А в состав адыгейской автономии насильственно, вопреки желанию местных жителей, включили ряд населенных пунктов, таких, например, как хутор Султановский. С ведома властей славянское население постоянно притеснялось. Русских и украинцев не допускали к выборам в советы, принуждали уезжать. Уголовному преследованию могли быть подвергнуты все, кого заподозрили в нелояльном отношении к нацменам⁷. Степень национальной нетерпимости советских работников «националов» была весьма велика. Впрочем, опасаясь разрастания открытого сепаратистского движения, центр время от времени проводил против «нацкадров» ограниченные репрессии⁸. Но в целом большевики последо-

вательно занимались поощрением нерусских национальностей.

В 1925 г. III съезд Советов постановил создать представительства национальных меньшинств во всех советских органах, вести официальную переписку и школьное преподавание на национальных языках⁹. Национальные меньшинства получили тогда право создавать свое самоуправление¹⁰. 14 июня 1925 г. была создана украинская секция при ПО «Нацмен» окружкома ВКП(б). При Кубанском окрисполкоме в конце июня 1927 г. была утверждена должность инструктора по нацменьшинствам¹¹. В 1928 г. при Северо-Кавказском крайисполкоме работала комиссия по делам нацменов. Возглавлял ее освобожденный от других обязанностей уполномоченный. В ряд округов посылались особые представители этой комиссии. Основной их целью было как можно более активное вовлечение нацменов в партийно-советскую работу. В соответствии с планами, их доля среди депутатов советов должна была непрерывно расти. Если рост запаздывал, уполномоченных по делам нацменов, а иногда все местное начальство ожидали взыскания. В конце 1920-х гг. имела место практика специальной подготовки национальных партийных кадров, для которых организовывались стажировки в органах управления Москвы и Ленинграда. Бюджетные дотации на нужды нацменов также подлежали постоянному увеличению¹².

блемы становления и развития автономии. Краснодар, 1997. С. 35–41, 46, 93, 111–113.

⁹ ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 410. Л. 13.

¹⁰ В президиуме окрисполкома // Красное знамя. 1927. № 148. С. 7.

¹¹ Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее — ЦДНИРО). Ф. 7. Оп. 1. Д. 685. Л. 1–2, 24–25.

¹² Матвеев О.В. Из истории повседневности поляков-коммунистов Кубано-Черноморской области в 1920-е годы // Дикаревские чтения (14). Краснодар, 2009. С. 205–206.

⁵ Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее — ЦДНИРО). Ф. 7. Оп. 1. Д. 685. Л. 26.

⁶ Центр документации новейшей истории Краснодарского края (далее — ЦДНИКК). Ф. 9. Оп. 1. Д. 923. Л. 9; Ф. 9. Оп. 1. Д. 620. Л. 1–2.

⁷ ЦДНИКК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 734а. Л. 1; Ф. 9. Оп. 1. Д. 923. Л. 7.

⁸ Хлынина Т.П. Адыгея в 1920-е годы: про-

Конкретные политические обстоятельства иногда все же понижали возможности некоторых национальностей в их интеграции в коммунистическое государство. Так, острый конфликт с Польшей тормозил развитие польской культуры на Кубани, осложнял положение поляков, живущих на этой территории. С одной стороны, власти стремились привлечь поляков к социалистическому строительству, а с другой — ограничивали активность представителей этого этноса¹³. Но такая ситуация была скорее исключением.

Проводились так называемые «недели нацменов». В их ходе происходил сбор средств на закупку литературы на национальных языках, оказывалась помощь школам нацменов, проводились лекции, спектакли, читались доклады. В 1924 г. в рамках такой недели в Армавире открылась газета на армянском языке и собрано 800 рублей в пользу нацменьшинств¹⁴.

В феврале 1924 г. был открыт краснодарский клуб «Нацмен». В течение года в него вступили более 300 человек. Ежедневно клуб посещали 70–80 человек. В середине 20-х гг. краснодарский клуб быстро рос и развивался. Осенью 1926 г. в нем состояло 1300 человек¹⁵. В 1928 г. здравотдел открыл даже специальную лечебную амбулаторию для нацменов¹⁶. Специально указывалось обращать особое внимание на условия труда и быта женщин-нацменок¹⁷.

Что касается школ для нацио-

нальных меньшинств, то их активное создание началось с 1921 г. В 1924 г. в Краснодаре было по одной немецкой, греческой, польской, армянской школе, две — украинские¹⁸. Принимались меры по «приближению» учебных заведений нацменьшинств к местам их компактного расселения. Так, украинская школа-девятилетка г. Краснодара была переведена в 1928 г. на Дубинку¹⁹. В июне 1929 г. греческое отделение Краснодарского педтехникума выпустило двенадцать учителей для греческих школ первой ступени. Это были первые дипломированные учителя-греки в СССР²⁰.

Много внимания уделялось развитию культуры национальных меньшинств. Особенно нужно выделить Кубанскую ассоциацию пролетарских писателей (КАПП). КАПП уделяла много внимания курированию национальных литератур Советского Союза²¹. В частности, она ставила своей задачей активное участие в украинизации, пропаганду украинского языка в народных массах. В 1928 г. Е.Д. Розумиенко организовал украинскую секцию КАПП. В 1931 г. кроме украинской секции КАПП в Краснодаре действовала еще и армянская²².

Специальная поддержка оказывалась национальной прессе. Например, по решению краевых властей от 3 августа 1928 г. газета «Адыгэ Псеуч» полу-

¹⁸ Школа — на Дубинку // Красное знамя. 1928. № 56. С. 5; Екатеринодар — Краснодар. Два века в событиях, датах, воспоминаниях. Краснодар, 1993. С. 529.

¹⁹ Екатеринодар — Краснодар. Два века в событиях, датах, воспоминаниях. Краснодар, 1993. С. 529.

²⁰ Дополнительный прием в школу // Пролетарий Черноморья. 1931. № 80. С. 4.

²¹ Литературный вечер в клубе «Нацмен» // Красное знамя. 1927. № 231. С. 7.

²² Розумиенко Е.Д. Из литературного наследия // Вторые кубанские литературно-исторические чтения. Краснодар, 2000. С. 222.

¹³ Украинизация Кубани. Материалы по истории Кубани 1920–1930 гг. Краснодар, 1991. С. 30–32.

¹⁴ Шагай, «нацмен» // Красное знамя. 1927. № 27. С. 4.

¹⁵ Из писем рабочих // Красное знамя. 1928. № 114. С. 3.

¹⁶ ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 685. Л. 2.

¹⁷ Украинизация Кубани. Материалы по истории Кубани 1920–1930 гг. Краснодар, 1991. С. 19, 31.

чила из бюджета Северо-Кавказского края 1400 р., «Адыгэ Псаукья» — 1300²³.

Значимые представители национальных меньшинств должны были проявлять и ответную активность в пользу Советской власти. В сентябре 1927 г. всем секретарям партийных секций нацменов Новороссийска было указано в двухнедельный срок проработать вопрос об участии представителей национальностей в праздновании десятой годовщины Октябрьской революции. Виды плакатов, надписи на транспарантах и прочая атрибутика были разработаны в тогдашнем краевом центре — г. Ростове²⁴. Польская секция ВКП(б) могла брать на себя некоторые функции этнической общины: например, бороться за сохранение национального языка, школы. Но одновременно она была обязана бороться против католического духовенства и «реакционных» национальных учителей, выступать инициатором закрытия костелов²⁵.

Борьбой с религией должны были заниматься и другие нацмены. В 1931 г. было ликвидировано греческое православное общество. 14 декабря 1929 г. состоялось общегородское собрание трудящихся-евреев по вопросу закрытию синагоги. В ее здании решили открыть еврейский филиал клуба «Нацмен»²⁶.

Национальная политика активно затрагивала сферу экономики. Проведение «коренизации» напрямую увязывалось со стремлением повысить эффективность колхозного строительства²⁷. В 1930 г. в Северо-Кавказском

крае было принято решение об издании литературы по коллективизации на национальных языках²⁸.

Активно проводился курс на привлечение нацменов в промышленность²⁹. Нуждающимся из их числа биржа труда вне очереди подыскивала работу³⁰. Не желающим принимать нацменов на работу грозило уголовное преследование. Так произошло с мастером завода имени Седина, отказавшимся трудоустроить некоего товарища Зарьяна³¹. В рамках «коренизации» на предприятиях должны были издаваться бюллетени на языках нацменьшинств (например, они издавались на краснодарском заводе СКЖМ)³².

Нацменов полагалось специально обучать и выдвигать на высококвалифицированную, ответственную работу³³. Их, среди ударников труда и рационализаторов, полагалось поощрять в первую очередь³⁴. Для этого нерусских работников ставили на особый учет³⁵.

Пресса иногда шла на сознательные фальсификации, объявляя нерусскими умелых и квалифицированных работников. Так, русский сотрудник крас-

²⁸ ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1039. Л. 3об.

²⁹ Решительно ударить по право-оппортунистическому и примиренческому отношению к ползучим уклонам! // Красное знамя. 1932. № 53. С. 2.

³⁰ Хроника // Красное знамя. 1929. № 151. С. 4.

³¹ Решительно ударить по право-оппортунистическому и примиренческому отношению к ползучим уклонам! // Красное знамя. 1932. № 53. С. 2.

³² *Рабкор*. Больше ответственности в работе среди нацменьшинств // Красное знамя. 1932. № 53. С. 2.

³³ Там же.

³⁴ Решительно ударить по право-оппортунистическому и примиренческому отношению к ползучим уклонам! // Красное знамя. 1932. № 53. С. 2.

³⁵ *Рабкор*. Больше ответственности в работе среди нацменьшинств // Красное знамя. 1932. № 53. С. 2.

²³ ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 736. Л. 13–14.

²⁴ ЦДНИКК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 815. Л. 2, 4.

²⁵ *Матвеев О.В.* Указ. соч. С. 210–211.

²⁶ Екатеринодар — Краснодар. Два века в событиях, датах, воспоминаниях. Краснодар, 1993. С. 493, 533, 539.

²⁷ Краевое совещание по вопросам работы среди нацменьшинств // Молот. 1932. № 3163. С. 4, 3.

нодарского «Красэлтрама» Фисун при публикации его фотографии оказался черкесом³⁶.

Руководители предприятий и организаций, заботясь об интересах производства, часто саботировали мероприятия государственной национальной политики. На новороссийском заводе «Красный пролетарий» работало немало нацменов. Но до 1931 г. «нацменработы» на заводе не проводилось. Русский язык эффективно выступал в роли языка межнационального общения. Подобная ситуация складывалась и на заводе имени Седина. Должность уполномоченного по нацменделам в штате предприятия существовала лишь для проформы³⁷. За отсутствие интереса к реализации установок политики на выдвижение представителей национальных меньшинств ГОРКК ВКП(б) Краснодара вынес выговор бывшим бюро партъячеек «Красэлтрама», хлебозавода и ФЗУ. Они были обвинены в правом уклоне³⁸. Некий товарищ Тумасов критиковал работу краснодарского совпрофа, который якобы мало способствовал созданию для нацменов особо благоприятных условий на производстве³⁹.

25 мая 1928 г. краевыми властями было принято особое предписание о привлечении «националов» в промышленность. На «Новоросцементе» оно некоторое время не выполнялось. Директивой от 7 сентября 1928 г. предписывалось процент нацменов на заводе довести до требуемого в месячный срок⁴⁰.

³⁶ М.А. Аппарат Зыкина // Красное знамя. 1932. № 54. С. 3.

³⁷ *Рабкор*. Больше ответственности в работе среди нацменьшинств // Красное знамя. 1932. № 53. С. 2.

³⁸ Решительно ударить по право-оппортунистическому и примиренческому отношению к ползучим уклонам! // Красное знамя. 1932. № 53. С. 2.

³⁹ Прения по докладу товарища Шейнина // Красное знамя. 1932. № 55. С. 1.

⁴⁰ ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 690. Л. 3.

Опасаясь критики и репрессий, руководство некоторых предприятий и организаций принимали абсолютно нереалистичные обязательства по «нацменработе». В 1932 г. на «Красэлтраме» были заняты 131 нацмен шестнадцати национальностей. Правление завода заявило, что представители всех национальностей будут обучаться на заводе родным языкам⁴¹.

Принимались меры по решительному изменению образа жизни некоторых национальностей. Например, 14 февраля 1926 г. было проведено первое общегородское собрание цыган в Краснодаре. Власти пытались убедить их перейти к оседлому образу жизни. Однако не преуспели в этом⁴².

Особое значение придавалось военной подготовке представителей национальных меньшинств. В 1928 г. отмечалась хорошо поставленная в Краснодаре подготовка нацменоснайперов. С 1924 по 1934 г. в городе действовала Северо-Кавказская кавалерийская школа горских национальностей.

Расчет большевиков на воинские кадры нацменов оправдался во время проведения коллективизации и организации искусственного голода на Юге России. «Мне старики некоторые потом рассказывали, что тут судов не было, с судьями, заседателями. А была «тройка». Из них большинство были нерусские, в основном черные, кавказцы. Потому что это даже я слышал, как они разговаривают. По-видимому, этот народ был настроен очень плохо к кубанцам». «В декабре–январе месяце 1933 г. прислали сюда роту нацменов. Это жестоко. Они казаков всех арестовали». Так вспоминали старожилы кубанской станицы Незамаевской⁴³.

⁴¹ *Вл. О-в*. До конца извлечь уроки // Красное знамя. 1932. № 53. С. 2.

⁴² Екатеринодар — Краснодар. Два века в событиях, датах, воспоминаниях. Краснодар, 1993. С. 302–303.

⁴³ Екатеринодар — Краснодар. Два века

Проведение «коренизации», то есть выдвижение на руководящие должности не по заслугам, а по национальному признаку, являлось сильнейшим раздражителем, вызывавшим бурную реакцию у очень многих людей⁴⁴. Особое раздражение вызывала национальная политика на производстве. Она чаще всего вызывала прямое противодействие. Так, в 1932 г. сотрудник «Красэлтрама» комсомолец Шульгин открыто выступил против поощрения работников по национальному признаку и был поддержан коллективом⁴⁵.

Национальная работа на Кубани зачастую приобретала характер компанийщины, теряла регулярность, саботировалась со стороны ответственных работников. Деятельность украинской секции при АПО нацменов ВКП(б) Черноморского округа в 1926 г. была признана стоящей на месте. Решено было произвести перевыборы бюро секции⁴⁶. В 1930 г. председатели сельсоветов Кушовского района: Шкуринского — Виткалов, Полтавчихинского — Мишин, Глебовского — Кравцов, получили предупреждения и выговоры за саботаж «коренизации». Их обязали перевести работу техаппаратов на

в событиях, датах, воспоминаниях. Краснодар, 1993. С. 531; Приложение II // Историческая память населения Юга России о голоде 1932–1933 гг. Краснодар, 2009. С. 388–389.

⁴⁴ Приложение II // Историческая память населения Юга России о голоде 1932–1933 гг. Краснодар, 2009. С. 192

⁴⁵ Решительно ударить по право-оппортунистическому и примиренческому отношению к ползучим уклонам // Красное знамя. 1932. № 53. С. 2.

⁴⁶ ЦДНИКК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 724. Л. 1.

украинский, немецкий и латышский языки соответственно⁴⁷.

В 1932 г. клуб «Нацмен» города Краснодара работал уже чисто формально. Работа его кружков и секций была практически заморожена⁴⁸.

В 1933–1934 гг. началось свертывание «коренизации»⁴⁹. Причинами этого стало как массовое недовольство населения практикой поощрения по национальному признаку, так и опасность для целостности страны вследствие возможности чрезмерно быстрого роста национального самосознания «коренных народов».

Тем не менее именно в период «коренизации» были заложены основные тенденции последующей советской национальной политики. Национальные кадры в республиках СССР и автономиях РСФСР получали все больше власти, экономических и других возможностей (политика «коренизации» фактически началась вновь со второй половины 1950-х гг.). Развивались и укреплялись национальные культуры нерусских этносов. В 1970-е гг. местные элиты полностью заняли лидирующие позиции в регионах. В 1980-е гг. они во многом перестали нуждаться в поддержке центра. После распада Советского Союза воздействие региональных этнических групп влияния все сильнее сказывается уже в жизни самого центра.

---

⁴⁷ *Иванцов И.Г.* Система партийно-государственного контроля РКП(б) — ВКП(б) на Кубани и Северном Кавказе. 1920–1934. Краснодар, 2008. С. 198.

⁴⁸ *Электрик.* Клуб «Нацмен» не готовится к Октябрю // Красное знамя. 1932. № 209. С. 1.

⁴⁹ *Кульчицкий С.* Указ. соч.

АЛЕКСЕЙ ПАРШИН

О книге В.Д. Соловья «Кровь и почва русской истории»

Что привлекает в книге?

1. Оценка русской истории как успешной. Может быть, это и некоторый пережест, но во всяком случае наша история не менее успешна, чем история западных демократий, которые ставились нам в пример, — открыто в 90-е гг. и скрыто, но не менее напористо — в предшествующее советское время. Отказ от пресловутого двойного стандарта в оценке исторических событий представляется мне весьма важным. Пример: рабство (до середины XIX в.) и законодательный расизм (до середины XX в.) у образца демократии. Так что, если воспользоваться риторическими приемами автора, его книга вносит свой вклад в борьбу с низкопоклонством перед Западом.

2. Мысли автора о богоборческих силах на протяжении всей истории русского народа. В начале 2000-х гг. я написал об этом статью, утверждая, что данное явление далеко еще не изжито, несмотря на все внешние признаки возврата веры и уважения к Церкви. С тех пор только происходил рост неприятия православия в России, я бы сказал даже о росте ненависти в достаточно широких культурных кругах. Поэтому анализ этого в книге меня сразу заинтересовал, хотя я и не могу согласиться с выводами автора¹.

¹ Об интеллектуальных ресурсах православия см.: Паршин А.Н. Средневековая космология и проблема времени // Вопросы философии. 2004. № 12; Он же. Циклы в Православии и естествознании // Труды семинара «Наука и вера». М.: ПСТГУ, 2011 (в печати).

3. Оценка нынешней ситуации как очевидного упадка жизненной силы русских. И дело не только в демографическом провале, но прежде всего в отношении общества к нему, в тотальном равнодушии и атомизации. В 70-е Солженицын говорил о Западе как о разреженном газе, где каждый есть атом, кувыркаящийся как хочет, и другим до него нет никакого дела. В то время как у нас плотная, вязкая среда, где каждое усилие дается с огромным трудом, но зато, начавшись, уже движется дальше. Похоже, теперь мы поменялись местами. Это не значит, что ничего общественно значимого не происходит, но для любого дела можно найти свой отнорочек, где им можно спокойно заниматься. Вообще, крайняя специализация — характерная черта сегодняшней эпохи, в самых разных сферах, во всяком случае в научных это так.

4. Использование науки, точной науки, science, в гуманитарных исследованиях. Русская философская мысль была и, пожалуй, и есть по преимуществу литературоцентрична. Хотя многие мыслители, скажем, Серебряного века знали науку, естествознание, писали о ней и как-то ее использовали. Мы найдем это и у Соловьева, и у Булгакова, но, конечно же, наиболее глубоко у Данилевского и Флоренского. Тем не менее наука всегда была для русской философской и особенно религиозной мысли, чем-то второстепенным, лежащим вне основной линии развития.

Это верно и для современной эпохи. Раскол между гуманитариями и «технарными», о котором многие писали, зашел

слишком далеко. Для меня было полной и приятной неожиданностью увидеть использование свойств черных дыр (современная астрофизика) в качестве аналогии в чисто историческом труде А.И. Фурсова. Но книга Соловья не просто использует естественно-научное знание как аналогию, параллель или метафору. Она опирается на него впрямую и весьма обширно. О необходимости такой связи мне приходилось неоднократно говорить. По моему мнению, чтобы быть успешной, русская мысль должна быть не только литературоцентричной, но и, в не меньшей степени, наукоцентричной.

Основным методологическим принципом книги Соловья как раз и является примат научности, использование проверенных, научно достоверных выводов таких дисциплин, как генетика, социология и антропология. Используя их, автор приходит к выводу, что «привычные отечественному дискурсу идеи о православии, соборности (общинности, коллективизме), “всемирной отзывчивости” русского человека, русскости как “имени прилагательном”, всемирном значении русского языка и культуры не только не позволяют определить русскость, но и откровенно мистифицируют вопрос». И приходит к выводу о биологической основе этноса. Прежде чем говорить об обоснованности таких выводов, хотелось бы оценить книгу с точки зрения ее соответствия не «отечественному дискурсу», а современному научному дискурсу. И тут нас ждет сильное разочарование.

Что использует автор и как он это делает

1. Возьмем его оценку роли православия в русской истории. Приводя известные факты о гонениях на старообрядцев, о церкви синодального периода как департаменте государственной машины и другое такого же рода, автор не одним словом не говорит ничего позитивного о роли Церкви и православия в истории нашей страны. Он много

и сильно пишет о колонизации Севера и Востока, это для него одна из сквозных тем, но как историку не упомянуть о роли монастырей в этой колонизации. Даже если сам автор не согласен с общепринятой оценкой такой роли!

2. Автор несколько раз пишет о революционных экспериментах психолога Станислава Грофа, подтвердившего концепцию коллективного бессознательного Юнга. Должен сказать, что эта деятельность Грофа встречает очень сдержанное отношение в академической среде, в современный научный дискурс (скажем, который принят в генетике) она не очень-то укладывается. Автор пишет же об этом как о чем-то безусловном.

3. В книге, нет сомнений, концепция только появилась, а ничего противоречащего ей и хотя бы не слишком согласовывающегося не видно, нет никаких указаний на то, что требует проверки, дальнейшего продумывания, — всего того, что и составляет признаки научного труда, а не публицистической статьи. Приведенные примеры можно расширить, и вполне можно было бы написать хлесткую негативную рецензию на книгу, если бы была такая цель. С другой стороны, книга написана очень ясным, простым языком, что будет, конечно, способствовать ее популярности.

Наука и человек

Теперь поговорим о собственно научной стороне дела, относящейся прежде всего к использованию генетики человека, к тому, что без всякого сомнения лежит в современном научном дискурсе. Рассмотрим такой признак как дерматоглифические узоры на руках человека. Для трех уровней популяции — раса, этнос, индивидум — мы имеем полную корреляцию с этим признаком в первом и третьем случаях и, видимо, значимую, в случае этноса. Для индивидума наличие такой корреляции означает очень много. На основании этого вас могут посадить на всю жизнь за решетку, а где-то и лишить

жизни. Данные науки признаны не как повод для рассуждений, а имеют право кардинально менять нашу жизнь. Может ли так быть для других уровней? Прежде чем поговорить об этом, обратимся к собственно научной стороне дерматоглифики.

Выражают ли пальцевые узоры судьбу данного человека, его взгляды, все мельчайшие особенности его характера, чувств и т.д.? Возможно, что какие-то корреляции и есть, но в прямом соответствии я бы очень сомневался. И тут возникает вопрос: а зачем человеку нужна эта индивидуальность на кончиках пальцев (и в других сенсорных модальностях, не только в осязании, а, например, на радужной оболочке глаза)? Я думаю, что этот вопрос в современной науке о человеке не поставлен, не говоря о каких-то подходах к его разрешению. Начнем с того, что слово «зачем» будет запрещено большей частью научного сообщества. Современная наука началась с изгнания целевой причины Аристотеля (одного из основателей столь многих наук) как ненаучной. И так, абсолютно непонятое явление тем не менее фатально вторгается в нашу жизнь. И это не отдельный факт, таких примеров можно привести очень много.

Как влияла генетика на жизнь человека — видно из ситуации в нашей стране в 20-е годы. Недавно вышла книга В.В. Бабкова «Заря генетики человека», о русском евгеническом движении, со статьями многих ученых того времени, в том числе таких весьма уважаемых, как Н.К. Кольцов. Проект состоял в создании нового человека. Автор подчеркивает принципиальную разницу нашей евгеники с евгеникой американской или германской (с их законами о запрете межрасовых браков или принудительной стерилизации)². Но вот два ярких примера, характеризующих именно нашу науку.

² Бабков Василий. Заря генетики человека. М., Прогресс-Традиция, 2008. С. 8.

Проект зоолога профессора Ильи Иванова «Об искусственном скрещивании человека с обезьяной» (поддержанный государством на весьма высоком уровне)³.

Письмо Германа Меллера, крупнейшего американского генетика, работавшего в 30-е и у нас, Сталину (1936): «Правда, мы сейчас, укоренившись в традициях буржуазного общества, проникнуты идеей о том, что наш ребенок должен происходить от наших собственных половых клеток. <...> Многие матери завтрашнего дня, освобожденные от оков религиозных предрассудков, будут горды смешать свою плазму с плазмой Ленина или Дарвина и дать обществу ребенка, наследующего их биологические качества»⁴.

Возможно, что именно гонения на генетику (и связанную с ней евгенику) не дали ей развиться до западных масштабов⁵.

Что поражает в этих проектах? Полная уверенность, что все уже можно, основанная на том, что знание уже есть, что мы знаем, как это сделать.

Действительно ли наука имеет право предаваться подобному мироощущению? Если мы посмотрим на развитие генетики и связанных с нею областей биологии, то увидим постоянную смену основных принципов. То, что было абсолютно признано, вдруг рушится и отвергается. Например, т.н. основная догма молекулярной биологии «ДНК → РНК → белок» представлялась как основной принцип устройства Жизни. Оказалось, что все не так. Или история с мобильными генетическими элементами. Или отношение к наследованию приобретенных признаков. Минималь-

³ Россиянов К.О. Опасные связи: И.И. Иванов и опыты скрещивания человека с человекообразными обезьянами // Вопросы истории естествознания и техники. 2006. № 1. С. 3–51.

⁴ Бабков Василий. Указ. соч. С. 665.

⁵ Впрочем, упущенное тогда быстро наверстывается теперь: клонирование, суррогатное материнство и пр.

но доброжелательное отношение к этому в среде биологов первой половины XX в. (да и позже) вызывало просто остракизм. Политкорректность как форма поведения есть и в науке⁶.

Но проекты тем не менее строятся. Время таких грандиозных планов в нашей стране — это 60–70-е годы с их пафосом переустройства мира на научных принципах. Именно тогда считалось возможным скорое создание искусственных живых и разумных существ. Современный рационализм не терпит ничего, что не может быть выражено в точных логических понятиях.

Теперь, начиная с 90-х, наступила эпоха дигитализации, когда отказывают в существовании всему, что не может быть выражено числом (целым считаемым числом).

Идеалом нашей эпохи я бы назвал **оцифровку духа** и, если дух этому не поддается, то надо объявить его несуществующим, артефактом⁷, мифологией и т.д.

Задолго до этого в логике появились знаменитые теоремы Геделя, показывающие невозможность такой редукции. Я думаю, что теоремы такого типа вполне могут быть и в биологии, показывая невозможность сведения живого организма к финитному (или даже дискретному) набору отдельных признаков (или генов)⁸. В биологии имеется много вполне позитивных фактов, говорящих о наличии принципиальной оппозиции «дискретное/непрерывное» (межполушарная асимметрия, гормональная регуляция в сравнении с нейронной и др.).

⁶ Поворот последних десятилетий в генетике подробно описан в книгах В.И. Назарова «Эволюция не по Дарвину» (М.: УРСС, 2005) и А. Маркова «Рождение сложности (Эволюционная биология сегодня: неожиданные открытия и новые вопросы)» (М.: Астрель, 2010).

⁷ В биологическом смысле слова.

⁸ См.: Паршин А.Н. Размышления над теоремой Геделя // Вопросы философии. 2000. № 6.

Но в современной науке побеждает или, скорее, победило желание не понять, а применить. Как применить? Например, как это описал Хаксли в своем «Бравом новом мире» (я предпочитаю так передавать по-русски название его книги). Что это не литературная фантазия, а желанное для многих — можно убедиться, взяв академический журнал «Вопросы философии» и прочитав открывающую номер статью⁹. Очень советую это сделать.

Заканчивая, я хотел бы сказать о «русскости». У автора книги есть глава «Быть русским», где он говорит о такой «мифической» стороне русскости как всемирная отзывчивость русского народа. Так вот, для меня быть русским — это стоять не рядом с культурой Запада (само собой не под ней), а быть над ней, зная ее всю насквозь и выбирая то, что нам нужно и что мы считаем ценным¹⁰. И многие русские так могли. Примеры в науке, наши вершины, достигнутые когда наука у нас только нарождалась: Лобачевский, Менделеев, Е. Федоров — абсолютные, по любым меркам, научные вершины (в математике, химии, кристаллографии). Когда мы будем такими русскими, то и история наша будет другая.

⁹ Нафиньяни А.С. Между эволюцией и сверхвысокими технологиями: новый человек ближайшего будущего // Вопросы философии. 2008. № 4. С. 3–17.

¹⁰ В новой книге Т.Д. и В.Д. Соловьев «Несостоявшаяся революция» (М., 2009) поражает тотальное преклонение авторов перед социологическим подходом к изучению общества. Казалось бы, при интересе одного из авторов к биологическим аспектам возникновения и существования этноса можно принять во внимание, что революционные сдвиги в обществе могут возникнуть из количественно незначимых изменений в его структуре, которые заранее никакой социологический метод не обнаружит. Очевидные биологические аналогии: злокачественный рост, иммунная реакция организма или спонтанные всплески численности популяций.

Даниил Коцюбинский

РУССКИЙ НАРОД ГЛАЗАМИ РУССКИХ НАЦИОНАЛИСТОВ

Идеологи Всероссийского национального союза
(1908–1917) об особенностях русского
национального характера

Думаю, что не возьму на себя слишком много интеллектуальной смелости, если предположу, что время для полноценного научного анализа русского национализма начала XXI века еще не пришло. И не только потому, что эта тема слишком насыщена эмоциями, неизбежно затемняющими эффективную работу ума. Есть и вполне объективная причина. Дело в том, что современная русская национальная идея находится еще в периоде своего становления. На сегодня этот процесс не только не завершен, но даже не обрел более или менее окончательных организационных и идейных очертаний. Пока новейший русский национализм — лишь некая аморфная совокупность настроений (в большей степени протестно-негативных, нежели программно-позитивных)¹ многочисленных «несистемных» идейно-политических активистов, значительного числа политиков и чиновников, а также большого числа граждан.

Однако ясно, что если рост русских националистических настроений будет идти теми же темпами, что и в последние десять лет, то в конце концов России придется столкнуться с русским национализмом как вполне

оформившимся — и идейно, и организационно — политическим направлением, претендующим на власть не «исподволь», а прямо и открыто.

Таким образом, в настоящий момент единственным способом беспристрастно научного осмысления — а следовательно, и прогнозирования — данного процесса является изучение его предшествующих версий, одной из которых, причем ближайшей по времени, является история Всероссийского национального союза (ВНС) — партии русских националистов, существовавшей в период между революциями 1905–1907 и 1917 гг.

В этой связи крайне интересен и полезен анализ взглядов идейных вождей ВНС по важнейшим проблемам российской жизни, многие из которых сохраняют актуальность по сей день.

Разговор об идеологии ВНС актуален еще и по той причине, что до недавнего времени история этой партии находилась на периферии интересов как отечественных, так и зарубежных исследователей.

Причин такого положения дел несколько.

Прежде всего, следует учесть, что вся история ВНС улеглась в исторически краткий межреволюционный период: в 1905–1907 гг. этой партии *еще* не было, а к 1917 г. — *уже* не было. Но

¹ Наиболее массовый и характерный пример такого рода — «Движение против нелегальной иммиграции».

именно в эпоху революций политические партии проявляли себя наиболее ярко, «зацепляясь» в итоге за сознание современников, а затем и потомков. ВНС же пережил становление, взлет и распад в пору, когда главным действующим лицом российской истории было правительство, а не «улица». На этом «казенном» фоне политикам, к тому же принципиально лояльным режиму, трудно было совершить что-нибудь по-настоящему броское и запоминающееся. В итоге ВНС в работах историков оказывался в тени других, «более событийных» партий.

Помимо этого, коль скоро речь идет об отечественной историографии, необходимо отметить, что на протяжении всех советских десятилетий историческая наука вынуждена была строго следовать в фарватере методологических установок В.И. Ленина, «не замечавшего» русский национализм как политический феномен². По этой причине советские историки оценивали деятельность русских националистов (как, впрочем, и всех других противников большевистской партии) крайне упрощенно. В частности, осталась практически не замеченной принципиальная нацеленность ВНС на реформы, резко отличавшая русских националистов от крайне правых (черносотенцев).

Правда, сегодня, когда идеологическая конъюнктура заметно поменялась, у некоторых российских исследователей наблюдается обратный «крен»: стремление представить русский национализм начала XX в. в качестве сугубо конструктивного и неконфликтного политического тренда. При этом допускаются довольно грубые фактологические подтасовки.

² Как известно, для работ лидера большевиков была характерна тенденциозная схематизация политической реальности, и в частности искусственное смещение всех правых сил в рамках единого «черносотенно-реакционного лагеря».

Так, автор монографии о ВНС С.М. Санькова в одной из публицистических статей утверждает, что эта партия якобы не стремилась к предоставлению русским особых правовых преимуществ на территории России и что главный лозунг ВНС «Россия для русских» означал лишь «требование для русских единого правового статуса на всей территории империи, что не предполагало ущемления прав других национальностей»³.

В действительности же именно идея ограничения инородцев в их политических и гражданских правах и, напротив, предоставления русскому народу правовых прерогатив была для ВНС одной из ключевых. Уже первая фраза главного партийного документа (пункт «а» 1-го параграфа Устава ВНС, принятого в 1908 г.) однозначно гласила о намерении Союза содействовать «господству русской народности в пределах Российской империи»⁴. Об этом же подробно говорили лидеры ВНС в своих многочисленных рассуждениях: «Русскому народу, своими трудами, страданиями и кровью создавшему великое Российское государство, принадлежат в России державные права по отношению к другим народам»⁵; «А что же с инородцами? Разве они не такие же граждане, как коренные Русские? Конечно, *не такие* и не должны быть такими. <...> Сама история доказала неравенство маленьких племен с нами. Скажите, — что же тут *разумного* идти

³ Санькова С.М. Век русского национализма (Трансформация идей государственного национализма в России с начала XIX по начало XX в.) // Россия в условиях трансформаций. Историко-политологический семинар. М.: Изд-во МГОУ, 2003 (<http://conservatism.narod.ru/sankova/vek.rtf>).

⁴ Устав Всероссийского Национального Союза. СПб., 1908.

⁵ Сборник Клуба Русских Националистов. Киев: Тип. т-ва «И.Н. Кушнерев и К^о», 1909. С. 220.

против природы и истории и утверждать равенство, которого нет?»⁶ и т.д.

Данный подход нашел свое практическое воплощение в позиции русских националистов по конкретным вопросам: об избирательном законе 03.06.1907 г. (резко ограничившем избирательные права «национальных окраин»), о еврейском законодательстве, о Западном земстве (где для поляков были установлены ограничительные квоты), о «национализации кредита» (предполагавшей предоставление русским предпринимателям права на льготное кредитование в госбанке) и др.

В целом недостаток внимания ученых к проблеме русского национализма начала прошлого столетия, по сути, не преодолен до сих пор. На сегодня в зарубежной и отечественной литературе истории ВНС посвящено всего три научные монографии⁷.

* * *

Прежде чем начать разговор об идеологии ВНС и в частности рассмотреть один из наиболее интересных и парадоксальных ее аспектов — отношение русских националистов к русскому национальному характеру, — необходимо вкратце обрисовать и наиболее важные особенности их взглядов и устремлений.

В своей политической деятельности русские националисты начала XX в. добивались двух основных вещей. Во-первых, чтобы сильное правительство

всегда было готово защитить русское общество от натиска со стороны инородцев и революционеров. Во-вторых, чтобы власть при этом последовательно и успешно проводила реформы, в результате которых русский народ (от помещиков до крестьян) сумел бы наконец реализовать свое численное преимущество и перестал экономически и культурно зависеть от инородцев, а Россия навсегда избавилась бы от угрозы распада и, в частности, потери Западного края⁸.

Тот курс, который стремился проводить П.А. Столыпин, полностью соответствовал этим пожеланиям. И потому русские националисты поддерживали Столыпина на всем протяжении его премьерства.

Столыпинский курс, напомним, включал в себя несколько базовых элементов. Прежде всего, это сохранение основных положений Манифеста 17 октября (политические и гражданские свободы, законодательная Государственная дума), дополненное фактическим правом императорской власти в ситуации острого политического кризиса нарушать букву закона⁹. Затем это создание работоспо-

⁸ Социальная жизнь Западного края (нынешняя территория Украины, Белоруссии и частично Литвы), бывшего, по меткому выражению Р. Эделмана, «оплотом русских националистов», характеризовалась сложным переплетением национально-классово-сословных противоречий: между русскими помещиками, польскими помещиками, еврейскими предпринимателями, а также представителями украинской интеллигенции. У каждой из этих групп был свой «проект» как настоящего, так и будущего данной территории, который они стремились реализовать в условиях относительной политической свободы, наступившей в России в ходе революции 1905–1907 гг. и институционально закрепившей по ее итогам.

⁹ Как это произошло, в частности, 03.06.1907 г., когда император без согласия II Государственной думы (распущенной в этот же день) издал новый избирательный закон.

⁶ *Меньшиков М.О.* Письма к ближним. СПб.: Изд. [и соч.] М.О. Меньшикова, 1908. С. 136–139, 349–353.

⁷ *Edelman R.* Gentry Politics on the Eve of the Russian Revolution. The Nationalist Party. 1907–1917. New Brnswick, New Jersey, 1980; *Коцюбинский Д.А.* Русский национализм в начале XX столетия: Рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза. М.: РОССПЭН, 2001; *Санькова С.М.* Русская партия в России. Образование и деятельность Всероссийского национального союза (1908–1917 гг.). Орел: Издатель С.В. Зенина, 2006.

собной законодательной (а не законосовещательной, как этого хотели крайне правые) Государственной думы, не конфронтирующей с правительством и помогающей ему последовательно реформировать страну. Не менее важная составляющая политики Столыпина — аграрная реформа: выделение крестьян из общин и переход к индивидуальному землепользованию. Далее — развитие местного самоуправления вширь и вглубь. Постепенное преобразование российского государства на правовых началах. И, наконец, столь же важная, как все вышесказанное вместе взятое, политика жесткого подавления любых революционных и сепаратистских выступлений.

Помимо поддержки всех без исключения составляющих столыпинского курса, у русских националистов были и встречные пожелания к правительству. Прежде всего, ВНС стремился к созданию в Западном крае земств с предоставлением русским помещикам заведомо большего числа мест, чем польским. Ради того чтобы изобразить «общерусскую солидарность», русские националисты были даже готовы слегка потесниться и допустить в западное земство больший процент крестьян, чем допускался в земства остальной части Европейской России. Кроме того, русские националисты намеревались «отрезать» от Царства Польского территорию, населенную преимущественно малороссами (так называемую Холмщину), и сделать ее составной частью Западного края.

Как видно даже из беглого описания основных политических устремлений русских националистов, основной чертой, характеризовавшей их взгляды (как, впрочем, и столыпинский курс как таковой), следует признать фундаментальную внутреннюю противоречивость. ВНС попытался осуществить триединый сплав глубоко несродных между собой начал: российского империализма, русской этнократии и европейской модернизации (политической

и хозяйственной). Эти острейшие внутренние противоречия идейных установок ВНС сглаживались до поры до времени, пока столыпинский курс шел на подъем. Но когда Столыпин потерпел политическое поражение, а затем был убит, все внутренние «нестыковки» русской националистской доктрины всплыли на поверхность и стали раздирать ВНС на части, фактически ликвидировав его как единое целое уже к середине 1915 года¹⁰.

* * *

Едва ли не самым колоритным и показательным примером внутренней противоречивости доктрины русского национализма явилось отношение идейных лидеров ВНС к проблеме русского национального характера.

Сразу отмечу, что перед русскими националистами стояла в этой связи гораздо более сложная задача, чем перед крайне правыми (черносотенцами). Идеологам ВНС надо было не просто декларировать отличность русского народа от других (прежде всего — от европейцев); им требовалось доказать, что русский народ, несмотря на свою культурно-историческую особенность, способен саморазвиваться «не хуже европейцев». Причем речь шла о развитии именно в общеевропейском цивилизационном русле, т.е. в русле комплексной модернизации, этапом которой и был «столыпинский курс», всецело поддержанный русскими националистами.

И вот здесь начинались сложности. В самой основе отношения русских националистов к русскому народу лежали противоречивые постулаты. С одной стороны, утверждалось, что русский народ в целом развивается по единым для европейских народов законам. С другой стороны, подчеркивалось, что он «своеобразен и отличен от других

¹⁰ Краткий очерк организационной истории ВНС см.: Коцюбинский Д.А. Указ. соч. С. 30–43.

западных народов» — «русский человек не американец и не англичанин, а имеет свои, веками сложившиеся самобытные формы»¹¹. Наконец, с третьей стороны, оказывалось, что русский народ — разный и не представляет собой единого национального типа: «Чем богаче одарен народ, чем сложнее, многоструннее его душа, тем менее поддается народный тип формальной характеристике. <...> Вот почему мы предпочитаем говорить о преобладающих чертах народной души, а не [о] законченном типе»¹²; «Кроме некоторого слоя людей, живущих в XX веке, огромные массы живут еще в культурных условиях XVII столетия. А в захолустьях и медвежьих углах нетрудно найти все эпохи русской истории до Рюрика, до легендарных скифов включительно. С другой стороны, <...> значительная часть общества и народа витает в будущих веках и химеры слабого воображения предпочитает трудовой деятельности»¹³.

Таким образом, с самого начала понятие «русский народ» оказывалось размытым и во многом «ситуативным». Но на этом проблемы теоретиков русского национализма только начинались. Самое сложное было доказать международную конкурентоспособность русской нации, оставаясь при этом в пределах просвещенной («европейской») системы координат.

Сразу же в глаза бросался парадокс: реестр русских национальных добродетелей в версии ВНС был хотя и обширен, но все же явно недостаточен для того, чтобы всерьез участвовать в «общеевропейском забеге» на национальное первенство.

Итак, о каких же достоинствах рус-

ского характера писали теоретики ВНС?

Профессор психиатрии И.А. Сикорский¹⁴ сформулировал основные качества, присущие русскому национальному типу, так: «Это, во-первых — идеализм воззрений и жизни, придающий русскому народу особую печать этнического культурного бескорыстия, во-вторых — общеизвестная славянская грусть и задушевность, придающая медленный темп, глубину и основательность всем душевным движениям, начиная от мысли и кончая действием, в-третьих — вера, как психологическая черта и свойство, дающее уверенность, устойчивость и прочность надеждам, ожиданиям и самому идеализму. <...> Четвертой отличительной народной чертой является русское гостеприимство и терпимость...»¹⁵

Другой профессор психиатрии — П.И. Ковалевский приводил сходный перечень восточнославянских добродетелей: «благодушие, всепрощение, милосердие, сострадание и самопожертвование», подчеркивая при этом превосходство русских перед «современными западными славянами», у которых, по мнению Ковалевского, «низка психология»¹⁶.

Вслед за славянофилами (с которыми, к слову, во многих других вопросах русские националисты не соглашались) идеологи ВНС говорили о «всечеловечности» русского народа: «Достоевский с своим всегдашним чрезвычайным глубокомыслием отметил всечеловечность русской души, способность не только любить других, но и сознавать их как самих себя... Человек чистой русской души — брат человечества», и поэтому, как отмечал тот же Достоев-

¹¹ Ковалевский П.И. Русский национализм и национальное воспитание. СПб., 1912. С. 221; Бернов В.А. Национализм в качестве основы государственности. СПб., 1912. С. 43.

¹² Герасимов Н.И. В защиту русского национализма. М., 1912. С. 30–31.

¹³ Меньшиков М.О. Письма к ближним. СПб., 1907. С. 238–239.

¹⁴ Отец авиаконструктора И.И. Сикорского — в будущем эмигранта, гражданина США и изобретателя вертолета.

¹⁵ Сикорский И.А. Русские и украинцы. Киев, 1913. С. 30–31.

¹⁶ Ковалевский П.И. Указ. соч. С. 213.

ский, «если национальная идея русская есть, в конце концов, лишь всемирное общечеловеческое единение, то значит, вся наша выгода в том, чтобы всем прекратить раздоры, до времени поскорее стать русскими и националистами»¹⁷.

Также вслед за славянофилами русские националисты указывали на православную религиозность как национальную особенность всех русских людей, одну из главных основ их духовно-нравственных добродетелей. «Я глубоко убежден, — отмечал П.И. Ковалевский, — что все русские религиозны, все искренно исповедуют православную веру, но только это исповедание заключается внутри них самих, и они ее как бы стесняются проявить вне себя, как бы таят ее внутри своей души. Это исповедание веры не книжника и фарисея, а мытаря»; «Греческое вероисповедание, говорит А.С. Пушкин, отдельное от всех прочих, дает нам особенный национальный характер»; «Православию и русской нации свойственны: мягкость, доброта, сочувствие, сострадание, любовь, милосердие, самопожертвование и всепрощение»¹⁸. «Все гениальные люди России, как наисильнейшие выразители народного духа, — отмечала Е.И. Полянская, — <...> ясно утверждают своим явлением, что никакие огненные сомнения и испытания не в силах поколебать в великой христианской Русской душе народа “Богоносца” коренных национальных черт ее: неизменной верности мудрости Распятого, на ниве святой любви Которого и возможен духовный рост человека для реализации справедливости на земле»¹⁹. «Небо Божие и Земля Правая — заветные точки притяжения всего русского мира, — писал Н.И. Герасимов. — Вера

отеческая, родовые предания, дух единения, любви и взаимного милования, единодушие всех языков словенских, мир непостыдный — всему миру, каждой душе — спасение и свобода святая, радость о Боге — вот начала, заложенные в исходах кирилло-мефодиевского православного пути»²⁰.

Несмотря на то что перечисленных качеств явно не хватало для того, чтобы русский народ мог успешно претендовать на одно из призовых мест в общеевропейском соревновании, идеологи ВНС делали итоговый вывод о том, что «русский народ, как показала его история, есть народ даровитый и энергичный»²¹.

Но здесь возникала очередная логическая шероховатость: в доказательство мысли о даровитости и энергичности русской нации проводилось сравнение ее исключительно с населяющими Россию инородцами, а не с передовыми народами Европы. «Никто, кажется, с такой настойчивостью не кичится перед нами своим культурным превосходством, как поляки»; «Раз уж нас вызывают на это, спросим: где ваши Пушкины, Лермонтовы, Тургеневы, Достоевские, Толстые, Васнецовы, Ивановы, Глинки, Чайковские, Ломоносовы, Менделеевы, Лобачевские и целая плеяда звезд второй величины? Кем вы можете блеснуть, кроме Коперника, Мицкевича, Модревия?»²² — риторически восклицал Н.И. Герасимов. Строго говоря, поляки могли добавить, как минимум, еще Т. Костюшко и Ф. Шопена, но, думаю, русские националисты и здесь нашлись бы, что возразить — в «резерве» оставались еще А. Суворов и М. Мусоргский.

Таким образом, на фоне даже самых просвещенных и успешных из «собственных» инородцев русский народ, по мнению идеологов ВНС, смотрелся

¹⁷ Ковалевский П.И. Указ. соч. С. 281; Герасимов Н.И. Указ. соч. С. 39.

¹⁸ Ковалевский П.И. Указ. соч. С. 296, 235.

¹⁹ Националист // Вестник Московского отдела Всероссийского Национального Союза. М., 1910–1911. С. 15–16.

²⁰ Герасимов Н.И. Указ. соч. С. 37–38.

²¹ Куплеваский Н.О. Всероссийский Национальный Союз. СПб., 1908. С. 4.

²² Герасимов Н.И. Указ. соч. С. 40.

сравнительно убедительно: «Решительно ничем не доказано, что русские бездарнее инородцев, — наоборот. В какой хотите области — культурной, государственной и общественной — самые выдающиеся в России люди Великороссы... Я не хочу сказать, что все Великороссы даровиты. К несчастью нет. Но, в общем, все-таки на их стороне больше гения и таланта, тогда как на стороне инородцев — больше посредственности»²³, — подчеркнул М.О. Меньшиков.

Поскольку среди идеологов ВНС было довольно много ученых, они спешили подвести под тезис об одаренности русского народа «научную» базу согласно тогдашним новомодным антропологическим учениям. И.А. Сикорский, например, упоминал «особенную чистоту славянской расы в ряду других европейских рас»²⁴.

Однако как только речь заходила о сравнении не со «своими» инородцами, а с ведущими европейскими нациями, горделивый вектор рассуждений идеологов ВНС начинал заметно колебаться.

За русскими, правда, признавались приоритеты в сфере духовной культуры: «Русские, отстав от Запада в разработке объектов внешней культуры, не отстали в разработке вопросов духа, которым, не без основания, придает такое значение маститый старец нашего времени Лев Толстой»²⁵; «Русский народ <...> создал свою собственную философию, полную самого возвышенного идеализма, создал свою литературу, музыку, художества, по своей глубине и проникновенности соперничающие с мировыми образцами»²⁶.

Но едва ли не главным доказатель-

ством и духовного, и материального величия русского народа являлась созданная им крупнейшая в мире держава: «Русский народ — величайший из народов земного шара: талантливый, героический, стойкий, великодушный. Народ, который на протяжении своей тысячелетней истории, несмотря на крайне неблагоприятные условия своего существования, создал Империю, занимающую шестую часть суши»²⁷; «Никто не откажет русской народности в том, что она наделена всеми свойствами великих народов, призванных играть мировую роль в истории. Она это доказала уже тем, что создала одно из величайших в мире государств»²⁸.

В связи с этим национальными героями объявлялись все те, кто наиболее активно участвовал в собирании и удержании земель (и кто в большинстве до сих пор возглавляет топ-лист российских школьных учебников истории): Владимир Святой, Дмитрий Донской, Сергей Радонежский, Кузьма Минин, Дмитрий Пожарский, патриарх Гермоген, Петр I, Екатерина II, Александр Суворов, Михаил Скобелев, Александр III.

Способность русских к покорению столь большого количества чужих земель и народов объяснялась, в свою очередь, высокими моральными достоинствами покорителей. В истории России, писал А. Филиппов, «только одна национальность оказалась неизменно благородной, далекой от личного эгоизма, себялюбия и зависти — это наша, русская. <...> Оттого у нас так легко и привольно живет ино-родцам и иностранцам. <...> Мы терпимы и великодушны»²⁹. «Мы имеем право гордиться нашей нацией внутри своего государства, — вдохновенно

²³ Меньшиков М.О. Указ. соч. С. 382.

²⁴ Сикорский И.А. Указ. соч. С. 29.

²⁵ Сикорский И.А. О психологических основах национализма. Киев, 1910. С. 3.

²⁶ Стрганов В. Русский национализм, его сущность, история и задачи. СПб., 1912. С. 18.

²⁷ Там же.

²⁸ От Совета Всероссийского Национального Союза. СПб., 1910. С. 5.

²⁹ Филиппов А. Кого выбирать // Вестник Всероссийского Национального Союза. 1912. № 10. С. 2–3.

восклидал П.И. Ковалевский, явно не замечая этической уязвимости своего рассуждения. — Ибо мы смело можем сказать в глаза всем нашим подданным, что мы победили их, но не уничтожили. Мы сохранили их религию, их язык, их нравы и обычаи»³⁰.

Помимо способности воздвигнуть самую большую в мире державу, другим государственно-политическим достоинством русского народа объявлялись его вековая терпеливость и покорность воле верховной самодержавной власти. При этом «встречным» атрибутом русского национального величия оказывалась мудрость вышеупомянутой власти. Правда, примеры, подтверждающие тезис о мудрости царской власти, русским националистам приходилось черпать не из всей многовековой толщи российской истории, но лишь из ее недавнего либерально-реформаторского прошлого: «К чести нашей Родины, к чести ее народа, к чести руководителей ее народа, у нас в России эти ограничения, эти привилегии (высших сословий. — Д.К.) складывались (т.е. упразднялись. — Д.К.) обыкновенно по инициативе не снизу, а сверху. Инициатива освобождения крестьян, — говорил с думской кафедры А.А. Мотовилов, — как вам известно, шла от Государя Императора, инициатива отмены некоторых ограничений... точно так же была с высоты Престола. <...> Это является одним из славных достояний нашего русского народа»³¹.

Как можно заметить, перечень гражданско-политических добродетелей русского народа был достаточно узким. Но самым драматичным было даже не это, а то, что все без исключения достоинства русских при ближайшем рассмотрении оказыва-

лись предпосылками их гражданско-политической недостаточности.

Так, по мнению П.И. Ковалевского, оборотной стороной всечеловечности, мечтательности и духовной синтетичности русской природы оказывалось, во-первых, отсутствие «европейской угловатости, непроницаемости, неподатливости» и, во-вторых, наличие склонности к космополитизму³². А с точки зрения А.И. Савенко, по причине «непреоборимой склонности к всепрощению» русский народ попадал в зависимость от «революционной “опозиции”», «руководимой евреями»³³.

Синтетично-духовные, религиозные добродетели русского народа оказывались препятствием на пути не только его национального, но и общегражданского становления, невозможного без выработки таких конкретно-материальных «европейских» качеств, как уважение к институту частной собственности и умение качественно трудиться без внешнего принуждения. «Гражданское самосознание и сознание своего достоинства у нас слишком еще низки... Это влечет за собою, естественно, недостаточное уважение в другом человеке человека. Недостаточное исполнение своего долга и даже недостаточное уважение к частной собственности»³⁴. «Славянская непроизводительность! Как много национального, глубокого трагизма в этом изречении!..»³⁵. П.И. Ковалевский полагал, что «русский славянский ум» — «всеобъемлющий и дающий поразительные успехи во всех областях знаний, — но малопрактичный и не скрупулезный»³⁶, а П.Н. Ягодынский говорил о безынициатив-

³⁰ Ковалевский П.И. Указ. соч. С. 385–386.

³¹ Государственная дума. IV созыв. Стенографические отчеты. Сессия IV. Пг., 1916. Ч. III. Стб. 4926.

³² Ковалевский П.И. Указ. соч. С. 273, 393.

³³ Савенко А.И. Предвыборное настроение // Московские ведомости. 1912. 28 янв.

³⁴ Ковалевский П.И. Указ. соч. С. 276.

³⁵ Бернов В.А. Указ. соч. С. 13.

³⁶ Ковалевский П.И. Указ. соч. С. 376–377; Он же. Психология русской нации. Пг., 1915. С. 232.

ности русских, которых надо обязательно «подтолкнуть на дело, и тогда оно пойдет»³⁷. По мнению В.В. Шульгина, русская нация в начале XX в. представляла собой «население, резко различающееся на две части. Так называемый “народ», в общем, физически и душевно здоровый, но ленивый, невежественный и лишенный одного из существенных элементов культуры — уважения к “чужой” собственности. Другая часть населения, так называемая “интеллигенция”, полубольная, вечно всем недовольная (наполовину “нытики”, наполовину “бомбисты”), мало способная к практической деятельности», словом, «смесь дегенеративных эстетов с анархизированными дегенератами»³⁸.

При ближайшем рассмотрении выяснялось, что воспетая идеологами ВНС покорность русского народа высшей самодержавной власти также была неразрывно сопряжена с серьезным негативным фактором, ставившим под сомнение декларируемые «плюсы» данного качества русской души. А именно, с неумением русских людей ладить друг с другом из-за склонности, по словам А.И. Савенко, к «розни»³⁹. «Одиннадцать веков тому назад наши славяне поехали к варягам за море признаваться, что земля-де наша велика и обильна, но порядка в ней нет: у себя сами не можем его сделать — так придите, мол, вы княжить и владеть нами!.. Что тогда, что теперь мы плохо надеемся на свои силы... Мы разрозненны», — горько сетовал В.А. Бернов⁴⁰.

Следствием гражданской разрозненности оказывалась роковая привер-

женность русских к анархическим формам социальной активности: «Волевые свойства нашей племенной психики» не только «антигосударственны», но в принципе враждебны «всякому порядку» и дисциплине; нигде народ не испытывает такое отвращение к «праву, закону, общественной морали», как в России. Вообще, если бы не постоянная угроза извне — российская государственность сложилась бы не смогла⁴¹. «Заметьте любопытное совпадение. В века крепостного права затихла анархия. Она была подавлена, и возможная свобода граждан была осуществлена. С отменой рабства, с развитием т.н. демократии, вновь поднимается анархия, и общая свобода печально никнет»⁴².

Все это в целом, по убеждению идеологов ВНС, вело к неумению русского народа толком распорядиться своими ресурсами: «Огромные пространства плодородной земли, безобразно эксплуатируемой. В руках “австрийцев” эта земля дала бы хлеба в два раза, в руках немцев в четыре, а в руках англичан в шесть раз больше, чем у нас... Неисчислимы богатства, лежащие втуне»⁴³.

Порой русские националисты срывались на откровенную брань по адресу «обалдевшего русского головотяпа»: «Ах, глупые, глупые русские люди, несчастное русское стадо!.. Значит, дурацкие головы, судьба будет еще хлестать вас по щекам до тех пор, пока не поумнеете»⁴⁴.

Разумеется, жестко критикуя русский народ, русские националисты делали это не из «садомазохистических побуждений», а ради того, чтобы таким образом «встряхнуть» его и пробудить от вековой дремы: «Наш долг отметить,

³⁷ Государственная дума. IV созыв. Стенографические отчеты. Сессия IV. Пг., 1916. Ч. III. Стб. 4573.

³⁸ Шульгин В.В. Нечто фантастическое. София, 1922. С. 32.

³⁹ Савенко А.И. Мысли и впечатления: Раскол среди националистов // Киевлянин. 1911. 18 мая.

⁴⁰ Бернов В.А. Указ. соч. С. 14.

⁴¹ Онежский В. Идеиные итоги смуты // Ладо. СПб., 1911. С. 5–6.

⁴² Меньшиков М.О. Указ. соч. С. 384–385.

⁴³ Шульгин В.В. Указ. соч. С. 31.

⁴⁴ Бернов В.А. Указ. соч. С. 33; Шульгин В.В. Дни. 1920. М., 1989. С. 404.

оттенить еще ярче и правдивее отрицательные стороны наших братьев, дабы надлежащим воспитанием возможно было исправить и вытравить то, что наложено нашими условиями жизни и тысячетлетним рабством»⁴⁵.

Больше и острее всех о недостатках русского национального характера писал главный идеолог ВНС — М.О. Меньшиков. Поэтому процитирую его более подробно, чем других авторов.

«Народ никогда не гибнет от грехов небольшой кучки людей, он тонет лишь в наводнении грехов. Иной раз слушаешь парламентского болтуна, в узком черепе которого играет шарманка: “гнет правительства”, “растоптанная свобода” и т.д. Хочется спросить: — ради истины, скажите, препятствовало ли правительство, например, обрабатывать хорошо поля? Однако они прескверно обработаны, — и не только у крестьян, а и у помещиков, катающихся на автомобиле. Мешало ли правительство устраивать фабрики и доводить их до возможного совершенства? Однако фабрик до сих пор немного, и они плохи, причем не было бы, может быть, никаких фабрик, если бы правительство не поддерживало их разными субсидиями. Мешало ли правительство торговать расчетливо и честно? Или священникам вести трезвую и благочестивую жизнь?<...>

Вы кричите, что правительство разворовало Россию. Позвольте! Разве народ не тем же занимается, если говорить правду? Разве не во всех условиях у нас рвут казну и тащат, кто сколько может?<...>

Кричат, что министры невежественны и ленивы. А кто учел невежество и бездельничество г-д общественных деятелей... на бесчисленных постах, где интеллигенция призвана быть двигателем и возбудителем труда?..<...>

Кричат, что власти дармоеды, а пусть-ка каждый мужик посмотрит

кругом себя: мало ли у него в своей деревне захребетников? И не захребетник ли он сам чей-нибудь? <...>

Те, что кричат, будто русский народ “задавлен” трудом — или сами лентяи, или никогда не видывали настоящей крестьянской работы. Взгляните, как работают французы, немцы, англичане. Взгляните, как работают даже латыши, чтобы не ходить далеко. Смешно даже сравнивать их труд с обыкновенной, через пень в колоду, возмутительно-небрежной крестьянской работой “с прохладцей”, кое-как, лишь бы отделаться. <...>

Не малоземелье, а местами наоборот — многоземелье губит крестьянское хозяйство. <...>

С 1/3 десятины китаец больше собирает, чем наш крестьянин с 10... Вы скажете — мы не Китай, у нас и климат, почва другая. Суший вздор. Только отношение к земле другое, неблагородное, безумное, преступное, — больше ничего»⁴⁶.

Главная беда России — «не в засилье богатства, а в вырождении труда народного, в потере веры в труд, в фантастических химерах, объясняемых одичанием, упадком народа».

«Бестолковая раздача пособий голодающим воспитала по всей России массу простонародья, ожидающего хлеба от власти. “Способия” вошли в привычку. На них смотрят уже не как на милость, а как на обязанность казны. При малейшей задержке казенной помощи голодные начинают приписывать свой голод вине правительства. Кричат, что правительство “украло” народный хлеб, что оно затаило кровное достояние народное... Тысячетлетний народ отвыкает считать землю и свои руки — своими кормильцами. Он начинает просить хлеба у чужих рук, свои опуская в праздности. Праздный же народ, как известно, тотчас превращается в чернь, в анархический класс, развязанный от железной дисциплины труда».

⁴⁵ Ковалевский П.И. Русский национализм... С. 285–286.

⁴⁶ Меньшиков М.О. Указ. соч. С. 111–112.

«Предоставили полную свободу всем сословиям владеть этой великолепной — пожалуй, лучшей в свете природой, и что же? Леса поспешно оказались вырубленными... реки загажены и опустошены, лесная и полевая дичь истреблена, растительный покров почвы содран и пески обнажены. В сорок лет Россия физически стала неузнаваемой — вот вам и *Laissez faire*⁴⁷!..»

Если не всему русскому народу, «то одному проценту его — помещикам было предоставлено по тысяче (и более) десятин на душу. Им был предоставлен даровой труд крестьянский и сверх того гимназии, университеты, почетное звание благородных, крайне широкие вольности, вплоть до права самодержавного распоряжения с Отечеством. Ответьте же по совести, хорошо ли воспользовались лучшие представители народа волшебными своими преимуществами? Очень скверно воспользовались, уверяю вас».

«Предоставили дворянам на колоссальные выкупные платежи поднять агрикультуру, которую они не удосужились поднять за триста лет. Правительство ахнуть не успело, как миллиард выкупных перекочевал в сундуки заграничных кокоток и магазинов роскоши».

Свои громадные имения русские дворяне «только и сумели, что растратить, распродать, прокутить, не успев за несколько столетий завести ни саксонской, ни китайской культуры. В школах почти ничему не научаются, выносят жалкое знание как повинность, которую сбрасывают с плеч тотчас по окончании курса... “Правами” пользуются чаще для злоупотреблений, свободой — для освобождения себя от долга и приличия»⁴⁸.

⁴⁷ *Laissez faire* (фр.) — «свобода действия», основополагающий принцип фритредерства (экономического либерализма).

⁴⁸ *Меньшиков М.О.* Указ. соч. С. 118, 312, 703–705.

И все это, по мнению М.О. Меньшикова, не есть беда лишь одного привилегированного сословия — это симптом кризиса нации в целом, ибо «в возможном идеале своем народ есть именно то, что представляют собой дворяне, — не менее, но и отнюдь не более. Народ это усиленно доказывает проявлением тех же свойств в зародыше. Едва освободили крестьян, как по деревням пошел тот же, совершенно дворянский кутеж, те же по натуре барские, легкие нравы насчет женщин, то же отлынивание от труда, то же безверие, та же беспечность к образованию — поразительное равнодушие к дельным книгам и пристрастие к печатной дряни, тот же анархический нигилизм, то же, в общем, печальное легкомыслие нашей расы»⁴⁹.

«Боже, до чего мелкое, душевно низкое племя — славяне!»; малороссы — «подлое, бездарное племя», «но великороссы оказались еще более дряблыми и пресными, чем хохлы» — таковы последние оценки, данные русскому народу М.О. Меньшиковым 14/27 апреля 1918 года (за несколько месяцев до гибели от рук чекистов), о чем свидетельствует запись в его дневнике⁵⁰.

Разумеется, русские националисты пытались найти более или менее убедительные объяснения тому обстоятельству, что русский народ оказывался до такой степени не соответствующим их же собственным ожиданиям и расчетам.

Так, указывали на врожденное слабование русских людей, проявлявшееся в неумении как трудиться, так и постоять за себя: «Слабейшую сторону славянского характера составляет воля»; «Славяне представляют противоположность германским и англосаксонским расам и финнам. От-

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ *Меньшиков М.О.* Материалы к биографии // Российский архив. М., 1993. Вып. 4. С. 100.

того Славяне легко уступают там, где другие умеют постоять за себя. При этом воля у Славян выражается порывами <...>, как будто для накопления ее требуется срок»⁵¹.

Порой в рассуждениях такого рода некоторые из идейных вождей ВНС произносили вслух весьма рискованные и очень пессимистические «биологизаторские» пассажи: «Есть расовый признак, начинающий объяснять многое в политике». Германцы обоих полушарий «длинноголовые», в то время как славяне и кельты, напротив, — «короткоголовые». В итоге, «в отличие от англичан и американцев, которые терпеть не могут обращаться к начальству и стараются все делать сами», — даже французы, не говоря о прочих «короткоголовых» народах, «смотрят на правительство как на божество, без которого волос не может упасть ни с чьей головы»; «Среди человеческих племен и типов есть прирожденные культурные люди и прирожденные дикари»⁵². И это говорил М.О. Меньшиков — один из апостолов русского национализма!..

Профессор И.А. Сикорский, правда, оценивал биологические параметры русской национальности более оптимистично. Он отмечал, что после слияния славянского и финского этносов получившийся в итоге великорусский тип (в отличие от малороссийского) приобрел черты деятельности и практичности⁵³. Однако другой психиатр-националист — П.И. Ковалевский, напротив, выражал уверенность в том, что как раз прилив финской крови отнюдь не пошел великороссам на пользу. В то время как «прилив крови азиатских хищников у малороссов в значительной мере должен [был] возбудить и энергировать

покойный и мирный дух славянской расы»⁵⁴.

Антропологическая аргументация — довольно спекулятивная и далеко не самоочевидная, впрочем, не была основной. Главным, на что обращали внимание русские националисты, когда пытались понять причину отставания русского народа от западных соседей, являлись исторические обстоятельства. И здесь отмечались сразу несколько неблагоприятных «долгоиграющих» факторов (многие из них, как нетрудно заметить, и сегодня упоминаются в этом же контексте авторами не только школьных и вузовских учебников, но и некоторых научных монографий).

Во-первых, монгольское иго, приняв которое на себя, русские «спасли Европу», однако «сами пострадали за это и во многом отстали в науке и знании»⁵⁵, усвоив «небось да авось — русские позорные черты характера, пережитки угнетений монгольским игом»⁵⁶.

Во-вторых, постоянная внешняя угроза, предопределявшая насильственную организацию общества «сверху», силами самодержавного государства, что, в свою очередь, закрепляло «отсталость гражданственности» и «первобытность учреждений»⁵⁷, а также тотальный правовой нигилизм: «русский человек никогда не воспитывался в чувстве законности, ибо на каждом шагу видел беззаконие»⁵⁸.

В-третьих, многовековое крепостное право. Мы, писал П.И. Ковалевский, — «дети рабов и рабовладельцев»; раб не уважает рабовладельца и наоборот; «из такого положения людей между собою вытекает следующее: отсутствие созна-

⁵¹ Сикорский И.А. Русские и украинцы... С. 20.

⁵² Меньшиков М.О. Письма к ближним. С. 356–357, 385, 751, 782–784.

⁵³ Сикорский И.А. Указ. соч. С. 22–23.

⁵⁴ Ковалевский П.И. Указ. соч. С. 376–377; Он же. Психология русской нации... С. 32.

⁵⁵ Ковалевский П.И. Русский национализм... С. 385.

⁵⁶ Бернов В.А. Указ. соч. С. 42.

⁵⁷ Онежский В. Указ. соч. С. 5–6.

⁵⁸ Строганов В. Указ. соч. С. 108.

ния и исполнения своего долга к Богу, ближнему, природе и собственности»; «из того же рабства вытекает отсутствие чувства собственности <...>, лень и недобросовестное исполнение. Подобное положение дела вызывало принуждение, взыскания, унижения и наказания. С другой стороны, рядом с этим существовало отсутствие чувства обиды, самолюбия, оскорбления личности как в себе, так и в других, а также заискивание, лесть, обман, лживость и самоунижение». «Душевная пустота, отсутствие чувства собственности, недостаток стремления к лучшему, апатия, безнадежность породили порок — забытья и искания наслаждения в алкоголе»⁵⁹.

В-четвертых, пагубное влияние иностранцев и инородцев. «Коренной русский характер» существенным образом менялся под влиянием не только «исторических событий», но и «примесей» «новых элементов»⁶⁰. «Русские бездеятельны, не предприимчивы, вялы, не жизнерадостны, у них нет увлекающей их исторической или национальной страсти. Все это признак нейтрализации духа, погашения его путем подмесей со всех сторон. Если осторожным и умелым скрещиванием вырабатываются в течение веков благородные породы, требующие тщательного бережения, то наоборот, путем безоглядного слияния с инородцами идет обратный процесс — раскрещивания, разложения пород... Слишком подмешанный народ делается плохим народом, “подстилкой” для более чистых рас»; «Вторжение иноземцев все испортило. Петр III раскрепостил дворян, позабыв при этом раскрепостить народ. Коренному немцу хотелось видеть вокруг себя феодалов, и вот сто тысяч дворян были посажены на готовые хлеба. Тогда именно, мне кажется,

и началось свинство русской жизни, подготовившее нашествие бесов»⁶¹.

Наконец, в-пятых, огромная территория. «Россия в собственном тесном смысле занимает величайшую в мире площадь. <...> Слишком большое племя и беспредельное пространство — важная основа к безбоязненности соседей и склонность к неподчинению себе подобному (то есть собственной власти. — Д.К.), — а отсюда нередкие неприятные уроки от сплоченных соседей в виде разорений, пленений и грабежей»⁶². «Основное несчастье России в том, что она растянута в пространстве до последнего предела натяжения, до разрыва. Силы великого племени, приложенные к столь неизмеримой площади, в каждой точке сводятся почти к нулю. Именно отсюда наша неспособность ни в одном месте громадной страны развить культуру сильную и богатую: богатство требует сосредоточения сил, накопления их в ряду веков. В этом отношении несравненно благоприятнее сложилась судьба западных народов в тесном пространстве. Из необъятного протяжения России вытекает не только общая бедность, но и пестрота страны, отсутствие физического единства, физической целостности. Отсюда же наша национальная слабость и пестрота, отсутствие морального единства. Самая превосходная политика не даст нам мощи тех наций, что выработались на небольшой территории»; «Россия одна из тех незадачливых народностей, которые слишком широко разбросались — чисто пространственно и утратили в немалой степени цельность своих частей»; «Славянство вообще и Россия в частности оказались в хвосте народов еще при великом переселении их в первые века нашей эры. В то время, когда латинские и германские племена

⁵⁹ Ковалевский П.И. Указ. соч. С. 57, 289.

⁶⁰ Ковалевский П.И. История России с национальной точки зрения. СПб., 1912. С. 5.

⁶¹ Меньшиков М.О. Указ. соч. С. 377–378, 623.

⁶² Ковалевский П.И. Психология русской нации... С. 30–31.

уперлись в океан и очень рано были вынуждены сгущаться на своих тесных площадях, мы целые века продолжали расширяться... До сих пор — несмотря на все опасности — совершается центробежный процесс, растрепывающий нашу народность и разъединяющий ее. Мудрено ли, что, кроме нынешнего давления, иностранцев, мы испытываем весьма существенное внутреннее засилье инородцев, то есть покоренных иностранцев?»⁶³

Все эти рассуждения, по сути, решительно перечеркивали то, что перед тем ставилось русскому народу в заслугу: его долготерпение по отношению к власти, его способность к покорению других народов, его потенциал создателя «величайшей в мире державы». Критический круг замыкался. Главнейшие достоинства русского народа оказывались на поверку «недостатками наизнанку», а их причины — как антропологические, так и исторические — фатально неустранимыми.

Оставалось лишь надеяться на чудо. Что идеологи ВНС и делали. Чудо это они именовали «национальным пробуждением», которое и должно было придать русским национальным достоинствам нужные ракурс и силу. Порой вожди ВНС выражали уверенность в том, что пробуждение уже началось: «Русский народ сам по себе не жесток и не изувер. Он забит, он угнетен, он апатичен, он не смел, он осторожен, он нерешителен, он безличен, он недоверчив, — но это было. А ныне русский народ просыпается со всеми своими добрыми славянскими качествами. В добрый путь!»⁶⁴

Пассажи такого рода, однако, были единичными.

Подводя итог сказанному, следует отметить, что отношение русских националистов к базовым качествам рус-

ского национального характера было трагически противоречивым.

С одной стороны, идейные лидеры ВНС, как и положено идейным националистам, стремились обосновать формулу национальной гордыни, вслед за Ф.М. Достоевским выражая уверенность в том, что «всякий великий народ верит и должен верить <...>, что в немто, и только в нем одном, заключается спасение мира, что живет он на то, чтобы стоять во главе народов, приобщить их всех к себе воедино и вести их, в согласном хоре, к окончательной цели, всем им предназначенной»⁶⁵.

С другой стороны, идеологам ВНС был необходим акцент на гражданско-политической недостаточности русского народа. Во-первых, потому что без этого невозможно было доказать необходимость проведения прогрессивных реформ, взламывающих вековую патриархально-бюрократическую традицию. Во-вторых, поскольку именно недостатками русского народа обосновывался тезис о необходимости проведения по отношению к нему политики «государственного протекционизма».

Как можно предположить, столь эмоционально напряженный и внутренне конфликтный идейный продукт должен был играть роль не столько цемента, сплавляющего однопартийцев на почве твердого осознания русских национальных достижений и приоритетов, сколько «рефлексивной кислоты», разъедавшей уверенность членов ВНС в способности русского народа реализовать оригинальный и конкурентоспособный проект национально-го развития.

* * *

Отмеченные особенности отношения русских националистов начала XX в. к проблеме русского национального характера — частный случай, подтверждающий более глобальный вы-

⁶³ *Меньшиков М.О.* Указ. соч. С. 237; *Он же.* Письма к ближним. СПб., 1912. С. 703–704.

⁶⁴ *Ковалевский П.И.* Русский национализм... С. 291.

⁶⁵ Там же. С. 280.

вод: о принципиальной невозможности органичного сочетания традиционных национально-русских реалий с общеевропейскими социально-политическими «модернизационными» ценностями.

Разумеется, за истекшее столетие и в России, и в мире в целом изменилось очень многое. «Восстание масс», происходившее на протяжении XX века и в итоге окончившееся повсеместным торжеством «усредненного человека», в нашей стране оказалось многократно отягощено физическим истреблением и изгнанием за рубеж миллионов представителей образованного класса, а также последующими чистками, репрессиями и многолетним подавлением свободного общественного развития.

В итоге по своему уровню просвещенности современный российский «средний гражданин», воспитанный на электронных полуфабрикатах «информационного общества», существенным образом отличается, и далеко не в лучшую сторону, от «книжного» человека начала прошлого столетия. И потому,

как можно допустить, в большинстве случаев «среднестатистический россиянин» с готовностью усвоит любой политический миф (в том числе миф о русском национальном величии, аранжированный соответствующим политтехнологическим образом), даже если тот будет очевидным образом противоречить достоверно установленным фактам.

Однако если говорить о русском национализме не только как об инструменте ситуативной мобилизации масс, но как об идеологии, претендующей на интеллектуальную проработанность и долгосрочную историческую востребованность, следует предположить, что те — по сути, неразрешимые — проблемы, с которыми данная идеология столкнулась в начале прошлого столетия, по-прежнему для нее актуальны. Особенно если учесть, что, как и сто лет назад, Россия вновь находится в состоянии драматического поиска формулы решения квадратуры круга «евразийской модернизации»...

ОЛЕГ КИЛЬДЮШОВ

НЕПРАВИЛЬНАЯ СТРАНА НЕПРАВИЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ, или Русофобия как бегство от реальности

Уничтожая Чечню столько лет подряд, мы сделали демократа Шамиля Басаева террористом. <...> Он выступал как абсолютный западник, предлагал сделать армию по американскому образцу, избрать американскую модель развития, компьютеризировать Чечню, скатился от великого отчаяния, видя, что Запад не защищает Чечню, скатился, как многие другие скатились на религиозные позиции.

Валерия Новодворская,
«Эхо Москвы»

Знаете, Алексей, вы не предатель. Вы — враг.

Владимир Путин —
Алексею Венедиктову,
The New Yorker

Выбор носителями русского языка употребления формы «на Украине» является не только нарушением литературной нормы русского языка, которая требует использования предлога «в» по отношению к независимому государству, но и бессознательным (либо сознательным) лингвистическим отказом от признания существования такого государства в современной Украине.

Андрей Илларионов

Иностранцы часто жалуются, что наша страна трудна для понимания, не говоря уже об адекватном восприятии или восторженной любви. Более того,

мы знаем со слов классика, что понять Россию (умом) часто не получается и у самих ее обитателей. Также не секрет, что для многих — как заграничных, так и доморожденных — наблюдателей эта несостоявшаяся коммуникация оборачивается ненавистью к России. Прежде всего за то, что она никак не вписывается в прокрустово ложе тех политических и культурных образцов, которые в рамках культуры Модерна считаются единственно приемлемыми. Русофобия как неспособность экзистенциально и интеллектуально «справиться» с реальной, а не вымышленной Россией, представляет собой довольно примечательный феномен, широко распространенный не только на Западе, но и «в этой стране».

Наше вам здарсьте!

Внезапное появление России в «европейском концерте» (Петр I) около трехсот лет назад поставило перед элитами ближних и дальних стран множество неразрешимых до сих пор проблем политического и ментального характера. Ведь Россия исторически стала первой развивающейся страной, суверенно бросившей вызов наиболее экономически развитым государствам Запада. К тому же она никогда не была колонией, как большинство развивающихся стран, и для описания этого феномена еще не имелось политико-философского дискурса. Военная мощь России, ее неоспоримая роль в европейских делах и европей-

зированный культурный строй — все это вызывало у многих оптическую иллюзию, что духовно-интеллектуально наша страна также относится к европейскому культурному кругу и является полноправным участником проекта (западного) Модерна. Однако очевидно, что условия и факторы, необходимые для возникновения и дальнейшего воспроизводства институтов Современности, отсутствовали в России, по крайней мере до второй половины XIX в., некоторые же — до сих пор. А отдельные, зачастую блестящие элементы Модерна, прежде всего в области высокой культуры, например литература, музыка и гораздо реже наука, вполне объяснимы как результат нацеленного культурного импорта, начиная с петровской модернизации. То есть речь идет о сознательном инструментальном введении западных практик в традиционную, преимущественно патриархальную среду, социально-экономически зависимую от государства и общины, а культуру — от православия.

Агрегация этих и многих других факторов привела к возникновению во многих национальных дискурсах Европы устойчивого когнитивного диссонанса, выражающего их неспособность «вписать» непонятную Россию как ведущего неевропейского игрока европейской игры в собственную, «домашнюю» систему упорядочиваний и классификаций. Стоит ли говорить, что надежды наших исторических противников на какое-либо быстрое решение «русской проблемы» также не оправдались. Более того — ситуация только усугублялась, поскольку в результате противостояния с Россией затекли звезды многих былых «сверхдержав» (Швеция, Речь Посполита, Турция). Дальше — больше: Россия заставила считаться с собой лидеров континентальной Европы (Пруссия, Австрия, Франция). Затем пришло время «Большой игры» с Англией, подлинной сверхдержавой Запада XIX в.

В XX столетии ее место заняли США. Это общеизвестная историческая канва, обусловившая возникновение такого феномена, как русофобия.

Сразу следует сказать, что в этом смысле исторически мотивированная русофобия — как ее сестра германофобия или брат антиамериканизм — является сложным политическим аффектом, выражающим целую гамму отношений национальных элит наших геополитических конкурентов к самому факту существования «Русского проекта»: вражда, ненависть, страх, неприязнь, презрение. В этом смысле было бы ошибкой объяснять русофобию, например, XIX в. исключительно самодержавием, XX — тоталитаризмом, а нынешний западный негативизм — «кровавым путинским режимом». Ибо, как говорил в годы холодной войны крупный французский политический мыслитель Раймон Арон: «Если бы Россия все еще оставалась Россией, в то время как сейчас она представляет собой Советский Союз, если бы царская Россия находилась благодаря своим войскам в двухстах километрах от Рейна, все думали бы, что настоящую и единственную опасность представляет военное превосходство Российской империи».

Таким образом, речь идет не столько об идеологическом моменте, сколько о структурной проблеме периодической смены регионального и глобального лидерства, оставляющей долгоиграющий след в национальных дискурсах элит, даже когда непосредственное противостояние давно стало делом прошлого. Яркий пример подобного «замерзания ненависти в истории» — современное английское общественное сознание, с фантомными болями которого наша страна связана причудливым образом, поскольку территориальная экспансия России в Средней Азии во второй половине XIX в. породила в воспаленном мозгу тогдашнего британского политического класса (псевдо)проблему «русской угрозы Индии», ставшей чуть

ли не основной для тогдашней внешней политики Англии. Поразительно, что в вытесненной форме этот болезненный комплекс до сих пор напоминает о себе во время очередного обострения политико-дискурсивной активности британской общественности в связи с любым проявлением российского влияния в мире. Таким образом, возникнув в результате реализации британских планов «защиты границ Британской Индии от непосредственной русской угрозы», что стало своеобразной идеей фикс Джорджа Керзона и многих других британских империалистов-русофобов, тотальное неприятие русских и сегодня тут же дает о себе знать самым неожиданным образом, а часто просто в идиотских формах вроде блицвизита главы Форин-офиса Милибэнда в Киев в августе 2008., где он отметился нелепыми антироссийскими заявлениями, высмеянными даже в британской прессе. Последняя, впрочем, сама позволяет себе такие оскорбления нашей страны и соотечественников, что, будь это в отношении, например, пакистанцев, она давно бы разорилась по судебным искам за расистские выходки. Феноменология британского русофобского дискурса аналитически препарирована и даже проиллюстрирована — антироссийскими карикатурами из «Таймс» времен Крымской войны — в замечательном фильме Тони Ричардсона «Атака легкой кавалерии» (1968).

Кстати, исторически все это хорошо известно из опыта дискурсивной борьбы России с доморощенными и внешними русофобами и по поводу польских восстаний и Кавказской войны в XIX в. Примером здесь может служить переписка двух выдающихся русских государственных деятелей — Николая Алексеевича Милютина (творца и разработчика крестьянской и земской реформ) и его брата Дмитрия Алексеевича (автора военной реформы). Так, Николай писал в письме из Парижа от 23 апреля / 5 мая 1863 г.: «Обществен-

ное мнение Европы нам враждебно; это факт; его порывы смутны, неясны, в практическом отношении большей частью нелепы; но они все (надо сознаться) направлены против абсолютизма. Тут важную, если не самую главную, роль играет опасение той несокрушимой силы, которую может в более или менее отдаленной будущности представлять Россия обновленная, покойная, богатая и послушная одному направлению. Все, что может рисовать наше патриотическое воображение в минуты самого восторженного своего настроения, — все это мерещится в Европе в виде страшного призрака. <...> Предубеждения против нас невероятные, и они так глубоко вкоренились, что нужно много и много усилий, продолжительных и настойчивых, чтобы искоренить их, хотя бы в уме людей умеренных, которые есть везде». (Удивительно, что через полвека примерно то же самое писал великий немецкий социолог Макс Вебер, анализируя вероятное постреволюционное будущее нашей страны.)

Как видим, в России всегда понимали всю проблематичность «коммуникации» с историческими предшественниками таких статусных русофобов на Западе, как «американо-польский ястреб на пенсии» Збигнев Бжезинский или неутомимые борцы за свободу Ичкерии философ Андре Глюксман и актриса Ванесса Редгрейв (кстати, сыгравшая главную женскую роль в упомянутом фильме Ричардсона), а также самый зеленый депутат Европарламента Даниэль Кон-Бендит. «Вся эта ложь и все хвастовство польских газет переходили в газеты французские и английские. Так, с первого же времени мятежа газеты начали распространять клевету на русские войска, будто бы совершавшие разные жестокости над повстанцами и даже над мирными обывателями; вся эта ложь воспринималась западной печатью; когда же в русских газетах появлялись категорические опровержения

польских выдумок и наоборот, самые положительные сведения о совершаемых повстанцами бесчинствах, зверствах, насилиях, — никто не хотел верить, большинство газет отказывалось перепечатывать», — писал Дмитрий Милютин в своих мемуарах. Подобный опыт геополитической обусловленности тогдашней русофобии в Европе был сформулирован в России в емкой формуле: «Англичанка гадит». И опыт этот был вполне реальным, часто кровавым: спровоцированные Великобританией Крымская и Русско-японская войны, украденная под ее же давлением победа в Русско-турецкой войне. При желании здесь можно легко провести очевидные параллели с нынешними действиями наших так называемых западных партнеров...

Русское «несчастное сознание»: краткая история болезни

Именно печальный опыт прошлого подтверждает необходимость соблюдать «дискурсивную бдительность», чтобы, говоря языком XIX в., «не быть застигнутыми врасплох европейскою коалицией в союзе с внутренним врагом». Ведь существование многочисленных внутренних носителей «несчастливого сознания» (Гегель), так и не справившихся с проблемой «Россия» — то есть с Россией реальной, а не идеальной, скопированной, например, с того же западного образца, — также является особенно характерной для либеральной интеллигенции чертой, индуцированной русской культурной шизофренией. Последняя лучше всего выражена словами Достоевского: «У нас, русских, две родины — Россия и Западная Европа» — и заключается в необоснованном отождествлении себя с Другим (с Европой, Западом). Подобные случаи хорошо известны в психиатрии под названием деперсонализации, описывающей состояние изменения или потери чувства собственного «Я». Также в таких случаях врачи говорят о так называемом диссоциативном рас-

стройстве, когда больным кажется, что их жизнь вовсе не их жизнь, а чья-то другая, которую они наблюдают как бы со стороны. В языке это «несчастное сознание» хорошо маркируется распространенными среди определенной публики топосами вроде «в этой стране», «в нормальных странах» и т.п. Здесь политически важно то, что эти люди отказываются признавать себя теми, кем они являются (частью русской социальной онтологии), хотя часто сами прекрасно понимают всю призрачность надежд стать тем Другим, с кем они пытаются себя идентифицировать.

Как известно, подобный феномен был довольно распространенным явлением среди значительной части «внутренней эмиграции» в различные периоды русской истории. Это вполне объяснимо разорванностью русского общественного сознания (культурная шизофрения), не только приводящей к низкой политической интеграции общества, но и определяющей характерные формы идеологии и политического ангажмента интеллектуалов, нетипичные для западных обществ. Там от последних, скорее, услышишь: «Our country, right or wrong» («Правда она или нет — это наша страна»; *англ.*). Кстати, обычно у нас не до конца цитируют Карла Шурца, немецкого революционера, ставшего впоследствии американским сенатором: «Our country, right or wrong. When right, to be kept right; when wrong, to be put right» («Правда она или нет — это наша страна. Когда она права — поддерживайте ее в этом, когда неправа — исправляйте ее ошибки»; *англ.*). А жаль: ведь это и есть подлинно конструктивная позиция в отношении «свинцовых мерзостей дикой русской жизни» (Максим Горький).

Но, увы, в нашей истории система взаимоотношений власти и интеллектуалов сложилась совсем иначе. Несмотря на то что система господства на протяжении веков оставалась

автократически-патримониальной, но и она уже начиная с петровской эпохи была вынуждена постоянно проводить изменения, хотя бы в силу необходимости модернизации военной организации. Даже Великие реформы XIX в. — отмена крепостного права, введение местного самоуправления (земств), реформа юстиции — и форсированная индустриализация во многом тоже были попытками мобилизации ресурсов для восстановления обороноспособности страны после бесславной Крымской войны. Аналогичной стала и октроированная модернизация общественно-политической жизни при Николае II после унижительного поражения в Русско-японской войне, когда впервые в истории Современности великая европейская держава была побеждена азиатской страной.

Важным побочным результатом подобной политики инструментальной модернизации явилась дальнейшая дифференциация все еще самодержавно управляемого государства и противостоявшего ему общества. Само существование среди образованной публики слоя социально неприкаянных идеологических виртуозов было следствием государственного — правда, крайне селективного — интереса к модернизации, так как именно государство предоставляло возможность образования и контролировало преимущественную часть занятости. Растущее отчуждение образованных слоев — результат общественной дезинтеграции с далеко идущими последствиями — стало еще более очевидным после разочарования в режиме, который пробуждал гораздо больше надежд, чем мог исполнить на деле. Примечательным в этом структурном конфликте является «перформативное противоречие» между способом существования общества и способом его изменения: бюрократически просвещенный деспотизм был вынужден таким образом постоянно копать собственную могилу. Стоит ли говорить, что во многом подобная си-

стема взаимного отчуждения сохранилась и в рамках советского проекта в форме практик, как правило, пассивного сопротивления (интеллигентская фи́га в кармане). Это типически точно схвачено в фильме Ивана Дыховичного «Копейка» по сценарию Владимира Сорокина в характеристике одного ученого: «Антон был представителем технической интеллигенции. Он был сложный человек, поэтому любил три вещи: физику, жену и диссидентов. А больше всего он ненавидел советскую власть, которая дала ему все». С наследием этой традиции нам приходится сталкиваться до сих пор, когда многие думающие (что мыслящие) русские люди уже не в состоянии аналитически отделить более чем заслуженную критику Российского государства как неэффективного политического института от ненависти к России как собственной стране.

Русофобия в России сегодня

Сегодня достаточно настроить радиоприемник на волну, скажем, «Эха Москвы» или «Свободы», чтобы в паноптикуме статусных персонажей, пытающихся виртуально «жить» на Западе или в «славных девяностых», быстро обнаружить профессиональных борцов с Россией в силу их структурной принадлежности к обозначенному социально-психологическому типу. Взять, к примеру, случай, когда пару лет назад Ирина Ясина бегала с челобитной к известному гуманисту и борцу за демократию во всем мире Джорджу Бушу, чтобы пожаловаться на «кровавый путинский режим». Однако иногда подобная борьба за «другую Россию» принимает совершенно клинические формы: так, на том же «Эхе» в интерактивной программе «Рикошет» слушателям (то есть москвичам!) как-то задали следующий вопрос: «Если бы вы были на месте Масхадова и Басаева, поверили бы вы призывам федеральных властей к боевикам сдать?» А когда люди стали

в прямом эфире обоснованно сомневаться в психической адекватности радиодемократов, в ответ получили очередную порцию глумления над «непродвинутыми совками».

Не менее клинической представляется «радиоборьба» этой же публики за права абстрактного человека на самом свободном (но не от финансирования американским правительством) радио — в промежутке между сообщениями о том, как «чеченские моджахеды» убили очередную партию вполне конкретных русских солдат. Но настоящим откровением подобного рода медийной русофобии, видимо, следует считать вызвавшее возмущение Владимира Путина освещение станцией «Эхо Москвы» войны в Южной Осетии, когда репортер назвал российских солдат «вражескими», транслируя грузинскую версию происходящего. Вероятно, в ситуации фронтового стресса Юлия Латынина просто выдала секрет Полишинеля — кого эта публика действительно считает своими, а кого — врагами...

То, что деятельность многих всечеловеков, «шакалящих у иностранных посольств», по-прежнему имеет русофобский характер, также можно понять по активности нашей доморощенной публики «евроатлантической» ориентации. Маргинальные группы радикально-демократического толка и правозащитные организации (так называемая демшиза), выступающие в качестве самоназначенных представителей Запада в России, позволяют наглядно увидеть всю нелепость антироссийского дискурса в российских же условиях. Своеобразным апофеозом такого рода манифестаций в духе «Запад нам поможет!» стало странное послание известных идеологических предпринимателей Елены Боннэр и Владимира Буковского, успешно выступающих под брэндом «правозащитников». Так, во время предвыборной кампании в США в именном адресе на имя сенаторов Барака Обамы и Джона

Маккейна они утверждали, что «продолжение членства Москвы в “Большой восьмерке” просто абсурдно». И потому ничтоже сумняшеся призывали «начать и повести процесс исключения Российской Федерации из G8, послав, таким образом, ясный сигнал того, что Соединенные Штаты не испытывают ни страха, ни уважения ни к одному агрессивному или антидемократическому режиму». Здесь примечательно не только то, что в представлении этих деятелей — как, впрочем, и многих других «либерастов» — можно запросто, одним росчерком пера любого американского президента исключить Россию из числа ведущих игроков современного мира, но и то, что хозяин Овального кабинета способен самостоятельно устанавливать формат мировой иерархии. Ведь они предлагают ему отказаться от G8 и вернуться к G7, которой, по их мнению, и «должна быть эта организация».

Не менее показательной в этом смысле является более свежая история, также связанная с манифестом «либерально настроенных российских интеллигентов», опубликованном в The Washington Post 9 июня 2009 г. под говорящим заголовком «Отношения с Россией: ложный выбор». В этой статье такие известные деятели, как Лев Гудков, Игорь Клямкин, Георгий Сатаров и Лилия Шевцова выражают свое недовольство политикой новой администрации США, пытающейся выстраивать более прагматические отношения с нашей страной. Поражает та откровенность, с которой эта публика, самозванно объявившая себя совестью народа, возмущается возвращением в политику Вашингтона некоторой доли реализма: «Только представьте себе — используя формулировки, на удивление напоминающие риторику Кремля, — Комиссия по вопросам американской политики в отношении России, возглавляемая бывшими сенаторами Гэри Хартом и Чаком Хейгелом, рекомендует Обаме уважать “сувере-

нитет России, ее историю и традиции и осознать тот факт, что российское общество будет развиваться в собственном ритме». Причем праведный гнев борцов с «угрозой новой Ялты» направлен на самую попытку Барака Обамы снизить уровень напряжения между странами, что по идее должен поддерживать каждый вменяемый человек по любую сторону океана. Однако бдительные либералы в своей ненависти к собственной стране утратили всякую связь с реальностью, пытаются быть большими американцами, чем сам Обама: «Но как можно строить с Россией отношения, основанные на “общих интересах”, если ее руководство рассматривает расширение НАТО как одну из главных угроз стране, или считает, как выразился Грэхем, что ее национальным интересам отвечает “сдерживание американского влияния в регионе?”».

Всю нелепость подобной русофобской истерики «российских либералов в лимузинах» настолько точно описал известный американский политолог Анатолий Ливен, что приведу пространную цитату из его статьи в *The National Interest*: «Даже для человека, не являющегося гражданином России, в решимости Шевцовой соглашаться с Соединенными Штатами и осуждать свою собственную страну по каждому вопросу, ставшему причиной для разногласий, есть что-то тошнотворное. Это касается не только тех вопросов, по которым Америка была права, например, в отношении российского вмешательства в президентскую кампанию на Украине, но и вопросов, по которым большинство стран мира поддерживали позицию России, как, например, в случае аннулирования Договора по противоракетной обороне, которое стало результатом действий администрации Буша в 2002 году. Попытки путинской администрации отстоять соглашение были названы в книге Шевцовой результатом совдеповских “комплексов” и “неврозов”. Даже оставив в

стороне отвращение, которое вызывают подобные высказывания, очевидно, что подобные мнения со стороны этих либералов делают их избрание во власть в России невозможным. И это, конечно же, не является результатом уникального российского шовинизма или ненависти к Западу. Мне кажется, что *любая американская политическая группа, которая открыто и неоднократно отождествляла бы себя с интересами иностранных государств вместо интересов США, не имела бы никаких шансов на американских выборах*».

Российское украинофильство как особый случай русофобии

Помимо стандартного репертуара прозападной русофобии сегодня мы можем наблюдать в РФ усиление активности так называемых мазепинцев, структурно выступающих в качестве здешних проводников той политики бандеризации исторического сознания, которую успешно реализует на Украине режим Ющенко. В качестве пятой колонны русофобской политики оранжевых в России выступают как известные интеллектуалы, так и крупные бизнесмены, поддерживающие украинофильские культурные проекты на Украине и в самой России.

Причем началась эта странная страсть к украинскому не вчера. Так, еще в 2000 г. в солидном издательстве «Наука» под грифом РАН вышел написанный самостийными «вченными» том «Украинцы», извещающий мир о том, что «украинцы — один из древних народов», а также такую сенсационную новость: «Название “Украина” как один из показателей завершающегося этапа формирования украинского этноса появилось еще в XII веке, а следовательно, этногенетический процесс начался до этого времени». Желание страдающих комплексом исторической неполноценности «научковцев» удревить государственный проект «Украина» по-человечески понятно. Непонят-

но другое: как этот бред мог выйти в академическом издании, когда любому мало-мальски образованному историку известно, что впервые встречаемая в Ипатьевской летописи при описании 1187 г. «оукраина» — это топоним в значении «окраина», «край земли», но никак не политоним в смысле некоего государства «Украина» и тем более не этноним в смысле обитающего там народа, неких «украинцев». Такие же манипуляции украинские ученые проделывают с древнерусским языком и письменностью, чтобы доказать существование неких «славяно-украинских древностей». Стоит ли говорить, что подобные продукты сотрудничества институтов российской академической науки с политизированной, а точнее, национально-озабоченной публикой из системы Национальной академии наук Украины (НАНУ) только дискредитируют тот же Институт этнологии и антропологии РАН и его главу Валерия Тишкова, поскольку здесь, по сути, речь идет о специфическом жанре альтернативной истории, успешно политически инструментализируемой в русофобских целях. Так что смысл подобной «научной кооперации» часто можно выразить дилеммой: *глупость или предательство?*

Между тем несколько лет назад в интеллектуальной жизни Москвы случилось одно примечательное событие, оставшееся не замеченным широкой публикой: прошла презентация издательской серии под многообещающим названием «Библиотека украинской мысли». В редколлегии серии российскую сторону представляют либерал-олигарх Александр Лебедев, директор Института экономики РАН, член-корреспондент РАН Руслан Гринберг, руководитель Центра украинских исследований Института Европы РАН Виктор Мироненко (бывший главный комсомолец СССР), а также сотрудник этого института Дмитрий Фурман. Украинскую — львовский историк Ярослав Грицак и киевский

философ Мирослав Попович. Открылась серия сборником сочинений «выдающегося», по мнению организаторов, эмигрантского историка Ивана Лысяка-Рудницкого под пафосным заголовком «Между историей и политикой». Так чем же столь серьезных людей заинтересовало собрание статей кабинетного борца за «самостийну и незалежну»? Оказывается, «понять Украину, ее прошлое и настоящее невозможно без знакомства с эссеистикой Лысяка-Рудницкого» (Ярослав Грицак). Чтобы убедиться в этом, достаточно заглянуть в этот эпохальный труд: «выдающийся украинский историк» оказывается неутомимым националистическим публицистом, опусы которого действительно объясняют происхождение того маразма, который при Ющенко стал на Украине официальной истиной.

Приведу три цитаты этого «выдающегося ученого». «Несколько великих волн евразийских орд <...> начиная с нашествия гуннов в IV веке и заканчивая разрушением Киева <...> накрывали украинские земли». «Формирование украинского народа, вероятно, в основном завершилось в середине первого тысячелетия новой эры». «Еще во времена Киевской Руси существовали связи между Украиной и Францией и Англией». Судя по всему, в последнем случае славный представитель заокеанской историографии Лысяк имел в виду то, что королевой Франции стала дочь русского князя Ярослава Мудрого Анна. Правда, он деликатно умалчивает о том, что бедная княжна была совершенно не в курсе того, что на самом деле (согласно Лысяку и К^о) она являлась связующим звеном между Францией и Украиной. Да и сами обитатели «украинских земель» середины I тыс. нашей эры просто не подозревали о таком державном счастье, как жить «в» Украине. За них это запросто делают украинские борцы против нашей общей истории, нисколько не опасаясь оказаться по ту сторону здравого смысла.

Ведь теперь этот бред националистов от истории изучается в школах и вузах Украины. Можно себе представить, сколько подобного мусора за восемнадцать лет напихали в головы молодых жителей Украины самостийные «науковцы» — по указке сверху или по собственной национал-ушибленности. Но зачем эти политически не столь уж невинные нелепости про «тысячелетнюю Украину» нужны господам Гринбергу и Лебедеву?

Определенный ответ на этот вопрос дает очередной том названной серии под названием «Главный атаман. В плену несбыточных надежд», в котором собраны такие шедевры украинской мысли, как незатейливые газетные статейки и официальная переписка Симона Петлюры. На этот раз за трудную задачу объяснить русскому читателю смысл публикации этого гиганта мысли украинского прошлого взялся главный украинский мыслитель настоящего — Мирослав Попович, директор Института философии НАНУ имени Григория Сковороды, кстати, давно интеллектуально обслуживающий режим Ющенко и хорошо известный своим участием в антироссийских акциях вроде недавней позорной челобитной «украинской интеллигенции» Западу с прошением ни много ни мало спасти государственный суверенитет Украины, поскольку «подчинение Украины российской стратегии возобновит деление Европы, будет нести прямые угрозы международной и национальной безопасности государств Евросоюза, приведет к снижению общего уровня доверия и безопасности в Европе, эскалации напряжения и противостояний в международных отношениях в целом». В своем предисловии к духоподъемным воззваниям «главы Директории Украинской народной республики» академик Попович утверждает, что якобы «есть серьезные поводы для признания независимой Украины продолжением политической традиции УНР», а не УССР, как из-

вестно, приватизированной в 1991 году тогдашней номенклатурой. Дальше — больше: вроде бы мягко порицая Петлюру за русофобию, этот наследник Сковороды в то же время аплодирует ему за то, что тот выбрал единственно верный путь национальной солидарности, «определив имперскую российскую государственность как главную опасность для Украины». Видимо, в этой политической программе исторического обоснования разделения судеб наших братских народов и кроется главный интерес внезапных украинофилов, рядящихся в тоги просветителей российского читателя, который благодаря книге якобы «увидит совсем не того человека и политика, образ которого создавался в Советском Союзе». Оставим на совести академика широкие жесты вроде утверждения, будто «реально Петлюра был руководителем УНР на украинских территориях всего около двух лет», и странные для профессионального философа-аналитика силлогизмы вроде: «Современное независимое украинское государство, символика которого — это символика УНР, должно отдавать дань уважения ее руководителю». Ведь по этой логике любой пособник нацистов, вроде тех же бандеровцев, заслуживает респекта только из-за того, что его «униформу» украшал трезубец.

Однако настоящим апофеозом активизации деятельности мазепинцев в России стала эпохальная работа профессора Санкт-Петербургского университета Татьяны Таировой-Яковлевой «Мазепа». За эту ревизионистскую книгу «авторка» даже получила орден из рук Ющенко. Не будем утруждать читателя пересказом «достижений» ученой дамы, прошедшей выучку у заокеанских украиноведов, поскольку они подробно разобраны в разгромных рецензиях русских и украинских коллег. Кстати, в интервью еженедельнику «Зеркало недели», ведущему русофобскому изданию Украины, она заклеила своих критиков

как авторов «экстремистских сайтов». Однако в рамках нашего главного интереса к русофобии в России отметим другое обстоятельство, которое Таирова-Яковлева не забыла упомянуть: «В университете у меня весьма серьезная поддержка, а Владимир Путин (тогда еще президент РФ) дал именной грант как молодому доктору наук. На российские гранты мне грех жаловаться». Политика русофобской soft power в отношении исторической России точнее всего выражается следующим перлом Таировой-Яковлевой, назвавшей главу о предыстории предательства гетмана по-женски — «Неприятности»: «Бессмысленность гибели украинских войск на чужой земле в борьбе за чужие интересы была очевидна многим, не исключая Мазепу». Не менее потрясают характеристики Кочубея и Искры, безуспешно пытавшихся предупредить Петра о готовящейся измене: «время атаки на Мазепу было выбрано не случайно», «можно было сблефовать и обвинить Мазепу в переговорах с поляками — там, на пытке, глядишь, и факты откроются», «в этом видна и местечковая ограниченность взглядов Кочубея, для которого идеи единой Гетманщины, объединения Украины, защиты православия от гнета католиков были чужды и непонятны».

Как известно, на создание Комиссии при президенте РФ по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России Дмитрия Медведева сподвигли успехи реваншистов по реабилитации нацистских приспешников в Латвии, Эстонии и на Украине. Думаю, президент очень удивится, если узнает, что один из центров историко-семантической войны с Россией находится в его собственной *alma mater*...

На этом фоне также примечательна реакция руководства издательства «Молодая гвардия», издавшего сей пасквиль в популярной серии «ЖЗЛ»: главный редактор Андрей Петров в от-

вет на упреки в том, что сомнительные персонажи вроде Мазепы стали вдруг «замечательными людьми», пытается спастись бегством в историческую семантику, утверждая, что для инициатора серии Флорентия Павленкова в 1890 г. «замечательные» означало «интересные, известные» люди. Вряд ли эта «отмазка» удовлетворила бы Максима Горького, возобновившего серию в 1930-е гг. Ведь когда русофобская газета «День» обрадовала своих читателей тем, что «в популярной российской серии “Жизнь замечательных людей” вышла книга “Мазепа”», то «галицаи» знали, что делали, заявляя, что москаль сами признали «гетьмана» великой исторической личностью...

Во всей этой истории внезапно оживших мазепинцев отдельного внимания заслуживают российские и украинские ученые, деятели культуры и бизнесмены, работающие в РФ, зарабатывающие на сотрудничестве с РФ и в то же время поддерживавшие русофобские «инициативы» клики Виктора Ющенко. Быть может, их «плодотворная деятельность» когда-нибудь заслужит внимание упомянутой президентской комиссии. Пока же первый скромный результат ее существования заключается в том, что само известие о ее создании заставило немного понервничать многих украинских профессиональных борцов с Россией — в своих сочинениях они начали публично озадачиваться вопросами относительно перспектив (вернее, их проблематичности) дальнейшей деятельности в РФ и за счет РФ. Что ж, уже неплохо для недавно созданной комиссии, смысл которой был поставлен под сомнение большинством комментаторов...

Отменить принцип Моськи

Русофобия, распространенная, например, среди элит «гонимой» Польши, «свободолюбивой» Грузии или ставших подлинно «независимыми» — в том смысле, что от них уже ничего не зависит, — прибалтийских республик,

вполне функциональна. Она позволяет местным политпредпринимателям придать хоть какой-то геополитический смысл в целом довольно бессмысленному существованию этих стран, обеспечивая некое виртуальное решение проблемы самоидентификации для себя и остального населения. Делая из нужды добродетель, они пытаются за наш счет дискурсивно решить проблему исторических аутсайдеров — проблему их реальной зависимости (военно-политической, экономической, культурной и даже символической) от стран, являющихся реальными субъектами мировой истории в определенный период времени. Так посочувствуем же им в этом неблагодарном занятии, особенно после того, как реальные центры силы дали им понять, что больше не нуждаются в услугах провокаторов конфликтов между великими державами.

Нам же, все еще большим и по-прежнему мешающим кому-то, остается вспомнить, что ни в Малави, ни в Парагвае, ни в королевстве Тонга осо-

бых симптомов русофобии не наблюдается. Что в случае любой русофобии всегда идет речь о «клеветниках России» (Пушкин). Что из перечисленных выше предикатов самого определения «руссофобия» со всей очевидностью следует — страх наших конкурентов, соперников и врагов перед нами для нас гораздо комфортнее, нежели их презрение по отношению к нам. Что подлинно суверенная страна должна всегда действовать в духе Наполеона, заявившего перед заключением Кампоформийского мира: «Французская республика так же не нуждается в признании, как не нуждается в нем солнце». А тем нашим согражданам, которые в ответ на подобную манифестацию суверенитета со стороны РФ готовы заранее испугаться собственного мужества и издать традиционный для определенных кругов визг об «угрозе международной изоляции России» и т.п., можно ответить вопросом: зачем нам признание тех, для которых русофобия есть средство достижения признания других?

АЛЕКСАНДР СЕВАСТЬЯНОВ

I. УЧИТЬСЯ, УЧИТЬСЯ

И УЧИТЬСЯ... НАЦИОНАЛИЗМУ!

Сидорина Т.Ю., Полянников Т.А.
Национализм. Теории и политическая практика. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2006. — 360 с.

Как же нужно дефинировать и исторически классифицировать национализм?

В этом вопросе по-прежнему сильно расходятся ученые в области социальных наук.

Определенное согласие существует лишь в том, что в новой европейской истории национализм представляет собой одну из самых эффективных интеграционных идеологий, с помощью которых мобилизуются народные массы.

Этот укус не смертелен

Неожиданный подарок судьбы — в мои руки попала книга, предназначенная совсем другому читателю: вузовский учебник на тему национализма, рекомендованный почему-то для студентов, обучающихся по направлению подготовки «Экономика».

Дождались и мы, националисты русские, светлого дня: нашему предмету начинают учить в вузах! Да не в каких-нибудь, а в одном из самых престижных, элитных, где сильные мира сего готовят себе смену — в Высшей школе экономики. Этот вуз демократы ельцинского призыва создали в первую очередь для себя и своих детей, недаром вручив бразды правления Евгению Ясину, духовному отцу Гайдара. И недаром ВШЭ прозвали в народе «осиным гнездом либерализма».

Что же вынудило сотрудников *такого* вуза обратиться к теме национализма, казалось бы, неорганичной для либерально-космополитического кон-

тингента? На мой взгляд, главных причин три.

Во-первых, как я убедился, изучив книгу, это чисто научный, академический интерес, который у всякого настоящего ученого (а Т.Ю. Сидорина, несомненно, из этого племени) имеет независимый характер и сам указывает, чем заняться на сей раз.

Во-вторых, преподаватели высшего звена ВШЭ по понятным причинам озаботились воспитанием студенчества в «правильном» духе. Для чего мастерски точно, полно и аргументированно создали трактовку феномена национализма с либерально-космополитической точки зрения. Оказав этим большую услугу скорее нам, националистам, нежели студенчеству. Ибо перед читателем предстает не только *credo* ангажированных авторов во всей полноте своих сильных и слабых сторон, но и все их фобии (истинная движущая сила книги). Именно это обстоятельство делает данный «укус осы» несмертельным, придает ему характер прививки, после которой воззрения националиста станут только крепче, а умный студент сделает умные выводы.

В-третьих... Но об этом авторы скажут сами.

Дорогостоящее признание

Сотрудники суперлибералистского идейно-политического центра, коим является ВШЭ, делают в завершение книги выводы неожиданные, но трезвые.

Самый главный из них звучит так: «“Русский национальный проект” в его современной форме является антитезисом провалившегося “либерального проекта”» (с. 342). Авторы приводят с десяток аргументов, из которых неопровержимо следует, что именно национализм в наши дни сделался главным и основным, «фронтальным» оппонентом либерализма.

Такое признание, прозвучавшее из недр цитадели российского либера-

лизма, безусловно, дорогого стоит. Собственно, мы видим здесь даже не одно признание, а три: 1) либеральный проект в России провалился; 2) перспектива его реставрации не просматривается; 3) единственная реальная альтернатива на будущее — русский национализм. Обнадеживающе.

Авторы поясняют, что только три идеологии — коммунизм, либерализм и национализм — пользуются «наибольшим влиянием в современной России». При этом добавляют важнейшее наблюдение: «рассматривая... программные тексты и действия основных российских... политических сил и публичные заявления их лидеров, можно сделать вывод о постепенном сдвиге их идеологических предпочтений именно в сторону признания, пусть не в полной мере и с теми или иными оговорками, многих позиций националистической идеологии. Это относится не только к такой политической структуре, как “Родина”, но и к “Единой России” и КПРФ. Кроме того, сторонники современного русского национализма представлены также на достаточно высоких уровнях исполнительной ветви власти» (с. 343).

Последнюю фразу я не могу прокомментировать (мало данных), а авторы не раскрывают персональных секретов, так что остается только верить их осведомленности. Что я делаю тем более охотно, что за сими словами авторы рисуют перспективу настолько радужную, что хочется отбросить все сомнения и доверять им безоговорочно:

«В случае неблагоприятного для России поворота международных отношений и нарастания внутреннего кризиса весьма вероятной становится идеологическая трансформация существующего в стране политического режима из либерально-демократического в авторитарно-националистический» (с. 344).

Что ж, как говорится, вашими бы устами (насчет поворота международных отношений не поручусь, зато нарастание внутреннего кризиса можно

гарантировать стопроцентно). Напомню, что подобную будущность нам уже предсказывали, причем опять-таки одновременно из двух противостоящих лагерей¹.

Фельетонист былых времен непременно завершил бы тему оптимистической цитатой: «Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами». Но, по-моему, не так все просто — и для самих авторов-либералов, и для нас, националистов.

Да, выше прозвучало важнейшее, эпохальное признание, почти безоговорочная капитуляция либералов перед националистами. Но в том-то и дело, что «почти». Верные своей природе и фирменной марке ВШЭ, они, даже стоя одной ногой в политической могиле, пытаются вести с нами торг об условиях сдачи. А заодно, как осе и положено, подпускают капельку яда, чтобы сделать нас сговорчивее. Подробности ниже.

Националист? Предъяви сертификат соответствия!

Что волнует сегодня передовую либеральную мысль, фундаментально представленную в учебнике «Национализм»? Одно: договороспособность националистов на тот случай, если придется с нами договариваться. Не обманем ли? «Как показывает практика, — делятся они своими опасениями, — некоторые группы националистов (как, впрочем, представителей и других политических течений) проявляют готовность “играть по демократическим правилам” лишь из тактических соображений, т.е. до тех пор, пока

¹ Неизбежность победы националистического дискурса почти одновременно провозгласили такие диаметрально противоположные по своим убеждениям политологи, как Эмиль Паин и Валерий Соловей. Подробнее см.: *Севастьянов Александр*. Русское национальное государство: «рай для своих» или «лавка смешных ужасов»? // Политический класс. 2008. № 4.

им не удастся сосредоточить в своих руках достаточного объема властных полномочий» (с. 350).

Надо заранее навести все нужные мосты. «Завершая работу, — итожат авторы, — следует подробнее рассмотреть вопрос о том, как в начале XXI века национализм соотносится с принципами либерализма и демократии. Этот вопрос крайне важен и с теоретической и с политико-практической точек зрения» (с. 348).

И вот в вопроснике, предложенном для студентов, появляются такие, например, неожиданные вопросы:

« — Как принято классифицировать национализм в зависимости от его отношения к демократии?»

— Каким критериям должен удовлетворять либеральный национализм?» (с. 345).

Ново — и странно, не так ли? Но студентам ли адресованы на деле эти вопросы? Нет, скорее — второй высокой договаривающейся стороне, то есть нам, националистам. Авторы как бы намекают, подсказывают нам: господа, играйте по нашим правилам, соглашайтесь на наши условия, и мы не станем с вами биться всерьез, новой гражданской войны не будет, все покончим миром, приходите и владейте...

Что же должны отвечать студенты (т.е. какой сигнал должны уловить мы, чтобы соответствовать ему)? Тут авторы ссылаются на ряд авторитетных источников² и приводят ключевые соображения. В первую очередь, общего характера: «С точки зрения отношения к демократии, как правило, выделяются три типа национализма: *враждебного* демократии, *нейтрального* и *соответствующего* ее базовым принципам и задачам»³ (с. 348).

² Труды А.И. Соловьева, А.М. Дробижевой, Д. Миллера, М. Линда, В. Коротеевой и др.

³ Тут авторы ссылаются на: *Соловьев А.И.* Политология: политическая теория, политические технологии. М.: Аспект-пресс, 2000. С. 187.

Скажу сразу, данный меседж нашел-таки своего адресата. Журнал «Вопросы национализма» № 2/2010 почти весь целиком посвящен проблеме «союза земли и воды» (сиречь возможностям марьяжа национализма и либерализма). В особенности — статья Александра Храмова⁴, да и я там же подробно расписываю именно национал-демократические воззрения мои и моих коллег⁵.

Проверкой нас на верность национал-демократическим принципам авторы не ограничиваются и далее подробно перечисляют условия своей почетной капитуляции. Для этого победоносные националисты должны соответствовать шести критериям (по А.М. Дробижевой):

«О либеральном национализме можно говорить, если:

— государственность декларируется от имени граждан, проживающих на территории республики, или народа в понимании сообщества людей, проживающего на данной территории (или народов, этнонаций, национальностей, живущих в республике);

— устройство государства в республике можно отнести к либерально-демократическому типу, обеспечивающему верховенство законов, всеобщее избирательное право, представительный характер власти, выборность власти как формы реализации принципа представительства, разделение властей на законодательную, исполнительную и судебную;

— обеспечивается политическое и правовое равенство граждан, в том числе право быть избранным на государственную должность;

— допускаются плюрализм и свобода политической деятельности, сво-

⁴ *Храмов Александр.* Национализм и модернизация. Теория и перспективы либерального национализма // ВН. 2010. № 2.

⁵ *Севастьянов Александр.* Национал-демократия — не национал-социализм // ВН. 2010. № 2.

бода слова, право формулировать и отстаивать политические альтернативы, возможность внутренних разногласий при обсуждении ценностей, идеалов, в том числе национальных, этнокультурных, лингвистических, сути самой общности и ее границ в приемлемых для дискутирующих сторон формах, избегающих экстремизма и насилия;

— наличествуют политические институты, обеспечивающие разнообразие культур, права меньшинств;

— обеспечивается свободное право личности на выбор национальности» (с. 349).

На основании данного перечня критериев авторы учебника делают свой вклад в создание идеала «национализма в хорошем смысле слова» (В. Путин). Фиксируя дрейф интеллектуального мейнстрима России в националистический сектор, они сами спешат в него встроиться: «Либеральный национализм видится если и не доминирующей (к сожалению) формой современного национализма, то наиболее актуальной и перспективной» (с. 350). Ну, это пока не факт.

Как теоретик и политик-инсайдер русского национализма, я сразу и совершенно уверенно могу сказать, что из названных шести критериев мы практически полностью соответствуем всем, кроме первого и последнего (с небольшой оговоркой: меньшинствам, конечно же, гарантируются права, но только общие, а не какие-то особые, и именно по соображениям демократии).

Но точно так же твердо и уверенно я гарантирую, что у русских националистов никогда не повернется язык ни декларировать русскую национальную государственность от имени всех людей, проживающих в России (т.е. попросту всего населения), ни признать, а тем более обеспечить свободное право личности на выбор национальности. Но, конечно же, не по причине нашей измены демократическим идеалам, а по причине нашей верности здравому смыслу и нежелания выглядеть пол-

ными идиотами и пропагандистами злого абсурда⁶.

Принятие националистами любой национальности двух отринутых мною выше условий означало бы не только добровольное признание абсурдистской логики, но и полное выхолащивание национализма как такового, манифестацию национализма без национализма. После чего рассчитывать на собственный сложившийся и распространяемый электорат уже не придется: не поверит.

От русских националистов такого ждать не следует. Если из-за этого нас не удостоят сертификата истинных (читай: либеральных) националистов — что ж, придется пережить. Доверие русского народа важнее. Но не лучше ли либералам взяться за ум и снять заведомо невыполнимые требования с повестки дня?

Либералы пишут письмо турецкому фантому

Немного забегаая вперед, должен сказать, что в каком другом — а вот именно в русском национализме авторы ориентируются весьма поверхностно. Не знаю, в частности, почему они решили, что «опыт Турции как образец для руководства нашей страны в последнее время все чаще упоминают влиятельные сторонники современного русского национализма». Кого они имеют в виду? На моей памяти откровенная и развернутая апология турецкого национального государства в качестве примера для русских была выражена только один

⁶ Не перегружая справочный аппарат статьи обширными ссылками на материалы многих дискуссий на тему, чем и как определяется национальность человека, замечу лишь одно: мы, разумеется, за свободный, но документально обоснованный выбор личностью своей национальности. К примеру, сын татарки и башкира волен записаться как в татары, так и в башкиры, но, уж конечно, не в эфиопы, китайцы или русские.

раз в давней статье Вадима Сидорова «Путем Кемалья»⁷.

Однако именно турецкий вариант Сидорина и Полянников почему-то рассматривают как желанный и образцовый для русских националистов (на деле у нас есть образцы и получше). Быть может, им просто понадобился хоть какой-то жупел для российской аудитории?

Похоже, что так. В главе «Модель этнонации для России: выход или угроза?» они как раз и пытаются жупелировать: «Национализм... этнического типа в России может быть только национализмом русских. Но открыто заявить об этом, сделать ставку на “русский фактор” в существующих внутри- и внешнеполитических условиях слишком опасно, да и с практической точки зрения чрезвычайно сложно» (с. 339).

Насчет практики тут же следует сноска, с которой нельзя не согласиться: «Учитывая, например, чрезвычайно пестрый в этническом отношении состав российской экономической и политической элиты».

Но вот в обоснование какой-то якобы опасности ставки на русский фактор никаких серьезных аргументов авторы привести не смогли. Они честно формулируют свое главное опасение: «В любом случае гипотетический “русский проект” по определению не сулит гражданам страны спокойной и мирной жизни». Но почему? Отчего? По какому такому «определению»? Совершенно неясно и непонятно. Вот тут-то им и понадобился «классический» пример Турции, якобы столь близкий сердцу русского националиста. Авторы взяли «кратко напомнить о результатах и издержках “национальной модернизации” этого ближневосточного государства», чтобы доказать читателям, будто бы «опыт всех государств, реализовавших в своей истории сценарий

“этнического национализма”», чреват большими бедами и социальными катаклизмами (с. 339).

Правду ли глаголют авторы? Такое ли уж плохое будущее уготовал Турции и туркам Кемаль Ататюрк, совершивший национальную революцию во имя своего народа? Клянут ли его потомки за «национальную модернизацию», пеняют ли на «издержки»? Следует ли, соответственно, России и русским опасаться турецкого пути, чтобы, не дай бог, не разделить его последствий?

На мой взгляд, пример для запугивания выбран очень неудачный, а к России попросту неприменимый. Случилось так, что я посетил Стамбул не далее как в феврале сего года. Я (простите за нескромность) — внимательный, вдумчивый, даже вездельный и опытный путешественник-наблюдатель, мне пыль в глаза не пустишь и на мякине не проведешь. Я вполне ответственно заявляю: опасения беспочвенны, туркам действительно во многом можно позавидовать.

Главное — у Турции (конкретно: у турок) есть будущее, возможно — великое будущее. Мне легко сравнить Стамбул с Лондоном, Парижем, Берлином, где я нередкий гость, да и с Москвой, разумеется. Если Париж уже не принадлежит французам, а пригороды и подавно; если Лондон еще пытается, но, боюсь, тщетно, напрягать силки в борьбе с нашествием иноплеменных⁸; если Москва безрассудно следует их плачевным курсом, а Берлин — это просто глубокая и тихая общая могила, то Стамбул — огромный, кишущий живою жизнью муравейник, переполненный людьми одной породы, фонтанирующий всяческой активностью, оставляющий незабываемое впечатление единого жизненного устоя, самобытности и целокупности. Это под-

⁷ Национальная газета. 1998. № 4–5 (16–17).

⁸ Уж какая там борьба, если сам архиепископ Кентерберийский призвал ввести в Англии нормы шарията!

линия столица турецкого и никакого иного народа, его средоточие и мощно бьющееся сердце.

О чьей же судьбе нам, русским, стоит мечтать, с кого брать пример: с французов или с турок? Ответ очевиден.

Вопреки жупелированию наших авторов, следует подчеркнуть, что после кемалийских преобразований Турция уже без малого сто лет наслаждается относительным миром и покоем, так что их страшилки, мягко говоря, не соответствуют действительности. При этом замечу, что турки составляют 80% населения Турции, т.е. чуть меньше, чем русские в России, однако указанным благодеянием пользуются не только они, но и национальные меньшинства, за исключением, отчасти, вечно бунтующих курдов.

Что же конкретно смущает Сидорину и Полянникова? Почему они предостерегают русских не вступать на турецкий путь? Чьими интересами они руководствуются при этом? Чем этот путь так уж плох для нас?

Ну, во-первых, они предъявляют читателю геноцид армян 1915–1923 гг. Хотя именно Кемаль Ататюрк и именно в 1923 г. в ходе турецкой революции сверг халифат и объявил Турцию светским государством, после чего геноцид как раз и прекратился. Так что не стоит валить с большой головы на здоровую. Замечу также, что русские заплатили за модернизацию России геноцидом и экспроприацией собственного русского народа. Допустим, хотя это и не так, что турки каким-то мистическим образом заплатили за модернизацию Турции — геноцидом и экспроприацией армян. Кто умнее? Кто поступил лучше, правильнее? Тут и спрашивать нечего. Но главное: русские в наши дни никому не угрожают геноцидом и даже близко к тому не ставят вопрос, так что опасение наших авторов пропадает втуне, оно не про нас.

Кстати, в современной Турции никто, кроме политиков, уж и не вспоминает про армянский геноцид, и этот

тихо забытый факт никоим образом не нарушает «спокойную и мирную жизнь» абсолютно стабильной и внутренне солидарной страны.

Во-вторых, оказывается, «создать гражданское общество западноевропейского образца ни Ататюрк, ни его преемники так и не смогли!» (с. 340). Ай-яй-яй! Но в этом-то ведь и счастье Турции! Разве мы не видим с содроганием сердечным, до чего докатилась-доигралась Европа?! Недаром на Ататюрка все турки просто молятся, он самый высокочтимый человек на Земле, его портреты и в музеях, и в гостиницах, и в частных квартирах, все-народное обожание его безмерно... И попробуйте над этим пошутить!

Других аргументов против турецкого опыта у авторов не нашлось.

Вживую сравнив бурлящий энергией национальный турецкий Стамбул¹⁰ с увядающими космополитическими столицами Европы, я лично неколебимо уверился в том, что понятия о добре и зле у нас с либералами на этом оселке разошлись. Ведь мы хотим России добра, а не «гражданского общества западноевропейского образца», от которого умирают.

Так кого же они пугают? Пугать русским национализмом русских, как я выразился еще лет пятнадцать тому назад, это все равно, что рыбу пугать водой, — вполне бессмысленно. Пу-

⁹ Яркий пример: в Стамбуле есть небольшая община православных (!) турок-христиан со своей церковью, полной великолепных икон, в основном греческого письма. На внешней стене здания общины — громадный плакат с ликом Ататюрка и надписью: «Мы все — турки!» Позавидуешь...

¹⁰ Незабываемое впечатление производит вечером главная улица Истиклаль (бывшая Пера), вся сияющая немислимой иллюминацией и залитая сплошь черноголовым народом так, что кажется единой слитной живой и трепещущей массой. Чего бы я не дал, чтобы увидеть так же плотно заполненную русоголовой молодежью Тверскую!

гать им нерусских, особенно евреев, — тоже напрасный труд, их позиция и так давно сложилась и устоялась, переменить ее вряд ли удастся.

Так что не надо нас Турцией страшать, ибо это не страшно.

Спасибо за предупреждение

Однако в учебнике «Национализм» содержится информация действительно пугающая, страшная. Едва ли не лучшие главы в книге — те, что посвящены раскрытию тем глобализации и постмодернизма. От этих явлений реально исходит невыдуманная и капитальная угроза нам, националистам и опекаемым нами народам. Весь высокий профессионализм ученых авторов выказал себя именно на данном поле.

Конечно, Сидорина и Поляников не так уж простодушны; они одновременно дают подсказку «и нашим, и вашим»: предупреждая националистов о грозящих объективных опасностях, тем самым указывают нашим противникам наши слабые места — наиболее многообещающие направления для атаки. Ведь неизвестно еще, чья возьмет; возможность примкнуть завтра к победителям нужно обеспечить сегодня.

Надо помнить, что только явный крах либерального проекта в России вынужденно подвинул авторов на попытку диалога, пусть пока заочного, с националистами. Но внутри себя либералы остались верны себе. И по большому счету эта блестящая книга написана умными, высокообразованными специалистами с целью развенчать национализм и поставить ему посильные заслоны. Научить российскую элиту завтрашнего дня эффективно противодействовать национализму. Даром, что элита, если она служит чужому хозяину вместо своего народа, т.е. если она не националистична, не может считаться элитой.

Так или иначе нам есть за что поблагодарить авторов. Даже если они предупредили нас не нарочно и многое

приходится вычитывать между строк. *Praemonitas — praemunitas.*

На какие же угрозы для конечного торжества националистов они указали? Это:

— эпоха постмодерна, начавшаяся в 1970-е и пока еще не исчерпавшая себя;

— глобализация, в рамках которой отдельными строками также читаются:

- национализм меньшинств;
- растущий новый классовый антагонизм;
- смена/подмена идентичностей;
- права человека и индивидуализм.

Разберем все эти угрозы по пунктам.

О постмодернизме

Авторы с ходу задают жестко однозначный тон: «Постмодернисты — это сознательные сторонники постмодернизма, а постмодерн — это та культурная атмосфера, интеллектуально-информационная “аура”, в которую погружены все обитатели Запада, вне зависимости от их предпочтений и сфер социально-практической активности» (с. 182).

То есть надо понимать так: постмодернизм — попросту образ жизни и мысли современной мировой элиты, диктующей его остальному миру, а все прочие при сем присутствующие — постмодернисты поневоле.

Почему постмодернизм, овладевший глобальной элитой и втягивающий высшие «продвинутые» слои интеллектуалов всех стран в свою орбиту, враждебен национализму? По причинам наиболее глубоким — психологическим.

Во-первых, потому, что «исключительное значение для постмодерна имеют критика и отказ от “целостностей” любого рода. Методологические идеи “единого”, “тождества”, “общего” всегда, пусть даже в самых отдаленных последствиях, предполагают насилие и тоталитарные претензии.

Следовательно, на их место должны прийти идеи “различия”, “особенного” и “нетождества”. Из этого вытекает принципиальный плюрализм культуры постмодерна» (с. 189).

В свою очередь, «плюрализация современной культуры оказывается коррелятом характерной для постмодернизма стратегии децентрации, т.е. отказа от поиска центральных несущих элементов в тех или иных знаково-символических комбинациях и конструирования новых комбинаций без опоры на какие-либо “центры” или “ядра”» (там же). В том числе происходит тотальный отказ от любых «универсалистских претензий» (а национализм, безусловно, таков).

Во-вторых — потому, что в новейшей ситуации происходит «рост в культуре игрового начала... Свойственный модерну пафос серьезности, ответственности и последовательности исчезает; он замещается пропагандируемыми постмодернистами иронией, аффектом и спонтанностью»¹¹ (с. 190). Таким образом, партийная дисциплина и ответственность, героизм, жертвенность, преданность делу, без которых невозможен успех общественного (в т.ч. национального) движения, теряют в массах интеллигенции актуальность, девальвируют — или превращаются в элемент шоу.

Авторы справедливо задаются хорошим вопросом: «Какие формы национализма оказываются как бы соответствующими, конгениальными самому духу постмодерна, а какие ему противоположны?»¹² (с. 196).

¹¹ Готов свидетельствовать это как канцлер-инквизитор Ордена куртуазных маньеристов (1988–2003), известного полусушутейного-полусерьезного объединения поэтов.

¹² Здесь не место подробно разбирать либеральный постмодернистский проект как таковой, но замечу попутно, что он имеет не только свои «узкие» (т.е. уязвимые в силу непродуманности) места, но и свою настоящую ахиллесову пята: это постмодернистская ан-

Ответ, предложенный ими, не показался мне адекватным. Они пишут, что в новую эпоху «под сомнение ставится сама возможность (разумеется, без применения массового насилия)¹³ и необходимость существования крупномасштабных политических сообществ старого типа, к которым относится и классическое национальное государство»¹⁴ (там же).

А посему якобы «национализм старого образца, апеллирующий к чувствам немцев, французов и итальянцев, уходит в прошлое. На его место приходит национализм нового типа — баварский, баскский, корсиканский, ломбардский. Если первый тип мы можем назвать большим, или макронационализмом, то последний является национализмом малого типа, или микронационализмом. При этом макронационализм в современной ситуации выступает в качестве консервативной реакции на политические и культурные проявления постмодерна, а микронационализм, изоморфный локалистским и маргинальным интенциям постмодерна, становится для последнего естественным союзником» (с. 197).

С этим выводом можно согласиться лишь частично, притом в той части, которая успешно опровергает целое. А именно: наблюдается невиданный и неслыханный повсеместный рост национализма, причем даже в таких мелких этнолокусах, о которых и думать-то всерьез было неприлично всего каких-то двести лет назад.

тропология, полагающая человечество единым родом, а различие культур — всего лишь случайностью, результатом атавизма или субъективного предпочтения. Оба тезиса неверны.

¹³ Почему «разумеется» и кто выставил такое условие, авторы не объясняют, хотя надо бы, т.к. оно не самоочевидно.

¹⁴ В эту парадигму легко ложится, скажем, национал-анархизм а-ля проф. П.М. Хомяков сотоварищи. Однако их неизбывная маргинальность ясно указывает на дефективность самой парадигмы.

А вот с псевдофактом убытия национализма у больших народов согласиться никак нельзя. Немецкий национализм, в частности, успешно возрождается и растет не по дням, а по часам; то же можно сказать о поднимающихся национализмах итальянском, швейцарском, испанском, франко-канадском и т.д., не говоря уж о русском¹⁵.

Что же касается французов, которых я люблю нежно и сострадательно, то тут перед нами действительно печальное исключение. Мне жаль их непереносимо, я остро ревную их славное прошлое к их настоящему угасанию. И я хорошо понимаю, что их путь к конечной гибели, увы, имеет умственное происхождение, он порожден фальшивой идеей «liberté, fraternité, égalité», за которую они, рассудку вопреки, продолжают цепляться, а в результате сажают на французский трон не своего национального лидера Ле Пена, а вашингтонского ставленника — венгерского еврея Саркози. Но... все дело в том, что у французов отродясь никакого национализма и не было. Был военно-государственный патриотизм, даже шовинизм — но не более того. А национализму и взяться было неоткуда, т.к. нацией французы никогда не были и стать так и не успели, да теперь уж, как видно, и не смогут. Так что их пример — исключение, подтверждающее правило.

Исходя из сказанного, я готов считать, что хотя эпоха постмодерна в целом не благоволит национализму, она не является слишком уж большой преградой для нас. Ниже я предложу свой ответ на ее вызовы. Главное: постмодерн не вечен и реакция на него не за горами.

Гораздо более серьезный противник для нас — глобализация.

О глобализации

Самое сильное место в книге — уничижение и лишение национализма видов на будущее, производимое через апологию постмодерна и глобализации, верными адептами коих являются авторы. Основная идея соответствующего раздела в том, что ничего, мол, уж тут не поделаешь, против глобализации не попрешь, надо сдаваться на милость победителя, отказываясь от национального суверенитета (национального государства) ради включения в глобальную политэкономическую систему.

Авторы прекрасно разобрались в проблематике. Пожалуй, я еще не встречал более ясного и доходчивого изложения обеих доктрин, как глобалистской, так и постмодернистской. Но изложения, окрашенного в радужные тона, призванного внушить читателю сочувствие и восхищение. Все по известной из анекдота формуле: если где насилие неизбежно, расслабьтесь и получите максимум удовольствия. На языке авторов это звучит так: «Процессы десоверенизации национальных государств носят, главным образом, стихийный и вполне объективный характер» (с. 247).

Позиция стопроцентно капитулянтская, предназначенная дискредитировать самую идею национализма, выставить ее как ретроградную и вот уж почти реликтовую, воспринять которую положительно никоим образом не сможет современное просвещенное, «продвинутое» общество.

Чтобы убедить нас, авторы, так же как и в начале разговора о постмодерне, начинают с дефиниции глобализации (что глубоко верно методологически):

«Самое простое определение глобализации можно сформулировать следующим образом: это процесс объединения или интеграции человеческой деятельности в масштабах всего земного шара. При этом речь идет о возникновении принципиально нового структурного уровня социальной ре-

¹⁵ Соловей Валерий. Восстание этничности и судьба Запада. Новый тип конфликтности в современном мире // Политический класс. 2006. № 8.

альности, по отношению к которому классические, имеющие длительную историю социальные целостности (цивилизационные, конфессиональные, этнонациональные, классовые, профессиональные и т.д.) выступают в качестве реальностей более низкого, подчиненного структурного уровня... Глобализация представляет собой развертывающийся во многих измерениях (информационном, финансовом, социально-экономическом, демографическом, технологическом, военно-стратегическом и т.д.) процесс расширения и углубления устойчивых функциональных взаимосвязей между социальными акторами или субъектами разного типа и уровня вне зависимости от их географического местопребывания. Можно сказать, что глобализация стирает все и всяческие границы и как бы ликвидирует физическое пространство» (с. 227).

Как ни странно, авторы даже не задаются первоочередными, казалось бы, вопросами: нужно ли все это России и русским, благотворно или тлетворно все это для них? А если ненужно и тлетворно, то можно ли (и как) глобализации сопротивляться?

Но вся беда в том, что либеральное сознание вполне лояльно глобализации, ему не только комфортно, но и лестно сознавать себя пусть микро-, но актором «фатального» процесса. И это невзирая на то, что авторы прекрасно понимают: «У противников глобализации, в том числе у сторонников экономического национализма, появляются основания говорить об “антинациональном” или “антинародном” характере политики, проводимой правительствами» в глобализационном русле, когда «современное государство все чаще вынуждено действовать в интересах транснациональных корпораций» (с. 241–242).

Не слаще для народов и прогрессирующая «культурная плюрализация», и демографический крах белых народов, сопровождающийся их «обратной

колонизацией», иммиграционным бумом и возникновением в Европе чужеродных этнокультурных анклавов и др. и пр.

Между тем невооруженным глазом видно, что последствия глобализации отчетливо губительны в первую очередь для лидеров данного процесса, но не щадят при этом и его периферийных участников, будь то сфера экономики, культуры, морали, демографии и т.д. Не отвлекаясь на эту огромную специальную тему, возьму в рассмотрение лишь те ее аспекты, которые непосредственно пересекаются с судьбой национализма¹⁶.

Национализм меньшинств

Никак не аргументируя, авторы выдвигают постулат: «В складывающихся условиях <глобализация плюс постмодерн> политики любого толка вынуждены обращаться к идеям этнического и расового плюрализма и мультикультурализма». Мне лично кажется сильно преувеличенным императивный характер этого предположения, но допустим, что это так, судя по реальному поведению многих глав государств.

К чему ведет такая практика?

К эскалации национализма меньшинств, с одной стороны, и к редукции национализма большинства — с другой. Положение последних все больше напоминает популярный русский лубок «Охотник медведя колет, а собаки грызут», где в роли охотника — макропартнер (глобализм а-ля США, Запад), в роли собак — многие микропартнеры (национальные меньшинства типа басков, цейлонских тамилы, чеченцы и пр.), а в роли медведя, само собой,

¹⁶ Данная тема мне профессионально близка. Могу порекомендовать читателю написанную по материалам моих университетских лекций статью: *Севастьянов Александр*. Глобализация и интересы России. Как нам выжить в ситуации транзита глобальных проектов // Политический класс. 2006. № 8.

национализм большинства, к примеру — русского.

Авторы излагают идею лубка более академически: «Главное для нас — это зафиксировать фундаментальное различие и антагонизм политических стратегий макро- и микронационализма в контексте глобализации. Если первый выступает ее естественным оппонентом и противником, поскольку стремится сохранить наличные государства-нации, то второй чаще всего является ее сторонником и в меру своих сил защитником, поскольку стремится подорвать сложившиеся “большие” нации снизу» (с. 252).

Трудно переоценить мобилизующую действенность подобных утверждений для нас, макронационалистов. (Если вернуться к лубочной метафоре, то просто лапы чешутся!) Шутки шутками, но жизненная необходимость противодействовать как глобализации, так и микронационалистам представляется совершенно наглядной и неоспоримой. Если, конечно, русский народ еще не потерял, по примеру некоторых народов Запада, волю к жизни.

Растущий классовый антагонизм

Глобализация и постмодерн, триумфально шагая по планете, не принесли изменений к лучшему в страны, включившиеся в эту «игру по правилам». В частности, в России следование чужим правилам привело к обнищанию и утрате перспектив для абсолютного большинства, что, в частности, и заставило наших авторов признать крах либерального проекта.

Формирование нового общества по лекалам капиталистической формации, сопровождающееся усиленным расслоением по имущественному признаку, резко отрицательно сказывается на национальной солидарности русского народа.

В более общем виде данная коллизия уже была рассмотрена мною на страницах предыдущего номера «ВН».

Основная идея такова: «Классовая борьба в силах взорвать национально однородное общество. Поэтому, чтобы сплотить этнос, нужно заставить его забыть о классовом антагонизме. Битва этносов зачастую раздирает и тиранит страны, даже сумевшие погасить социальные конфликты. Поэтому, чтобы объединить класс, нужно заставить его забыть о существовании внутри него разных этносов с их порой противоречивыми интересами».

Думаю, эта незамысловатая истина так или иначе осознается и нашими авторами. Не потому ли они так подробно и тщательно воспроизвели этнополитическую концепцию, разработанную профессором Гумбольдтского университета (Берлин) Клаусом Оффе, в особенности сосредоточившись на разделе «Средства предотвращения этнополитики», а среди этих средств заострив внимание на «классовой политике»?

Суть рекомендуемого средства по-немецки проста, надежна и бесчеловечна: «Эволюционный путь, способный вывести из тупика этнополитики, может заключаться в постепенном изменении политической повестки дня или формировании *классовой политики*. Основные составляющие этого пути — приватизация собственности, либерализация цен, маркетингизирование рабочей силы и в конечном счете экономический рост. “Выгоды, которые получают при движении в данном направлении немногие, и относительные потери и утрата уверенности в завтрашнем дне, которые падают на долю большинства, могут способствовать изменению структуры конфликта, поскольку при таком повороте событий объединение, строящееся по профессиональным, отраслевым и классовым признакам, станет более насущно необходимым и актуальным, чем объединение, основанное на этнических различиях”» (с. 302).

Что ж, похоже, авторы с помощью умного немца нащупали нашу ахилле-

сову пяту. По крайней мере мы сегодня наблюдаем развитие событий почти в точности по вышеописанной схеме. Нет только одного из обещанных элементов — экономического роста (и не предвидится), но это лишь усугубляет социальные противоречия, так как совсем отнимает у людей мотив терпения и стимул к классовому миру.

Однако мне сдается, что российская действительность в очередной раз опрокинет немецкие расчеты. Подвижка общественной борьбы из национального сектора в социальный приведет вовсе не к тому, что национализм как таковой в России заглохнет. Нет, но внутри русского национального движения максимально усилится не национал-демократическое, а национал-социалистическое крыло, со всеми вытекающими последствиями, вплоть до его полной политической победы.

Не уверен, что такой результат придется по душе и утешит наших либеральных оппонентов. Скорее, жизнь заставит их крепко задуматься над тем, как обеспечить перевес русским национал-демократам.

Анти-Оккам, или Умножение идентичностей

Среди «средств предотвращения этнополитики», педантично разработанных Клаусом Оффе и блистательно изложенных Сидориной, одним из наиболее опасных для нас я считаю «увеличение числа идентичностей» (с. 301).

«Этот путь, — указывает Оффе, — заключается в изменении такого положения дел, когда принадлежность человека к определенной этнической группе составляет сущность его идентичности, чтобы перейти к ситуации многообразия идентичностей — в ней и сам человек, и другие люди, с которыми он связан, в зависимости от конкретных условий считают особо значимыми либо его свойства и качества как человеческого существа, либо его идентичность как члена национальной,

профессиональной, этнической или религиозной общности» (там же).

То есть: следует акцентировать, преувеличивать значение все новых общностей (конфессиональных, профессиональных, половых, возрастных и т.д.), чтобы среди них растворилась, затерялась, показалась менее важной — наиболее из всех важная, самая первичная, изначальная, наиглавнейшая: *национальная*.

И еще: следует выстраивать все новые и новые иерархии общностей, но только так, чтобы национальная не оказалась там, где ей положено быть, — на самом верху.

На нас, русских, это идейное оружие испытывалось многократно и зачастую с большим успехом, и продолжает испытываться. Вопреки знаменитому философскому принципу, известному как «бритва Оккама» и требующему не умножать сущностей, нам навязывали и навязывают то вовсе посторонние идентичности, то идентичности низшего порядка.

К примеру, нам предлагается подменить национальность — принадлежностью к цивилизации (христиане, православные, европейцы), расе (белые европеиды, арийцы, нордики), суперэтносу (славяне), согражданству (россияне), к пролетариям всех стран (было, было и такое!) и т.д. Благодаря Сидориной и Полянникову теперь мы можем с абсолютной уверенностью утверждать: все это злостный блеф, отравленное оружие враждебной пропаганды, контрмина под национализм — и ничего более.

Возьмем, для примера, наиболее часто употребляемые и наиболее опасные в наши дни суперэтническую (славянскую) и расовую (европеидную) идентичности. Благо, предыдущие наиболее назойливые попытки подменить русскую национальную идентичность вначале православной, а затем российской идентичностями сегодня заметно ослабли и не имеют серьезных перспектив, что признают и наши авторы.

Принадлежность к нации, суперэтносу или расе — все имеют одну природу: биологическую. Именно поэтому подмену идентичностей на данном поле сотворить проще, чем на каком-либо ином. Тем более, что реальные опасности грозят и белой расе — от рас цветных, и славянам — от других суперэтносов, и русским — от других этносов. В мире идут зримые и незримые, объявленные и необъявленные войны рас, суперэтносов и этносов, это неопровержимый факт, легко устанавливаемый статистикой потерь и изменений демографических балансов. Для нас в этой связи главное — попасть именно на свою войну и не попасть на чужую.

Определиться со своей идентичностью — архиважно для любой личности. Но как это правильно сделать? Как установить критерии и приоритеты? Еще в первой своей политической книжке я дал на этот случай рецепт, нисколько, на мой взгляд, не устаревший:

«В конфликте (гипотетическом) между землянами и инопланетянами я однозначно займу сторону землян, какой бы расы они ни были. Потому, что я землянин.

В конфликте рас я займу сторону белой расы, невзирая на то, какими нациями она представлена. Потому, что я белый.

В конфликте наций я встану на сторону русских, какой бы социальный слой ни предстал в их лице. Потому, что я русский.

Однако я буду с русской интеллигенцией и верхними классами против русских рабочих и крестьян, случись у нас опять социальная война. Потому что я потомственный дворянин и интеллигент.

Вот и все.

Не дай бог, конечно, перепутать и в войне миров защищать, к примеру, только свою нацию. Это будет значить, что я просто идиот.

Но не дай бог перепутать и в другую сторону и в борьбе наций встать на по-

зиции «общечеловеческие»: это будет значить, что я такой же идиот, только с обратным знаком.

Сегодня Россия переживает последствия именно конфликта наций: русским нанесено тяжелое поражение. Это факт. Вызов брошен, и я знаю свое место в окопе»¹⁷.

В этом вся вечная суть дела: идентичность для личности определяется уровнем того конфликта, в котором она непосредственно участвует. Применительно к современному русскому человеку это в первую очередь этническая война, которую нам навязали и которую русские вынуждены, как обычно, вести на манер круговой обороны. Такова, видно, наша судьба.

Соответственно, наш выбор: я сначала русский — сын русского народа, и лишь потом гражданин России, славянин, православный, европеоид, пролетарий (интеллигент) и т.д. Или так: я сначала русский националист, а уж потом патриот, панславист, расист, христианский активист, монархист, социалист и проч.

О правах человека и об индивидуализме

Авторы хладнокровно фиксируют: «В эпоху глобализации национальное государство постепенно теряет все классические атрибуты собственного суверенитета. Оно уже не может не только проводить независимую экономическую политику, включая даже эмиссионную и бюджетную составляющие, но и защищать собственное культурно-информационное пространство и поддерживать высокий уровень национальной идентичности. Под флагом “прав человека” оно ограничено в своем, бывшем еще недавно исключительным, праве осуществлять юридический контроль над собственными гражданами» (с. 247).

Все так. Но почему бы не сделать

¹⁷ *Сеvastьянов Александр*. Национал-капитализм. М., 1995. С. 77.

напрашивающийся сам собою вывод о том, что общество нуждается в защите от личности никак не меньше, чем личность — от общества.¹⁸

Авторы внушают нам идею неотвратимости, фатальности происходящего: «В пространстве глобального политического дискурса ценности либеральной демократии и концепция “прав человека” постепенно, но неотвратимо вытесняют идеи “национального освобождения”, “исторической миссии государства”, “единства нации” и т.п.» (с. 249).

Допустим, что и это так. Но я не вижу оснований считать: 1) что это хорошо; 2) что это навсегда; 3) что этому бессмысленно противиться.

В коммунистической России маятник слишком долго удерживался у одной крайней точки, тоталитарной; сейчас он слишком задержался у противоположной, либеральной. Но не хватит ли с нас крайностей?! Нынешняя анархия, развал управления, казнокрадство, беспредел правоохранителей и вакханалия частных интересов, весь этот затянувшийся бунт животного эгоизма (политическая проекция философского индивидуализма) в России уже настолько осточертел всему обществу без исключения, что такой мощнейший русский архетип, как сильное авторитарное государство, вскоре может

оказаться востребован. Как оказался востребован Сталин после вакханалии НЭПа, как оказался востребован Гитлер после позорного разгула Веймарской республики... Соблазн принести права человека в жертву элементарному порядку в доме может оказаться непреодолимым.

Впрочем, вопрос о правах человека не так прост, как кажется.

Почему вообще возник этот вопрос, причем не когда-либо, а именно со второй половины XX века? Потому что в развитых обществах, в том числе в СССР, интеллигенция начала составлять весьма значительную часть населения¹⁹ и превратилась в новый отдельный класс, причем класс-гегемон. Этот класс стал во многом определять как микро-, так и макрополитику, внешнюю и внутреннюю, постепенно внедряя свои представления о должном в виде законов, соглашений, договоров и т.д.

Занимаясь со студенческой скамьи интеллигенцией как социолог, я могу ответственно заявить, что главным родовым свойством интеллигенции является индивидуализм, зачастую крайний. Отсюда вытекает ряд существенных следствий.

Второе важнейшее свойство — сугубое свободолюбие, вплоть до анархии. Но демократические свободы для интеллигента — не прихоть с жиру бесящегося барина, а естественная среда обитания, без которой он задыхается. Права человека для него — не отвлеченный идеал, а предмет первой необходимости.

Эти свойства интеллигенции определили политическое лицо развитых стран. Получив возможность радикально влиять на общественное мнение и власти предержащие через СМИ, на-

¹⁸ С грустью наблюдая воочию «смерть Запада» (Бьюкенен), я пришел к мысли, что тамошние либералы, учтя опыт фашистов, проигравших из-за вопиющего этноэгоцентризма, прикрылись «общечеловеческими ценностями», «правами человека», как злодей — маской добряка. И одержали историческую победу в войне с коммунизмом на Западе и в России (купно со странами Варшавского Договора). Но случилось страшное: маска приросла — не отодрать. И теперь либералы, вместе с поверившими им народами, сами гибнут из-за этого, ибо не могут выдернуть из-под собственного основания негодный фундамент: права разрушающей общество личности.

¹⁹ На излете 1980-х гг. люди умственного труда составили в СССР — 30%, в ФРГ — 35%, в США — 40% населения. Интеллигенция однозначно и прочно стала в авангарде общества всех развитых стран.

учную и общественную деятельность, институт экспертов и советников и т.д., интеллигенты развитых стран принялись переделывать мир «под себя», поставив в повестку дня волнующие их проблемы. И провели соответствующие решения, в т.ч. на международном уровне. Даже тоталитарный, но тоже высокоразвитый СССР вынужденно к ним присоединился, ибо уже не мог явно идти против господствующего общественного мнения (читай: интеллигенции)!

Как сочетать интеллигентский психотип с национализмом? Это не так-то легко. Ведь это означает, в известном смысле, сочетание в принципе несочетаемого: индивидуализма (приоритет индивида, личности) — с холизмом (приоритет общности, целокупности). А если образчик покажется неудачным, неубедительным? Тогда любой, а особенно русский интеллигент воспротивится и скажет: вчера меня пытались подчинить диктату класса и государства, сегодня — диктату нации. Хрен редьки не слаще. Чума на оба ваши дома! Не хочу!

Как его переубедить?

На самом деле в этом нет ничего невозможного. Надо только твердо условиться: Русское национальное государство (РНГ) есть государство, во-первых, национал-демократическое, признающее (для своих) все права человека, а во-вторых — сугубо технократическое. Беспредельно расширяющее права, свободы, творческие и карьерные возможности именно и специально национальной интеллигенции как сословия — всех в целом и каждого в отдельности. РНГ — не классовое, а национальное государство, но первой среди равных в нем будет, разумеется, русская интеллигенция, во всем задающая тон.

Такая задача и впрямь стоит перед нами в реальности, если мы хотим, чтобы РНГ выжило и выиграло в конкурентной борьбе. Так что перед нами не лукавая агитация с темной задней

мыслью, а политический императив, который русский националист должен осознать сам и разъяснить всем прочим «мыслящим тростинкам».

Нам, национал-демократам, это не составит труда. А вот национал-социалистам это вряд ли по плечу в принципе. Но это уже не наши сложности.

Есть и второй рычаг, позволяющий русским националистам положительно воздействовать на интеллигенцию: это правозащитный аспект, будоражащий нравственную матрицу типового русского интеллигента. Те самые права человека, которые обычно пытаются повернуть против нас. Ведь русский народ сегодня, перефразируя Радищева, в законе мертв, показательно неполноправен. Простой вопрос: как русскому народу осуществить свое бесспорное, неотъемлемое и международно общепризнанное право на самоопределение? Честный, хотя бы перед самим собой, интеллигент, однажды задумавшись над этим и подобными вопросами, уже не бросит камень в борца за права и интересы русских.

Антидот

Пессимизм, дефицит веры в себя — это не для нас.

И Кощя с Бабой-ягой (постмодернизма с глобализацией) мы не боимся. У нас есть против них сильное оружие: их собственная слабость.

Допустим немного теории. Конечно, если мерить ситуацию только мерой жизни человека, то можно и отчаяться — куда мы катимся, в самом деле? Но!

1. В рамках Большого Времени, если применить диалектику, Модерн выступает как холистский (коллективистский) тезис, а Постмодерн — как индивидуалистский антитезис. А это означает, между прочим, — вспомним гегелевскую триаду! — что на очереди синтезис. Таков диалектический закон человеческого мышления, осмысления жизни.

Следовательно, установки тезиса обязательно будут реабилитированы и уравниены в правах с установками анти-тезиса. Диктат холизма, разрушающий личность, покажется не страшной разгула индивидуализма, разрушающего общество и мир. Статья вторая российской Конституции, провозглашающая человека, его права и свободы — высшей ценностью, покажется до смешного неполной и глупой без уравнивающей ее статьи о правах нации.

Такова безупречная логика развития идей. На этой неизбежной волне частичного возврата к ценностям коллективизма националисты легко придут во власть.

2. Если бы национализм апеллировал только к идеям и идеалам, его песенку можно было бы считать спетой, теряющей актуальность и действенность в психологической атмосфере Постмодерна. Но в том-то все и дело, что мы давно перенесли главный акцент с идей и идеалов на права и интересы русского человека — и русского народа как единственного надежного гаранта этих частных прав. А практика показывает: когда заходит речь о правах и интересах, даже самые крутые корифеи постмодернизма превращаются в дрессированных львов, мгновенно расставаясь с иронией и пофигизмом.

3. Рост в культуре и политике игрового начала — вовсе не препятствие для нас, а лишь сигнал к перемене тактики. Хватит дуться и грозно хмурить брови! Мы возьмем власть играючи, весело.

4. Массы по-прежнему не читают умных книжек (даже Сидорину с Полянниковым) и живут не головой, а инстинктами и аффектами. Среди которых национальные — наисильнейшие. Этим все сказано. Инстинкт пробьет себе дорогу сквозь все культурные загоны!

5. Авторы совершенно верно указали, что с точки зрения постмодернизма «мир всегда был разнороден и противоречив, и лишь универсалистские претензии проекта Просвещения,

подкрепленные безудержным насилием, породили иллюзию его единства» (с. 189). Но они, возможно, не оценили обоюдоострость сего постулата: обращенный одной своей стороной против универсалии национализма, другой стороной он с такой же убедительностью обращается против еще более масштабной универсалии глобализма, включая миф о едином человечестве. И тем самым добавляет в противостоянии глобализма и национализма шансов последнему. Такова диалектика.

Уж коли и вправду «основной пафос постмодернистского отношения к культуре состоит в отрицании “метанарративов”, т.е. каких-либо самодостаточных, претендующих на универсальную значимость идеологических построений или культурных образцов» (с. 353), то в этом случае сочинениям типа «Великой шахматной доски» Бжезинского место не на рабочем столе, а в мусорной корзине политолога.

В свете учения о Постмодерне (эффект особенно ценен, поскольку авторы на него явно не рассчитывали) мы можем заключить: судьба глобализации а-ля США и либерального проекта зависит всецело от того, уверуем ли мы в их непобедимость и сложим ли оружие, как это некогда сделал малоумный Горбачев. Позволим ли мы себя убедить? По-видимому, Сидорина и Полянников искренне веруют сами и других к тому склоняют. Но мы — стреляные волки, и нас в эту ловушку не поймать.

Глобализм и национализм — две стороны единого всемирного диалектического процесса, и шансы их как минимум равны. А коль скоро в подобных ситуациях все решает маленький субъективный фактор — то вот они мы.

Иностранцы в своей стране

Рассказав читателю о важных достоинствах учебника по теории и политической истории национализма, в том числе о его «полезных вредностях», я должен указать и на недостатки.

Из них важнейших два: 1) погруженность не в отечественную, а в западную научную традицию, принадлежность к ней; 2) как следствие — беда с дефинициями и вообще теоретическим фундаментом. Прекрасная осведомленность в области западных политологических и социологических штудий отнюдь не обеспечивает верное понимание предмета. Для российского обществоведения это хроническое состояние, увы.

Самые большие aberrации, связанные с названными недостатками, возникают, во-первых, при оценке современного русского национализма, русского движения, а во-вторых — при рассказе о базовых понятиях: нации, национализме и т.д. Вольно или невольно авторы оказываются в плену доминирующих западных теорий, в первую очередь — конструктивизма, находящегося в конфликте с отечественной научной традицией (аномалии типа В. Тишкова, Л. Ионина или В. Малахова не в счет). Их рассказ о нас — представления «иностранцев в своей стране», верящих не собственными глазами, а дурному путеводителю.

Попробую разъяснить свои претензии читателю.

Националисты, не патриоты

Самый слабый раздел книги посвящен проблемам национализма в СССР и России (с. 315–345). Он начинается главкой «Роль националистических движений в распаде СССР» и заканчивается главкой «“Национальный проект”: идеологические контуры». Нас больше волнует последняя тема, ведь каждому охота посмотретья в зеркало.

К сожалению, либеральное зеркало оказалось кривым. Причем изначально, что легко обнаруживается уже при знакомстве с источниками. Как только речь заходит о России, в ход идут, помимо западных исследований, довольно сомнительные авторитеты: В. Тишков, В. Малахов, Ф. Бобков, Р. Абдулатипов, Л. Гозман и пр.,

а наиболее животрепещущий (для нас) раздел и вовсе фундирован знатными грантоедомы, собирательно именуемыми «верховские-прибыловские». Недостатки их трудов объясняются просто: не будучи никогда допущены к внутренним обстоятельствам русского движения, грантоеды скрупулезно подбирают крохи информации из открытой печати и случайных текстов, а после искусно препарируют эти смысловые трупы, наводя им румяна и проч. При этом подлинно ценные аутентические свидетельства — листовки, газеты, журналы, книги, фильмы, Интернет, не говоря уж об архивах, используются ими редко и бесталанно. Что же можно выстроить на таком жиденьком информационном песочке? Можно сказать, адекватных источников по данному разделу у авторов просто нет. В результате в учебнике отразился такой вот гомункул:

«При различии взглядов и мнений по поводу частных вопросов, большинство сторонников современного русского национализма признают ключевыми элементами своей идеологии следующие позиции:

— *патриотизм* как признание высшей ценностью не блага “человечества в целом”, а процветание прежде всего своей Родины — России;

— *антизападничество*, или враждебное отношение к Западу (прежде всего — США), отрицание его культуры и политических ценностей;

— *империализм*, выражающийся в стремлении воссоединить с Россией бывшие союзные республики (если и не все, то по крайней мере славянские);

— *православный клерикализм*, или желание укрепить в обществе авторитет Русской Православной Церкви и усилить влияние православной иерархии на государственные дела;

— *милитаризм*, т.е. установка на возрождение России как “военной сверхдержавы”, отказ от политики разоружения и стремление к реставрации военно-промышленного комплекса;

— *авторитаризм* — неприятие либеральной демократии, любовь к “сильной власти” и “твердой руке”, надежда на харизматического вождя, намерение “установить в стране порядок и дисциплину”;

— *культурный монотилизм*, или критика индивидуализма и эгоизма, поощрение коллективизма (“соборность”), осуждение “безнравственности и распущенности” средств массовой информации;

— *ксенофобия* — недоверчивое и подозрительное отношение к “иностранцам”, людям других рас, наций и вероисповеданий, стремление ограничить въезд мигрантов в Россию, ущемить их правовой статус и, по возможности, вытеснить их из страны;

— *экономический дирижизм*, или требование широкого государственного вмешательства в экономику, национализация стратегических отраслей, стремление защитить отечественного производителя от конкуренции со стороны иностранцев, патерналистская социальная политика;

— *демографический пессимизм*, выражающийся в излишне мрачных, даже алармистских оценках демографических трендов (“депопуляция”), в страхе перед вырождением и исчезновением русского народа и стремлении противодействовать этому всеми возможными средствами» (с. 341–342).

Авторы ничтоже сумняшеся пишут: «Соответствующие идеологические положения выдвигались, обретали систематизированный характер и отливались в программную форму в ходе многочисленных дискуссий и споров, сопровождавших в 1980–1990-х гг. становление новейшего русского националистического движения». И утверждают даже: «Свод этих тезисов можно назвать *интегральной идеологической платформой современного русского национализма*» (там же).

Досадно, если студенты ВШЭ и другие наивные читатели станут судить о русских националистах по этому ис-

каженному портрету, который мало соответствовал действительности не только в год выхода книги, но даже уже к концу 1990-х. Как давний участник, а теперь и историк русского движения, должен заметить, что хотя подобный комплекс действительно можно вычленил из разнообразных документов указанной эпохи, но:

1) сей комплекс насквозь архаичен, будучи порождением советского православно-монархического подполья (своего рода диссидентов во диссидентах). Поэтому в начале перестройки он был мобилизован, за неимением лучшего, в качестве антитезы не постсоветскому, в котором еще предстояло разобраться, а именно свергнутому советскому режиму. И представляет собой лишь запоздалое эхо Гражданской войны, в сочетании с элементами иных антисоветских проектов, в т.ч. национал-социализма. К концу 1990-х такая программа полностью исчерпала свой позитивный потенциал. Обнажилась ее ретроградная внеположность современной социально-политической экзистенции. В наиболее чистом виде эта «отстойная», с современной точки зрения, парадигма воплощалась в политической фигуре Д.Д. Васильева и его «Памяти» (отчасти также отпочковавшегося от них А.П. Баркашева и РНЕ), но с ними же и сошла со сцены.

Несмотря на то что этот вчерашний день сравнительно недавно напомнил нам о себе в виде 900-страничной «Русской доктрины»²⁰, имя ему — отстой, а вовсе не современный русский национализм;

2) как ни прискорбно до конца ломать концепцию разбираемой книги, а приходится признать, что данный комплекс воззрений вообще мало общего имеет с национализмом как таковым, выражая вполне заурядную программу обычного российского (даже не

²⁰ Подробнейший разбор этой «доктрины» автором сих строк см. на сайте АПН (www.apn.ru).

русского) патриотизма. Что, скажите, среди всего перечисленного носит специфически русскую националистическую окраску? Поистине, ничто. О русском народе, русской нации в девяти пунктах из десяти — ни словечка, а в десятом лишь демографический трюизм, о котором не ведает и не вещает лишь человек из ниоткуда. И это — русский национализм?!

Конечно, хотя не каждый патриот — националист, зато практически каждый националист — патриот²¹, поэтому я насчитываю все же 50% совпадения в данном списке с периферией националистической парадигмы: патриотизм, антизападничество (тут есть разброс мнений), ксенофобию, экономический дирижизм, демографический пессимизм и отчасти культурный моностилизм (также разброс мнений). Однако именно несовпадающие 50% отличают современного националиста от патриота 1980-х²². А главное, реального националиста обозначает ряд ярких тезисов, вообще отсутствующих в списке. Перечислять и обсуждать их здесь не место, но нельзя не назвать основополагающий: *нация — первична, а государство — вторично* (что, собственно, и разводит националиста и патриота, думающего противоположным образом, на «благородное расстояние» умственной дуэли).

Все это приходится так подробно разъяснять только потому, что авторы, доверившись не заслуживающим доверия источникам, поленились лично проделать работу, вполне доступную их уму и квалификации. Написали же они сами в предыдущей главе: «Русский этнический национализм, которым СМИ пугали мировую общественность на протяжении последних

десяти-пятнадцати лет как неким воплощением “русского фашизма”, стал обретать реальные политические контуры только в последние четыре-пять лет». При этом многих ранее бывших представителей русского национализма авторы справедливо охарактеризовали как либо карикатурно-иронических, либо провокационных, либо невнятно-аморфных (с. 338). Все именно так и есть. Судя по тексту, отсчет реального национализма авторы начинают с 2001–2002 гг., когда создавались Национально-Державная партия России и Движение против нелегальной иммиграции. Если отбросить инкубационный период, с такой датировкой можно согласиться. Вот бы и занялись анализом этих и позднейших организаций! Но о них в книге даже не упоминается.

Мне могут возразить: так ведь то лишь этнический национализм! Но открою глаза оппоненту: другого и не бывает. Пусть меня упрекнут, дескать, этнический национализм — это тавтология, «масло масляное». Но как масло не может быть не масляным (иначе оно не масло), так и национализм не может не быть этническим. Впрочем, об этом много говорилось в другом месте²³.

Новаторы, не консерваторы

Авторы посвятили теме «Теории современного консерватизма и национализм в XX веке» особую главу, где есть раздел «Консервативная революция в России». Он содержит в себе уже знакомые нам недостатки, начиная с выбора источников. На сей раз в оракулы попал не только одиозный социолог А.Г. Вишневский (чьи демографические экзерсисы, призванные убедить всех в необходимости усиленного завоза цветных мигрантов, давно и заслуженно критикуются специалистами), но и

²¹ За исключением маргинальных национал-анархистов.

²² Радикальное размежевание русских патриотов и националистов произошло во второй половине 1990-х в ходе ряда ожесточенных дискуссий.

²³ *Севастьянов Александр*. Национализм как он есть. Дистилляция термина — единственный путь к «хорошему национализму» // Политический класс. 2008. № 8.

такие «учителя народа» из прошлого, как Иван Ильин, Николай Бердяев и совсем уж далекие от нас А.С. Хомяков, К.Н. Леонтьев, И.В. Киреевский и даже экс-террорист, а впоследствии христианский монархист Л.А. Тихомиров.

Всех этих политических философов роднит одно: они идейно оформляли, разумеется, никакой не русский национализм (это делали М.О. Меньшиков, П.И. Ковалевский, И.А. Родионов, В.В. Строганов и немногие другие, о которых наши авторы не знали или начисто забыли в книге о национализме)²⁴, а лишь патриотизм имперского толка. Их теории санкционировали уже завершённый к тому времени исторический период, но по иронии судьбы актуализировались в позднюю советскую эпоху, а по недоразумению — были приняты за санкцию будущего.

Более того: названные философы, исходя из моральных принципов христианства и имперских политических императивов, по-сильному боролись (!) с русским национализмом, то клеймя его как чувство «низшего порядка», племенное (в устах Ильина и Тихомирова это едва ли не брань), то провозглашая его полную органическую несовместимость с русским менталитетом (Бердяев)²⁵. Чтобы не загромождать текст, ограничусь ссылкой на приводимый в книге абзац Ильина: «Россия велика, многолюдна и многоплеменна, многоверна и многопространственна. В ней текут многие воды и струятся разные ручьи. Она никогда не была

единосоставным, простым народным массивом и не будет им. Она была и будет Империей, единством во множестве: государством пространственной и бытовой дифференциации и в то же время — органического и духовного единения» (с. 221). Эти слова любой полукровка (каковым Ильин и был), любой российский инородец-патриот готов твердить как мантру, как символ веры²⁶. Но — только не русский националист.

Выбор таких источников не только не продвинул к истине авторов и читателей, но и еще замутил и без того непросвещенные умы. Свидетельствую, что сегодня уважающие себя националисты не держат в своих предтечах когорту вышепоименованных лиц вкупе с другими идеологами империи и религиозными философами. Ибо весь этот «ветхий завет патриотизма» не способен никого мобилизовать на борьбу за Русское национальное государство.

Позволю себе с этих страниц уверить аудиторию, что трансформация русского национального движения примерно с 1990-х гг. набирает размах под знакомый припев: «Полюблю новатора, брошу консерватора». Ретроградная модель национализма, независимо от того, призывает ли она нас в день вчерашний (социализм любого сорта) или позавчерашний (православная монархия), все одно не имеет серьезных перспектив. Как и консерватизм вообще, какими бы ничего не значащими приставками (либеральный, динамический и пр.) он ни прикрывался.

Национализм — движение авангардное, устремленное в день завтрашний.

Танцевать надо от печки

Трудно надеяться на понимание аудитории, если с самого начала не до-

²⁴ Предтечи реального русского национализма, от которых отвернулись Сидорина и Полянников, описаны в кн.: *Коцюбинский Д.А. Русский национализм начала XX века*. М.: РОССПЭН, 1998; *Кирьянов Ю.И. Русское собрание. 1900–1917*. М.: РОССПЭН, 2003 и др.

²⁵ Невозможно не отметить в данной связи, что по кровному происхождению Ильин — наполовину немец, а Бердяев — на четверть француз.

²⁶ Недаром мы со всех экранов слышим постоянно лживые слова о России — «многонациональной и многоконфессиональной»: это злоумышление восходит к великодержавным космополитам начала XX в.

говориться с ней о терминах. В книге о национализме такими терминами являются как минимум два: *нация* и *национализм*. Однако, несмотря на то что одна из первых главок буквально так и называется, тщетно было бы искать в ней хоть каких-то дефиниций. Их просто нет.

Ошеломительный факт. Особенно для учебника, где все должно быть разложено по полочкам. Чем это объяснить? Разве что собственными постмодернистскими (читай: релятивистскими) убеждениями авторов, отлично демонстрирующих всю когнитивную беспомощность постмодернизма.

Попытку реабилитироваться авторы предпринимают ниже в разделе «Система понятий национализма», но делают там сплошные ошибки. Например, трактуют термин «суперэтнос» по Гумилеву, что антинаучно; не дифференцируют клан и племя, народ и народность (последнее старомодное понятие в отечественной науке не разработано, и авторы выдумывают его на ходу); правильно фиксируя разделение первобытных общин на кровнородственные и территориальные, почему-то записывают в первые роды, кланы и племена, а во-вторые — народности и нации, каковая новация целиком на их совести; а главное — так и не дают четкого определения нации, не договариваются с читателем о базовом словоупотреблении. Предопределяя этим избыточную вариативность прочтения книги, уничтожающую ее смысл как учебника.

Только на с. 35 появляется, наконец, со ссылкой на В. Коротееву, такое определение национализма: «Национализм... это комплекс идеологических представлений и политической практики, в котором центральное место занимают интересы нации». Сведение природного феномена (исходного явления) к идеологии (производному от него, отраженному в сознании последствием) — типичная

ошибка метода²⁷, но другого в учебнике не дано. Напротив, эта мысль настойчиво повторяется в разных вариантах, в специально подобранных цитатах из авторов-конструктивистов, с таким расчетом, чтобы в умах студентов закрепились: национализм-де есть отвлеченное явление умственной жизни, не более того. Выдумка, одним словом (как и сами нации).

В то же время общепризнанное могущество национализма обусловлено именно тем, что он апеллирует к глубинным инстинктам и аффектам, а вовсе не к обслуживающему их рассудку. Наличие в жизни нерелефлексивного, органического национализма, как и национализма латентного, совершенно несознательного, «дремлющего», но вдруг «просыпающегося» под воздействием отнюдь не умных речей, а бытовых обстоятельств, ясно указывает на его природное происхождение. А значит, и определять национализм следует через чувства и инстинкты.

Такой подход для авторов-либералов в принципе неприменим, поэтому они в лучших конструктивистских традициях формулируют, наконец, от себя итоговую дефиницию: «Политический национализм представляет собой идеологию, утверждающую приоритетный статус национальной идентичности над всеми другими видами социальной идентификации и требующую защищать “нацию” всеми доступными политическими средствами» (с. 44). Старые грабли... Удивительно, что авторы при этом понимают и признают, что «национализм в сопоставлении с другими идеологиями представляет огромный интерес для миллионов людей, побуждающий их нередко жертвовать всем, даже своей жизнью» (с. 50). Казалось бы, такое понимание должно бы подтолкнуть к обнаружению в национализме одного из базовых инстинктов

²⁷ Ср. вузовское учебное пособие В. Малахова «Национализм как политическая идеология».

(ведь за пустые слова никто жизнь не положит), а вот поди ж ты...

Справочный аппарат книги ясно показывает внеположность авторов тем терминологическим дискуссиям, которые проходили в отечественной науке, и их незнакомство с трудами ведущих наших этнологов и антропологов²⁸. Это помогает им решить задачу политического толка: изъять из критериев нации — общность происхождения, а из типологической системы наций — этнонацию (с. 29–33). Но такие задачи не решаются путем замалчивания оппонентов, а для реальной дискуссии авторы оказываются не готовы.

Конструктивизм — идеализм от антропологии

Авторы не случайно пытаются вместо внятных дефиниций предложить читателю запутывающий суть дела обзор различных подходов к теме. Цель: заменить определенность — неопределенностью, вариативностью. Скажу об этом несколько слов²⁹.

В главе «Основные характеристики культуры постмодерна» авторы подметили: «Даже естественные науки эпохи постмодерна стремятся дополнить классические объективирующие интерпретации основным принципом гуманитарных наук — поиском и пониманием проявлений сознания» (с. 193).

В переводе на русский язык это меткое наблюдение означает следующее. В западной научной традиции настала эпоха полного торжества и разгула субъективного идеализма. Первой под его натиском сдалась гуманитарная наука, давно превратившаяся из науки знаний и установленных фактов — в науку зыбких мнений. Вместо того чтобы изучать объект и его объективные

характеристики, западные мыслители (назвать их учеными язык не поворачивается) предпочитают изучать разнообразные отражения этого объекта в человеческом сознании, индивидуальном и массовом. Что ведет не только к неизбежной утрате, в конечном счете, самого объекта, но и к рефлексии второго порядка, в результате чего западная «наука» все чаще предстает как «отражение отражений» и «мнение о мнениях». Что априори дефективно и даже порочно, ибо человеческое сознание — кривоватое зеркало, о чем предупреждал еще Иммануил Кант.

В итоге суть вещей, как минимум дважды искаженная, ускользает безнадежно, типичным примером чему служит все учение конструктивизма от корифеев Б. Андерсона и Э. Геллнера до эпигонов В. Тишкова и А. Ионина. Если и впрямь вслед гуманитарным наукам сегодня в том же направлении двинулись естественные (а до сих пор расология, антропология и этнология к ним относились) — как тут не впасть в уныние?

Посмотрим, к чему ведет такой подход в нашем вопросе.

Рыцари печального образа мысли, наши авторы откровенны: «Чтобы правильно понять причины подъема национализма в современной Европе и России, необходимо более широко рассмотреть концепции национализма, выработанные в западной литературе» (с. 40). После сказанного выше ясно, что тем самым они обрекают аудиторию на полное непонимание предмета и в итоге на релятивистское его восприятие: «А может быть, ворона, а может быть, собака, а может быть, корова...» и т.д.

И вот, перейдя к типологии национализма, авторы прямо-таки бросаются в объятия конструктивистов, цитируя их одного за другим: Э. Ренан (известный своей шизофренической формулой «нация — это ежедневный плебисцит», которая стала главным слоганом конструктивизма), Э. Гел-

²⁸ Отсутствие ссылок на труды Ю.В. Бромлея, А.И. Элеза и др. чувствительно сказалось на содержании.

²⁹ Тема «Нищета идеализма в этнологии, антропологии и расологии» давно просится в отдельную статью.

лнер, В. Тишков, Л. Ионин, Э. Хобсбаум, В. Малахов, Б. Андерсон и др. Увы, увлекательное изложение теорий национализма не сопровождается критическим анализом. Не хочется думать, что это вызвано неспособностью мыслить самостоятельно и/или оцепенением перед авторитетами; скорее — плохим знанием самого объекта как такового, невключенностью в его внутренние обстоятельства. Однако обзор, даже безумно интересный и содержательный, не может заменить, особенно в учебнике, четких итоговых дефиниций, схем и классификаций. На что конструктивизм не способен в принципе, онтологически. В результате студенты (и мы с ними) до конца учебника так и не узнаем ответа на самый простой и самый необходимый вопрос: что же такое нация?

Какие знания вынесет студент из такого учебника? Что останется в его голове от этого пышного парада? Что есть разные идеи нации, но нет самой нации как таковой. И что существует множество подходов к теме национализма — только и всего. Как ему с этими риторическими финтифантами в руках определять свою жизненную позицию, вести идейные диспуты? Багажа как такового нет, в чемодане пусто...

* * *

Подводя черту под кратким по необходимости конспектом своих впечатлений от учебника Сидориной и Поляникова, должен поблагодарить авторов за несколько часов интеллектуального удовольствия и нравственного и политического волнения. Но при этом заметить, что нам, русским националистам, пришло, видимо, время самим задуматься над составлением учебников. Как по истории нашего движения (хватит кормить недобросовестных грантоедов), так и по теории национализма. Один из таких учебников для вузов под названием «Этнополитика» сейчас в работе у автора этих строк.

II. НОВЫЕ МЕХИ ДЛЯ НОВОГО ВИНА

Сергеев Сергей. Пришествие нации? Книга статей. М.: Скимень, 2010. — 304 с.

Наши непосредственные ближние — не «бедные всего мира» и не европейские «белые братья», а рядом живущие русские люди.

С. Сергеев

В русском движении намечился важный поворот, которого мне лично пришлось ждать долго — добрых пятнадцать лет. Он совершался незаметно, постепенно, но необратимо. И вот теперь мы можем взять в руки несомненное свидетельство совершившегося — небольшой томик: сборник статей историка, докторанта МПГУ Сергея Сергеева «Пришествие нации?». Почему такое невзрачное на первый взгляд событие (мало ли книг выходит ежедневно, в том числе по русской тематике) я считаю рубежным?

Во-первых, потому что сам автор биографически соотносим с русским движением, синхронен ему: он вываривался в толще движения с начала 1990-х, жил его надеждами и иллюзиями, болел его болезнями, функционировал как его частица, словом — был, что называется, в системе. Именно поэтому тотальная ревизия классического идейного наследия, предпринятая Сергеевым, есть не вызов одиночки, а симптом состояния системы как таковой³⁰.

³⁰ В опорном для традиционалистов журнале «Москва», где Сергеев долгие годы работал, а с 2008 по 2010 г. был главным редактором, на мое имя и творчество, по его собственному признанию, было наложено жесткое табу. Тем важнее было обнаружить почти полный свод своих заветных тезисов под обложкой новой книги (правда, при этом фигура умолчания перешла и в сборник). Такая трещина в стене дорогого стоит. Мне морально непросто анализировать книгу Сер-

Во-вторых, потому что выросший в общем контексте движения Сергеев, благодаря природным способностям и профессиональному ревнованию историка, далеко обогнал движение в развитии и получил способность судить о нем не свысока (ибо сам таким был), но с высоты новых умственных достижений и открывшихся интеллектуальных далей. Он, будем надеяться, останется *своим* для большинства вчерашних единомышленников (хотя уже расплатился за «ересь» редакторским креслом в журнале «Москва»), а значит, послужит примером, маяком. Его авторитетное слово поведет многих и многих к свежим идеям. А его переход из слабого сектора традиционалистов-консерваторов в набирающий силу сектор новых единомышленников авангардного склада серьезно усилит наши позиции.

В-третьих... Но для того чтобы сформулировать это «в-третьих», надо обратиться к текстам.

Внебольшую книгу вместились очень много мысли. Упрощая, я бы выделил три направления: 1) полемика (как со «своими» — русскими национал-патриотами, так и с «чужаками» — либералами, конструктивистами и др.); 2) теоретические опыты о нации и национализме; 3) эссе на темы культуры и биографические очерки. Этот третий раздел не требует специального анализа, поэтому сосредоточусь на первых двух.

Десять «заповедей» Сергеева

Сразу оговорюсь, что вся книга в целом очень обаятельна — обаянием высокой профессиональной и общей культуры и непритворной русской интеллигентской интонации (тон рас-

---

суждений, деликатный и самоироничный). Главное достоинство: автор поразительно много прочел в своей жизни, причем в самых разных сферах и — с пониманием, что важно. Если филологи, знающие историю, — не редкость, ибо литературу иначе не понять, то историки, знающие литературу, как Сергеев³¹, единичны (я лично, кроме Н. Эйдельмана, с такими и не был знаком). Отсюда не только уместное цитирование широкого круга авторов XIX–XX вв., но и хороший язык, чувство стиля, общая филологическая и библиографическая культура. Книгу приятно читать, она возвышает не только до политических, но и до важных философских проблем.

Основная проблема самой книги, однако, имеет более прикладной характер. Хотя автор позиционируется как архитрадиционалист, «для которого традиция — не экзотическое блюдо, а экзистенциальный центр бытия» (с. 38), на деле он внимательно пересматривает одну за другой все, так сказать, несущие конструкции русского традиционализма и не оставляет от них камня на камне. И что с того, если он причисляет их не к традиционализму, а к «политически бесплодному» консерватизму? Игра в слова не обманет вдумчивого читателя: перед нами давно чаемый русский бунт, осмысленный и беспощадный, ибо это бунт завтрашнего дня против дня вчерашнего³².

Против чего взбунтовался историк и русский националист Сергей Сергеев.

1. Против знаменитой уваровской триады «православие — самодержавие — патристическое вероучение»

---

³¹ И, попутно замечу, кино, отечественное и мировое.

³² О многом говорят одни даже заглавия разделов, глав и главков: «Ревизия славянофильства», «Ревизия аксиом», «Русский традиционализм: переоценка ценностей». Ключевые слова — *ревизия*, *переоценка* — свидетельство главного направления мысли ученого. «Работа над ошибками» отняла у него более десяти лет, но дело того стоило.

вие — народность», считавшейся провиденциальной формулой России лет эдак более полутора и остающейся краеугольным камнем для национал-патриотов «первой волны»³³. Автор предлагает тотальный размен: православия (правда, сохранив его как «ядро») — на русскую классическую культуру; самодержавия — на просто сильную государственность; народности — на русский национализм (с. 40). Комментарии излишни, кроме одного. Отвечая своим критикам, Сергеев, задетый упреком в «отказе от Православия», выдвигает контраргумент: «создание атмосферы подлинного и деятельного братства внутри русского общества — чем не великая христианская задача?». О, не просто великая — величайшая! Вот только — не христианская: «ибо и грешники дают займы грешникам, чтобы получить обратно столько же. Но вы любите врагов ваших» (Лк, 6, 34–35).

2. Против классической русской философии, в том числе религиозной, которой Сергеев без обиняков выдает блестящее резюме: «В том-то и состоит главный “грех” русской религиозной философии, что она слишком мало анализировала эмпирическую действительность, предпочитая предаваться мечтам и фантазиям. В результате у нас отсутствуют подлинно значительные национальные социологические и политологические школы, на которые мы могли бы методологически опереться, зато имеется гигантский пласт

талантливой и увлекательной национальной мифологии» (с. 56). Если добавить сюда достойную сборника избранных афоризмов сентенцию: «1917 год — это Страшный суд над русской религиозной философией» (с. 96), то тему можно считать закрытой;

3. Против мистицизма и клерикализма: «Русские сегодня нуждаются не в самоотречении во имя немыслимых мистических идеалов, а в здоровом национальном эгоизме, здоровой национальной демократии, здоровом национальном либерализме» (с. 98–99); «Обилие людей в храмах (кстати, далеко не во всех, если брать масштаб России в целом) еще не есть общественное событие, а пока только внутрицерковное... Церковь теоретически могла бы возглавить подъем русского национализма, способствуя необходимому сегодня самоструктурированию русской нации через систему приходов и братств, но и те, и другие до сих пор имеют только внутрицерковное значение» (с. 57).

4. Против самой, может быть, страшной нашей «заразы»³⁴ — извечной русской жертвенности и мессианства. Полемизируя с о. Александром Шумским, Сергеев пишет:

«Нация как целое, конечно, не только может, но и обязана жить исключительно для себя, в противном случае она будет жить для других народов (например, для тех, представители которых ведут себя в отношении русских на исконно русской территории как завоеватели — см. книгу Д. Соколова-Митрича “Нетаджикские девочки. Нечеченские мальчики”). Если это и есть жертвенность, о которой говорит священник Шумский, то ее я, конечно, уразуметь и принять не смогу, на мой взгляд, это просто мазохизм и национальное самоунижение. Но и мой уважаемый оппонент против того, чтобы русские были народом-донором,

³³ Классификация Сергеева: «Прочерчу схему трех волн. “Русизм” 60–80-х ставил во главу угла русский вопрос и решал его, опираясь на восхищенно открываемую в те годы русскую религиозную философию. “Евразийство” 90-х растворяло русский вопрос в лево-правой имперскости, используя те или иные актуальные концепции социально-политического знания. “Русизм” 2000-х вернулся к русскому вопросу как центральному, переняв и приумножив аналитический инструментарий предыдущей волны» (с. 249–250).

³⁴ Термин XVIII века, означает: «рана», «ущерб» (от глагола «разить»).

народом-подстилкой. Так к какой жертвенности тогда он призывает не отдельного русского человека, а русский народ в целом? Решительно непонятно. Все это, по-моему, отголоски русского мистического романтизма XIX — начала XX века, от Чаадаева до Евгения Трубецкого с его сентиментальной мечтательностью, с неумным желанием все время спасти какие-то другие народы, а то и весь мир, жертвовать Россией ради постоянно меняющихся интеллигентских химер» (с. 54).

Как профессионал-историк, специализировавшийся на славянофильстве, Сергеев знает и верно указывает, где зарыта собака:

«На пути к синтезу русской национальной мысли необходимо преодолеть слабости как западничества, так и славянофильства. В первую очередь нужно окончательно изжить общий для обоих направлений *утопизм*... Западнический утопизм заключается в идеализации Европы... Славянофильский утопизм грешил переоценкой политического и духовного могущества России и предлагал ей уж слишком невероятно головокружительные мировые миссии... Варианты отличались разнообразием, но суть их сводилась к одному: Россия обязательно должна кого-то спасать. Минимум — Европу, максимум — человечество. Нет сомнений, что это настроение явилось одним из источников революционного мессианизма советской эпохи... глубоко трагический опыт которой, казалось, навсегда излечил нас от глобально-мировых мечтаний. Но, как ни странно, мессианские настроения до сих пор бродят в некоторых патриотических головах» (с. 83–84).

Сергеев выборочно приводит в пример несколько русских неомессианских утопий и метким выстрелом приземляет их все разом: «Почему мессиансты-антиглобалисты уверены, что Россия поддержит их смелые дерзания? Насколько известно, все социологические опросы констатируют

практически нулевой уровень мессианских настроений в нашем обществе. Боюсь, трубадуры ВВП (Великого Всечеловеческого Подвига) “страшно далеки от народа”... Политика России обязана реализовывать не мессианские грезы запоздало романтических интеллектуалов, а прагматические интересы нашего народа, который по абсолютно верному, на мой взгляд, наблюдению Валерия Соловья, “впервые в своей истории хочет жить для себя, а не для других”. И нельзя не признать, что в целом это желание — вполне нормальная и здоровая реакция на то катастрофическое состояние, в котором русские оказались» (с. 86–87).

Провозглашая подобные истины с середины 1990-х, я был подвергнут остракизму почти во всех русских национал-патриотических кружках³⁵. Тем отраднее видеть, что здоровый прагматизм сегодня объединяет интеллектуальную верхушку Движения.

Сергеев совершенно верно резюмирует: миф об особом пути России (в чаадаевско-соловьевском смысле) «давно уже изжит нашим обществом... Все социологические опросы, да и сами общественные практики фиксируют практически нулевой уровень мессианских настроений среди русских, особенно молодых поколений. Они не хотят спасать или обновлять мир, они хотят наконец-то просто обустроить свой дом» (с. 98–99).

Я так подробно остановился именно на данном пункте ввиду его чрезвычайной актуальности, первостепенной важности.

5. Против фантома коллективизма, который в России — государственный, а не общинный — дьявольская

³⁵ Какую бурю негодования в среде, казалось бы, единомышленников вызвал такой, например, мой тезис: «Нужно ясно понимать: вообще любой глобализационный проект, включая наши собственные, гибелен сегодня для русского народа» (Политическая программа РНОД, 2002).

разница!»; но также, заодно, и **общинности**: «Есть очень серьезные основания полагать, что и крестьянская община — “священная корова” славянофилов и их незаконных детей народников — также является результатом целенаправленной политики Москвы и Петербурга. Во всяком случае, общинное самоуправление было точно придумано графом П.Д. Киселевым в ходе реформы быта государственных крестьян 1830–1840-х годов, а затем взято за образец и для бывших крепостных. Не мифическая община создавала в России армию и флот, заводы и ярмарки, университеты и больницы, театры и монументы — а государство, причем именно петербургское, “западническое” государство (при некотором участии дворянства и купечества). В связи с этим, как оценить славянофильскую политологию, по выводам которой государство-“власть” лишь нечто вроде необходимого зла для обеспечения внешней безопасности общины-“земли”? Как неумение видеть и интерпретировать факты или как невинную романтическую фантазию? И то, и другое вряд ли пригодится современной русской мысли» (с. 73).

Замечу для непосвященных, что тут наш бунтарь восстает уже не просто против очередной нелепости общественного мнения (которое, по выражению Поля Гаварни, есть глупость каждого, помноженная на глупость всех), но даже против любимого Учителя — профессора Аполлона Кузьмина, что говорит о глубине накопившихся противоречий с традицией.

6. Против донельзя обрыдлого народопоклонства. Глубокий знаток творчества славянофилов имеет полное право утверждать: «Поистине роковой, непреднамеренно “данайский” дар славянофильства — “народопоклонство”, которое унаследовало и вульгаризировало народничество и которое до сих пор продолжает одурманивать даже и светлые русские головы, — убеждение в том, что только тот, кто занимается

физическим производственным трудом, и есть подлинный “народ”, а следовательно, только он и есть носитель национального духа; стоит же человеку получить высшее образование — и он немедленно отрывается от “почвы”» (с. 74). Ошибочность подобных воззрений очевидна.

А между тем, как совершенно правильно постулирует Сергеев, время ориентирует русское движение совсем на другое: «Формирование национально мыслящей элиты — задача номер один для любого нормального государства. И если мы хотим ее успешно решить, то от апологии простонародности нужно отказываться в первую очередь» (с. 75).

7. Против панславизма и даже против **славянофильства** (не только как конкретного исторического явления, контр-парного западничеству, но и как вообще направления мысли). Только «безнадежные оптимисты» (оцените интеллигентскую деликатность эфемизма!), согласно Сергееву, еще способны верить в славянское братство (с. 75). «Славянофилы, как истинные романтики и к тому же истинные русские люди, без всяких оговорок сломали грань между мифом и эмпирической реальностью, сделав первый средством познания второй, что не могло не привести к эффекту “скверного анекдота”» (с. 76). Да уж! Чувствуется в этих словах, насколько надо было проникнуться славянофильством, а после разочароваться и изжить его в себе, чтобы формулировать так остроумно и точно. Вообще, данной теме в книге посвящена даже специальная глава «Ревизия славянофильства», и этим все сказано.

8. Против евразийства, соблазвившего, особенно в дугинском варианте, порядочное количество малых сих: «Не спорю, евразийство эффектно, романтично, открывает вроде бы широкие политические перспективы. Одна только беда — оно основано на сплошных подтасовках, будучи “идеологи-

ей” в худшем смысле, “*умственным вывертом*”, по точному определению И.А. Ильина. Оно реанимирует самые нелепые утверждения славянофильства, которые русская мысль к началу XX века как будто уже преодолела» (с. 81–82).

9. Против имперской парадигмы, на смену которой должна прийти идеология «сбережения народа», по Солженицыну (с. 42). Этому больному вопросу посвящена целая глава «Цена империи» (с. 170–188), соль которой — в очень мягкой, сдержанной, но бескомпромиссной формулировке Сергеева: «Российская империя являет собой самый очевидный антипод национального государства... Национальную политику самодержавия с русской национальной точки зрения нельзя признать удачной»³⁶ (с. 186, 188).

10. Против — венец всего! — вообще т.н. «русской идеи» как комплекса обветшалых, мешающих благоприятному развитию Движения представлений (наиглавнейшие из них перечислены выше): «Речь... о самом важном — о собственно физическом существовании нашего народа. Демографические прогнозы неутешительны: при нынешней динамике рождаемости и при планируемой правительством крупномасштабной миграции уже к концу нынешнего столетия русские в России превратятся в нацменьшинство. При любом раскладе, захотят ли они

этому исходу сопротивляться или предпочтут с ним смириться, установка “жить для себя” — неизбежна. В первом случае она поможет мобилизовать волю к победе, во втором — будет способствовать выживанию в чрезвычайно пестром и агрессивном этническом котле. Мне кажется, “простой народ” лучше почувствовал весь трагизм ситуации, чем патриотическая интеллигенция, все еще пережевывающая жвачку “русской идеи”. Задача патриотов-интеллектуалов в том, чтобы рационализировать это интуитивное знание и сформулировать четко и ясно пути выхода из кризиса» (с. 87–88).

Жвачка «русской идеи»... Точнее, выразительнее и жестче не скажешь. И по большому счету — справедливей. Bravo!

В общем, как итожит сам автор вышеизложенного фронтального отрицания изжившей себя парадигмы: «Двадцать с лишним лет я посвятил исследованию и пропаганде наследия русского традиционализма XIX–XX веков и, в конце концов, пришел к горькому разочарованию в возможности (да и в нужности тоже) целостного осуществления его идеалов в современной России» (с. 8).

* * *

Конечно, Сергеев не первый, кто возвысил голос против, казалось бы, железобетонных основ, на деле давно превратившихся в бочку с цементом, в коем по колено увязли и застыли ноги русского движения³⁷. Но он про-

³⁶ Прекрасно, что подобные идеи сегодня постепенно становятся общим местом в воззрениях русских националистов, благодаря, в том числе, резонансным работам историков Валерия и Татьяны Соловей, историка и публициста Александра Самоварова и других. Между тем сравнительно еще недавно, каких-то 10–15 лет тому назад, антиимперская аргументация воспринималась чуть ли не как измена Родине. Помню, какое негодование, в частности, вызвала глава «Империя: цель и цена» (обращу внимание на переключку Сергеева с этим названием) из моей книги «Чего от нас хотят евреи» (1999).

³⁷ С искренним возмущением доктор философии, редактор «НГ-сценариев» Сергей Королев еще десять лет назад честил меня за неожиданный (для него) отказ от изживших себя «фундаментальных констант». «Севастьянов выступает против тысячелетней логики российской истории», — негодовал он. А я тогда же отвечал: «Да, был у нас такой замечательно интересный этап духовного развития, но — в прошлом. И выводы и рекомендации эти блестящие философы давали в

вел «систематическое развенчание системы» так последовательно, с таким знанием дела и пониманием ситуации изнутри, так корректно и неоскорбительно, как вряд ли мог бы сделать кто-либо другой. Пусть все священные коровы русского традиционализма пали под рукой искусного матадора, но это зрелище вызывает не ужас и отвращение, а восхищение и крики «Оле!».

Нам, русским националистами, давно пора научиться выговаривать свое, без оглядки на любые западные или отечественные традиции. А уж в случае успеха наши «предшественники» сами найдутся.

Граждане конструкторы, на выход, с вещами!

Сергеев мастерски расправляется не только с предрассудками и устаревшими взглядами дней минувших, но и с новомодными заблуждениями века сего, не менее враждебными идеям истинного национализма. И тут достается как западным идолам либерального идеализма, так и их доморощенным жрецам и апостолам.

Насущность этой критики велика. С одной стороны, далеко не случайно антирусский режим специально привлекает и всячески продвигает проповедников конструктивизма, демонстративно и напористо берущих под

прошлом очень интересные и замечательные. А вот в настоящем от них приходится решительно отказываться. Почему? Да потому, что веками развивавшиеся имперские тенденции русского этноса сегодня обернулись своей противоположностью. И вся русская классическая философия, аккумулировавшая вековой русский опыт и оформлявшая в духовной сфере указанные имперские тенденции (отсюда — концепции “всемирности”, “всечеловечности” русского человека), оказалась сегодня совершенно не ко двору. Она повисает в воздухе, лишённая почвы, болтая изящными ножками. Любоваться — можно; пользоваться — нет». Сколь отрадно мне сегодня читать аналогичные выводы Сергеева!

сомнение объективность расы, этноса, нации (понятия базовые). И вот уже Валерий Тишков³⁸ введен в Общественную палату и возглавляет там комиссию по межнациональным отношениям и свободе совести; а монография Владимира Малахова «Национализм как политическая идеология» рекомендована в качестве учебного пособия для вузов. Претендующие на роль хозяев этнополитического дискурса, чиновники от науки вводят в заблуждение неискушенную публику, порождая в общественном сознании один фантом, вроде мертворожденной «русской нации», за другим.

С другой стороны, проснувшийся интерес молодежи к национальной теме искусно направляется (как можно видеть на примере учебника по национализму, изданного ВШЭ в 2006 г.) по адресу «прогрессивных», «продвинутых» западных исследователей, якобы «глубоко» изучивших вопрос. Преимущественно, разумеется, конструктивистов. В результате в интеллектуально девственной среде массово вызревает «синдром Дугина», когда слабый мозг оказывается не в состоянии справиться с собственной эрудицией и критически осмыслить сильные, но легковесные идеи дутых зарубежных авторитетов, таких как Э. Геллнер, Б. Андерсон, Э. Хобсбаум и др. И русские доверчивые неопиты, вместо того чтобы биться с теорией «воображаемых сообществ» и «изобретенных наций» как научно ошибочной и политически вредной для дела национализма, восхищенно и трепетно транслируют ее в еще менее просвещенные массы, иногда даже как бы против своей воли, в упор не видя ее кричащих противоречий или не вполне отдавая себе отчет в содеянном³⁹.

³⁸ Директор Института этнологии и антропологии РАН и одновременно, парадоксальным образом, автор книг «Забыть о нации» и «Реквием по этносу».

³⁹ За примерами ходить не далеко: *Ремизов Михаил*. *Нация: конструкт или реальность?*

Актуальной критике конструктивистских концепций нации и национализма у Сергеева посвящены главы «Организм или конструкт?» и «Миф о гражданской нации». Основные аргументы весьма достойны внимания:

— во-первых, Сергеев наблюдательно отмечает: «Ныне в мировом научном сообществе конструктивизм явно занимает ведущие позиции, что, на мой взгляд, отнюдь не свидетельствует об его истинности, а скорее — о серьезной болезни современной западной мысли, окончательно утратившей способность к онтологическому видению бытия и с маразматическим восторгом погружившейся в субъективистское своеволие» (с. 133). Воистину так, субъективный идеализм давно утвердился в качестве ведущего метода науки Запада, все тупики и ловушки которой проистекают из данного факта⁴⁰. И вот уже «наиболее последовательный конструктивист — английский исследователь⁴¹ Эрнст Геллнер договорился до того, что не нации порождают национализм, а наоборот, последний сам “изобретает нации”» (с. 132);

— во-вторых, Сергеев не без ехидства задает риторический вопрос: «Конструктивисты, отрицая этническую природу наций, не могут объяснить, почему для их “изобретения” понадобилась апелляция именно к чувству этнического родства, а не, скажем, к простой социальной солидарности или к экономическим интересам. Значит, этническая мобилизация более действен-

на, чем абстрактно-социальная. Не потому ли, что этничность представляет собой некое онтологическое свойство человеческой природы?» (с. 133). Ответ слишком ясен;

— в-третьих, развенчивая адептов «гражданской нации» (упомянутого Тишкова и иже с ним), Сергеев с историческими фактами в руках пытается обосновать именно этническую первооснову даже таких сложносоставных наций, как французы, англичане и американцы⁴², завершая свой экскурс эффектным выводом: «Приходится с грустью констатировать, что “гражданских наций” в природе не существует, их место обитания — головы либеральных идеологов» (с. 148). Я бы предложил публике совсем другие примеры и аргументы, но вывод готов подтвердить.

Врачу, исцелися сам

Что ж, стройплощадка для возведения здания новой русской идеи расчищена, новые мехи для заполнения их новым русским вином изготовлены. Каким оно будет?

Здесь наши с Сергеевым взгляды совпадают пока далеко не во всем. Если в своих представлениях о том, чего нам, русским, не нужно брать с собою в завтрашний день, Сергеев за протекшие пятнадцать лет догнал меня (и даже

Пролегомены к критике конструктивизма в науке о нации // ВН. 2010. № 1; Храмов Александр. Национализм и модернизация. Теория и перспективы либерального национализма // ВН. 2010. № 2.; Неменский Олег. Воображая нацию (под таким название вышло на сайте АПН его выступление, опубликованное в том же номере ВН в подборке) и др.

⁴⁰ Аналогичный упрек западной традиции нациеведения см. также в предыдущем очерке.

⁴¹ Еврей, как и Э. Хобсбаум, уточняет Сергеев на с. 138.

---

⁴² С моей точки зрения, сегодня эта этническая основа, если и была когда-то (насчет французов это особенно сомнительно), уже претерпела неприемлемый для идентичности ущерб, что ведет названные «нации» к этнической фрагментации и конечному распаду и гибели. Лидируют в этом трагическом процессе, естественно, французы, именно потому, что они и не были никогда настоящей нацией, а только этническим конгломератом, стиснутым в рамках согражданства. Но подобный конгломерат — всего лишь салат, в который сегодня добавили ананас, а завтра селедку; но только что ни добавляй, а нацией это не будет, и «кушать» такой «салат» нельзя, его ждет историческая помойка.

местами существенно переиграл в плане основательности суждений), то в смысле постулатов, дефиниций и прогнозов нам еще необходимо доспорить.

Это касается в первую очередь основных тем: что есть нация и национализм.

Как нельзя безнаказанно играть с нечистой силой, так, видимо, возня с идеалистами-конструктивистами, даже критическая, не проходит без последствий. В результате той необходимой и важной работы, что была сделана Сергеевым по разгрому оппонентов, кое-что из добросовестно растоптанного им наследия налипло все же критику на ботинки. Это касается ложного и/или поверхностного представления о нации как о предмете некоего договора и представления о национализме исключительно как об идеологии. В то время как нация не есть что-то такое, о чем можно договориться с кем бы то ни было — с Богом или людьми. Генезис нации и национализма залегает и шифруется гораздо глубже верхушечной рациональной надстройкой — там, где коренится самая природа человека, управляемая отнюдь не разумом, не корой головного мозга, а инстинктами, как у всего живого на Земле.

Об этом договориться нельзя

Обидно, однако констатирую: Сергеев привел в своей книге практически идеальное и полностью соответствующее современному дискурсу определение нации, но принадлежит оно не ему, а известному правоведа XIX века А.Д. Градовскому, который еще в 1873 году отчеканил: «Совокупность лиц, связанных единством происхождения, языка, цивилизации и исторического прошлого», которая при этом «имеет образовывать особую политическую единицу, то есть государство». Если закрыть глаза на то, что Градовский пользовался русским термином «народность» вместо малоупотребительной тогда латинской «нации», тут ни убавить, ни прибавить: нация вся

как есть. Причем в самом актуальном смысле слова — достаточно сравнить это определение с тем, что ныне дают коллеги Градовского — юристы-цивилисты, профессора СПбГУ П.А. Оль и Р.А. Ромашов⁴³, которые пришли к выводу, что нация есть такая фаза развития этноса, в которой он обретает свой суверенитет, выражающийся в собственной государственности. (И — более краткое, но равнозначное определение: нация — это государствообразующий этнос). В ходе работы над монографией «Этнос и нация» мне пришлось досконально разбираться с хитросплетениями нациеведения, и я присягаю: более совершенной формулировки на сегодня не существует.

К сожалению, Сергеев прошел мимо им же самим обнаруженного перла Градовского и встал на зыбкую почву самодеятельного словотворчества. Между тем современное нациеведение уже непредставимо без книги А.Й. Элеза «Критика этнологии», ссылки на которую я у Сергеева не нашел. Да и в моей упомянутой выше монографии можно было бы найти бесполезную историю вопроса. Такой труд сэконобил бы Сергееву усилия и предостерег от излишнего пафоса первооткрывателя.

Что же такое нация по Сергееву? Дважды он повторяет в разных разделах полюбившуюся ему формулировку: «Нация — это форма, которую этнос приобретает в условиях современного общества, главная ее особенность — выдвижение на первый план проблемы политического и культурного единства» (с. 133, 164)⁴⁴.

⁴³ Оль П.А., Ромашов Р.А. Нация (Генезис понятия и вопросы правосубъектности). СПб.: Изд-во Юридического ин-та, 2002.

⁴⁴ Во втором эпизоде Сергеев счел нужным уточнить: этнос — это-де «естественная биологически-культурная общность». К сожалению, это лишь популярное заблуждение, ибо этносы существовали как биологические единицы, продукты дивергенции рас, уже тогда, когда никакой особой этнической культу-

Казалось бы — довольно близко к формуле, созданной русскими юристами, но: 1) феномен «политического и культурного единства» покрывается одним термином «суверенитет», а оно, в свою очередь, раскрывается в слове «государственность», от которого, таким образом, никак нельзя уйти в дефиниции; 2) суверенитет и государственность народов — примета не только Нового времени; а следовательно, нации, причем именно этнонации, были и ранее (к примеру, римская нация республиканского периода, еврейская нация эпохи Израильского царства и др.).

Чувствуя несовершенство своей формулировки, Сергеев в главке «Нация в русской истории» пытается уточнить — и... срывается в типичный конструктивистский идеализм: «Нация — это культурно-политическая общность, постулирующая в качестве основания своего бытия собственные суверенность и самоценность» (с. 164–165).

Из этой уточненной, «усовершенствованной» дефиниции исчезли, как видим, естественно-биологическое основание нации (этнос), а также идея развития, эволюции, становления, стадийности. Зато появился, выпятился и пожрал объективную суть предмета — субъективно-идеалистический фактор: нация, оказывается, должна что-то о себе самой постулировать (кто именно это должен делать от лица нации, не указано).

Чем такое определение (нация есть то, что она сама о себе думает) лучше соловьевского (нация есть то, что думает о ней Бог) — я, право, понять не в силах. Зато я понимаю отлично, что любой объект является самим собой независимо от того, кто и что о нем думает, в т.ч. он сам, и задача историка — как раз выявить эту объективную суть⁴⁵. Остро-

умно критикуя Вл. Соловьева именно за указанную несурязицу, Сергеев забыл подставить себе то же зеркало.

Эта неосторожность дорого обошлась автору. Коготок увяз... Сергеев делает уступку за уступкой своим же оппонентам, которых только что разнес в пух и прах. От условного «пусть (согласимся на минуту) нация как единое целое — идеологическая фикция, но национальное чувство, которому подвержены миллионы... никак не может быть названо фиктивным» (с. 166) — до откровенно капитулянтского: «Мысль конструктивиста Э. Геллнера о том, что национализм предшествует нациям, имеет вполне рациональное зерно, во всяком случае, национализм точно предшествует оформлению нации в пределах всего населения той или иной страны, так сказать, “большую нацию” конструирует “малая нация” в лице политической и культурной элиты» (с. 163). Как тут не вспомнить отца философского идеализма Платона, учившего, что идея стола предшествовала в мире появлению стола как такового!

Дело, однако, в том, что бывают нации и «нации». В одном случае мы имеем дело с моноклеарной структурой, выращенной из общего этнического ядра (немцы, русские, евреи и т.д.), а в другом — со структурой комбинированной, представляющей собой этнический конгломерат (французы, итальянцы, англичане), в отношении которого пресловутая сентенция Ренана о нации как ежедневном плебисците

а в этнологии и антропологии в частности, должен заявить, что феномен нации невозможно постичь вне соотнесения с феноменом этноса, а сей — вне соотнесения с феноменом расы. От этой печки и приходится танцевать, если стремиться к истине. Боязнь биологизма — типичный предрассудок гуманитарно-антропоцентриста. Но сегодня его с успехом преодолевают как историки (например, В.Д. Соловей), так и филологи (например, А.Н. Севастьянов).

ры, кроме обще-неолитической (и даже, вероятно, палеолитической), еще не было.

⁴⁵ Как человек, немало натрудившийся с проблемой дефиниций в социологии вообще,

не так уж бессмысленна. Мононуклеарная нация, те же русские, не требует никаких манифестаций, она просто есть — и все тут; а вот конгломерат может осуществиться как «нация» только через умственное насилие (вариант: плебисцит). Однако является ли он воистину нацией — вот вопрос!

Пример французов, уже вырождающихся, но так и не успевших ею стать (отчаянная попытка Ренана подвести теорию под этот факт не помогла), говорит: нет, не является. Конгломерат — он и есть конгломерат: сегодня в нем десять компонентов, завтра сто, но сколько еще ни добавляй, а его суть от того не изменится. Беда в том, что рано или поздно возросшие этнические компоненты перестают ассимилироваться и норовят создавать анклав, анклав же требует суверенитета, после чего распад такой «нации» — лишь дело времени, как свидетельствует судьба Рима, Византии и др.

Вышеприведенное «капитулянтское» заявление Сергеева обязывает возразить с позиций не только нациеведения, но и этнополитики. Однако не менее важное расхождение с автором ждет впереди. Он заявил:

«Мне представляется совершенно верным тезис о принципиальной новизне наций Нового времени по отношению к досовременным этносам. Нация в сравнении со средневековым обществом поражает своей социальной, политической и культурной гомогенностью. В нации преодолеваются сословные и прочие групповые разделения, образуется единое для всех ее членов социальное, политическое, правовое, экономическое и культурное поле. Нация едина социально (ни одна социальная группа формально не является привилегированной), политически (она живет в одном суверенном государстве, не предполагающем внутри себя никаких других политических образований), юридически (в этом государстве действует единое и обязательное для всех законодательство),

экономически (внутренний национальный рынок, национальное разделение труда, государственная банковская система) и культурно (все сверху до низу должны знать, кто такие Данте, Шекспир или Гете и относиться к ним с благоговением)» (с. 163–164).

На мой взгляд, такой подход излишне усложняет простую и ясную сущность нации как этноса, развившегося до стадии собственного государства. После такой решительной нотации остается, однако, совершенно неясным, почему, собственно, нация обязательно должна быть гомогенной? Кто это сказал, доказал? Где такую гомогенную нацию можно видеть? Да, подобные декларации порой звучат, но доказательной силы не имеют.

Возьмем, к примеру, самое яркое проявление нации в Новейшее время, а именно, немцев образца 1933–1945 гг. На поверхности мы видим идею тотального единства: одна нация, одна партия, один вождь и т.д. Но были ли преодолены «сословные и прочие групповые разделения», образовалось ли «единое для всех ее членов социальное, политическое, правовое, экономическое и культурное поле» и т.д.? Нет, никакой гомогенности тут не было и в помине. Перед нами — общество, очень жестко структурированное, разбитое на классы, сословия, корпорации, конфессии и иные группы с весьма стабильными границами, в котором еще и действовал, играя не последнюю роль во всех сферах жизни, вовсе закрытый орден национальной суперэлиты — СС. А между тем в плане национальной сплоченности, солидарности, идейно-политического единства немцам тех лет можно только остро завидовать (если отвлечься от финала, конечно). Уровень национальной консолидации — недостижимый для нас сегодняшних.

Итак, вооружимся «бритвой Оккама» и освободимся от «лишних сущностей», в данном случае — фантомных предикатов нации. Интересно, что про-

тив явно надуманного тезиса об обязательной гомогенности нации резко возражает не кто иной, как Виссарион Белинский, которого сам же Сергеев цитирует с пиететом: «Под “народом” всегда разумеют массу народонаселения, самый низший и основной слой государства. Под “нацией” разумеют весь народ, все сословия, от низшего до высшего, составляющие государственное тело» (с. 192). Понятно, что возможно что-либо одно из двух: либо гомогенность, либо — высшие и низшие сословия. Пример социально однородного общества в истории зафиксирован лишь однажды: советский народ, если верить мечтателю Леониду Брежневу.

Почему столь эрудированный, умный, проникательный и скептический автор попал в простую ловушку? Потому что сам себе ее и выстроил, поддавшись обаянию интеллектуальных баек конструктивистов? Потому что признал, вслед за ними: «Нельзя делать вид, что не было гигантских рукотворных усилий по формированию современных наций со стороны интеллектуалов и правительств» (с. 161)? Загадка. Характерно, однако, что в пример таких усилий Сергеев приводит лишь известные мистификации этнических эпосов, состряпанные Макферсоном и Ганкой, которые имели (и могли иметь) успех единственно потому, что для этого была подлинная материальная — биологическая! — основа: кровь, этнос, шотландский и чешский. Других аргументов нет. Но я готов побиться об заклад, что кто бы ни разработал, по примеру названных, мифологию хоббитов, купно с их псевдоэпосом, хоббитанская нация в результате от этого не возникнет. Напротив того, есть вполне известные нации (исландцы, норвежцы, киргизы, финны и др.), чьи немистифицированные эпосы тоже вполне известны («Круг Земной» Снорри Стурлусона, «Манас», «Калевала» и др.). Считать подобные литературные

памятники, по образцу коих творятся мистификации, «рукотворными усилиями по формированию наций» мне кажется довольно нелепым и анахроничным. Такой уступки идеализму делать нельзя, особенно раздолбав (и справедливо!) перед этим наш родной, русский традиционный идеализм.

Поистине, идеецентризм для историка противоположен в принципе, особенно если он — историк идей. Не стоит забывать, что сознание вторично, а первична — материя.

Экстраполируя свой теоретический посыл в Россию, Сергеев, на мой взгляд, закономерно ошибается, считая, что сегодня происходит «первое пришествие русской нации» (с. 155). Но ведь русское национальное государство у нас уже было!⁴⁶ Следовательно, русские имели суверенитет, а с ним и статус нации еще во времена Земских Соборов, но затем, по мере усиления имперской и династической тенденций, постепенно его утратили. И сейчас остро стоит вопрос: сумеем ли вернуть? Такая трактовка проблемы, мне кажется, менее располагает к опасному благодушию и носит более мобилизующий характер.

Опасная логика

Между тем идеалистическое понимание нации, само собой, ведет к идеалистическому пониманию национализма — и тоже в конструктивистском духе.

Конечно, национализм проявляет себя (именно проявляет!) в том числе в форме идеологии. Однако трактовать национализм исключительно как идеологию, а не как чувство и/или врожденный инстинкт, означает выдавать проявление сущности за саму сущность. Такова родовая травма типового конструктивиста. Она обусловлена именно пониманием нации как

⁴⁶ Мавродин В.В. Образование русского национального государства. 2-е изд. М., ОГИЗ — Госполитиздат, 1941.

интеллектуального, идеологического продукта; связь этих понятий самая прямая: сказал «А», изволь сказать и «Б». Как это делает тот же Малахов в своем учебном пособии. Мне уже приходилось критиковать такой подход⁴⁷, не стану повторяться, но лишь покажу, куда он может завести.

Вначале Сергеев просто именуется национализм идеологией (с. 48, 59), придавая ей положительное значение и мобилизационный потенциал. Но дальше происходит странная редукция этого важного понятия. Автор риторически спрашивает: «Большой и сложный вопрос: является ли национализм особой идеологией?». И отвечает: «Есть серьезные основания считать его служебным идейно-эмоциональным комплексом, который могут использовать в своих целях любые идеологии» (с. 166).

Конструктивисты «отдыхают»!

Увы, стоит отнестись к национализму как к идеологии, то есть как к инструменту, а не как к движителю, который сам располагает обширным инструментариумом, дойдешь и до такой мысли. Чтобы далее опуститься еще ступенью ниже: «Национализм сам по себе не выдвигает какого-то особого, одному ему присущего проекта общественно-политического устройства, ему волей-неволей приходится “вписываться” в подобные проекты, содержащиеся в традиционализме, либерализме или социализме. С этой точки зрения национализм есть лишь “субидеология”, важный, но не единственный элемент всякой влиятельной идеологии» (с. 168).

Даже не верится, что это написано в наши дни, когда лозунг «Даешь русское национальное государство!» объединил русских националистов всех мастей столь явно, столь наглядно⁴⁸.

(О конкретных проектах такого государства у нас, надеюсь, будет возможность поговорить на страницах ВН.)

Свою антиапологию национализма Сергеев завершает так, что аплодисмент либерального лагеря начинает звучать в ушах с силой океанического прибоя: «Национализм — идеология очень своеобразная, чрезвычайно пластичная и на удивление небогатая в теоретическом плане» (с. 169). Уж не знаю, какого богатства искал автор, избалованный разнообразием русской идеалистической традиции (и как только он нашел в себе силы отказаться от этого изобилия, этой «цветущей сложности»?). Но позволю себе заметить, что удивляться вряд ли стоило, ведь это мифов бывает множество, а истина — одна, и она всегда, как мы знаем, конкретна. Одна. И впрямь, небогато.

Не случайно, как видно, Сергеев, удрученный этим небогатством, призывает к созданию «нового русского мифа» (с. 89). Боже упаси! Никаких мифов больше! А то как бы не пришлось историку XXII века разбирать завалы новой, националистической мифологии и проводить новую «ревизию аксиом», отыскивая причины очередного и окончательного провала русских националистов.

Недобитую традицию — добить!

Итак, Сергеев прекрасно подготовил для русского национализма новые мехи (за что ему большое спасибо), но ничего подходящего туда сам пока не влил. Несмотря на обилие блестящих мыслей, интереснейших фактов и наблюдений, будоражащих мысль гипотез, небогатая теория национализма не была им заметно обогащена.

Почему? В целом ясно: идеализм русской традиции (в том числе, религиозно-философской), изучению и пропаганде которой автор, по его

⁴⁷ А.С. Русские: жить или умереть? // Размышления над книгой // ВН. 2010. № 3. С. 67.

⁴⁸ См. об этом: *Севастьянов Александр*.

Семнадцать мгновений истины, или Наш ответ Данилину // Наш современник. 2009. № 10.

собственному признанию, посвятил двадцать лет, держит цепко, въедается в мозг. Это во-первых.

А во-вторых, Сергеев, проявивший себя незаурядным разрушителем традиций, чей внимательный, точный, вдумчивый исторический анализ разбивал на наших глазах один миф или предрассудок за другим, забыл разбить еще один такой, причем важнейший.

Он и сам это знает и прекрасно понимает: «Традиционная русская мысль всегда чуралась биологизаторских концепций нации (за исключением, пожалуй, национализма начала прошлого века в лице М.О. Меньшикова или П.И. Ковалевского)» (с. 153). Ну, я бы добавил сюда еще и Суворина, и, конечно же, Василия Розанова, и не только; да, русская дореволюционная мысль с роковым опозданием дозрела до биологизма, но какие имена! Один Меньшиков чего стоит...

Оправдывая, более для самого себя, это «чурание», Сергеев поясняет: «Невозможно показать и объяснить трансформацию биологических признаков этноса (тех же отпечатков пальцев) в культуру и социальность» (с. 154).

Ан вот и нет! Во-первых, именно по отпечаткам пальцев на глиняных изделиях каменного века ученые делают совершенно неопровержимый и далеко идущий вывод о том, что мы, русские, — прямые потомки тех самых гончаров и наследники той самой культуры и социальности, которые существовали на нашей земле в весьма далекие времена.

А во-вторых — и это гораздо серьезнее — биологические различия этносов касаются не только дерматоглифических узоров (это лишь один из многих десятков этнодиагностических маркеров), но и устройства головного мозга. Расовые и даже племенные мозги — это объективная реальность, зафиксированная многими исследованиями. От этого уже так просто не отмахнешься. Связь соматики с самыми высшими проявлениями духовности

есть медицинский факт, от которого никуда не спрятаться. Соматика же, как ни крути, носит расовый и этнический характер. Это тоже факт. *Sapientia sat.*

Меньшиков, Ковалевский, Розанов... Примкнувший к ним, не убоившись, выдающийся историк Валерий Соловей... Чем плоха компания, Сергей Михайлович? Правда, придется потерпеть рядом еще и «записного националиста» Севастьянова, но на что не пойдешь ради общего дела!

* * *

В книге Сергеева много есть еще такого, о чем бы мне хотелось поговорить подробнее, поспорить, благо наши научные интересы, как выяснилось, слишком во многом совпадают. Но я не буду здесь обсуждать ни проблемы русской интеллигенции и среднего класса, на которого уповаает автор (это сделано мной в другом месте)⁴⁹; ни проблемы словесности и культуры (это требует иной площадки); ни проблему русского характера⁵⁰; ни трагическое заблуждение насчет принадлежности русских и России к Европе (быть европеоидом еще не значит быть европейцем); ни многого другого, повод к чему подает книга. И даже такой важный предмет для спора, как отношение русских националистов к режиму и Кремлю (Сергеев, на мой взгляд, питает здесь необоснованные надежды), оставляю для другого случая.

В заключение скажу кратко. Новые мехи русского движения ждут нового вина. Пожелаем всем нам — а Сергею Сергееву особо — успеха в его изготовлении.

⁴⁹ *Севастьянов А.Н.* Диктатура интеллигенции против утопии среднего класса. М.: Книжный мир, 2009.

⁵⁰ Об этом пойдет речь в следующем номере ВН.

СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВ

I. АПОЛОГИЯ

«ОЧЕРНИТЕЛЬСТВА»

«Вы не любите русскую историю», — с мрачной удовлетворенностью тем, что наконец-то удалось раскусить «засланного казачка» и теперь уже совершенно ясны причины «странностей» вроде бы неглупого человека, сказал мне известный и заслуженный ветеран русского национального движения после прочтения моей статьи «Нация в русской истории»¹. Я, несколько ошарашенный таким выводом, растерянно возразил, что вообще-то именно русской историей и занимаюсь профессионально вот уже лет двадцать. Мой визави, саркастически-мудро усмехнувшись («и не таких видали»), с полной уверенностью в своем торжестве моментально меня «срезал»: «Ну и что, Пайпс, между прочим, русской историей всю жизнь занимается...» После стигматизирующего мою персону в глазах каждого честного русского патриота сближения с главным «руссофобом» американской историографии я понял, что дальнейший спор обречен быть бессмысленным и беспощадным...

С тех пор упреки в нелюбви к русской истории, в ее «очернении», а то и попросту в руссофобии, я получаю более-менее регулярно. Особенно после статьи «Дворянство как идеолог и могильщик русского национализма»². Елена Чудинова буквально прокляла ее автора, «плюющего на могилы предков»³, Вла-

димир Садовников инкриминировал мне «чаадаевщину»⁴, и даже мой друг Александр Самоваров посетовал, что Сергеев-де невольно льет воду на очень нехорошую мельницу⁵... А все потому, что я изображаю имперский период нашей истории далеко не в радужных тонах.

Разве может русский националист критиковать историю своей страны? — возмущаются мои оппоненты. Я вряд ли сумею перед ними оправдаться, но эта дискуссия (пусть и тупиковая) — хороший повод поразмышлять о том, на каких принципах должна строиться русская националистическая историография. Настоящие беглые заметки (которые служат, кроме всего прочего, методологическим послесловием к циклу моих работ по истории русского национализма)⁶ — попытка эти принципы наметить. Естественно, к дальнейшему обсуждению приглашаются все желающие.

Трюизмом стало утверждение, что вполне объективное, деидеологизированное историческое исследование возможно только в формате хронологической таблицы (да и там возможны злоупотребления злостным субъективизмом). Если выбирать между Леопольдом Ранке («историк должен просто описывать то, что было на самом деле») и Михаилом Покровским («история — это политика, опрокинутая в прошлое»), то, при всей несимпатичности фигуры последнего, премию в номинации «За реализм» придется

⁴ http://www.hrono.info/statii/2010/sad_dvor.php.

⁵ <http://a-samovarov.livejournal.com/1608.html>

⁶ См., кроме указанных выше: Восстановление свободы. Демократический национализм декабристов // ВН. 2010. № 2; «Хозяева» против «наемников». Русско-немецкое противостояние в императорской России // ВН. 2010. № 3. Все вместе они, отчасти неожиданно для автора, составили своеобразную тетралогию, объединенную общими «героями».

¹ Москва. 2009. № 6. Вошла в мою книгу «Пришествие нации?» (М., 2010).

² ВН. 2010. № 1.

³ <http://www.apn.ru/publications/article-23006.htm>

отдать ему. Историческая наука изначально была идеологизированной и ангажированной, не случайно профессор-историк — неизменный (и немаловажный) актер политического поля эпохи Модерна.

Думаю, ничего порочащего честь историографического мундира в этом нет. В конце концов, *история должна служить жизни или жизнь истории?* Конечно, найдутся кабинетные чудачки, которые выберут второй вариант, но честны ли они с собой до конца?

Российская империя оправдывала свое бытие в монументальных нарративах Николая Карамзина и Сергея Соловьева. Большевикам-интернационалистам понадобился тот же Покровский, национал-большевизм вознес Евгения Тарле из алма-атинской ссылки до вершин академической карьеры. Имперско-евразийское реставраторство 90-х клялось именем Льва Гумилева.

Какая история нужна современным русским националистам?

Естественно, такая, которая будет «аргументами от прошлого» обосновывать необходимость русского национального государства.

Годится ли для этого апология Российской империи и следование традициям «государственной школы»? Нет, потому что тогда мы превращаем историю из ангажированной науки в ангажированную мифологию. Последняя тоже нужна, но у нее другие задачи и методы. При всей идеологизированности исторического исследования, оно не может пренебречь одним очень важным условием: *уважением к факту*. Мифологии это условие ни к чему, она принципиально не верифицируема. Для науки уважение к факту — *sine qua pop*.

Мы можем сколь угодно вольно *комбинировать* известные нам данные источников, но мы не имеем права эти данные *выдумывать или замалчивать*. Нам не должна позволять этого делать *интеллектуальная совесть историка,*

как бы выпренне не звучал в наше время такой императив.

До какой же степени нужно изнашивать свою интеллектуальную совесть и заглушить ее голос истошным воплем — «верую, ибо абсурдно!», сколько нужно выпить водки забвения, чтобы впасть в доразумное и досовестное младенчество и бестрепетно провозглашать Российскую империю — русским национальным государством? *Факты* говорят о другом.

Можно ли назвать *государством русских* политическое образование, где подавляющее большинство собственно русских — люди второго-третьего сорта, нещадно эксплуатируемые привилегированным меньшинством, с которым их не соединяют ни общие права, ни общая культура? Где выгодополучателями проекта «Империя» являются 2–3% жителей — вестернизированная верхушка, играющая роль цивилизованной метрополии по отношению к миллионам колонизируемых дикарей-великороссов. Или кто-то всерьез думает, что Романовы и обступавшая их трон аристократия работали в поте лица на благо всего русского этноса? Очевидно, именно в интересах последнего велись бессмысленные войны во имя химеры «похищения Европы»; процветало крепостное рабство; «мужиков» на пушечный выстрел не подпускали к гимназиям и университетам; устлались розами дороги для иноземных колонистов, а правнуков хабаровых и дежневых держали на привязи у околицы; равнодушно закрывались глаза на унижение русского достоинства в Остзейском крае и Финляндии...

Если мы считаем Российскую империю *национальным государством* (т.е. государством, заботящимся об интересах этнического большинства), то все это кажется по меньшей мере странным и шокирующим. Но если мы поймем, что она была *самодержавно-дворянским государством*, то картина обретет «стеклянную ясность».

И *это* мы хотим взять за образец? Тогда в чем собственно наши разногласия с правящими «националистами в хорошем смысле слова»? В том, что они мало ведут победоносных войн и до сих пор не вернули пограничные столбы державы в окрестности Вирбалиса и Кушки? Но, кажется, не об этом *мы, националисты*, грезим... Трудно спорить с тем, что Российская империя перед РФ — что дворец перед сараем. Но еще труднее оспорить то, что режим, по которому живут обитатели этих столь непохожих зданий, в чем-то главном похож до неразличимости.

Пока у русских нет своего национального государства, историографическая критика имперской модели государственного строительства остается приоритетной задачей историков-националистов. Расчесывая язвы империи Романовых, мы косвенно бьем по больным местам квазиимперии «Газпрома». И, напротив, оправдывая крепостное право, «оскудение Центра» из-за 60-процентного перевеса в налогообложении, взваленного на великорусские губернии, «немецкое засилье» и прочие прелести, мы косвенно выдаем индульгенцию демонтажу социального государства, почти стопроцентному дотированию Кавказа и визитам чеченских адвокатов к профессорам МГУ...

Но где же исторический позитив? — зададут мне закономерный вопрос. Конечно, позитив должен быть, и его очертания начинают уже вырисовываться в некоторых серьезных работах, опубликованных, в том числе, и в «ВН». Надеюсь, наши читатели обратили внимание на цикл статей Александра Горянина о русских демократических традициях. Историю России как историю русского народа заявил недавно Валерий Соловей. Много оригинальных догадок и наблюдений можно найти в публицистике Константина Крылова, Александра Самоварова, Дмитрия Саввина... Стоит также

перечитать труды Аполлона Кузьмина, прочертившего через всю русскую историю дуализм «Земли и Власти»... В сущности, сегодня происходит возрождение исторической концепции декабристов на новом уровне эмпирического материала и его теоретического осмысления.

Общая схема националистической историографии ясна: *русская история — это история борьбы русского народа за свое национальное государство*. В самом кратком изложении курс русской националистической истории таков (здесь я во многом почти дословно совпадаю с Александром Севастьяновым). Русские вплотную подошли к созданию национального государства в XVI в. (с этим согласен и англичанин Доминик Ливен), но имперские аппетиты самодержавия, нашедшего себе верную опору в служилом дворянстве, не только остановили процесс нациостроительства, но и отбросили его далеко назад. Новый виток нациогенеза начинается в первой четверти XIX в. благодаря конфликту бывших союзников — самодержавия и дворянства, которое восприняло национализм в качестве идеологии своей оппозиционности. Несмотря на катастрофический срыв русского нациостроительства в 1917 г. и второе, ухудшенное издание империи в виде СССР, русские обрели важнейшие элементы нации-государства — сравнительно эффективный управленческий аппарат, вполне современную армию и высокую Культуру, которую большевики воленс-ноленс транслировали «до самых до окраин»...

Сегодня все это деградирует на глазах, и воскреснуть сможет только тогда, когда перейдет в руки своего истинного создателя и (пока еще не) хозяина — *русской нации*. Но здесь историк должен умолкнуть: *будущее* вне его компетенции.

II. АПОЛОГИЯ КОНСТРУКТИВИЗМА

Александр Никитич Севастьянов, судя по его подробнейшему разбору моей книжки «Пришествие нации?», публикуемому в этом номере «ВН», — самый внимательный ее читатель. И за это я хочу сказать ему огромное человеческое спасибо. Все мы, люди пишущие, склонны к эгоцентризму, закливаемся на собственном творчестве и мало обращаем внимания на работы коллег. Рецензия А.Н. — редкий и отрадный пример равнодушного отношения к ближнему.

Этот отзыв, в целом весьма благожелательный и даже лестный, содержит тем не менее (что совершенно нормально) и серьезные критические замечания. Севастьянов меня по-дружески журит за заигрывание с конструктивизмом, которое, ясное дело, русского националиста до добра не доведет.

Что ж, эта тема заслуживает обсуждения. Тем более что А.Н. открыл прямо-таки осиное гнездо тайных и явных конструктивистов, свитое ими не где-нибудь, а в теоретическом журнале русских националистов: перечисляются имена Михаила Ремизова, Олега Неменского, Александра Храмова — основных авторов (а первые двое — члены редсовета) «ВН». К этому списку легко добавить Павла Святенкова, и, скажу ужасную вещь, сам главред Константин Крылов конструктивизмом не брезгует; ну и, наконец, даже союзник Севастьянова по «биологизаторству» Валерий Соловей вполне сочувственно ссылается на какого-нибудь Брубейкера (А.Н. предпочел об этом умолчать, сглаживая свои немаловажные методологические разногласия с В.Д.).

Севастьянов забил тревогу: «Осторожно, конструктивистский уклон!» Но так ли страшен черт (А.Н. прямым текстом сравнивает конструктивизм

с «нечистой силой»), как его малюет первопроходец национал-демократии?

Мое отношение к конструктивистскому направлению в этноисторическом и в основном определилось еще в 2003 г., в пору работы над антологией «Нация и империя в русской мысли начала XX века» (М., 2004): абсолютизация данного подхода абсурдна и вредна, но теоретические и фактологические наработки конструктивистов заслуживают самого серьезного внимания. То есть можно сколько угодно не соглашаться с Геллнером в том, что нации — фиктивные образования, или с Андерсоном в том, что они — «воображаемые сообщества», но игнорировать описанную ими механику нациостроительства значит сознательно зауживать и обеднять себя как исследователя и оставаться на научном уровне позапрошлого столетия.

С течением времени я еще более смягчился к конструктивистам, когда осознал (и в этом мне помогли работы Валерия Соловья и Михаила Ремизова), что конструктивизм не обязательно должен рассматриваться в виде резкой антитезы примордиализму, как это хотелось бы крайним конструктивистам и крайним примордиалистам, — оба эти подхода вполне совместимы (что демонстрируют, например, труды Энтони Смита, да и того же Соловья). И что еще более важно: *для современных русских националистов конструктивистская методология прагматически необходима*, ведь им нужно именно *создавать* русское национальное государство (т.е. в определенных отношениях *конструировать* его), а не ждать, пока оно само естественно-биологическим путем *«родится»*.

Еще один чисто прагматический аргумент: современный этноисторик, не работающий, хотя бы формально, в терминологии мейнстрима (а конструктивизм, без сомнения, мейнстрим), автоматически выпадает из научного поля. Севастьянов этого не боится, надо отдать должное его муже-

ству, но я не уверен, что добровольное интеллектуальное изгойство — правильная стратегия для всех ученых-националистов. Чтобы завоевывать умы, нам надо уметь сражаться на территории противника.

Наконец, с узконаучной, академической точки зрения конструктивизм — хорошо зарекомендовавшая себя и весьма перспективная методология для исторического исследования. Подавляющее большинство научных штудий современных российских историков о русском национализме и национализме (а сейчас данная тематика переживает явный «бум») написано именно в этом ключе и, что особенно важно, как правило, льет воду на *русскую*, а не на *руссофобскую* мельницу (назову хотя бы работы А.И. Миллера). Да и западные исследователи, пишущие в рамках данной парадигмы, совсем не обязательно какие-то коварные враги: и Джеффри Хоскинг, и столь часто цитируемый Севастьяновым Андреас Каппелер — умеренные конструктивисты, что не мешает их трудам быть заслуженно популярными среди русских националистов.

Мне самому, как историку, нравится работать с конструктивистским инструментарием, который помогает достигать довольно интересных результатов в изучении русского национализма, осуществлявшегося в истории как серия различных идеологических проектов и социально-политических практик, а не как процесс биологического роста. Это не делает меня приверженцем идеи о фиктивности наций и совершенно не мешает признавать принципиальную важность биологического фактора в человеческом бытии. Но в социальной реальности данный фактор редко работает напрямую, чаще косвенно, преломляясь через сознание людей как социальных (а не только биологических) существ, через функционирование социальных институтов, через культуру. И для историков важны именно эти преломления, а

не первичные биоимпульсы, — не стоит отнимать хлеб у биологов. Именно так биологический фактор рассматривается мэтрами школы «Анналов», тщательно исследующих, например, влияние демографии на ход истории. Между прочим, упомянутый выше Александр Храмов именно биолог, но предпочитает об истории писать как историк. Валерий Соловей, блестяще сформулировавший гипотезу этноса как биологической общности, в «Несостоявшейся революции» эту гипотезу практически не использует, для историко-социологического исследования она излишня.

Здесь мы подходим к самому главному. А.Н. отвергает конструктивизм с позиции ультрабиологизма, некоего биологического материализма (биомата). Но для любого вменяемого историка работать в рамках такой методологии невозможно (сам ее протагонист, в своих академических трудах, скажем, о Сумарокове, про биологию почему-то забывает). Да, конечно, расы и народы отличаются друг от друга теми или иными биологическими признаками. Но что дальше? А дальше придется переходить к историко-социологическим и историко-культурологическим методам, в том числе и к тем, которые нам предлагают конструктивисты.

Первый пришедший в голову пример: как известно, русские и поляки — биологически чрезвычайно близки, чуть ли не идентичны, а вот русско-польские отношения — почти всегда борьба, которую легко объяснить политическими и религиозно-культурными причинами, но никак не дерматоглифическими узорами и устройством головного мозга.

Севастьяновский биомат ничуть не лучше так обрыдшего людям, выросшим в СССР, диамата, а в научном плане он значительно менее полезен — с помощью марксизма, во всяком случае, можно достаточно продуктивно изучать экономическую историю. Как это ни странно, А.Н. наиболее близок к тому типу теории, с которым он

яростнее всего борется, — к идеалистической метафизике: и тут, и там конкретно-историческое исследование подменяется прокрустовым ложем спекулятивных схем. Собственно, биомат и есть своеобразная, перевернутая метафизика, где место *Духа-Абсолюта* занимает *Кровь-Абсолют*. Историкам такая (как, впрочем, и любая другая) метафизика ни к чему. Не уверен, что она уж очень эффективна и в политике.

Теперь вкратце о конкретных замечаниях А.Н. в мой адрес.

1. Возможно, мое определение нации оставляет желать лучшего. Я не стремился к строгой дефиниции, а скорее, к более-менее полному феноменологическому описанию.

2. Определение нации П.А. Оля и Р.А. Ромашова, под которым подписывается Севастьянов, в принципе приемлемо, но требует прояснения таких понятий, как «государство» и «суверенитет». В Российской империи было и государство, и суверенитет, но она не была *национальным* государством, с этим у нас с А.Н. разногласий нет. Значит, важно выяснить *характер* суверенитета. Когда суверен — неограниченный монарх, а не нация, государство не национально, и, следовательно, из севастьяновской логики вытекает, что и нации в таком случае нет. Кстати, немцы, жившие до 1871 г. в *разных государствах*, составляли ли единую нацию?

3. Книгу А.И. Элеза я, разумеется, читал, но она посвящена исключительно этнологии и не имеет никакого отношения к нациоведению.

4. *Нация не есть биологическая общность, а социально-политическая структура и легитимизирующий ее дискурс, определяющие жизнь европейских этносов эпохи Модерна*. Конечно, само слово «нация» старше данной структуры, но в науке именно за последней закрепилось это название. Отличие средневековых этносов от этносов Нового времени в социально-

политической организации очевидно, и потому их необходимо терминологически разграничивать.

5. Самосознание — не единственный признак нации, но признак чрезвычайно показательный. Если «моноклассарные» немцы XVIII в. не считали себя единой нацией (и убивали друг друга на войне в качестве солдат разных государств), а в XX — считают и не убивают, неужели это малозначительно? Платоновская идея стола не так уж бессмысленна — какой столяр мастерит стол, не имея в голове (т.е. *в сознании*) его идеи?

6. Разумеется, гомогенность нации относительна (она *не дана* сразу, а *становится*) и имеет во многом символическую природу, но, во-первых, относительно средневекового, сословного общества гомогенность эта выглядит весьма впечатляюще, а во-вторых, символические манифестации имеют вполне реальное влияние на развитие социума. Белинский писал о сословиях, поскольку они были основой социального бытия николаевской России, но сам видел путь русской нации как движение к бессословному обществу, это мнение разделяли многие (если не большинство) тогдашних русских националистов, например, идейно весьма далекий от «неистового Виссариона» славянофил Иван Аксаков.

7. Право же, сомнительно, что финны (и в особенности *киргизы*) стали нациями совершенно естественным образом, без учета трансформации элиты (до середины XIX в. ощущавшей себя *шведской*), в первом случае, и усилий руководства «первого в мире социалистического государства» — во втором.

8. Сознание — вторично, но оно может оказывать очень даже материальное воздействие на материю, например, тяжелые психологические переживания нередко сводят в могилу физически цветущего человека.

9. Ссылка на старую, научно-популярную книжку В.В. Мавродина ничего не проясняет, в ней вообще от-

существует теоретическая база и даже не определяется, что такое нация и национальное государство.

10. Национализм, разумеется, не только идеология, но и вытекающая из нее социально-политическая практика.

11. В истории национализм подписывался под очень разными проектами. И Адам Смит — националист, и Фридрих Лист — националист, а экономические системы у них разные. Националист Петр Струве видел будущее России отлично от националиста Льва Тихомирова. Итальянский национализм Джузеппе Мадзини предельно далек от итальянского национализма Бенито Муссолини. И т.д., и т.п. Даже сегодня русские националисты не во всем согласны по поводу того, как

должно быть устроено русское национальное государство.

12. Как теоретическая конструкция идея национализма действительно чрезвычайно проста и однообразна во всех вариациях. Это ей не в упрек.

13. «*Мифов много, истина одна*» — и знает ее, разумеется, А.Н. Севастьянов. Странно, что А.Н. не понимает важности яркого и заразительного национального мифа для широкой пропаганды русского национализма.

14. Компания из Розанова, Меньшикова, Ковалевского, Севастьянова и Соловья прекрасна, но в любой самой замечательной компании скучно, когда все твердят в унисон. Так что будем спорить, хорошая дружеская дискуссия — одно из наслаждений жизни.

Фонд поддержки и развития гражданского общества «РОД»
создан в марте 2009 г. решением активистов
Русского общественного движения.

Президент Фонда — известный публицист,
деятель русского национального движения К.А. Крылов.

Дата государственной регистрации Фонда «РОД» — 15 мая 2009 г.
Свою деятельность Фонд осуществляет на основе
Федерального закона РФ «О некоммерческих организациях».

Целью деятельности Фонда «РОД» является содействие развитию
русского гражданского общества, поддержка русского национального
движения, привлечение на благотворительной основе средств для
финансирования общественно значимых программ и проектов.

Реквизиты Фонда развития и поддержки гражданского общества «РОД»

Полное наименование: Фонд развития и поддержки гражданского общества
«РОД». Сокращенное наименование: Фонд «РОД»

ОГРН 1097799008977, ИНН 7705043648, КПП 770501001

Юридический адрес: 115093, Москва, ул. Б. Серпуховская, д. 44, ком.19

Банковские реквизиты : КБ «Интеркоммерц» (ООО) г. Москва

Р/с: 4070 3810 7000 0000 3564

К/с: 3010 1810 5000 0000 0684

БИК: 044552684

БЛУЖДАЮЩИЕ ЗВЕЗДЫ: НАЦИЯ И ИДЕНТИЧНОСТЬ

Занд Шломо. Кто и как избрал еврейский народ. М.: Эксмо, 2010. — 544 с.

*В евреях легко разобратся,
отринув пустые названия,
поскольку евреи — не нация,
а форма существования.*

И. Губерман

*— Мама, а наша кошка —
тоже еврей?*

Л.Кассиль.
«Кондуит и Швамбрана»

Небеса упали на землю и реки потекли вспять. С первых полос газеты «Завтра», из кулуаров российских круглых и даже кухонных столов исчез антисемитизм. Но это полбеды. Практически одновременно он чудесным образом обнаружился не где-нибудь, а в израильских университетах, вызвав там немалый переполох. Так, Стивен Плаут, адъюнкт-профессор университета Хайфы, пишет в своей статье с красноречивым названием «Патология еврейского антисемитизма»: «Еврейский антисемитизм повсюду вокруг нас, это часть политического воздуха, современная болезнь. В XXI веке мир переживает взрыв этой виртуальной чумы»¹. И действительно, в Израиле выросла целая плеяда ученых — историков, социологов, психологов и даже археологов, подвергающих в своих исследованиях сомнению основные положения, на которых базируется теория и практика сионизма: достоверность Торы как исторического источника, галут как вынужденное пребывание еврейского народа вне Эрец-

¹ *Plaut S. The Pathology of Jewish Anti-Semitism // Frontpagemag.com/http://frontpagemag.com/2010/02/16/the-pathology-of-jewish-anti-semitism/*

Израэль вследствие насильственного изгнания, уникальную расовую гомогенность евреев, историческое право на землю Палестины и проч. Бдительными патриотами-сионистами были выявлены целые очаги поражения этой заразой, например, университет им. Бен-Гуриона в Негеве, а также ее возбудители, которые, как водится, дислоцируются в Европе и Штатах². Имя этой заразы — постсионизм.

Об этом знаковом явлении русскоязычный читатель узнал, как всегда, последним. В то время как полки британских книжных магазинов уже много лет ломаются от самой разнообразной постсионистской литературы с названиями типа «Изобретение древнего Израиля», «Преодоление сионизма», «Миф о Масаде: Коллективная память и мифотворчество в Израиле»³, только в нынешнем 2010 году в России наконец-то вышла работа историка-постсиониста. Книга под провокационным и вызывающе неполиткорректным названием «Кто и как выдумал еврейский народ» профессора Тель-Авивского университета Шломо Занда сразу вызвала живой отклик, что не удивительно для страны, где запрещают даже такое ковыряние в носу, как подсчет евреев — сотрудников НКВД.

На удивление оперативно российскому читателю стала доступна успеш-

² «Израильские социологи, пройдя кампусы Европы и Америки, не только заразились духом “новой левой” доктрины, но и попали в идеологическую и финансовую зависимость от международных организаций» (*Энтштейн А.Д.* От прошлого — к настоящему: «постсионизм» как научный канон // Еврейское государство в начале XXI века. М.; Иерусалим, 2008. С. 321).

³ *Whitelam K. The Invention of Ancient Israel The Silencing of Palestinian History. London: Routledge, 1996; Kovel J. Overcoming Zionism: Creating a Single Democratic State in Israel/Palestine. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2007; Ben-Yabuda N. The Masada Myth: Collective Memory and Mythmaking in Israel. Madison: University of Wisconsin Press, 1995.*

шая статья классической критика Шломо Занда профессором Еврейского университета в Иерусалиме Исраэлем Барталем⁴. В арсенале методов высокоученого профессора — от обычного в таких случаях перевертывания цитат и манипуляции с фактами (в частности, он обвиняет Занда в замалчивании «важного и влиятельного сиониста», сторонника «диаспоральной национальности» Ахад-ха-Ама, сам в свою очередь «забывая» о том, что тот был ярким противником «политического сионизма» Т. Герцля, то есть, фактически, противником принципов построения современного государства Израиль, что никак не тянет на «официальную» историографию) и до отеческого похлопывания по плечу зарвавшегося коллеги, застывшего где-то «между Хобсбаумом, Андерсоном и Геллнером», упуская при этом из виду, что само государство Израиль вообще застыло на Пятикнижии.

При этом Бартадь не находит ничего нового в книге Занда, «ни одного факта или идеи, которые не были бы представлены много десятилетий назад». У критика происходит явная абберация сознания — сам того не замечая, он подтверждает большинство тезисов Шломо Занда. Чего только стоит заявление: «Ни один историк, исследующий еврейское национальное движение, не считал, что евреи — народ чистого этнобиологического происхождения. Никогда еврейский “национальный” историк не пытался скрыть общеизвестный исторический факт, что прозелитизм был значимым явлением в еврейской истории в древности и средневековье. Миф “изгнания” действительно существует в израильском обыденном сознании, но не в исторических трудах»⁵.

Однако откуда сей миф взялся

в «обыденном сознании», Бартадь либо не знает, либо не хочет знать. Ибо, как известно, историческая память в массовое сознание с небес никогда не падала, ни в доиндустриальную эпоху, ни тем более сейчас, в век всеобщего образования и глобального распространения СМИ. Концепции прошлого формировались тогда и формируются сейчас узким кругом облеченных доверием власти лиц с целью легитимации этой самой власти.

Вообще, создается впечатление, что привычка ставить методологию исторического исследования с ног на голову и путать причину со следствием — отличительная черта критиков Занда. В заключении Бартадь сокрушенно отмечает: «Нам, историкам-скептикам, закопавшимся в ветхих книгах и пыльных архивных папках, ничего не остается, как продолжать читать то, что действительно написано, и писать о том, что действительно прочитано», определяя, таким образом, в качестве задачи историка не выяснение истины и не реконструкцию объективной картины прошлого, а ретрансляцию того, что написано!

Отсюда и слепое следование письменным источникам (точнее, источнику), то есть Торе, которая для еврейского исторического познания служит одновременно и предметом исследования. Лишь традиционный «библейский нарратив» может служить «легитимным источником интерпретационных суждений»⁶. При таком подходе археологии, которая в исследовании истории других этносов древнего мира играет ключевую роль, здесь отводится чисто иллюстративная функция. Так, например, постулируется, что «при наличии двух одинаково вероятных объяснений той или иной археологической находки естественно отдать предпочтение такой интерпретации, которая соответствует Библии»⁷. Не-

⁴ *Исраэль Бартадь*. Изобретение изобретения. О книге Шломо Занда «Когда и как был изобретен еврейский народ?» // <http://booknik.ru/context/?id=32658&print=>

⁵ Ibid.

⁶ *Хазони Давид*. Память в руинах // Еврейское государство... С. 304.

⁷ Там же. С. 301.

удивительно, что при описанной «методологии» любые слова из Библии найдут свое подтверждение: была бы концепция, а факты подберем.

В качестве иллюстрации укоренения таких мифов в «обыденном сознании» может служить любопытная передача на израильском телевидении летом этого года, посвященная разбору книги Шломо Занда⁸. Не будем заострять внимание на том, что на Занда мгновенно были навешаны ярлыки: типичный израильский левак, получил образование на деньги коммунистов, — ну что хорошего можно от такого ждать? (попутно досталось и Э. Хобсбауму, того вообще фактически обозвали фашистом, — лихо выстроенная логическая цепочка — социалист-коммунист-сталинист-фашист — не может не вызвать недоумение у нормального зрителя). Отметим лишь тот факт, что ведущий передачи и эксперт-историк Еврейского университета всерьез утверждали, что цифры Иосифа Флавия относительно количества евреев абсолютно достоверны, ибо «он очевидец» и как можно с этим спорить?!

Именно развенчанию подобных мифов и посвящена книга Шломо Занда. Избавив себя от труда по перечислению результатов еврейского мифотворчества, «препарированного» Зандом, предоставим слово издателю книги — Александру Этерману. Итак, факты следующие:

«1. Древнейшая история евреев (примерно до X–IX веков до н.э.) — набор мифов. Она примерно в той же степени мифологична, что и, например, рассказы о Геракле и Троянской войне. За обеими сериями мифов, несомненно, стоят не прямые исторические и куль-

турные подоплеки, вот только реальной историей они (мифы) не являются.

2. Евреи — не раса, как любят нам рассказывать. Иными словами, они не имеют общего биологического происхождения (если не говорить, разумеется, о происхождении от общих предков всех нынешних Homo Sapiens, живших в Африке 100 тысяч лет назад или несколько позже, или, быть может, несколько более поздних общих предков всех ближневосточных этносов). Их объединяет не общее происхождение от жившего 3–4 тысячи лет назад мифического Авраама, а различные культурные, религиозные и иные признаки. Вещь обычная...

3. Евреи — не изгнанники, живущие в чужих странах вне истории. Никто не изгонял их из Палестины. Следовательно, еврейское рассеяние некорректно называть изгнанием. Этот термин имеет другое изначальное значение и относится к другому историческому периоду — к эпохе гибели израильской и иудейской монархий. Затем он приобрел теологический смысл. Еврейская диаспора последних двадцати веков имеет совершенно иную природу. Рассказ о народе, в течение тысячелетий чудесным образом существующем вне родины и нигде не пускающем корней, — миф.

4. Нынешние евреи — в основном (добавлю от себя — намного более чем на 80%, даже если считать только от 200 года до н.э.) потомки прозелитов. Вообще, уже в древности мировая иудейская диаспора состояла большей частью из прозелитов. С тех пор ситуация, по определению, измениться не могла»⁹.

Размотаем клубочек.

Ответ на вопросы «Зачем же понадобилось еврейской историографии выводить “единый” уникальный еврейский этнос на земле Обетованной из бронзового века, насильно изгонять его после разрушения Первого (VI в.

⁸ Кто и как изобрел еврейский народ. Часть 1 // http://www.youtube.com/watch?v=-BbEiH4x_bkU; Кто и как изобрел еврейский народ. Часть 2 // <http://www.youtube.com/watch?v=6cr8YVDr-Iw&feature=related>; Кто и как изобрел еврейский народ. Часть 3 // <http://www.youtube.com/watch?v=uF5Vb9EvZrA>

⁹ Этерман А. Исполняю старое обещание: Занд о еврейском народе // <http://eterman.livejournal.com/33136.html>

до н.э) и Второго (70 г. н.э.) храмов, ставить знак равенства между народом и религией (еврей=иудей), отмечая малейшие намеки на смешивание евреев с окружавшими их племенами, этносами и народностями — финикийцами, арабами, самаритянами», а также «чему мог послужить сконструированный этнически и религиозно чистый народ» — очевиден. Легитимации права евреев, сохранивших свою этничность и религию в диаспоре, на Эрец-Исраэль, несправедливо утерянный, но тем не менее не забытый.

Созидание еврейской коллективной памяти, как отмечает Занд, началось почти в то же время, что и европейское национальное возрождение, и связано с трудами историков Генриха Греца, Моше Гесса, Семена Дубнова: «...эти завалы памяти возникли не сами собой. Они накапливались слой за слоем, начиная со второй половины XIX века, благодаря деятельности талантливых исторических “реставраторов”, манипулировавших в основном осколками иудейской и христианской религиозной памяти и вылепивших из них при помощи богатого воображения непрерывную родословную “еврейского народа”» (с. 59). Это они заложили базу для еврейского национального движения, для сионизма. В XX в. благодаря историкам-сионистам (Сало Барон, Ицхак Баер, Бенцион Динур) национальный миф значительно развился и практически приобрел ту привычную этнонациональную форму, которая жива и по сей день: для придания своей национальной концепции сколько-то конкретного характера «сионистским интеллектуалам... пришлось призвать на помощь этнорелигиозную и этнобиологическую идентичности» (с. 444), а «Библии была отведена ключевая роль национальной коллективной «памяти» (с. 445).

Таким образом, сионизм постулировал основные составляющие национального мифа: возникновение мощного еврейского государства (при Давиде и Соломоне); этническую не-

прерывность, этническую чистоту на всем протяжении еврейской истории; принадлежность к иудаизму — насильственное изгнание — диаспору — возвращение — новое государство, построенное на тех же религиозно-этнических принципах (еврейство и иудаизм граждан). «С самого начала своего пути сионизм был этноцентрическим национальным движением, жестоко определившим выдуманный им “исторический народ” и отвергавшим добровольное присоединение к нему на гражданской основе» (с. 446). Именно в этом таятся, по совершенно справедливому мнению Занда, корни современного арабо-израильского конфликта. Ибо сам этнонациональный характер еврейского государства уже исключает всякую возможность стать гражданином государства Израиль для любого нееврея, для любого, кто не исповедует иудаизм.

Но при всей силе и бесспорности работы Занда в части срывания покровов, то есть мифов и идеологем израильской историографии, критики быстро и уверенно нашли в ней слабые места, на которых с энтузиазмом и сосредоточились, обходя стороной вопросы о показанных Зандом методах насаждения национальной идентичности. Эти места практически полностью сосредоточены в сюжетах, относящихся к этнической истории. И дело не столько в неизбежных для любой обобщающей работы неточностях типа утверждения, что хазары «при переходе к оседлому образу жизни... смешались со скифами» (с. 381), которые в реальности перестали существовать за несколько столетий до появления в Северном Причерноморье хазар, или что арабский дипломат и писатель Ибн Фадлан по пути к волжским булгарам «пересек Хазарию и оставил после себя множество ценных наблюдений» (с. 383), хотя маршрут его миссии специально шел в обход хазар, находившихся в далеко не дружественных отношениях с

булгарами, и весь фрагмент о хазарах в сочинении Ибн Фадлана заимствован из трудов других арабских авторов.

Хазария занимает столь солидное место в книге (с. 375–419), потому что из нее вслед за Артуром Кестлером¹⁰ Занд выводит весьма многочисленное еврейство Восточной Европы, считая, что к древним обитателям Ближнего Востока ашкеназим отношения не имеют. Занд обращает внимание на тот факт, что с 1951 г. на иврите не была издана ни одна монография о хазарах, и считает «столь длительное замалчивание» неслучайным, имеющим идеолого-политическое объяснение: «Опасение, что легитимность сионистского проекта может серьезно пострадать в случае, если еврейские поселенцы окажутся не исконными “сынами Израиля”, а потомками хазар, сопровождалось и более глобальным страхом: делегитимация могла затронуть само право государства Израиль на существование!» (с. 414–415). Действительно, израильская наука второй половины XX в. внесла значительно меньший вклад в хазароведение, чем советская и западная, и помимо отсутствия доступа к источникам и сильной тюркологической школы, влияние на это вполне могло оказать изменение политического климата, углубление арабо-израильского конфликта, приведшее к усилению этнизации, формированию четких и незыблемых идеологических границ в национальной идентификации. Но даже если подобные опасения и бытуют в кабинетах израильских сурковых, из этого не следует, что ашкеназим на самом деле полностью или частично произошли от хазар.

Ни письменные источники, ни археологические данные не подтверждают, что иудаизм получил широкое распространение в Хазарии, за исключением правящей верхушки этой далеко не са-

мой многонаселенной степной страны. Более того, в степной и лесостепной части Хазарии, то есть там, где обитали собственно хазары, а не малочисленные еврейские общины, жившие замкнуто на территории современного Дагестана и Крыма задолго до завоевания хазарами этих земель, археологических свидетельств иудаизма вообще пока не обнаружено¹¹. Исторических свидетельств, живописующих массовую еврейскую миграцию из Западной Германии в Восточную Европу, не существует, однако известно, что имел место процесс активной германской (а не хазарской) колонизации «восточных земель» в XIV–XV вв. (и Занд упоминает об этом), а до этого, в XII–XIII вв., в Германии имели место гонения на евреев, которые бежали на восток. Языком ашкеназим стал диалект немецкого, а не один из тюркских языков. Встречающиеся в идиш тюркские заимствования происходят из контактов с населением Золотой Орды и ее осколков, игравшим огромную роль в восточноевропейской торговле на протяжении XIII–XVI вв. Очень сомнительно, что основу еврейства, например, Польши, первое упоминание о котором в польском источнике относится к 1150 г.¹², могли составлять эмигранты из государства, которое перестало существовать в конце X в. и где иудейские общины были так малочисленны, что артефакты иудеев-хазар не найдены до сих пор. Но именно на хазарах, а также иудейском царстве Химьяр в Аравии IV–VI вв. и берберской царице-иудейке Дахии аль-Кахине (VII в.) строится концепция Занда о том, что современные евреи — это потомки прозелитов различного происхождения, ничем не связанные с древ-

¹¹ Флеров В.С., Флерова В.Е. Иудаизм в степной и лесостепной Хазарии: проблема идентификации археологических источников // Хазары. Евреи и славяне. Т. 16. М.; Иерусалим, 2005. С. 185–206.

¹² Польша // Краткая еврейская энциклопедия. Т. 6. Кол. 619–620.

¹⁰ Кестлер А. Тринадцатое колено. Крушение империи хазар и ее наследие. СПб.: Евразия, 2001.

ним Израилем и между собой, кроме религии. Если так, то сионизм как идея о возвращении на родную землю после вынужденного изгнания не имеет исторической почвы: о каком праве на Эрец-Исраэль может идти речь, если абсолютное большинство современных евреев — это потомки хазар, арабов, берберов?

Но почва эта выбита уже тем фактом, что никто евреев две тысячи лет назад из Палестины не изгонял. Почему же для Занда настолько важна хазарская гипотеза? Ведь из факта существования этнического ядра нации совершенно не следует права этой нации на изгнание иноэтничного населения и введение расистских законов, против которых борются постсионисты. Почему, помимо очевидного факта, что современные евреи, как и любой другой народ мира, не имеют «единого биологического происхождения» (с. 18), автор посвящает свою книгу попытке доказать, что евреи вообще не являются народом? К идейному арсеналу постсионистов этот тезис ничего не добавляет, зато прямо следует из принципов социального конструктивизма, которых придерживается Занд, когда пишет, что «в своем современном значении слово “народ” относится к человеческому коллективу, проживающему на конкретной территории, где развивается общая для всего этого коллектива живая повседневная культура — от языка до жизненных обычаев и привычек. Поэтому мы называем сегодня народами французов, итальянцев, вьетнамцев или русских, но не можем говорить о еврейском или христианском народе» (с. 24). При этом «сионистский колонизационный процесс создал на Ближнем Востоке два новых народа: палестинский и израильский» (там же). И если второй тезис не вызывает сомнений — процессы палестинского и израильского национализма очевидны, то идея о евреях как общности исключительно религиозной вызывает сомнения.

Государство Израиль — на данный момент единственная в мире страна победившего этнонационализма. Религия играет в идеологии ее большую роль, но только потому, что это этническая религия. Причем чем дальше, тем более этническим становится этот национализм. 10 октября сего года, например, правительство Израиля приняло поправку, согласно которой все желающие натурализоваться неевреи обязаны приносить присягу не просто государству Израиль, как раньше, а государству Израиль как еврейскому и демократическому. Для прибывающих евреев, имеющих право на гражданство по Закону о возвращении, такая присяга не нужна. Пока. Но Закон о возвращении на протяжении своего существования с 1950 г. претерпел не одно изменение. И кто знает, какие еще требования прибавятся к дефиниции «еврея», как того, кто «родился от еврейской матери или перешел в еврейство и не принадлежит к другой религии». Например, «партия ШАС сообщила, что разрабатывает новый законопроект, связанный с гражданством. Согласно новой инициативе, лицо, признанное виновным в нелояльности к государству, будет лишено гражданства»¹³. Можно лишь только догадываться, что будет подразумеваться под понятием *лояльность* в стране, стремящейся к этнически чистому государству, при том, что 25% населения евреями не являются. Вероятно, речь о тех гражданах, которые нелояльны именно к еврейской сущности государства Израиль.

Такая политика невозможна, если не основана на традиционной, в данном случае религиозной, культуре — ведь нельзя мгновенно убедить несколько миллионов человек в исключительной важности этнической принадлежности матери претендента на гражданство.

¹³ ШАС готовит новый закон: лишение гражданства за нелояльность // <http://www.newsru.co.il/israel/10oct2010/ishai8005.html>

И действительно, это галахическое¹⁴ определение, зафиксированное еще в Мишне (между 70–200 гг. н.э.). И специфическое понятие нееврея, равно как и поведение по отношению к этой категории, четко регламентировано в Галахе еще в средние века¹⁵. Именно эти традиционные установки являются базой для формирования у евреев всего мира представлений об общности происхождения. Иудаизм был для евреев не только основой высокой культуры и частью культуры народной, как мировые религии, а как языческие культы являлся оболочкой, в которой на протяжении многих веков развивалась вся духовная культура и сохранялась этническая идентичность. Собственно, сохранение этой идентичности и было главной целью иудаизма в долгий период между древней Иудеей, сохранявшей автономию до 70 г. н.э., и созданием государства Израиль.

Яркая иллюстрация этой функции — отсутствие исторических хроник и вообще интереса к постбиблейской истории в средневековой еврейской литературе при тщательном сохранении Писания, вокруг толкования которого и шла вся интеллектуальная жизнь средневекового еврейства¹⁶. И действительно, зачем фиксировать и изучать ничем не примечательные события между славным библейским прошлым и мессианским будущим?

Евреи принадлежат к нескольким

антропологическим типам (при этом большинство ашкеназим принадлежат к арменоидному), но из этого не следует, что они не являются народом. Абсолютное большинство современных европейских этносов состоит из того же или большего числа типов. Занд упоминает критерий единой повседневной культуры, но она даже сейчас имеет существенные региональные различия у итальянцев, испанцев, французов и других народов, чье существование исследователь не оспаривает. Кстати, понятием «этнос» Занд предпочитает не пользоваться «из-за неприятного биологического отголоска», а народ он определяет как «социальную группу, живущую на четко определенной территории и обладающую морфологическими характеристиками, очерчивающими общие культурные нормы и практики нерелигиозного характера (схожие диалекты, кулинарные обычаи, предметы одежды, популярные мелодии и т.д.)» (с. 80). Здесь интересно, что автор среди признаков народа не указывает ни представления об общности происхождения, ни самосознание. Для автора это категории, не имеющие значения, потому как «в досовременных письменных источниках... именование “народ” присваивалось группам людей, обладавших самыми различными характеристиками. Иногда это были могущественные племена, иногда — общества, жившие под властью мелких царьков или князей... религиозные общины или нечто совсем иное — низшие социальные слои, не принадлежавшие к политическим или культурным элитам» (с. 75). Тот современный народ, которым не считает евреев Занд, — это, видимо, нация. При характеристике понятия «нация» Занд использует теоретические разработки Б. Андерсона и Э. Геллнера, выделяя в качестве признаков нации гомогенную массовую культуру, сформированную системой всеобщего образования, концепцию гражданского равенства внутри сообщества (нации),

¹⁴ Галаха — нормативная часть иудаизма, регламентирующая религиозную, семейную и гражданскую жизнь евреев // Краткая еврейская энциклопедия. Т. 2. Кол. 7.

¹⁵ Этерман А. Еврейские галахические источники об отношении к неевреям // *Alexander Eterman. Essays* / <https://sites.google.com/site/alexanderefterman/essays—gentiles-in-halacha>

¹⁶ Ньюснер Дж. Почему в раввинистическом иудаизме нет истории? // История и коллективная память: Сборник статей по еврейской историографии. М.; Иерусалим, 2008. С. 78–91.

культурно-языковую связь, осознание причастности к нации, общую территорию и экономическую деятельность (с. 94). Естественно, нация возможна только в Новое время, с его индустриальным обществом и капиталистическими отношениями.

Из этих положений очевидно, что более-менее четкие границы имеют в представлении как Занда, так и теоретиков социального конструктивизма, на которых он опирается, только два вида «народа»: племена, спаянные родовым строем, и капиталистические нации. Таким образом, огромный период между становлением ранних государств и появлением массового образования и культуры из истории народов исчезает, будто в государствах доиндустриальной эпохи с ослаблением родовых связей люди временно забыли мифы об общем происхождении (мифы для социальных конструктивистов особого значения не имеют), исчезло языковое единство, общая территория и культурные нормы, и место народов-племен заняли народы — «религиозные общности». Правда, потом нации создаются на базе тех же древних мифов, что и племена, — или памяти об этих мифах.

Действительно, если следовать этим положениям, евреи — это не народ. Но совершенно очевидно, что это и не религиозная общность, подобная христианам. Для того чтобы понять феномен еврейской общности, к помощи западной социальной антропологии прибегать не стоит. Ответ на этот вопрос, как нам представляется, можно отыскать в преждевременно сданных в архив работах классиков советской этнографии. Несколько странно, что ведущие антропологи Европы и Америки из советских исследователей взяли на вооружение только работы И.В. Сталина¹⁷. Ведь в

советской науке было еще много интересного и полезного. Например, понятие «народность» — стадия развития этноса между племенем (условно) и нацией, общность, которая складывалась в раннеклассовых государствах на базе группы родственных племен и отличалась формированием единой духовной культуры элиты, в том числе литературного языка, в определенных территориально-политических рамках, увеличением информационных связей и более высокой культурной однородностью в целом¹⁸. Утрата государственности нередко, но не всегда приводила к распаду народности. Например, древнерусская народность распалась далеко не сразу после монголо-татарского нашествия, лишь после включения южно- и западнорусских земель в состав Великого княжества Литовского. Еврейской народности удалось выжить в законсервированном состоянии в течение двух тысячелетий, пополняясь новыми источниками, но сохранив этнокультурную основу. На ее базе формируется сейчас израильская нация.

Но нация — это, безусловно, вопрос самосознания. Взять хотя бы нынешнюю Всероссийскую перепись, по которой можно записаться хоть советским, хоть югославом, хоть эльфом. И поэтому современная израильская нация сегодня стоит на распутье — либо она закончит свои дни в рамках страны «победившего иудаизма», где в XXI веке до сих пор действуют средневековые нормы, либо признает свое существование именно в качестве израильской, а не еврейской нации, открывает двери и позволит каждому человеку самостоятельно разбираться со своей идентичностью.

**Елена ГАЛКИНА,
Юлия КОЛИНЕНКО**

¹⁷ См., напр., оксфордскую хрестоматию: Nationalism / Ed. by J. Hutchinson and A.D. Smith. Oxford: Oxford University Press, 1994. P. 18–21.

¹⁸ Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М.: УРСС, 2008. С. 286.

АВТОРЫ НОМЕРА

Барсуков Александр Михайлович
(р. 1985), аспирант и ассистент кафедры политических наук Кемеровского государственного университета.

Беляков Сергей Станиславович
(р. 1976), историк, литературный критик, кандидат исторических наук, заместитель главного редактора журнала «Урал», автор монографии «Усташи: между фашизмом и этническим национализмом» (2009) и многих статей в научных и литературных журналах.

Васильев Игорь Юрьевич
(р. 1979), историк, публицист, кандидат исторических наук, автор монографии «Украинское национальное движение и украинизация на Кубани в 1917–1932 гг.» (2010).

Вдовин Александр Иванович
(р. 1941), доктор исторических наук, профессор МГУ, автор более 170 опубликованных работ, в т.ч. монографии «Русские в XX веке» (2004) и учебного пособия «История России. 1917–2009» (2010) (в соавторстве с А.С. Барсенковым). Член Союза писателей России.

Гегальчий Александр Викторович
(р. 1949), предприниматель, общественный деятель, попечитель Международного фонда «Русская премия», живет в Праге (Чехия).

Горянин Александр Борисович
(р. 1941), писатель, публицист, политолог. Автор книг: «Разрушение храма Христа Спасителя» (Лондон, 1988; под псевдонимом), «Мифы о России и дух нации» (2002), «Традиции свободы и собственности в Рос-

сии» (2007), «Оптимистическое русскоеведение» (2008), «Преображение России» (2008). Соавтор учебника «Отечественноеведение» (2004).

Илляр Пьер
(р. 1954), профессор международных отношений Высшей школы внешней торговли (ESCE), доктор политических наук (Париж, Франция).

Кильдюшов Олег Васильевич
(р. 1972), философ, социолог, переводчик, публицист, ведущий аналитик издательской и консалтинговой группы «Праксис», обозреватель журнала «Сократ».

Ковалев Виктор Антонович
(р. 1965), философ, социолог, политолог. Доктор политических наук. Профессор кафедры политической теории и политического управления Сыктывкарского государственного университета. Автор более полутора сотен научных и публицистических работ (в т.ч. трех монографий) по социально-политическим проблемам современной России.

Коцюбинский Даниил Александрович
(р. 1965), историк, журналист, кандидат исторических наук, автор монографии «Русский национализм в начале XX столетия» (2001) и ряда книг по истории и культуре Санкт-Петербурга, преподаватель Смольного института свободных наук и искусств (Санкт-Петербург).

Неменский Олег Борисович
(р. 1979), историк, политолог, научный сотрудник Института славяноведения РАН, автор работ по истории

этнического и исторического самосознания православных и униатских жителей Западной Руси в XVI–XVII вв., а также по истории становления национальных проектов у славянских народов в XIX–XX вв.

Паршин Алексей Николаевич

(р. 1942), математик, философ, член-корреспондент РАН, автор книги «Путь. Математика и другие миры» (2002).

Пузырев Константин Сергеевич

(р. 1977), соискатель кафедры политических наук Кемеровского государственного университета.

Святенков Павел Вячеславович

(р. 1975), политолог, публицист, автор книги «Машина порядка» (2008).

Севастьянов Александр Никитич

(р. 1954), политический публицист, кандидат филологических наук, автор книг «Национал-капитализм» (1995), «Национал-демократия» (1996), «Время быть русским!» (2006), «Диктатура интеллигенции против утопии среднего класса» (2009) и др.

Сергеев Сергей Михайлович

(р. 1968), историк, публицист, кандидат исторических наук, научный редактор журнала «Вопросы национализма», автор книги «Пришествие нации?» (2010).

Храмов Александр Валерьевич

(р. 1989), публицист, автор ряда статей, размещенных на российских интернет-сайтах (АПН.ру, Русский журнал, Портал-Кредо.ру и др.).

ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Тема номера:

«Опоздавшие нации»: мифы и реальность

- Существует ли сегодня русская нация?
- РФ как антинациональное государство
- Концепт «опоздавшей нации» в немецкой мысли и политике
- Чешское национальное возрождение конца XIX – начала XX в.
- Турция: от империи — к национальному государству
- Как возможна суданская нация?

А также:

- Национализм в лицах: Патрик Бьюкенен и Павел Ковалевский
- «Слово нации» — первый манифест русского национализма в СССР
- К вопросу о «русском характере»

SUMMARY

The fourth volume of «Issues of nationalism» begins with the set of noted Russian historians' and the public figures' opinions devoted to so-called «new case of historians», to prosecution of Russia's XX century history textbook authors by liberal journalists and ethnic mafias for a «politically incorrect» treatment of some sensitive points of the Soviet past.

The general theme of the volume is federalism and regionalism. The first block of the articles on the issue is devoted to the Russian experience. Publicists Pavel Svjatenkov and Alexander Hramov, historian Alexander Vdovin, philosopher Victor Kovalev discuss the past, the present and the future of domestic federalism. They pay main attention to assymetric property of federalism in comparison with Russian regions and ethnic autonomies.

The same theme is investigated on an example of the European experience in the second block of «Issues of nationalism». Historian Oleg Nemensky and political scientist Pierre Illjar are concern European regionalization, historian Alexander Barsukov writes about Flemish nationalism, historian Konstantin Puzyrev talks about the Corsican separatism, public activist Alexander Gegalchy reflects on Rusyns's problem.

The literary critic and historian Sergey Beljakov analyzes in the section «Literature and life» modern writer Herman Sadulaev's works and reveals Chechen imperial nationalist ideology.

Historian Alexander Gorjanin continues the cycle of articles about democratic traditions of Russian past.

Historian Igor Vasilev considers the issue of the Soviet protectionist policy in respect of ethnic minorities on Kuban in 1920–1930 th

Mathematician and philosopher Alexey Parshin remarks on Valery Solovey much-talked-of book «Blood and soil of Russian history» is published in the section «Polemic» as well as historian Daniel Kotsjubinsky's notes on the theme of Russian nationalists ambiguity in perception of Russian people in the beginning of the last century.

The philosopher and sociologist Oleg Kildjushov reflects on a phenomenon of modern russophobia in the post-Soviet states and in Russia.

Political publicist Alexander Sevastyanov polimizes on the issue with authors of new books devoted to the important theoretical problems of nationalism.

Historian Sergey Sergeev argues with Alexander Sevastyanov and other his opponents on actual problems of Russian historiography.

One can find reviews on new books in the section «Criticism and the bibliography».

Журнал выходит 4 раза в год.

Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77 – 37202 от 13 авг. 2009 г.

За достоверность публикуемых материалов несут ответственность их авторы.
Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Подписано в печать 15.11.2010.

Формат 70x108 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная. Тираж 1000 экз.

Адрес редакции: Москва, 119017, ул. Пятницкая, д. 37. Телефоны: 651-84-29
8-964-551-49-52 (К. Крылов) kkrylov@mail.ru
8-916-950-61-43 (С. Сергеев) ssmsl@yandex.ru

Отдел распространения: lasido@mail.ru

Адрес для писем: 115142, Москва, а/я № 1, Севастьянову А.Н.